А
3-26

В. В. Замкова

Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в.

РЯ - иб. 1 эк. 1 ябтс

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

70374

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

В. В. ЗАМКОВА

Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1975

Ответственный редактор
Ю. С. Сорокин

4
3-26
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
70374
20

З $\frac{70102\text{-}542}{042\ (02)\text{-}75}$ 330-75

© Издательство «Наука» 1975

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Вопрос о соотношении церковнославянской и русской стихий в письменном языке был актуален для русского литературного языка на всем протяжении его истории. Особенное значение он приобрел в период сложения национального русского литературного языка, когда русская стихия была осознана как ведущая, лежащая в основе складывающегося национального литературного языка.

Процесс развития русского литературного языка тесно связан с социальными условиями общественного развития и обусловлен ими. Складывание русской народности в нацию, рост национального самосознания привели в конце XVII—начале XVIII в. к осознанию кризиса старой средневековой языковой системы. Существование двух типов литературного языка — церковнокнижного (или книжно-славянского) и народно-литературного[1]— не могло более удовлетворять потребности общенационального языкового выражения. Новый этап развития русского литературного языка как языка общенационального обозначился с середины XVIII в., когда происходит интенсивное слияние различных языковых стихий в единый русский литературный язык.

Уже упоминалось, какую важную роль играл церковнославянский язык для русской письменности эпохи средневековья. В середине XVIII в. этот язык также занимает известное место в нашей письменности, однако он уже не имел того самостоятельного значения, которое было для него характерно в предшествующую пору. В связи с развитием светской письменности его сфера сузилась, употребление ограничивалось областью конфессиональной литературы.

Однако его контакт с русским литературным языком не прекратился. Вопрос о взаимодействии русского и церковнославянского языка и теоретически и практически стоял на всем протяжении XVIII в.

§ 2. Изучение лексики русского языка середины XVIII в. чрезвычайно важно для истории формирования и развития рус-

[1] См. книги В. В. Виноградова «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» (М., 1938) и А. И. Горшкова «История русского литературного языка» (М., 1969).

ского литературного языка. Именно для этого периода характерно складывание норм языка в области лексики и стилистики.

В середине XVIII в. происходит интенсивное слияние различных языковых стихий в единый русский литературный язык, слияние элементов старого книжного языка с элементами народно-разговорными и официально-деловыми, происходит формирование новых языковых стилей.

В это же время усиленно развивается новая светская литература, художественная и научная, в которой находят отражение указанные выше явления. Наиболее существенным был тогда вопрос о составе лексики русского литературного языка. В то время как грамматические нормы в основном уже сложились к середине XVIII в., нормы лексические были гораздо менее определенны, остро стоял вопрос о степени включения в русский литературный язык иноязычных заимствований, народно-разговорных слов и, наконец, слов старого книжного языка, т. е. славянизмов.

§ 3. Осознание церковнославянского и русского как двух разных, но близких друг другу языков наложило отпечаток на теоретические построения и языковую практику передовых представителей русской филологической науки и литературы.

Такими писателями и филологами в середине XVIII в. были Тредиаковский, Ломоносов и Сумароков, вклад которых в теорию языка и литературы был не менее существен, чем их литературная, писательская деятельность. Справедливо утверждение Г. А. Гуковского о том, что «не было другого периода в новой русской литературе, когда поэт и теоретик, писатель и ученый-литературовед, художник и учитель литературы так необходимо и прочно сливались бы вместе — в облике всех деятелей, определявших развитие литературы. . . В это время писатель непременно занимался не только творчеством, но и пояснением принципов своего творчества, научным обобщением его. . . Поэты-теоретики первой половины XVIII столетия непременно были в то же время и филологами, грамматиками, исследователями русского языка и его кодификаторами».[2]

Тредиаковский, Ломоносов и Сумароков отчетливо различали в письменной традиции два языка — русский и церковнославянский — и стремились к утверждению, совершенствованию и возвеличиванию «собственного и природного», т. е. русского языка в его составе и структуре.

Показательно стремление Тредиаковского в «Езде в остров любви» (1730) писать «простым русским словом, то есть каковым мы меж собою говорим, нашего природнаго языка». Несколько позднее Ломоносов выражает ту же мысль в «Письме о правилах российского стихотворства» (1739), предлагая употреблять «соб-

---

[2] Г. А. Гуковский. Русская литературно-критическая мысль в 1730—1750-е годы. — XVIII век, V. М.—Л., 1962, с. 101—102.

ственное и природное», обогащая язык лишь тем, в чем он нуждается, а потому «из других языков ничего неугодного не ввести, а хорошего не оставить».

Самый младший их современник Сумароков присоединяется к утверждению Ломоносова и Тредиаковского о приоритете русского языка для новых форм литературного выражения. В статье «О стихотворстве камчадалов» он формулирует эту мысль следующим образом: «Природное изъяснение из всех есть лучшее». В русском языке они находили все необходимые качества для успешного его развития и совершенствования. Особенно отчетливо выразил мысль о высшем достоинстве русского языка Ломоносов, когда в посвящении к «Риторике» 1748 г. писал: «Язык, которым Российская держава великой части света повелевает по ее могуществу, имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает». Истоки этого языкового богатства Ломоносов видит в его истории. «Красота, великолепие, сила и богатство российского языка явствует довольно из книг, в прошлые века писанных», — заявляет он в статье «О нынешнем состоянии словесных наук в России». Заботясь об обогащении и «умножении» русского языка, передовые деятели русской литературы обращались к различным языковым источникам. Одним из таких источников служил старый книжный язык на церковнославянской основе. Близость церковнославянского и русского языков создавала базу для их контактов. Контакты эти к середине XVIII в. касались главным образом лексического состава и словообразовательных возможностей, грамматический же строй русского литературного языка ко второй трети XVIII в. уже окончательно сформировался, что нашло свое отражение в кодификации его в «Российской грамматике» Ломоносова. Поэтому рассуждения Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова о «славенском» в языке имеют в виду его лексический состав и семантическую наполненность.

По поводу «славенского» элемента в языке все трое высказывались неоднократно, но книжно-славянская традиция в их практической деятельности проявлялась по-разному.

Наименее последователен в этом вопросе был Тредиаковский, который был не только неутомимый труженик в области литературы, но и постоянный экспериментатор в области языка. В 30-х годах он начал свою деятельность с отрицания старого книжного языка, противопоставляя ему языковую практику высших слоев общества: «Украсит оной язык в нас двор ея величества в слове наиучтивейший и богатством наивеликолепнейший».[3]

В предисловии к своему переводу книги Поля Тальмана «Езда в остров любви» (1730) он теоретически обосновал необходимость перевода этой книги именно на русский язык, объясняя это следующими причинами: «Первая: язык славенский у нас есть цер-

[3] В. К. Тредиаковский. Речь. СПб., 1735, с. 8.

ковный, а сия книга мирская. Другая: язык славенской в нынешнем веке у нас очюнь темен, и многим его наши читая неразумеют. . . Третия: . . .язык славенской ныне жесток моим ушам слышится, хотя прежде не только я им писывал, но и разговаривал со всеми».

Следовательно, Тредиаковский исходит, во-первых, из жанра произведения, во-вторых, из доступности для широкого читателя и, наконец, в-третьих, выдвигает эстетический критерий. Еще в 40-х годах Тредиаковский занимал ту же позицию по отношению к «славянщизне». В «Известии» (т. е. предисловии) ненапечатанного «Слова о терпении и нетерпеливости» (1744) Тредиаковский предлагает высокую ораторскую прозу излагать не книжно-славянским, а простым русским языком: «Предлагается здесь следующее слово, для сего, дабы самым делом показать, что истинное витийство может состоять одним нашим употребительным языком, не употребляя мнимо высокого славянского сочинения».[4]

В своей теоретической и практической деятельности Тредиаковский ориентировался до 50-х годов на языковое «употребление». С начала же 50-х годов он резко меняет свою позицию, перейдя от употребления простого русского слова к «глубокомысленныя славянщизны». В критической статье о Сумарокове «Письмо, в котором содержутся рассуждения о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол» (1750) Тредиаковский обвиняет Сумарокова в незнании славянского языка и утверждает, что «толикие недостатки, и толь многие как в речах порознь, так и вообще в сочинении проистекают из первого и главнейшего источника, именнож, что не имел в малолетстве своем автор довольного чтения наших церьковных книг, и потому нет у него ни обилия избранных слов, ни навыка к правильному составу речей между собою».[5] В это же время Тредиаковский архаизирует язык и своих собственных произведений, например, перепечатывая в 1752 г. «Речь к членам Российского собрания», написанную в 1735 г., он подвергает ее систематической переработке в сторону славянизации языка. Наконец, в 60-е годы Тредиаковский пытается соединить в составе одного целого славянские слова и низкие, простонародные, как например в «Тилемахиде».

Сумароков не получил того основательного знания старорусской и церковнославянской письменности, которым обладали выученики Славяно-греко-латинской академии Тредиаковский и Ломоносов, неоднократно упрекавшие Сумарокова в незнании книг церковных, в неправильном употреблении церковнославян-

---

[4] Цит. по: П. Пекарский. История Академии наук, т. II. СПб., 1873, с. 109, примеч. («Слово» Тредиаковского напечатано только здесь).

[5] Цит. по: П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, с. 45 (неопубликованное «Письмо»).

ских слов и форм. К проблеме обогащения русского языка за счет славянского Сумароков подходил более поверхностно, чем Тредиаковский и Ломоносов. Он предлагал употреблять из старых слов лишь те, которые закрепились в современном ему употреблении: «Имеем сверьх того духовных много книг: Кто винен в том, что ты Псалтыри не постиг, И бегучи по ней, как в быстром море судно, С конца в конец раз сто промчался безрассудно. Коль, Аще, Точию, обычай истребил: Кто нудит, чтоб ты их опять в язык вводил? А что из старины поныне неотменно, То, может быть тобой повсюду положенно».[6]

Позиция Ломоносова в отношении славянизмов и их места в русском языке была более определенна и последовательна как в теоретическом, так и в практическом отношениях. Он всегда проявлял умеренность в их употреблении — в том смысле, что не рекомендовал пользоваться устарелой и поэтому непонятной церковнославянской лексикой.

В «Кратком руководстве к риторике» (1744), говоря о стиле в духовном слове, Ломоносов рекомендует: «. . . проповеднику стараться должно, чтобы при важности и великолепии своем слово было каждому понятно и вразумительно. И для того надлежит убегать старых и неупотребительных славенских речений, которых народ не разумеет, но притом не оставлять оных, которые хотя в простых разговорах неупотребительны, однако знаменование их народу известно».

Ломоносов подходил к вопросу о включении славянской лексики в русский литературный язык с точки зрения истории языка и современного его состояния, подчеркивая преемственность современного языка от древнероссийского: «Видим, что российский язык от владения Владимирова до нынешнего веку, больше семисот лет, не столько отменяно, чтобы старого разуметь не можно было»,[7] — пишет он. Ломоносов видит несомненную пользу от языка славенского, рекомендуя читать церковные книги; он видит в них не только источник обогащения русского языка, но и средство сохранить его чистоту, уберечь от засорения его иноязычными заимствованиями: «Рассудив таковую пользу от книг церковных славенских в российском языке, всем любителям российского слова беспристрастно объявлял и дружелюбно советую, уверясь собственным своим искусством, дабы с прилежанием читали все церковные книги, от чего к общей и собственной пользе воспоследует: 1) По важности освященного места церкви божией и для древности чувствуем в себе к славенскому языку некоторое особливое почтение, чем великолепныя сочинитель мысли сугубо возвысит. 2) Будет всяк уметь разбирать высокие слова от подлых и употреблять их в приличных местах по достоинству предпо-

---

[6] А. П. Сумароков, Собр. соч., ч. I, 1787, с. 335, Эпистола о русском языке.

[7] М. В. Ломоносов, ПСС, т. VII, М.—Л., 1952, с. 590.

лагаемой материи, наблюдая равность слога. 3) Таким старательным и осторожным употреблением сродного нам славенского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков. . . Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют».[8]

§ 4. Важное значение к середине XVIII в. приобретает художественная литература, которая, стремительно развиваясь, оказывала все большее воздействие на русский литературный язык.

Господствующим литературным течением в 50—70-е годы XVIII в. был русский классицизм, истоки которого можно проследить еще в творчестве А. Кантемира и традиции которого продолжались до конца века, несмотря на то что он уже не был ведущим, а сосуществовал с другими литературными направлениями. Заслугой классицизма с его строгой регламентацией в области литературных жанров и языка было создание теории языковых стилей.

Творцом этой теории, гениально разрешившим вопрос о месте славянизма в разных стилях, являлся Ломоносов.

Создание высокого слога на русской основе с использованием лексических и словообразовательных элементов церковнославянского языка — несомненная заслуга русского классицизма и в особенности его самого выдающегося представителя, писателя и теоретика, преобразователя и кодификатора, Ломоносова.

С именем Ломоносова его непосредственные продолжатели и позднейшие писатели и исследователи языка и литературы связывали очередной этап развития русского литературного языка и языка новой русской литературы.[9]

Ломоносовская теория трех штилей отводила славянизмам большое место в русском языке. В «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» Ломоносов выделяет славенские речения, «кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например, *отверзаю*, *господень*, *насажденный*, *взывая*. Неупотребительные и весьма обветшалые отсюда выключаются, как: *обаваю*, *рясны*, *овогда*, *свене* и сим подобные».[10] Этого рода речения, по его мнению, уместны наравне со славянороссийскими в высоком штиле, которым «составляться должны героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных».[11] Говоря о «ре-

---

[8] Там же, с. 590—591.

[9] Об этом см. в книге В. В. Виноградова «Язык Пушкина» (Изд. «Academia», М.—Л., 1935).

[10] М. В. Ломоносов, ПСС, т. VII, с. 588.

[11] Там же, с. 589.

чениях славенских», Ломоносов, следовательно, имел в виду слова церковнославянского происхождения, но, рекомендуя пользоваться ими преимущественно в высоком слоге, одновременно ставил их в разряд стилистически маркированной лексики. Следовательно, в понятии «речения славенские» у Ломоносова генетическое и стилистическое сливается. Такое же нерасчлененное понятие о славянизме находим и в «Словаре Академии Российской» 1789—1794 гг., в котором отражены языковые идеи Ломоносова.

§ 5. Вопрос о славянизме в середине XVIII в. невозможно рассматривать без основательного анализа стилистической теории Ломоносова. По поводу ломоносовской теории трех стилей в советском и зарубежном языкознании написана обширная литература. Одни исследователи придают этой теории важное значение в деле упорядочения и кодификации языковой нормы, а также обогащения русского литературного языка, равно как и секуляризации его от старого книжного языка.[12] Другие исследователи вовсе отрицают историческую заслугу Ломоносова в деле создания стилистической теории и ее практическое значение для истории русского литературного языка.[13]

Исследователи, признающие Ломоносова основоположником теории новой стилистики, также не одинаково трактуют его теорию трех стилей и ее отношение к стилистическим взглядам, высказанным в других его сочинениях. В. В. Виноградов придает ломоносовской теории трех стилей универсальный характер; подчеркивая приложимость ее ко всем видам письменно-литературного языка, он пишет: «Теория трех стилей стремилась охватить не только жанры художественной литературы, науки и публицистики, но и вообще все разновидности речи, в то время сочетавшиеся с представлением о письменно-литературном русском языке».[14] Другие же исследователи относят теорию трех стилей Ломоносова только к языку художественной литературы.[15]

---

[12] В. В. Виноградов. 1) Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963; 2) О языке художественной литературы. М., 1959; Г. О. Винокур. Русский язык. М., 1945; А. И. Горшков. О судьбе трех стилей русского литературного языка во II половине XVIII в. — Уч. зап. Читинск. гос. пед. ин-та, вып. 5, 1961; В. П. Вомперский. О понятии «штиля» в стилистической теории М. В. Ломоносова. — Вопросы стилистики. Изд. МГУ, 1966; А. И. Ефимов. История русского литературного языка. Изд. МГУ, 1954.

[13] А. В. Исаченко. Ломоносов и теория трех стилей. — Československá rusistika, XIII, 1968, 1.

[14] В. В. Виноградов. О языке художественной литературы, с. 101. — Ту же идею находим в кн.: В. Д. Левин. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII—начала XIX в. Лексика. М.—Л., 1964, с. 6—7.

[15] Например: А. И. Ефимов. История русского литературного языка.

Отсюда и различия в понимании того, какой стиль считать ведущим для дальнейшего развития русского литературного языка — средний (Винокур, Виноградов), либо простой, или низкий (Горшков).

Для того чтобы наиболее глубоко проникнуть в суть ломоносовского учения о трех стилях, необходимо, во-первых, проанализировать его стилистические воззрения и, во-вторых, рассмотреть вопрос о том, что понималось в XVIII в. как художественная литература.

Стилистическая теория М. В. Ломоносова должна рассматриваться во всей совокупности его научных трудов: Риторик 1744 и 1748 гг., «Российской грамматики» и «Материалов» к ней и «Предисловия о пользе книг церковных в российском языке».

В этих трудах, как нам представляется, можно выделить два круга вопросов, относящихся к двум областям стилистики. В «Российской грамматике» и «Материалах к российской грамматике» Ломоносов рассматривает язык во всей совокупности, т. е. как систему. Естественно, что он при этом не обходит и стилистическую систему языка.

В «Риторике» же и в «Предисловии» Ломоносов имеет в виду литературное творчество, и здесь его суждения касаются языка художественной литературы, в том смысле, как этот термин — художественная литература — следует понимать исторически, применительно к эпохе XVIII в.

Центральное место в стилистической системе Ломоносова занимает проблема стиля. Термин «стиль» (штиль) в разных трудах Ломоносова может быть понят не однозначно. С этим связано и разное количество стилей, указанных Ломоносовым в «Российской грамматике», с одной стороны, и в «Предисловии», с другой стороны. Когда Ломоносов говорит о стилях в системе языка, он различает два стиля: высокий, или важный,[16] и простой, или обыкновенный.[17]

Ломоносов в «Грамматике» часто противопоставляет русское произношение, русские формы славенским. Следовательно, одна из оппозиций (генетическая) в системе языка — русское (свое) и славенское (чужое).

Он также противопоставляет письменный язык («в письме») просторечию («простой российский язык», «просторечие») как разговорному, еще не нормированному типу речи. И в дальнейшем Ломоносов говорит о стилистической дифференциации лишь

---

[16] «§ 215. Славенский рассудительный и превосходный степень на ший мало употребляются кроме важного и высокого стиля» (М. В. Ломоносов, ПСС, т. VII, с. 467).

[17] «Глагол есть свойственно в российском языке разумеется и редко явственно изображается, особливо в обыкновенном штиле и в разговорах» (там же, с. 564); «§ 444. Страдательные причастия на мый. . . по большей части приличнее в риторических и стихотворческих сочинениях, нежели в простом штиле или в просторечии» (там же, с. 547).

письменного литературного языка. В письменном языке он различает два ситуативно обусловленных стиля: высокий и простой. Следовательно, вторая оппозиция (стилистическая) — высокий стиль и простой, который в «Российской грамматике» никогда не называется ни низким, ни подлым стилем.

Ни о каком среднем стиле в грамматических трудах Ломоносова не говорится, да и не могло говориться. И вовсе не потому, что, по мнению одного из исследователей, в «Российской грамматике» «понятие среднего стиля было не нужно Ломоносову»,[18] а, вероятно, потому, что для Ломоносова в литературном языке существовали иные стилистические отношения, нежели в языке литературы. В литературно-письменном языке он различал две стилистические разновидности — высокий и простой стиль, простой в какой-то мере по своим языковым средствам был близок к его же среднему стилю, но оба эти понятия следует отнести к разным объектам: первый — к системе литературного языка, второй — к языку литературы.

Совершенно другое дело, когда Ломоносов в «Предисловии о пользе книг церковных» рассуждает о литературных жанрах, которые у него распределяются по трем стилям: высокому, среднему и низкому.

Определяющим моментом в выделении стиля здесь являлись признаки языковые — близость или удаленность языковых единиц по отношению к книжно-славянской стихии. Наиболее стилистически выразительными в этой системе оказались высокий и низкий стили, в силу того что они обладали специальными стилистическими средствами, чего не имел средний слог, который, таким образом, был лишь выразительным фоном для упомянутых выше стилей.

Теория трех стилей с ее четкой регламентацией и соотнесенностью жанров и стилей как нельзя более соответствовала господствовавшему в середине XVIII в. литературному направлению — русскому классицизму.

Ломоносов распределил по трем стилям все основные жанры литературы классицизма. Высоким стилем «составляться должны героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях, которым стилем они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются».[19] Последний из названных жанров — прозаические речи о важных материях — позволяет включить в состав литературных произведений различного рода ораторскую прозу.

Посредственным, или средним, стилем рекомендует Ломоносов писать все «театральные сочинения, . . .стихотворные дружеские

---

[18] В. П. Вомперский. О понятии «штиля» в стилистической теории М. В. Ломоносова, с. 52. Подробнее о стилистической системе Ломоносова см. в его же книге «Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей» (Изд. МГУ, 1970).

[19] М. В. Ломоносов, ПСС, т. VII, с. 589.

письма, сатиры, эклоги, элегии. . . В прозе предлагать им пристойно описание дел достопамятных и учений благородных».[20] В этот пункт у Ломоносова включены не только собственно литературные жанры, в современном понимании, но и некоторые виды научной прозы, что на первый взгляд выбивается из единой системы литературных жанров. Низким стилем предлагается писать «комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описания обыкновенных дел».[21]

Прежде чем говорить о жанровой специфике литературы XVIII в., необходимо определить само понятие литературы для этого периода. Понятие литературы, особенно для середины XVIII в., не покрывается понятием художественной литературы в современном смысле этого слова (belles-lettres).[22]

Отличительной чертой литературы русского классицизма и преромантизма было просветительство, отсюда учительный, назидательный ее характер, позволяющий использовать не только собственно художественно-литературные формы (оду, трагедию, комедию и пр.), но и ораторскую прозу (проповедь, панегирик и другие виды красноречия).

Ломоносов, ставивший перед литературой ответственные и серьезные задачи просвещения общества, в понятие литературы включал философские трактаты и исторические сочинения, эти жанры он, очевидно, имел в виду, говоря об «описании дел достопамятных и учений благородных», которое он относит к среднему слогу.

К низкому слогу, кроме жанров собственно художественной литературы, он относит «в прозе дружеские письма», но, как показал А. И. Горшков, в форму писем облекается в XVIII в. особый сатирический жанр, представленный в журналах «Трутень», «Живописец» и др.[23] Что же касается «описания обыкновенных дел», то здесь несомненно Ломоносов имел в виду повесть или роман (типа «Пригожей поварихи» Чулкова, «Приключений маркиза Г.» или романов Эмина) — жанры, которые невысоко ценились Ломоносовым и для которых он отводит скромное место в низком слоге.

Следовательно, все жанровые разряды, указанные Ломоносовым в его теории трех стилей, находят место в составе литературы XVIII в., а значит, и теория трех стилей была создана преимущественно для языка литературы и служила ее нуждам.

Славенский элемент занимает важное место в стилистической теории Ломоносова, поэтому существенным является изучение славенской лексики как в литературном языке, так и в языке литературы XVIII в.

---

[20] Там же, с. 589.
[21] Там же, с. 589—590.
[22] Более подробно о литературе классицизма см. в гл. II.
[23] Подробнее см. статью А. И. Горшкова «О судьбе трех стилей русского литературного языка. . .».

§ 6. Научное изучение славянизма особенно интенсивно развернулось с конца XIX в. Исследование это велось в различных планах.

С точки зрения этимологической к славянизму подошли Булич, Шахматов[24] и другие ученые, выделив в основном по фонетическим и словообразовательным признакам церковнославянские элементы в современном русском языке.

Из современных исследователей этимологическая линия рассмотрения славянизма представлена в статье Г. Хютль Ворт. Предлагая «в качестве самого общего термина для всех слов, отличающихся какой-либо церковнославянской чертой . . . термин славянизм»,[25] Хютль Ворт разделяет славянизмы на две основные группы: 1) церковнославянизмы, т. е. слова, «засвидетельствованные в церковнославянском и заимствованные русским языком» [26] (которые в свою очередь делятся на разряды в зависимости от происхождения), и 2) неославянизмы, т. е. «новообразования, составленные из церковнославянских морфем в самом русском языке» [27] (которые также рассматриваются в разных группах в зависимости от типа основы или морфемы).

Предложенная классификация и соображения по ее поводу, по мнению автора, «окажутся несколько полезными для более широких исследований и оживят интерес к церковнославянскому элементу в русском литературном языке».[28] Однако с таким выводом нельзя согласиться. Терминология и вкладываемое в нее содержание вносят еще бóльшую путаницу в вопрос о славянизме в русском литературном языке.

Прежде всего не годится общий термин «славянизм», потому что он включает совершенно разнородные явления и ставит перед исследователем совершенно различные задачи.

Если термин «церковнославянизм» имеет в виду аспект чисто генетический и исследователь может рассматривать это явление с точки зрения заимствования, что на наш взгляд совершенно закономерно, то «неославянизм» — термин совершенно неудачный. Новообразования в языке на любой стадии его исторического существования — это факты развития самого языка. Если те или иные морфемы обладают словопроизводной способностью, это свидетельствует о жизнеспособности данной морфемы в языке, и нет никакой принципиальной разницы, какого происхождения эта морфема: русского или иноязычного (церковнославянского или европейского).

---

[24] С. К. Булич. Церковнославянские элементы в современном русском литературном и народном языке. СПб., 1893; А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.

[25] Г. Хютль Ворт. Роль церковнославянского языка в развитии русского литературного языка. — American contributions to the VI International congress of slavists. Prague, 1968, August 7—13, v. I.

[26] Там же, с. 6.

[27] Там же, с. 17.

[28] Там же, с. 30.

Особенно странно звучит термин «неославянизм» по отношению к современному русскому литературному языку, когда связи его с церковнославянским не так живы, как например в XVIII в. и первой половине XIX в. Исходя из приведенных соображений, мы вполне согласны с употреблением и пониманием термина «церковнославянизм»[29] и решительно не принимаем как термин, так и понятие «неославянизм».

Академик В. В. Виноградов, критикуя фонетический и морфологический подход к церковнославянизму, взятому отдельно, самому по себе, особое место отводит семантическому анализу церковнославянской лексики для «уяснения системы смысловых соотношений церковнославянизмов с другими лексическими слоями литературной речи в каждую эпоху»[30] и намечает ряд семантических процессов в жизни церковнославянизмов: семантические взаимопроникновения, семантические перегруппировки, осознание архаизмов как церковнославянизмов, затмение исконных значений у церковнославянской лексики переводными новообразованиями, процесс фразовых разложений. Этот же метод анализа семантических процессов церковнославянской лексики в русском литературном языке конца XVIII—начала XIX в. применен в работе Е. С. Копорской.[31]

С позиций стилистических подходили к исследованию славянизмов В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, И. С. Ильинская, В. Д. Левин и др. Наиболее отчетливо стилистическая точка зрения в отношении славянизма в современном русском литературном языке сформулирована Г. О. Винокуром, который назвал стилистическим славянизмом слово «не по происхождению, а по употреблению».[32] Исходя из функциональной природы славянизма, он определяет его следующим образом: «Все то, что в каждую данную эпоху для говорящих и пишущих есть специальная принадлежность церковнославянского языка своего времени и в этом качестве способно функционировать как наделенный определенным стилистическим свойством церковнославянский вариант общеупотребительного средства речи, и есть славянизм в стилистическом смысле слова».[33] В этом определении славянизма виден исторический подход к данной проблеме. Рекомендуя соотносить синхронное состояние русского и церковнославянского языка, Г. О. Винокур как бы предполагает разные хронологические срезы в системе современного русского литературного языка. Говоря о том, что «славянизмы в стилистическом смысле в совре-

[29] См.: В. В. Виноградов. К истории лексики русского литературного языка. — Русская речь. Новая серия, I. Л., 1927.

[30] Там же, с. 112; более подробно см.: там же, с. 113—118.

[31] Е. С. Копорская. О смысловых соотношениях книжно-славянских и русских слов в литературном языке конца XVIII—начала XIX в. — Научн. докл. высш. школы. Филол. науки, 1969, № 5, с. 69—77.

[32] Г. О. Винокур. О славянизмах в современном русском литературном языке. — Русский язык в школе, 1947, № 4, с. 9.

[33] Там же, с. 12.

менном русском литературном языке употребляются редко»,[34] Винокур считает славянизм категорией исторической стилистики, причем не столько литературного языка, сколько языка художественной литературы: «В современном русском литературном языке славянизмы не составляют уже живой и действенной стилистической категории. В этом, между прочим, очень важное различие между языком современной художественной литературы и языком художественной литературы начала и середины XIX в., в особенности литературы стихотворной».[35]

С точки зрения исторической стилистики подходят к славянизму В. Д. Левин и И. С. Ильинская, однако в работах и того, и другой славянизмы рассматриваются не на стадии формирования и сложения этой стилистической категории, а в период более позднего их функционирования.

В данной работе предполагается поставить вопрос об истоках сложения славянизма как стилистической категории.

§ 7. Рассмотренный в настоящей работе вопрос о месте и роли славянизма в языке середины XVIII в. относится к области исторической стилистики. Несмотря на то что советское языкознание в последние годы уделяет стилистике большое внимание, многие основные понятия ее еще нуждаются в дальнейшей разработке. В ходе дискуссии 1954 г. по вопросам стилистики, развернувшейся на страницах журнала «Вопросы языкознания», уточнилось определение понятия «стиль» и были выявлены основные языковые стили.

Вторым существенным вопросом является определение природы и специфики стилистических средств. Этот аспект стилистики также неоднократно рассматривался исследователями.[36] Однако большинство работ в этом плане относится к стилистической системе современного русского языка, исследований же в области исторической стилистики еще немного,[37] что не может не отразиться и на общей теории стилистики, и на изучении отдельных ее сторон. Настоящая работа ставит своей задачей проследить историю становления, функционирования и трансформации славянизма в языке литературы периода формирования и сложения русского национального литературного языка и новой русской литературы.

Следовательно, мы будем рассматривать вопрос об одном из стилистических средств художественной литературы, которое мы называем стилистической категорией.

---

[34] Там же, с. 14.

[35] Там же, с. 19.

[36] См. наиболее полные и убедительные в теоретическом отношении работы Т. Г. Винокур и Е. Ф. Петрищевой в сб. «Стилистические исследования» (М., 1972).

[37] Наиболее интересны книги: В. Д. Левин. Очерки стилистики русского литературного языка конца XVIII—начала XIX в. Лексика. М.—Л., 1964; И. С. Ильинская. Лексика стихотворной речи Пушкина. «Высокие» и поэтические славянизмы. М., 1970.

Под стилистической категорией разумеется совокупность стилистических единиц, определяющих какой-либо стиль. Фактором, объединяющим стилистические средства в одну стилистическую категорию, является, по нашему представлению, общность функций. Следовательно, стилистическая категория для нас — это явление функциональное.

Поэтому рассмотрение славянизма в настоящей работе проводится с точки зрения функционирования его в языке и речи.

В первой части работы дан анализ функционирования славянизма в системе языка, причем при выделении «славенской» лексики автор стремился исходить из того ее понимания, которое вкладывали в нее сами представители языка и литературы XVIII в. Определяющим фактором служат поэтому показания словарей XVIII в., а также широкий охват литературы — художественной, научной, публицистической, деловой и пр., — в которой функционируют славянизмы.

Однако славянизм для середины XVIII в. является понятием важным не только (и не столько) для стилистики языка, а более для стилистики языка литературы.

Второй аспект работы — это показ функционирования славянизма в языке литературы середины XVIII в., точнее, в произведениях высокого слога, где он выступает как функционально единая и экспрессивно однородная стилистическая категория, этимологический состав которой не всегда совпадает с понятием лексики церковнославянского языка.

Важным представляется выявить состав стилистически окрашенных компонентов речи, относящихся к высокому слогу: наметить путь дальнейшего развития славянизмов, трансформацию их стилистической окраски и преобразование в новые стилистические категории в ходе исторического развития литературы и ее языка.

Глава I

СЛАВЯНИЗМ В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА СЕРЕДИНЫ XVIII в.

§ 1. Очень важным источником для анализа лексической системы языка являются словари. Для XVIII в. таким словарем, в котором отразилась лексическая система русского литературного языка второй его половины, может служить Словарь Академии Российской (первое его издание 1789—1794 гг., второе издание 1806—1822 гг.).[1] Хотя САР[1] и вышел в конце XVIII в., но вся подготовительная работа происходила ранее и совершалась под непосредственным воздействием ломоносовской теории трех стилей. Эта стилистическая система и легла в основу квалификации его лексики. Так рассматривал словарь А. С. Пушкин, который считал его результатом «труда строгих и верных наследников Ломоносова».[2] Существуют данные о том, что одним из источников этого словаря был рукописный «Словопроизводный этимологический словарь» Ломоносова и Кондратовича.[3] Этот факт еще раз подтверждает преемственность идей Ломоносова составителями САР.

Словарь одною из задач ставил стилистическую квалификацию слов литературного русского языка и отражение принадлежности определенного круга лексики к одному из трех его стилей. Особенно важным представлялось при этом выделение лексики приподнятой, торжественно окрашенной, — словом, той, которая являлась характерной приметой высокого стиля, соответствующей наиболее важным гражданственным и государственным идеям, выражаемым в пределах этого стиля. С этой точки зрения особенно интересно рассмотреть лексику, характеризующуюся в САР как славенская.

Следует заметить, что САР не является единственным в XVIII в. словарем, в котором проводится стилистическая квалификация

---

[1] В дальнейшем для обозначения Словаря Академии Российской в первом издании мы будем пользоваться сокращением САР[1], а во втором издании — САР[2].

[2] А. С. Пушкин. Российская Академия. — СС, т. III, М., 1968, с. 368.

[3] Подробнее об истории создания САР см. в кандидатской диссертации И. Ф. Рудаковой «Словарь Академии Российской 1769—1794 гг.» (Л., 1968 (рукопись)).

ИРЯ
www.ruslang.ru
Ж03 Ж4
БИБЛИОТЕКА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА АН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

лексики. Попытка стилистически характеризовать лексику намечается в «Словаре общего польского языка и библейском» К. Кондратовича 1775 г. Однако словарь Кондратовича — это словарь совсем иного типа, чем САР, он не толковый, а переводный, он и по объему гораздо меньше САР, в нем не могло отразиться во всей полноте все лексическое богатство русского языка. Но весьма ценным является то, что в нем отражено стремление дать перевод польским словам соответственно трем стилям русского языка, что и выражено в подзаголовке «тройственным штилем, высоким, средним и простонародным на Российский язык переведен». Иногда это достигается простым подбором соответствующих синонимов русского языка к польским словам, например: darmo 'напрасно, всуе, туне, попусту', baran 'овен, баран', mieszkam, mespiesę się 'мешкаю, укосневаю, медлю'. Чаще же дается помета sl., особенно последовательно она ставится при славенских словах, например: bżucam 'бросаю, кидаю, мечу, метаю, вергаю' sl.; budownik 'архитектор, зодчий' sl.; cżarownica 'колдунья, еретица, обаятельница' sl.; prożnomownosc 'пустомеля, суеслов' sl. При сопоставлении слов, отмеченных как славенские в словаре Кондратовича и САР, можно заметить один и тот же принцип подхода к стилистической характеристике этого круга лексики. Поэтому при анализе славенской лексики в САР мы будем приводить там, где это возможно, материалы словаря Кондратовича.

Другим словарем, в котором дается стилистическая квалификация слов, является «Рукописный лексикон» первой половины XVIII в.[4] Этот словарь приближается по своему типу к словарям филологическим. Он включает в себя 16 300 слов и доведен до слова «трус». Из стилистических помет в нем имеются две: сл. — славенское и р. — русское. Эти пометы ставятся как при чисто лексических сопоставлениях (*асче* (*аще*) — р. *буде*; *кнут* — сл. *бичь*; *лес* — сл. *дебрь*; *повседни* — сл. *каждодневно* и др.), так и фонетических (*серебро* — сл. *сребро*; *невежа* — сл. *невежда*; *ночь* — сл. *нощь* и др.) и морфологических (*издалека* — сл. *издалеча*; *мыть* — сл. *мыти*; *напиваться* — сл. *упиваться*; *оглохлый* — сл. *оглохший* и пр.).

Пометы в Лексиконе выставляются двояко: в одном случае на первое место ставится русское стилистически нейтральное слово, а объяснение в виде синонима или варианта имеет помету сл., так например: *печь* — сл. *песчь*; *ремесло* — сл. *рукоделие*; *речь* — сл. *глагол*; в другом случае на первое место ставится славянизм, не снабженный специальной пометой, а соответствующий синоним отмечен пометой р., например: *очи* — р. *глаза*; *навет* — р. *наговор*; *един* — р. *один*; *врата* — р. *ворота* и др. При этом трудно сказать, какой принцип положен для выделения исходной формы слова. Возьмем для примера полногласные и неполногласные ва-

[4] Рукописный лексикон первой половины XVIII в. Изд. ЛГУ, 1964.

рианты на буквы *м* и *г*. Варианты *молодший*, *молодой*, *молоко*, *молот* даны как исходные, а в качестве объяснений с пометой сл. даны их неполногласные варианты, слово же *мразно* также дается как исходное, а при нем р. *морозно*; слова *муравей*, *мороз* даны два раза при разных исходных формах: *муравей* — сл. *мравий*, *мравий* — р. *муравей*, *мороз* — сл. *мраз* и *мраз* — р. *мороз*. В словах на букву *г*, наоборот, на первом месте стоят слова в славянском варианте: *глава* — р. *голова*, *главня* — р. *головня*, *град* — р. *город* и ниже *голос* — сл. *глас*. Такая же картина наблюдается и в других случаях, так что вряд ли выдвижение на первое место того или иного русизма или славянизма в Лексиконе отражало реальное положение данного слова в языке XVIII в. Нередки случаи отсутствия каких-либо помет при словах, явно в них нуждающихся, например: *елень* — *олень*, *мрежа* — *мережа* и др.

Оба словаря являются предшественниками Словаря Академии Российской в плане стилистической квалификации лексики, но оба они не отражают этой стороны литературного языка с той полнотой и глубиной, как это сделано в САР.

§ 2. Составители Словаря Академии Российской исходили из ломоносовского понимания русского литературного языка своего времени. Задумав создать словарь, авторы его стремились показать все лексическое богатство, которое заключал в себе письменный язык их времени, включающий, по их убеждению, лексику славенскую и русскую. Создатели словаря называли этот язык славенороссийским и характеризовали его следующим образом: «Славенороссийский язык большею частею состоит из славенскаго, яснее сказать, основу свою на нем имеет; хотя впрочем великое множество содержит слов собственно Русских, по свойству коих некоторыя из Славенского языка почерпнутые иные окончания, иные образования, а другие и новый смысл получают».[5]

В Словаре Академии Российской систематически проводится стилистическая квалификация лексики, в основу которой положено ломоносовское учение о трех стилях, дающее возможность выделить стилистически окрашенную лексику. Особенно последовательно проводится выделение высокой книжной лексики. Для того чтобы очертить круг этой лексики, необходимо проанализировать те пометы, которые употребляются для обозначения этого круга лексики. Такой пометой в Словаре Академии Российской является сл. или слав. — славенское, которую следует отграничить от других помет словаря, которые на первый взгляд кажутся близкими к ней. При некоторых словах или отдельных значениях многозначных слов встречаем помету — «славенороссийское» или «в славенороссийском языке». Слов с такой пометой в словаре немного, не более десятка, причем при сопоставлении

[5] Словарь Академии Российской, т. I. 1789, Предисловие, с. VI.

двух изданий Словаря бросается в глаза неопределенность этой пометы. Только одно слово *верста* в значении 'возраст' отмечено как славенороссийское и в первом и во втором изданиях Словаря. Это слово, очевидно, старинное, древнерусское, о чем говорят показания Словаря Срезневского относительно источников, в которых это значение засвидетельствовано, а именно: Изборник 1073 г., Супрасльская рукопись, Лаврентьевская, Ипатьевская, Переяславская и I Псковская летописи; в XVIII же веке слово *верста* в данном значении вовсе не встречается ни в каких источниках.

В других же случаях слова с пометой «славенороссийское» в одном издании словаря имеют в другом издании другие пометы, так: *погребаю*, *прегрешаю* в САР[1] — «славенороссийское», а в САР[2] — без пометы; *лобзать*, *лобызать*, *лобзаться*, *ловитва* в САР[2] — «славенороссийское», а в САР[1] — без пометы; *движимый*, *изгибнуть* в САР[1] — «славенороссийское», а в САР[2] — «славенское»; *зрелище*, *препоясую* в САР[2] — «славенороссийское», а в САР[1] — «славенское».

Однако все эти слова, кроме *прегрешать* и *изгибнуть*, довольно широко распространены в литературном языке XVIII в. в разных его стилях и жанрах. Значение пометы «славенороссийское» в САР не очень ясно. С одной стороны, можно было бы думать, что ею обозначаются слова, общие церковнославянскому и русскому языкам (по Ломоносову, «речений славенороссийских, то есть употребительных в обеих наречиях»). Однако с этой точки зрения такой пометой могло бы быть снабжено значительное количество слов — и вовсе не тех, которые имеют эту помету в САР (у Ломоносова как славенороссийские приведены слова *бог*, *слава*, *рука*, *ныне*, *почитаю*). С другой стороны, колебания в этой помете в САР[1] и САР[2] в сторону пометы сл. сближают обе эти пометы в аспекте стилистики.

Другой пометой, связанной с пометой «славенское», является в Словаре помета «стар.», или «старин.» (старинное). Большинство слов снабжено этой пометой во втором издании словаря, в первом же издании эти слова имели помету сл.; перечислим их: *глипание*, *зид*, *изручаю*, *копаруля*, *крадица*, *подзиратай*, *поспех*, *постельник*. Слова *глипаю* и *зелейник* (в 3-м значении) имеют в обоих изданиях пометы сл., старин.; *бирчий* в первом издании — сл., старин., а во втором — стар. Не вдаваясь сейчас в этимологию данных слов, следует отметить, что все эти слова не были употребительны в XVIII в., поэтому издание Словаря 1806 г. с большим правом дает при них помету «старинное». Очевидно, все они относились к тому разряду лексики, которую Ломоносов назвал обветшалой и не рекомендовал употреблять в литературном языке. Исключением является слово *поспех*, оно встречается примерно до середины XVIII в.; однако, судя по характеру источников, оно, пожалуй, не является словом книжного языка, а тем более словом высоким; приведем примеры его употребления: И зри читателю,

как странным образом, и дивным смотрением началось тое, и в совершенный поспех возрасло (УМ, предисл., 5); Обнадежило его о добром поспехе таких новаго вида трудов, которые он в народ издавал (Мн. миров, IV); А царь Идоменей, отдающий всюду приказы, Производил созидание то непонятным поспехом (Трд. Тилемах., I, 157).

Характер иллюстраций, приводимых в САР, при словах с пометой «стар(инное)» позволяет считать, что данной пометой снабжались слова устаревшие древнерусского происхождения, так как примеры их употребления приводятся из древнерусских летописей, Сказании об осаде Троицкого монастыря, Уложения, Судебника и других древнерусских памятников. В тех случаях, когда старое слово употреблялось не только в древнерусских, но и в церковнославянских памятниках, происходит колебание в выставлении пометы, как мы это видели выше при сопоставлении двух изданий САР. Таким образом, помета «стар(инное)» может быть отнесена к числу этимологических помет, с одной стороны, но указание на архаичность слова ставит эту помету и в разряд стилистических, тем самым сближая устаревшую церковнославянскую лексику с устаревшей древнерусской в плане стилистики.

Имеется в словаре помета, имеющая непосредственно стилистическое значение, — это помета «в высоком слоге». Она отчасти дублирует помету «славенское», что видно хотя бы из того, что некоторые слова, имеющие в первом издании словаря помету «славенское», во втором его издании имеют помету «в высоком слоге», и наоборот; например: *заклание* и *заколение* в САР[1] — сл., в САР[2]— в высоком слоге; *змиевласый* в САР[1] — сл., в САР[2] — в баснословии и стихотворстве; *небрегу* в САР[1] — сл., в САР[2] — в высоком слоге; *подвигаю* и *подвигаюсь* в САР[1] — в высоком и славенском слоге, в САР[2] — в славенском и высоком слоге; *снискание* и *снискиваю* в САР[1] — в высоком слоге, в САР[2] — сл.

§ 3. Наиболее частая помета в Словаре Академии Российской — это «сл(славенское)». В первом его издании этой пометой отмечены 3549 слов из общего количества около 43.5 тыс. слов. По сравнению со вторым изданием Словаря состав славянизмов в нем несколько иной. Так, в состав первого издания включены 222 слова с пометой сл., которые исключены из второго издания, это следующие слова: *бажант*, *бельмоочный*, *бичник*, *блюдомый*, *блюстительно*, *богащуся*, *борствую*, *браздне*, *братолюбствую*, *братоненавиствую*, *брачуся*, *брашный*, *бреговатый*, *бременю*, *бременюся*, *бубрежный*, *бубрежник*, *бегственный*, *вабитель*, *вабление*, *вдробление*, *великодаровитый*, *весняк*, *веснянка*, *вещелюбие*, *вещелюбец*, *вещелюбивый*, *виноградособирание*, *внятие*, *вреняю*, *вытязую*, *глумник*, *гортанобесниво*, *гортанобеснивый*, *грубоязычествую*, *двойственный*, *двудневие*, *довлетворение*, *довлеюся*, *доземный*, *долеваю*, *единю*, *единюся*, *жруся*, *жерчий*, *забавление*, *зерцаю*, *идолобесие*, *конористательный*, *кротостный*, *ксему*, *купление*, *лукавое*, *лякий*, *медленноязычный*, *надожденный*, *неболезнование*, *невесто-*

водительствую, неневестняя, обваждение, облачек, облистание, облистаю, оборяю, оборение, оборимый, обсежду, обуяю, обвеществовати, овешиваю, отечественачальник, отстенаю, памятозлобие, памятозлобный, первообрачность, первообрачный, первоседница, писчаль, пиянивый, побаливаю, поборимый, повсенощный, подвлекаю, подстолпие, поемлю, поемлюся, порушить, поряду, постельная, правохождение, предвоспеваю, предгряду, предобразую, предозначение, предозначаю, предподвижник, предумышляю, презорливо, преиспещряю, премирный, премножение, премудряюся, пренебрегание, препряда, пресужду, претолковать, претружду, претружденный, преумножаю, прибледный, прибыточеству, призапрещаю, призовлагаю, призрачный, призрение, призрительный, приклет, принаполняю, приобщнѣ, приснодевственная, приседник, присещенный, пробытие, произглаголати, пеняжник, пенязь, песенно, песнивец, песнописец, песнопевец, песнопение, песнословец, песнословие, пестун, пестунствую, петелоглашение, петел, расль, репие, ровенник, самобрат, сбруехранилище, сбытие, сиротний, сказатель, склочение, сключаю, сковрада, сковрадный, скотоподобник, скрании, слабосердый, сладкопение, сласть, слячность, смертоубийца, смышление, сниспадаю, совоспитываюся, советодательство, совхожду, соглаголание, соглядаюся, соделаный, соизменяюсь, сокриляюся, солнцезрачный, солищный, сланый, сомрежный, сомудрствую, сообладатель, сообладаю, соработник, сработник, сорыдаю, соскутываю, соутешаюся, спинаю, споборственный, споборствователь, сповелеваю, стекло, странноприимствую, стужаю, столпостена, столп, спредстать, странний, сыновление, сыноположение, сенный, сеновный, сещу, сеятва, соседник, проразумленание, противоборствование, тминный, точию, туземец, убыстряю, хладный, четверобрачие, четверобрачный, чинорасполагаю, чинорасположение, шары, шестижды, шестирицею, юзник, брадавистый, многобогатый, многобожно, преломление, преломляю, преломляюся, браздую, избирательствую, безбожество, безболезнование, благоводный, благовонствую, благодатный, благодействие, благоделаю, благоденствую, благозрачие, благокруглый, благоличный, благоневестная, благоподвиженник, богоборствую, богодвижимый, богоначертанный, богоразумие, богосветлый, пристанище, возбранительно, возложити, вознеправдовати, возреяю, воссопротивляюся, восплакатися, воспророчествовати, восседаю, вседелание, доброводимый, единопосельник, злосоветие, любомилостивый, местоблюститель, назиратель.

Исключение данных слов из второго издания словаря в большинстве случаев следует объяснить тем, что они в словаре приводятся без иллюстраций.

С другой стороны, во втором издании словаря слов с пометой сл. не меньше, а больше, чем в первом, так как прибавлено 542 новых слова с этой пометой. В большинстве случаев это слова, извлеченные из церковных книг (как *алкота, воцарати, влазить, воинный* и др.) или же производные от уже имеющихся

в словаре (например, *васнитися* при *васнити*, *взалкание* при *взалкати*, *взыгранье* при *взыграти* и др.). Вот эти слова: *алкота*, *бреговитый*, *бреноделатель*, *брячати*, *васнитися*, *вжаждати*, *взалкание*, *взалкаться*, *взыгранье*, *виночерпий*, *влазить*, *воинник*, *воцарять*, *воцарятися*, *впоследок*, *впослежди*, *врановый*, *враченатися*, *вышесидение*, *ветротленный*, *вечник*, *двоенадесятница*, *доднесь*, *достолепно*, *достолепный*, *достояние*, *дражити*, *древоделъство*, *дреколие*, *девая*, *живоначальный*, *живоносец*, *житомер*, *завора*, *законопреступити*, *заскомлеть*, *заущати*, *златоделатель*, *златоиспещренный*, *златокровный*, *игральница*, *идоложертвище*, *идолонеистовствовати*, *идолослужебный*, *идеже*, *иждивати*, *избиенный*, *извращатися*, *извращенный*, *извычай*, *изверяти*, *изгребенный*, *издручиться*, *издеявати*, *иззутый*, *искапываться*, *изначала*, *изничижати*, *изничижатися*, *изничижение*, *изобинутися*, *изоблистати*, *изпиратися*, *исплетатися*, *испоручник*, *исто*, *истуканный*, *книжество*, *козлица*, *кратоконечный*, *любительно*, *малолепие*, *малорадение*, *мание*, *маннодавец*, *маннодаяти*, *медоточно*, *мерцать*, *местник*, *метнение*, *мимонести*, *мимотеща*, *молвотворец*, *молебно*, *молчальница*, *мотыльный*, *мрежник*, *мученколюбец*, *мученикословие*, *мшелоимный*, *мшелоимство*, *мшица*, *мерность*, *местоначалие*, *навершати*, *наветие*, *наветный*, *наглашати*, *наглодушие*, *наглядати*, *наголе*, *надклонитися*, *надникнути*, *наднаменование*, *наднаменованный*, *наим*, *намзденный*, *намизати*, *наопак*, *наперати*, *напреди*, *наскоре*, *наследствовать*, *насмертник*, *настреканный*, *настрижение*, *натрижняти*, *наузы*, *наук*, *наусие*, *народоводствовать*, *народовещати*, *находъ*, *началовождь*, *началоволхв*, *началозлобный*, *началообразный*, *началопастырь*, *началописец*, *начасто*, *начерпавати*, *наятие*, *наятый*, *неблаголюбец*, *неблазненно*, *небовидец*, *неборасленный*, *небрачие*, *небрачно*, *небурный*, *невидение*, *невкусен*, *невлаемый*, *невлажно*, *невместимый*, *невоздержник*, *невозрастный*, *невращно*, *невращный*, *невреждение*, *невегласие*, *невеглас*, *невестолепно*, *невестоприводитися*, *недоведомый*, *недоуменный*, *незаходимый*, *неизбытный*, *неизждиваемый*, *неискусозлобный*, *неиспытный*, *неистовление*, *неистовно*, *некрадомый*, *нелицеприемный*, *нелицеприятный*, *немздоприемный*, *немимоходен*, *ненаветованный*, *ненадежный*, *ненаказанный*, *необмыслимый*, *необрезанник*, *необрезанный*, *необъемлемый*, *неокрадомый*, *неописанно*, *непогодный*, *неподобный*, *непостижение*, *непоступен*, *непоступно*, *непощадение*, *непреборимый*, *непщеватися*, *несмутный*, *несмыслъство*, *несмежно*, *несообщный*, *нестараемый*, *нестоятельный*, *нестяжательный*, *несытый*, *неточию*, *неудержимый*, *неудободержный*, *неудобоятоверен*, *неукорный*, *неули*, *неустроен*, *неусыпаемый*, *нечадство*, *нечаемый*, *неядение*, *неятоверие*, *неятоверный*, *новолетный*, *новосаждение*, *новотворити*, *новоцветный*, *нощеборство*, *нуждно*, *недрствовати*, *обавати*, *обаватися*, *обанадесять*, *обветшати*, *обещник*, *обонпол*, *оброснятися*, *объядливый*, *обедник*, *обешало*, *обешанный*, *обязало*, *овамо*, *овоуду*, *оглаждение*, *огорлие*, *огорщати*, *огорщатися*, *огосподствовати*,

оградник, оград, огромленный, огревать, огустение, оздравити, оздравлятися, озеленити, оземление, обвешивати, обвешиватися, ознославленный, озобати, окриловети, окупник, окушатися, оляденевати, оляденение, омеритися, омерзенный, омиловати, омовенный, онеправдить, онсии, онуду, онемляти, опальство, опальчивый, опечаляти, опирати, оплешити, оповедать, опослушити, опрокажатися, опухление, опятерити, оружехранительница, осветняться, осветлити, осиротити, осирети, осквернавати, осквернавитися, оскоминятися, оскорбети, оскод, оскудный, оскуждать, ослаждать, ослаждаться, ослятица, осмодневно, осмьдесят, оснежитися, особствовати, остатный, остег, острашать, острожелчие, острожелчный, оструяти, осуществоватися, осетованный, отвнеуду, отгнательный, отгоняться, отднесь, отдолу, отдоле, отемневать, отемняться, отерзать, отерпать, отерпеть, отечествие, отженение, отженeнный, отженяться, отздравствовати, отиняти, отнелиже, отнекуду, отонудный, отонуду, отонудуже, оторжаветь, отреченник, отрокородие, отсего, отсеменить, отсюду, оттерзати, оттогда, отъятие, отъятый, отязати, охромити, оцеплять, очаделый, очивесть, очуждатися, пагубородный, пакирождение, пелынный, первенстволюбец, первовозлежание, первоотец, первоподвижник, первопроповедник, первоседание, первоседник, плювати, поврещи, повсюду, поглавно, погорие, позлачаться, поженение, пожененный, пожертый, пожрение, поильный, поножи, порамница, поручник, последовно, посмеваемый, посмеватися, посрамощение, постыдение, потайник, поущати, похаб, пребиение, пребиенный, пребегати, преводиться, прегибати, предвигание, предвзяти, предвоздельный, предвосприяти, предврученный, предглаголати, предворие, преддержащий, предзрительный, предначертанный, прелюбивый, премедление, преобиждение, предподаватися, привечерие, примраченный, присносущие, пристрашный, прознаменованный, пешеходити, пешешествие, разботелый, распудити, слезоточити, спреди, такоде, таже, угрязнуть, хитрокозненный, хитроплетенный, хладодательный, хлепетание, хлебопродавица, ходатайственно, ходец, христоименитство, христомученица, христоподражатель, христоподражательный, христопроповедник, худогласие, художествовать, человеколюбиво, человеколюбно, четверовластвовать, червница, чрепие, чужеложник, южский, юностный, юнота, юнотство, юношески, юношествовать, ядоносный, языкоболие, языкоогнеобразный, яровидно, ятник, ятровенница, ящер, младодействовати, младоноситися, млекопитательница, млекопитати, бесknижный, безокий, бесчленный, благознаменитый, благоукрашение, благоуправляти, благоуспеватися, врачилище, погребалище, первоседалище, возврение, всезиждительный, всемощие, всенаследие, всенощница, всенощный, всехвально, добропобедный, единосущие, единосущность, зломудрие, злоплодный, злопомнение, злохульный, извлачити, извреяти, изглажденный, изглашати, изгнетатися, издавляти, издаяти, искипати, исковати, исковатися, измельзити,

измытие, изнесение, изобнажати, изобразовати, изобучати, изобучатися, изодеяние, исплясати, изревати, истицание, истицати, любодеица, любодеяти, любоземледетелен, любосластец, многобедный, многогласный, многогробнищный, многоденствовати, многожеланный, многокласный, многомудрие, многонарочитый, многопищный, многосветлый, многоскорбный, многоснедный, многострадальческий, многострастник, мироблагоухати, мировати, мироположница, мироприятный, миропродатель, мирохранительница, низборение, низвешивать, домоблюститель, живототворитель, живототворец, лечитель, мздовоздаятель, народоводитель, народовещатель, народодетель, началоздатель, обаятель, обыматель, озлобитель, оклеветатель, оклеветник, окормитель, препинатель, ниварь, винолий, лестчий, отрочищ.

Все эти слова, за небольшим исключением, такие же редкие, как и исключенные из первого издания, и также не всегда подкрепляются цитатным материалом.

Вообще иллюстративный материал при славянизмах неоднороден. Большинство слов с пометой сл. подкрепляются цитатами из церковных книг: различных частей Библии, Евангелия, Тропаря, молитв и др. Значительное количество славянизмов имеют иллюстрации в виде обычных словосочетаний, встречающихся в церковных книгах, например при слове *безбоязненный — безбоязненный дух*, при слове *благоглаголивый — благоглаголивые уста*, при слове *брак — вступить в брак*, при слове *велегласный — велегласный вития*, при слове *вина — бог есть вина всяческих* и др. В ряде же случаев при словах с пометой сл. вовсе нет никаких иллюстраций. Это в особенности относится к производных словам, например таким, как *баальник, баальство, бдитель, безбожествовать, бряцало, ввыкновение, веледушествовать* и др.

Иллюстраций из светских писателей XVIII в. в САР очень немного. Встречаются цитаты из произведений Ломоносова (их наибольшее количество), Сумарокова, Хераскова, Ф. Прокоповича. При словах или отдельных значениях слов с пометой сл. во втором издании словаря находим лишь 25 цитат из светских писателей, причем 1 — из произведений Ф. Прокоповича и 24 — из произведений Ломоносова.

При словах *бодрствовать, глава, господь, грясти, огущати, окалятися, око, ополчать, поставлять, завет, рука* (в 6-м значении) цитаты из произведений Ломоносова приводятся после цитат из церковных книг, и только слова *блюститися* (во 2-м значении), *вящий* (во 2-м значении), *зрак* (во 2-м значении), *зреться, како* (в 3-м значении), *одеянный* (в 2-м значении), *отженять, отческий, поборник* иллюстрируются лишь цитатами из произведений Ломоносова. Слова *безнаветный* и *обитатель* также иллюстрируются цитатами из Ломоносова, и хотя эти слова не отмечены пометой сл., однако, видимо, это случайность, так как другие слова этих гнезд имеют помету сл. (*безнаветие* и *обитание, обитать, обитальник*).

В трех случаях наряду с пометой сл. имеется в САР непосредственное указание на употребление слов в высоком слоге. При 6-м значении слова *глас* читаем: «В слоге витийственном берется за радость, клики, восклицания, соединенные с благодарением»,— и цитата из Ломоносова. При частице *да* находим: «сл. 1) Полагаемый при глаголах повелительнаго или молительнаго наклонения»; затем следуют две цитаты из Библии, а потом: «Употребляется и в российском языке, но токмо в витийственном слоге», — и приводится цитата из оды Ломоносова. Слово *нагбение* сопровождается пометой сл., а *нагбенный* не имеет никакой пометы, но в определении читаем: «Употребляется в высоком слоге и значит то же, что согбенный», — и следует цитата из оды Ломоносова.

Следовательно, исходя из иллюстрирования, можно считать, что многие слова с пометой «сл(авенское)» составители САР воспринимали как стилистически окрашенные и ограниченные по употреблению в литературном языке своего времени.

Хотя слова, сопровождающиеся пометой «сл(авенское)», в большинстве случаев иллюстрируются примерами из церковных книг, но далеко не все они являются церковнославянскими по своему происхождению; так, целый ряд слов, отмеченных словарем как славянизмы, являются словами общеславянского происхождения, например такие, как *буй*, *вепрь*, *рамо*, *иго*, *уста*, *вено*, *зрю*, *мзда*, *весь* и пр. Другая группа слов имеет древнерусское происхождение, это такие слова, как *обаяние*, *баснословие*, *зодчий* и др. Также характеризуются как славенские в словаре некоторые слова иноязычного происхождения, попавшие в церковнославянский язык, например *априллий* (греч. ἀπρίλλιος), *бредоква* (греч. θρίδαξ), *елей* (греч. ἔλλιον), *лентие* (греч. λέντιον), *милотарь* (греч. μηλωτάριον), *онагрий* (греч. ὀνάγρος), *топаз* (греч. τοπάζων), а также *блона* — слово западнославянского происхождения (польск. błona).[6]

Слова с пометой «сл(авенское)» в словаре очень часто противопоставляются соответствующим им по значению словам стилистически нейтральным, не имеющим оттенка книжности. Об этом свидетельствуют такие противопоставления, как сл. — просто же (*град—город*, *кравий—коровий*, *невежда—невежа* и многие другие); сл. — а просто (*крастовый—коростовый* и др.); сл. — по просту (*главня—головня*); сл. — в общем же языка употреблении (*брада—борода*, *влас—волос*); сл. — в обыкновенном же языка употреблении (*краткий—короткий*, *млачу—молочу*), а также, наоборот, наличие русских слов с противопоставлением их славянским, например: *Ворона*, по сл. *врана*; *коростель*, по сл. *крастель*; *ночь*, по сл. *нощь*; *нужный*, а по сл. *нуждный*; *езжу*, а по сл. *язжу* и др.

[6] В нашу задачу не входит этимологическое исследование слов, рассматриваемых САР как славенские, поэтому сведения об этимологии отдельных слов мы берем из имеющихся в нашем распоряжении этимологических словарей и разысканий (см. список литературы в конце книги). Кроме того, материалы по истории отдельных слов содержатся в книгах А. А. Шахматова «Введение в историю русского языка» (Пб., 1916) и Ф. П. Филина «Лексика русского литературного языка древнерусской эпохи» (М., 1949).

§ 4. Рассмотрим те признаки, которые служат приметой славянизмов. Следует заметить, что эти признаки неоднородны и не выдержаны последовательно по отношению ко всей лексике. Очевидно, стилистический принцип подхода к славянизму смешивается в словаре с историко-этимологическими признаками слов.

Разграничение славянизмов в словаре идет по линии выделения фонетических, словообразовательных, морфологических, лексических и семантических признаков.

В САР выделяется значительное количество основ, признаваемых славянскими. Этот пласт лексики составляет наибольшее количество славянизмов в словаре, так как от каждой из этих основ образуется множество производных, многие из которых квалифицируются как славянизмы. Заметим, что в подавляющем большинстве случаев не все образования с данной основой расцениваются как славянизмы. Возьмем, к примеру, основу *алк(ч-)*. В САР[1] с пометой сл. стоят слова *алчу*, *алкаю*, *алчба*, а слова *алчничаю*, *алчность*, *алчный* не имеют никакой пометы, причем при глаголе *алчничаю* еще дается указание: «употребляется токмо в просторечии»; в САР[2] все эти слова имеют те же пометы, но прибавлены еще слова *алкота* сл. и *алкание* без пометы.

Или основа *вит-*: в САР[1] с пометой сл. — *витаю* 'живу', *виталище*, *витальница*, *обитаю*, *обитание*, *обитальник*, *обитель*, *обительный*, *сообитаю*, *превитаю*; без всякой пометы находим слова с этой основой: *обитаемый*, *обитатель*, *сообитание*, *сообитатель*.[7]

В ряде случаев отсутствие пометы сл. в словаре может быть случайным, но в большинстве случаев оно обосновано либо отсутствием данного слова в церковных книгах, либо реальным изменением стилистической окрашенности этого слова в литературном языке середины XVIII в.

Приведем список основ, признаваемых славянскими в обоих изданиях Словаря Академии Российской. Таких общих основ (или вариантов основ) насчитывается около 140; [8] перечислим их с некоторыми примерами слов, образуемых от них:

алк- — *алкать*, *алчба* и др.;
баал- (бал-) — *баальник*, *балий*;
бд- — *бдитель*, *бдеть*;
благ- — *благо*, *благий*; Кондр. *благий* sl.;
блуд- — *блудный*;
блюд- — *блюсти*, *блюдение*; Кондр. *блюду* sl.;
бодр- — *бодрый*, *бодрствовать*;
борз- — *борзый*, *борзостный*;
бор- — *борю*, *борствую*, *боритель*;

---

[7] В САР[2] эти слова имеют такие же пометы, кроме глагола *сообитать*, который в нем не имеет пометы; из слов этой основы прибавлено еще слово *обиталище*, не имеющее пометы.

[8] Из этих основ исключаются основы, являющиеся только фонетическими вариантами по сравнению с русскими.

бот- *ботеть*;
брак- *брачный*, *безбрачный*;
бран- *бранити*, *бранный*; Кондр. *бранник* sl.;
брен- *брение*, *бренный*;
бряц- *бряцаю*, *бряцало*;
буй- *буесловие*, *обуяю*;
важд- *важдение*, *наваждаю*;
вап- *вапить*, *вапно*;
вар- *варяние*, *варяти*, *предваряю*;
васн'- *васнити*;
вая- *ваяти*, *ваяло*, *изваяю*;
вел'- *велий*, *вельми*;
верг- *вергать*, *вергание*; Кондр. *вергаю* sl.;
верт- *верть*, *вертоград*; Кондр. *вертоград* sl.;
вит- *витати*, *обитаю*;
вит- (вът-) *вития*, *витийствовать*; Кондр. *витязь* sl.,
влаи- *влаю*, *влаяние*;
вои- *вои* и ряд сложных слов на *вое. . .*;
волхв- *волхвовать*;
вол- *воля*, *волитель*;
вон- *воня*, *благовоние*;
врач- *врач*, *врачевница*, *врачевати*;
вещ- *вещати*, *вещец*, *благовещанный*;
вящ- *вящий*, *вяще*;
гажд- *гаждаю*, *гаждение*;
глагол- *глаголание*, *глаголатель*; Кондр. *глагол* sl.; *глаголю*;
глип- *глипати*, *глипание*;
глум- *глумитися*, *глумилище*;
гнуш- *гнушати*, *огнушаю*;
гобз- *гобзати*, *угобзаю*; Кондр. *гобзование* sl.;
гонз- *гонзати*, *угонзаю*; Кондр. *угонзаю* sl.;
грядд- *грясти*, *грядущий*; Кондр. *грядущий* sl.;
дерз- *дерзати*, *дерзый*; Кондр. *дерзаю* sl.;
добл- *доблий*, *доблесть*; Кондр. *доблственно*; sl.
десн- *десный*, *надесно*, *одесную*;
жаждж- *жажду*, *жажден*;
звизд- *звиздание*;
жен- *жену*, *отженяю*, *разженяю*;
зд- *здо*, *зодчий*, *зид*; Кондр. *зодчий* sl.;
зия- *зияю*, *зияние*;
злак- *злак*, *злачный*;
знам- *знамя*, *знаменую*, *знамение*;
жр- *жру*, *жрение*, *жречество*;
зр- *зрети*, *зритель*, *зрак*;
идол- *идол* и сложные слова на *идоло. . .*;
ижд- *иждивати*; Кондр. *иждиваю* sl.; *иждивение* sl.;
козн'- *кознь*;
кол- *коло*, *колия*;

коснкромкуплжлихликлеплякмаамастьмглмздмолмшелмытмурнепщевнедугновнедробавобетобщотрокплищплот'послухпрещпрекпрприснрекреярыдротсварскверносмрадснедсен'творитат'тнтреснтризнтщторгтяж-

косный, косноязычие; Кондр. *косноязычен* sl.;
кромешный, кромешник;
купа;
лжа и сложные слова на *лже. . .*;
лихва, лихоимание; Кондр. *лихва* sl.;
лик, ликую, ликостояние;
лепый, лепотный, лепотство;
лякий, слякий, наляцаю;
маание, маати;
масть, маститый, намащаю;
мгла, мгляный;
мзда, мездник;
молва, безмолвствую;
мшел, мшелоимец;
мыто, мытарство, мытарь;
муро, мурный;
непщевание, непщевати; Кондр. *непщевание* sl.;
недугование, недуговати;
ново и сложные слова на *ново. . .*;
недро, недрствовати;
обавати, обаятель; Кондр. *обаяю* sl.;
обетный, обетовати; Кондр. *обетую* sl.;
общаюся, общение, общитель;
отроча, отрокородие;
плищ, плищую;
плоть, плотоугодник, воплощаю;
послух, послушество;
прещу, прещение;
прекий;
перу, пря, противупрюся; Кондр. *пря* sl.;
присный;
рещи, рекомый, реченный;
реяти, реятися, вреяю;
рыдаю, возрыдати, обрыдати;
рота, рочуся;
свара, свариться;
скверна, сквернитель, скверню;
смрад, возсмердити;
снедати, снедение, снедь;
сень, сенница, сеннописание;
творю, животворю; Кондр. *творю* sl.;
тать, татьба; Кондр. *тать* sl.;
тнити, изтневати;
тресна, тресновитый, тресновица;
тризна, тризник;
тщий, тщегласие; Кондр. *тщить*;
торгаю, преторгаю;
тяжение, тяжатель, вытезую;

ужик, *узичество*;
ухати, *благоухати*;
целити, *цельба*, *целитель*;
червец, *червленный*;
чары, *чаровать*;
чадо, *чадотворю*, *безчадствую*;
юнец, *юнота*, *юный*; Кондр. *юноша* sl.

В первом издании словаря славянских основ больше, помимо перечисленных здесь находим еще около двадцати:

багр- *багрею*, *багряница*, *багрянею*;
баб- *баба*, *баблю*;
бич- *бич*, *бичник*, *бичую*;
блазн'- *блазнь*, *блажню*, *соблазн*;
брем- *бремя*, *бременный*;
ваб- *ваблю*, *вабило*, *вабитель*;
бур- *буря*, *бурный*, *обуреваюся*;
ветх- *ветхий*;
звен- *звеню*, *звенение*;
звер- *зверь*, *зверский*;
зл- *зло*, *злый*, *злоба*;
зыб- *зыблю*, *незыбленный*;
кон'- *конь*, *конегонитель*;
сир- *сирый*;
суе- *суе*, *суетия*, *суетствую*;
треб- *треба*, *требе*;
устраб- *устрабляю*, *устрабление*;
яр- *ярый*, *яростивый*.

Среди этих основ во втором издании словаря имеются отдельные слова, которые снабжены пометой сл. В большинстве случаев эта помета вполне оправдана. Такие слова с пометой сл., как *бичный*, *блажнение*, *бременоносец*, *конегонитель*, *яростивый*, употреблялись в церковных книгах, о чем свидетельствуют приведенные цитаты, в XVIII же веке эти слова устарели и не употреблялись ни в каком стиле речи.

Из слов с основой *брем-* во втором издании словаря только одно слово *бременный* имеет помету сл.; эта помета также оправданна. Слово *бремя* в форме неполногласия утвердилось во всех значениях как единственно бытующее в литературном языке XVIII в. Производное от него слово *бременный* имеет, как и слово *бремя*, два значения: конкретное — 'носящий бремя, тяжесть' и отвлеченное — 'являющийся бременем, гнетом'. В первом значении неполногласной форме соответствует принятая в литературном языке полногласная форма *беременная*, и на фоне ее слово *бременная* является славянизмом: Сильное воображение бременной женщины (Эмн Фемист., 136). Что же касается второго значения слова *бременный* (Когда не бременна народу царска слава — Сум. ДС, 101), то это единственно возможная форма, данное зна-

чение является производным от отвлеченного значения слова *бремя* и, следовательно, может восприниматься как общекнижное слово.

Слово *бурный* во втором издании словаря также отмечено как «сл(авенское)». В нем выделяется два значения: 1) 'с бурею совокупленный' (*бурное дыхание*); 2) 'сильный, скорый' (*бурный ветр*). Материалы середины XVIII в. подтверждают наличие этих двух значений, например в первом значении: Так как падает град на класы в бурное время (Трд. Тилемах., I, 168); По восхождении бурных туч (Лом. СС, I, 288); И бурный шум воздушных споров Чрез верны знаки предъявляй (там же, 101); во втором значении: Ветр бурный с лютым гневом, Дышит отверстым зевом (Сум. Притчи, 12); Да сильный гнев твой злых восхитит, Как бурным вихрем легкий прах (Лом. СС, I, 12); Ежели даруешь мне возвратиться в Крит остров безвредну Вод от ярости сих, возмущенных бурными ветры (Трд. Тилемах., I, 78).

Кроме того, в середине XVIII в. наблюдаем употребление слова *бурный* с отвлеченными словами, что дает возможность употребления этого слова в сфере эмоциональной, например: Но сию бурную в тебе тоску ты должен укротить совершенно (Безбожн., 95); Погаси во мне бурныя волнения лютаго мщения (там же, 88); Бледное и изменяющееся его лицо, изъявляло еще бурныя души его движения (там же, 48). Это употребление появляется только в середине XVIII в. и приближает слово *бурный* к категории книжных слов.[9]

Единственное слово *бабити*, как нам кажется, случайно имеет во втором издании словаря помету сл. По-видимому, это слово со второй половины XVIII века становится достоянием профессиональной речи, ср. употребление слова *бабичей*, отсутствующего в словаре: Оным докторам, пока в том деле обращаются будут именоваться профессорами бабичьяго дела (ПСЗ, XIV, 56). Эта помета механически перенесена из первого издания, где она стоит при всей основе *баб-*.

Среди основ, признаваемых славянскими в Словаре Академии Российской, выделяются две группы: 1) основы, образующие слова, синонимичные словам русского языка; 2) основы, образующие слова, отличающиеся по значению от слов русского языка.

§ 5. Наиболее многочисленна первая группа, где славянские слова являются полными семантическими синонимами слов русских, например: *благий — добрый*, *благо — добро*, *блюсти — стеречь*, *борзый — скорый*, *буй — простяк*, *важдати — нагоравать*, *вапить — красить*, *вергать — бросать*, *волити — хотеть*, *воня — запах*, *врачевати — лечить*, *вещати — говорить*, *глаголати — говорить*, *гобзовати — изобиловать*, *грясти — идти*, *доблий — мужественный*, *десный — правый*, *зрети — смотреть*

[9] В конце XVIII в. расширяется сфера употребления слова *бурный* и его сочетаемость, например: Спокойным оком я взираю На бурны замыслы царей (Рдщв ПСС, I, 196); Уйми страстей моих ты шум И бурный обуздай мой ум (Држ. Соч., I, 33); Возникают страсти бурны И грозят уже паденьем (Рдщв ПСС, I, 94).

и пр. Однако и среди этой группы слов имеются различия и особенности в употреблении.

Прежде всего не все славенские синонимы одинаково употребительны в языке середины XVIII в. Целый ряд из них уже устарели и употреблялись либо в начале XVIII в., либо их употребление свойственно авторам, склонным к архаизации языка. Приведем примеры:

косный 'медленный', славянское слово *косный* употребляется лишь в начале века или у такого автора, как Тредиаковский: Звук коснее расширяется неже светлость (Филос. ест., 3); речи кажутся холодны, косны, слабы (Трд. Тилемах., I, XLIII);

доблий 'мужественный': На осаде троянской, где Идоменей воспрославлен Воев великих приводцем, и купно доблейшим мужем (Трд. Тилемах., I, 160);

вергать (*вергнуть*) 'бросать': Когда некое тело тяжкое в верх вержено бывает (КАН, 13); То все народы здесь оружия вергнут охотно (Трд. Тилемах., I, 179); Ты паки стрелу сизу молньи светлой Верг махом в дол (Рдщв ПСС, I, 150);

гобзовать (гобзить — гобзиться) 'изобиловать': Театры также наполнены как и прежде, шинки гобзят национальными гвардейцами, солдатами и бесштанниками (Псм. Б.-Б., III, 8); Дороги, по которым он ехал, гобзились людьми (там же, 40).

Некоторые из слов, признаваемых славянскими, в середине XVIII в. одинаково распространены в русском литературном языке, так же как их русские дублеты; приведем в пример такие пары, как *брак—супружество*, *зодчий—архитектор*, *врач—лекарь*, которые в середине XVIII в. были одинаково распространены во всех видах и жанрах языка, без каких-либо стилистических или иных различий:

Брак

Пришедши в совершенный возраст сочетались браком (Краш. ОЗК, III, 72); Брак наш скоро совершиться долженствует (Безбожн., 51); Веденная к нему на брак и сопряженная уже душою и единомыслием непорочная дщерь (Анчкв 1769, 5); Лучше и справедливее людям советовать располагать имения по бракам, нежели браки по имениям (Коз. ФП, 131); Брак твой не очень удачен (Фнв. Бриг., 31).

Супружество

Родился сын Ампея да дочь Сидукамнинчь, которые на возрасте вступили в супружество (Краш. ОЗК, III, 72); Предлагаешь ты в супружество ему сестру свою (Безбожн., 92); Невест, каких только на услаждение мыслей человеческих истинный бог и натура в супружество дарует, Афиняне на олтаре закалали (Анчкв 1769, 5); В супружестве для исполнения намерения его должна быть дружба (Коз. ФП, 132); При нынешних супружествах редко с сердцем советуются (Фнв. Недор., 107).

Врач

Необходимость сего (прививки оспы) довольно уже доказана искусными, просвещенными и человеколюбивыми врачами (ПСЗ, XVII, 1055); Врач столько о свойстве лекарства знает, сколько и больной (Эмн Фемист., 207); Что нас не всякой врач на пользу излечает (Ржевск. СЧ, 481).

Лекарь

Для определения во флот, в армии и в прочия места, обучать и производить искусных лекарей и подлекарей (ПСЗ, XIV, 26); Лекарю пользующему пластырями рану должно и о том думать, чтоб из оной не приключилось лихорадки (Эмн Фемист., 246); Скажися ты ему, что доктор ты и лекарь, И сверх того еще аптекарь (Сум. Притчи, 110).

Слово *зодчий*, хотя и признается словарем славянизмом, вряд ли имело какие-либо стилистические отличия по сравнению с иноязычным заимствованием *архитектор*; даже в произведениях такого писателя, как Тредиаковский, в нем нет налета книжности: Будьте зодчим рядным, каменщиком хваленым в нужном мастерстве таком, неже писцом бездельным и пиитом канюком (Трд. СП, I, 43).

Слово *архитектор* (вариант *архитект*) по сравнению со словом *зодчий* более терминологизировано, оно часто встречается в официальных и деловых документах: Ежели кто из архитекторов сочинит инвенцию или изыщет какой способ для общей пользы, о том должен сообщить в Экспедицию (ДАЭ, V, 29); также: ПСЗ, V, 95; ПСЗ, XXII, 1400; СПб. в. 1741, 162; но встречается и в произведениях писателей, например у того же Тредиаковского: Архитект стал добрый из негодного врача (Трд. СП, I, 43).

Некоторые славянизмы имеют одинаковое значение со своими русскими синонимами, но отличаются от них своим употреблением или сочетаемостью; таковы, например, пары: *благий—добрый*, *благо—добро*, *борзый—скорый*, *блюсти—хранить*. В САР слово *благий* определено как 'добрый, хороший'. Слово же *добрый* имеет четыре значения: 1) 'относительно к лицу: а) честный, благонравный, снисходительный, благорасположенный; б) рачительный в своем звании, исправный в своей должности'; 2) 'в прост. значит статный, видный, хороший видом'; 3) 'говоря о животных и прочих произведениях природы, так же о вещах искусно сделанных: превосходный, хороший в своем роде'; 4) 'говоря о вещах, времени, расстоянии значит некоторое увеличение'. Слово *хороший* также имеет все эти значения: 1а) Так это и правда, что не с деньгами жить, а с добрыми людьми (Сум. СС, V, 69); 1б) Добрый архитект (Трд. СП, I, 43); Добрый воин (Псш. РП, 11) и др.; 2) Добрый молодец (Абл. Мельн., 5); 3) Добрый навоз (Тат. Эк. зап., 14); Мука и крупа добрые (ПСЗ, V, 16); Добрые кони (Абл. Мельн., 6); 4) Неприятель отошел от нас на добрую милю (МРФ, I, 69).

Кроме этих значений, в XVIII в. у слова *добрый* находим и другие употребления. К первому (а) значению относится употребление: 'свойственный человеку честному, благонравному', например: добрая душа (Фнв. Недор., 158); добрый нрав (Маркиз, II, 12); доброе сердце (Трут. 1769, 210). К этому же значению следует отнести сочетания слова *добрый* с отвлеченными существительными, где слово *добрый* приобретает значение 'несущий добро, благо': доброе мнение (Фнв. Недор., 104); добрый успех (ЕС 1755, 108); добрый порядок (ПСЭ, XXII, 371); добрые намерения (Лом. СС, I, 227); доброе воспитание (Коз. ФП, 183); доброе дело (там же, 20); добрый совет (ЕОЛ, 38).

Славянизм *благой* синонимичен слову *добрый* только в первом его значении, причем употребляется только по отношению к богу и реже — к царю: Бог благ, отец он твари всей (Држ. Соч., I, 32); Пусть бедный труженик земной Достигнув вечного покоя, Узнает что есть бог благой (А. Тург., 216); Не было толь благаго царя, отнюдь никогда же в нем подобна ему не будет; о боги! о боги! (Трд. Тилемах., I, 31).

Встречаем слово *благой* также в сочетании с отвлеченными существительными — *благие дела*, *благой совет*, *благое утешенье*, *благой закон*, *благая цель*, *благая мысль*, *благое намерение*, — причем в большинстве случаев эти сочетания также относятся к действиям бога или царя, например: Ибо они (книги) утверждают, что после богов величайших, От которых нам приходят законы благие (Трд. Тилемах., I, 84); Бога всемогущего, и во всех всяческая действующаго, вездесущаго, и вся исполняющаго, и утешения благая всем человекам дарующаго (ПБП, I, 85).

Славянизм *благо* является синонимом к русскому слову *добро*. В САР *благо* определяется следующим образом: 'добро, всякое доброе деяние', а *добро* имеет два значения — 1) 'все то, что благо, хорошо, благопристойно, честно, полезно, противупост. злу'; 2) 'имущество, состоящее из платья и других вещей'. Оба эти слова являются синонимами лишь в одном значении; второе конкретное значение слова *добро* не имеет соответствия у слова *благо*. Различаются эти слова и по своему употреблению. Слово *благо* преимущественно употребительно в отношении деяний бога или царя: За сим желаем вашей милости от господа бога всякаго блага (ПБП, I, 29); Вручась творцу всех благ душею, Вы жизнью наслаждаясь сею По смерти с ним начнете жить (ЕС 1755, 100); Не забывай ты благ его (бога): Ты их имел число велико (Сум. СС, I, 146); Муж пагубный грешит от предприятья злаго, Царь праведный грешит ему являя благо (там же, 327); Я зрю тебя, о благ податель, И вся во мне взыграла кровь (там же, II, 122); К сей богине, или к сей смертной, которая толико Всякое благо нам подает, и всем снабдевает! (Трд. Тилемах., I, 6).

Слово *благо* употребляется также для выражения общественных интересов, обычно в сочетаниях *общественное благо*, *общее*

благо: Сии строители общественнаго блага (Розана, 5); В одном, как великие люди способствовали благу своего общества (Фнв. Недор., 139); Добродетелью я называю навык действий, полезных общественному благу (Рдщв СС, V, 101); С сей минуты перестает жить для себя и в общем благе забывает свое частное (Крм. ПРП, II, 44).

Слово же *добро* употребляется более широко, оно не связано так, как слово *благо*, с определенным источником данного качества: Наносят мне вражду и злобу, Чтоб тем мне за добро воздать (Лом. СС, I, 13); Но как всякое добро происходит от просвещеннаго разума (ЕС 1755, 104); Добро называется то, что поспешествует к нашему совершенству (Коз. ФП, 52); Пить до дна не видать добра (ПК, 113); Хотя бы в орде, только бы в добре (там же, 122).

Различаются слова *добро* и *благо* и своими сочетаниями, — так, слово *благо* обычно сочетается с глаголом *творити*, а *добро* — с глаголами *делать* или *чинить*: Творим мы благо: Люди нрава есть иного (Трут. 1770, 49); Предполагаем уже бытие всеконечного творческого разума, все для чего-нибудь, и все благо творящаго (Крм. ПРП, I, 86); Добро делать конечно надлежит, но себе самому, а не людям (Лук. Мот, I, 98); Тот есть философ, который ближнему добро делать учит (Сидней, 6); Он делает всем добро, кому только может (Трут. 1769, 131); Спокойствие духа есть радость об учиненном добре (Коз. ФП, 54).

Только со словом *благо* возможно устойчивое сочетание *за благо рассудить* (или *положить*, или *принять*) в значении 'находить наилучшим'. Это выражение свойственно в XVIII в. книжной речи: И того ради за благо рассудил. . . , как наискорее от того враждебнаго городу уехать (Шфрв, 98); По многих рассуждениях в тогдашнем смятении за благо рассудил усмирить Расиму (Иерон., 48); За благо рассудил изъяснить одни токмо средства, помощию которых можем мы предохранить мысли свои от разных заблуждений (Анчкв 1770, 15); Мы приемлем за благо мнение ваше о заведении школы в Екатериноградe (ПСЗ, XXII, 391); Что быть бы могло, если бы Троеначальники за благо положили осудить разум Цицерона? (Рдщв Пут., 368).

Слова *блюсти* (славянизм) и *хранить* также синонимичны в XVIII в. На всем протяжении XVIII в. у этих слов происходит размежевание в их употреблении. В начале века оба глагола одинаково сочетались с конкретными существительными: Мой бы совет был, ботик сей блюсти (Пркп. СР, II, 50); Не блюди дерева в лесу (ППЗ, 31); Велми надлежит от ранняго щипания орехи блюсти (Псш. КСБ, 250); Сосновыя шишки, мозжевеловыя ягоды, и всякия тому подобныя, которые смотря по времени в погребах свежие хранить (Тат. Эк. зап., 22). С середины же века глагол *блюсти* стал употребляться только с отвлеченными существительными, и хотя он не изменил своего значения, однако изменение сочетаемости поставило его в разряд книжных слов: Пусть

пишут многия; но зная как писать: Звон стоп блюсти, слова на рифму прибирать, Искусство малое, и дело не простое (Сум. СС, I, 329); Как разумом простым водимы человеки, Не ведая наук, незлобие блюсти (Жив., I, 60); Соседы да блюдут союзы (Лом. СС, I, 84); Господь сам жизнь мою блюдет (там же, 8); Не убоялся постоянно блюсти дружбу к справедливости (Коз. ФП, 144).

Синонимическая пара *борзый* (славянизм) — *скорый* в середине XVIII в. употреблялась равноценно во всех стилях и жанрах:

Борзый

Стиль борзый, и бежать которому есть шутка, Не толь ума есть знак, Как больше нерассудка (Трд. СП, I, 11); Бежать уже начали борзо (Трд. Тилемах., I. 83); И батько твой Со мной Так борзо не хлопочет (Ппв Анюта, 98); Кидается (птица) на дразнящий его предмет борзо (Пут. Леп., I, 284); Борзый иноходец (Фнв. Недор., 129).

Скорый

Полет их (журавлей) скорый, токмо тяжелый (Краш. ОЗК, II, 335); Волк вырвался, бежит; а волки бегать скоры (Ржевск. СЧ, 592); Понуждал только своего коня к скорейшему бегу (Члкв Пересм., II, 108); Надменная прибылою водою Волга скоро несла наше суденышко (Пут. Леп., I, 344).

К концу XVIII в. из всех возможных ранее сочетаний со словом *борзый* остается единственное, сохранившееся и в современном русском языке, — *борзый конь*; например: борзый английский конь (Крм. ПРП, VI, 188); борзый конь (Држ. Соч., II, 288); борзый конь (Крм. Соч., I, 68).

§ 6. От славянских основ образуется довольно значительная группа слов, отличающихся от своих русских синонимов лишь стилистической окраской. В отличие от стилистически нейтральных русских слов эти славянизмы имеют окраску приподнятости, торжественности и употребляются в произведениях высокого стиля.

Сравним употребление таких рядов слов, как *глаголать*, *вещать* и *говорить*, *зреть* и *видеть*, *тать* и *вор*.

Глаголать: Многия глаголют тако: кто явит нам время лутче сего времени (Сум. СС, I, 4); Смертным устам не позволено болей нечто глаголать (Трд. Тилемах., I, 161); Следовательно есть ли для обмана простых людей и для скверной прибыли выдумает жрец какое либо изваяние, или образ плачущий водою сквозь потаенныя скважины, или оракул глаголющий необыкновенным механическим голосом, то к такому месту тотчас толпами пойдут идолопоклонники молиться (Анчкв 1769, 21);

вещать: Вещает ложь язык врагов, Десница их сильна враждою (Лом. СС, I, 23); Мне кажется, я слышу, что она к сынам

своим вещает (там же, 253); Вещаешь о любви ты только мне маня (Сум. СС, III, 10); Ты с здравым разумом согласно мне вещаешь (Фнв. Корион, 103).

Торжественная окраска этих слов дает возможность использовать их в низком слоге для достижения комического эффекта, например: Вещает господин ему вещанья новы: И говорит ему: в моей земле коровы Не меняе слонов (Сум. СС, VII, 209); Стал заяц помышлять, как им в морозы быть, Построим мы домок, лисице он вещает (Ржевск. СЧ, 535).

Ср. *говорить*: Большой брат поморщившись несколько говорил: тороват ея муж (Члкв Пересм., II, 132); Не говорила ль я тебе, воровская харя, чтоб ты кафтан пустил шире (Фнв. Недор., 31); Неокл видя родителя своего предосудительному чести их определению повинующагося, так говорил: вить Фемистокл главный собрания член (Эмн Фемист., 4).

Таковы же отношения пары *зреть*, употребляемого в высоком стиле, и *видеть*, употребляемого в любом стиле:

зреть: Ты к пропасти меня поставил, Чтоб я свою погибель зрел; Но скоро обратясь избавил, И от глубоких бездн возвел (Лом. СС, I, 21, Ода); Мы славу Дщери зрим Петровой Зарей торжеств светящу новой (там же, 39, Ода); Не противься лишь судьбине, Хоть в пучину ввержен ныне Утром берег будешь зреть (ЕС 1755, 171, Ода); Дай мне любезная единому умрети, И смерти твоея не возмогу я зрети (Сум. ДС, 97); Помилуй мя господи: зри гонение врагов моих (Сум. СС, I, 10, Ода дух.);

видеть: Вижу я град другой, Салант есть сей несомненно (Трд. Тилемах., I, 155); Не сказывай, что ты меня здесь видел (Нклв, 16); Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковныя на словенском языке (Лом. СС, I, 3); Я видел побежденного Креза, влекомаго на казнь (Трут. 1769, 75); Глаза как плошки, а не видят ни крошки (ПК, 109).

Таковы же отношения у слов *тать* и *вор*: Роптанье на тебя злочестныя сугубят: Тати, пияницы, а протчия все любят (Сум., СС, IV, 77); Козацких поль заднестрской тать, Разбит, прогнан, как прах развеян (Лом. СС, I, 152, Ода); Ах, грабитель, вор, злодей! (Мтн., 100); Большую вор купил себе свечу, Чтоб было красть ему средь ночи в церкви видно (Сум. СС, VII, 33); Ворам, кои часто примечались, обжигали руки обвив их берестою (Краш. ОЗК, II, 23).

§ 7. Другая группа славянизмов, образуемых от основ, признаваемых САР славянскими, не имеет синонимов к словам русского языка; к ней относятся такие, например, слова, как *алкать* 'чувствовать голод', *бдеть* 'бодрствовать, не спать', *блуд* 'грех против седьмой заповеди', *ваяти* 'вырезывать, высекать на дереве, на кости, камне изваяние', *мыто* 'пошлина на заставе', *миро* 'благовонная мазь', *рыдать* 'плакать со вздохами, всхлипывая', *смрад* 'отвратительный запах', *тризна* 1) 'древние игры', 2) 'поминовение по усопшим', и др.

Среди подобных славянизмов имеются такие, которые являются названиями предметов, понятий, процессов, т. е. такие, которые выполняют только назывную функцию, например *миро* означает определенный сорт мази, *ваять* обозначает профессиональное действие, *тризна* — обряд. Эти слова не несут в языке иной функции, кроме номинативной, поэтому они все являются словами общеупотребительными.

Другие же слова, хотя и не имели соответствующих русских эквивалентов, все же получили в XVIII в. определенную стилистическую окраску. Славянские синонимы *бдеть* и *бодрствовать* соответствуют русскому 'не спать'. Оба славянизма входят в состав русского литературного языка XVIII в., но стилистические функции их не совпадают. Глагол *бдеть* не был в середине XVIII в. стилистически окрашен, он употреблялся во всех видах и стилях речи: Подобно бдею я уединенной птице, Которая на кровлях обитает (Сум. СС, I, 144, Ода дух.); Когда мы во сне видим луну, душа имеет то же понятие, и может быть, что в мозгу тогда бывает такое же потрясение, потому что душа воображает, будто луну видит в самом деле. А заподлинно известно, что мы тогда обманывалися: но чем мы себя уверим, что рассуждение наше бывает основательное, когда бдим? (Эйлер ПП, II, 70); И ложась на оную (постель) размышлял, как легко можно препроводить ночь без сна, и хвалил бдящих наших сограждан (Члкв Пересм., I, 49).

Глагол же *бодрствовать* получает окраску торжественности и употребляется только в высоком стиле: Грозная стража всегда имеет мечи обнаженны, Держит также еще и копия в должном прицеле, Бодрствует так, окруживши весь дворец, ополченна (Трд. Тилемах., I, 41); О вы недремлющие очи Стрегущие небесный град! Вы бодрствуя во время ночи, Когда покоясь смертны спят, Взираете сквозь тень густую На целу широту земную (Лом. СС, I, 62); Искусный мореплаватель, не токмо в страшное волнение и бурю, но и во время кротчайшия тишины бодрствует, укрепляет орудия (там же, I, 199, Слово).

Глагол *алкать* в САР [1] имеет одно значение — 'чувствовать голод', в этом значении в середине XVIII в. этот глагол употребляется только в высоком слоге: Некогда в стадо мое ворвался лев алча презельно (Трд. Тилемах., I, 30); Прошел Израиль Чермно море, Алкал опять негодовал (Сум. СС, I, 157, Ода дух.); Пусть кровию моей напьется вран в лесах, И тело в алчущих истлеет тамо псах (Сум. СС, III, 38, Хорев).

В середине XVIII в. появляется у этого глагола и другое значение — 'сильно желать чего-л.': Есть писатели благородные, достаточные и нищие; последние будучи разумом весьма скудны, всего алкают (Трут. 1769, 108); Он алчет в те часы преслезны, Но поздно алчет верен быть (Княж. Флор, 115). В данном значении глагол *алкать* характерен для книжной речи.

§ 8. Лексические противопоставления церковнославянизмов и руссизмов в словаре носят весьма разнообразный характер, и в русском литературном языке середины XVIII в. эти лексические пары функционируют не одинаково. Среди прочих лексических пластов, образующих славянизмы, выделяется значительная группа лексики, охватывающая слова-названия; по своей предметно-семантической сущности она охватывает разнообразные круги лексики. Так как в самом понятии «славянизмы» не заключено определенной системности, то представляется затруднительным представить строгую классификацию среди этой части лексики, здесь можно лишь наметить отдельные лексико-семантические группы слов.

1) Название животных и птиц: *агнец* (рус. *ягненок*), *агница* (рус. *ярка*), *вепрь* (рус. *кабан*), *вол* (рус. *бык*), *еродия* (рус *цапля*), *желвь* и *зелвь* (рус. *черепаха*), *кокошь* (рус. *курица*), *конь* (рус. *лошадь*, (*лилик* (рус. *нырок*), *меск* (рус. *мул*), *неясыть* (рус. *филин*, словарь 1847 г. — *пеликан*), *овен* (рус. *баран*), *пес* (рус. *собака*), *пруги* или *пружие* (рус. *саранча*), *петел* (рус. *петух*), *рябка* или *ряб* (рус. *куропатка*), *теслонос* (рус. *колпик*), *зверь* (рус. *животное*).[10]

2) Название растений или их частей: *былие* (рус. *злак*, *трава*), *вершичие* (рус. *верхушки растений*), *винничие* (рус. *виноградная лоза*), *винничина* (рус. *виноградная ягода*), *виноград* [11] (рус. *лоза*), *горушица* (рус. *горчица*), *грезн* (*рус. виноградная кисть*), *драчие* (рус. *терн*), *злак* (рус. *трава*), *зелие* (рус. *трава*), *купина* (рус *куст*), *лощичие* (рус. *стручковый овощь*), *леторасль* (рус. *годовой побег дерева*), *ляща* (рус. *чечевица*), *масличина* (рус. *маслина*), *паздер* (рус. *стебель хлебных растений*), *пыро* (рус. *горох*), *расль* (рус. *побег*), *рождие* (рус. *отрасли*), *рожцы* (рус. *шелуха стручка*), *садовие* (рус. *садовые растения*), *смоквичие* (рус. *ранние смоквы*), *чернуха* (рус. *ягель*), *шипок* (рус. *роза*), *ягодичина* (*рус. дикая смоква*).[12]

3) Название различных строений и их частей: *вежа* (рус. *башня*), *здо* (рус. *крыша*, *кровля*), *здание* (рус. *строение*, *сооружение*), *кров* (рус. *кровля*), *куща* (рус. *шалаш*), *ограждение* (рус. *стена*, *забор*), *подвой* (рус. *косяк*), *помост* (рус. *пол*), *постельная* (рус. *спальня*), *примост* (рус. *крыльцо*), *своя* или *свояси* (рус. *дом*), *сключение* (рус. *здание*, *сруб*), *стогна* (рус.

---

[10] Слово *вверь* имеет помету сл. только в первом издании САР. Некоторые из слов этой группы имеют помету sl. (славенское) в словаре Кондратовича: *агнец*, *кокошь*, *петел*; в Рукописном лексиконе: *агнец* — р. *ягненок*, *желвь* — р. *черепаха*, *пес* — р. *собака*, *петел* — р. *петух*.

[11] Слово *виноград* во втором издании САР не имеет никакой пометы; материалы показывают, что оно в данном значении было в середине XVIII в. стилистически нейтральным.

[12] Из этого разряда слов в словаре Кондратовича имеются и отмечены как sl. *зелие*, *леторасль*, *смоковница*; в Рукописном лексиконе: *злак* — р. *зелень*, *лясча* — р. *сочевица*.

улица), *столп* (рус. *столб*), *студенец* (рус. *колодец*, или *родник*), *халуга* (рус. *изгородь в поле*), *хлевина* (рус. *хижина*), *храмина* (рус. *жилище, здание*).[13]

4) Название одежды и обуви: *вретище* (рус. *одежда* или *платье* из грубой или толстой ткани), *гащи* (рус. *порты*), *главотяж* (рус. *повязка на голове*), *надраги* (рус. *шаровары*), *обувение* (рус. *обувь*), *опона* (рус. *покров, чехол*), *остегнъ* (рус. *мужское исподнее платье*), *риза* (рус. *одежда*), *рясна* (рус. *женское украшение*), *тресна* (рус. *цепочка, плетешок*), *убрус* (рус. *плат, полотенце*), *укрой* (рус. *обвязка*), *чресленник* (рус. *пояс*).[14]

5) Название пищи: *брашно* (рус. *яства, пища*), снедь (рус. *пища, яства*), *ядь* (рус. *пища, кушанье*), *босман* или *босмана* (рус. *дорожная пища*), *пряжмо* (рус. *хлебное*), *укрух* (рус. *отрезок хлеба*), *юха* (рус. *отвар мясной*).

6) Слова, относящиеся к военному или морскому делу: *бодец* (рус. *шпоры*), *брозда* (рус. *удила*), *броня* (рус. *панцирь*), *вельбудь* (рус. *корабельный канат*), *котва* (рус. *якорь*), *ратовище* (рус. *древко копья*), *тул* (рус. *колчан.*)[15]

7) Слова, относящиеся к заболеванию: *недуг* (рус. *болезнь*), *неможение* (рус. *болезнь*), *горволь* (рус. *пузырь водяной*), *масть* (рус. *бальзам,*) *опухление* (рус. *опухоль*), *окоболение* (рус. *очная болезнь*).

8) Названия предметов быта: *горнец* (рус. *глиняный горшок*), *жезл* (рус. *посох*), *завора* (рус. *запор*), *закров* (рус. *завеса*), *звонец* (рус. *колокольчик*), *коноб* (рус. *котел, горшок*), *корчаг* (рус. *большая чаша*), *коша* (рус. *корзина*), *одр* (рус. *кровать*), *скрин* (рус. *сосуд, чаша*), *оскорд* (рус. *большой топор*), *рылец* (рус. *лопаточка*), *столец* (рус. *стул*), *секира* (рус. *топор*), *тоболец* (рус. *сумка, котомка*), *трезуб* (рус. *вилы трезубые*), *цырена* (рус. *соловарная сковорода*), *чван* и *чванец* (рус. *кувшин*).[16]

9) Названия различного сырья и материалов: *вап* (рус. *краска*), *вапно* (рус. *известь с песком и водой*), *волна* (рус. *овечья шерсть*), *жупел* (рус. *сера горючая*), *крока* (рус. *кудель*), *крушец* (рус. *руда*), *лой* (рус. *сало*), *руно* (рус. *овечья шерсть*), *скудель* (рус. *глина*), *усма* (рус. *кожа*), *червленец* (рус. *багровая краска*), *шары* (рус. *краска*), *ярина* (рус. *белая шерсть*).[17]

10) Части и органы тела: *близна* (рус. *морщина*), *вежда* (рус. *веко*), *выя* (рус. *шея*), *око* (рус. *глаз*), *глезна* (рус. *лодыжка*),

---

[13] У Кондратовича sl. *куща, столп*; в Рукописном лексиконе: *здо* — р. *кровля*: Сие слово здо единого токмо во псалтири положено; *здание* — р. *строение*.

[14] У Кондратовича sl. *риза*; в Рукописном лексиконе: *главотяж* — р. *повяска*.

[15] У Кондратовича sl. *котва*; в Рукописном лексиконе: *брозда* — р. *удила*.

[16] У Кондратовича sl. *секира, тоболец, кош*.

[17] У Кондратовича sl. *усмарь*; в Рукописном лексиконе: *жупел* — р. *сера горючая*.

голень (рус. *нижняя часть ноги*), *зеница* (рус. *зрачок*), *зрак* (рус. *лицо*), *ланита* (рус. *щека*), *левица* (рус. *левая рука*), *лик* (рус. *лицо*), *ложесна* (рус. *утроба*), *лысто* (рус. *лытка*), *лядвея* (рус. *ляжка*), *обочие* (рус. *окружность глаза*), *обушне* (рус. *окружность уха*), *перси* (рус. *грудь*), *плоть* (рус. *тело*), *пригорщи* (рус. *пригоршни*), *пясть* (рус. *кисть руки*), *рамо* (рус. *плечо*), *скраний* (рус. *висок*), *стегна* (рус. *бедра*), *стопа* (рус. *нога*), *тук* (рус. *жир*), *уд* (рус. *член*), *уста* (рус. *рот*), *устне* (рус. *губы*), *чресла* (рус. *поясница*), *правица* (рус. *правая рука*), *шуйца* (рус. *левая рука*), *ятро* (рус. *почка*).[18]

Все эти группы слов имеют некоторые общие особенности; прежде всего все они (за исключением небольшого числа родовых названий) обозначают конкретные предметы; большинство из них не образует производных, те же из них, которые имеют производные (*агнец — агнчий*, *скудель — скудельный*, *усма — усменный*, *усмарь*), также весьма ограничены в своем словопроизводстве.

В языке XVIII в. эти слова занимали не одинаковое место в системе русского литературного языка; одни из них прочно вошли в нейтральный фонд литературного языка и существовали в качестве таковых уже с начала XVIII в. (и ранее), например *конь*, *зверь*, *снедь*; другие были вытеснены к середине XVIII в. их русскими дублетами (например, *петел*, *пыро*, *вежа*), третьи употреблялись лишь в определенных контекстах, связанных с библейскими аксессуарами (*эродия*, *желвь*, *теслонос*); четвертые служили стилистическими синонимами высокого слога (*агнец*, *шипок*, *стогна*, *риза*).

В начале XVIII в. большинство указанных выше слов-названий, охарактеризованных в САР как славянизмы, были еще употребительны, входили в определенные синонимические ряды в качестве синонимов-дублетов, например *коша — короб*: Увидел кошу полну хлеба (Притчи 1712, 13); У всяких людей обыскивати соболей и лисиц. . . в обозах и сундуках и в коробах и в сумах (ПСЗ, III, 392); *хлевина — хижина*: Проходящу же царю от хлевины его, почерп воды мало от студенца своего (Пуф. Ист., 44); И плетнем ея хижину оплел (Вас. Кор., 125). В ряде источников оба синонима предлагаются как равноправные, например *металл — крушец*: металлей или крушцов (Геогр. Тат., 67); металлы (крушцы) (Кн. мир., 151).

В редких случаях такого рода славянизмы закрепляются в языке на всем протяжении XVIII в. Обычно это можно объяснить тем, что слово обозначает какой-либо определенный вид предметов из рода подобных, т. е. оно приобретает терминологический характер. К такого рода словам следует отнести, например, слово *корчаг* ‘большая чаша’, которое жило в языке на всем про-

---

[18] У Кондратовича sl. *выя*, *зеница*, *врак*, *рамо*, *скрании*, *устие*, *плоть*; в Рукописном лексиконе: *выя* — р. *шея*; *око* — р. *глаз*; *ланита* — р. *щека*.

тяжении XVIII в. и не имело никакой иной функции в языке, кроме номинативной: Пчела муха весьма не велика и собирает она мед не корчагами, но самыми малыми крупицами (Псш. КСБ, 169); по 20 корчаг чистаго елеа (ЕС 1755, 122); Парят овсяную муку в корчагах разведши водою (Пут. Леп., I, 152).

Так же слово *студенец* ‘колодец или родник, содержащий холодную воду’: Некогда волк от студенца пиеше воду (Зрелище, 8); На сем холме видим древний вал и студенец (Пут. Леп., IV, 392); И ветвеглавые елени табунами К потокам, к студенцам пробитыми тропами Бежали вереницей пить (Држ. Соч., III, 171).

Другим основанием для сохранения слова в составе лексики XVIII в. является закрепление данного слова в профессиональном употреблении; примером могут служить такие «славянизмы», как *волна* ‘овечья шерсть’ (употребляется на всем протяжении XVIII в.),[19] *цырена* ‘соловарная большая сковорода’.[20]

Нередко происходит изменение в значениях слов в профессиональном употреблении по сравнению с исходным, признаваемым словарем славенским. Так, слово *вап*, значение которого ‘краска’ признается в САР славенским (ср. в начале XVIII в.: ... и святые иконы называл древо и вапы — Д. Тв., 245), по свидетельству Рычкова, в языке рудодобытчиков означало в середине XVIII в. один из сортов глины: Вапом рудоискатели называют такую глину, которая бывает гораздо тверже обыкновенной глины и подобна мягкому камню (Ж. Рычк., I, 113).

Некоторый сдвиг значения наблюдаем и у слова *помост*, — в САР как славенское оно имеет значение ‘пол’ (ср. в нач. XVIII в.: На помосте последний ряд кирпича, на которой на ребро оной мостить с песком — ДАЭ, 69), в середине же и до конца века это слово находим в значении ‘настил под чем-л.’, например: В юртах, в балаганах и в барабарах над очагом делают они помосты из кольев и кладут на оной рыбы (Краш. ОЗК, III, 51).

Слово *средостение* в САР имеет значение ‘главная средняя стена в строении, связывающая и скрепляющая все здание’; это слово из строительной терминологии попадает в терминологию медицинскую, причем происходит в нем сдвиг в значении: Средостение, средостенный мозг (диплос) (Анат. Г., XXXIX).

§ 9. Некоторые слова признаются в САР славенскими по признакам чисто идеологическим, внеязыковым. Таковыми являются многие слова, относящиеся к церкви: сюда входят слова, непосредственно относящиеся к богу, богоматери, святой троице и подобные, например *господь*, *воплощаю* ‘даю плоть зачатому во чреве (говорится о пресвятой деве)’, *вечную* ‘всегда, вечно пребываю,

---

[19] Одеяние от волны сотканное (Псш. КСБ, 210); От 10 овец фунт волны (Пут. Биб., 70); Овечью волну (ЭМ, I, 159).

[20] Цырены или сковороды (ПСЗ, XII, 337; ПСЗ, XXII, 340); Соловарение происходит в варницах. . . В оных по одному цирену (МИГ 1793, 49).

существую (о боге)', *ликостояние* 'число лик составляющих', *трисияю* 'блещу, сияю тройственным сиянием (говорится о святой троице)'; слова, связанные с основными догматами религии, например *пакибытие* 'возрождение, новая, обновленная жизнь', *божу* 'чту богом', *воцерковление* 'сопричисление к церкви'; слова, относящиеся к религиозному обряду: *жрение* 'приношение жертвы богу' (также *жруся*, *жертвенная* и др.), *молитвую* 'приношу, воссылаю к богу молитвы', *субботствую* 'праздную день субботний' и др.; слова, обозначающие предметы, употребляемые при религиозном культе, например *воскомастик* 'состав из воску и мастики состоящий, устрояемый нарочно к положению в ковчеге или в антимине части святых мощей', *светильник* 'лампада с горящим маслом', *седален* 'церковные стихи, при пении или чтении которых присутствующие в церкви сидеть могут'; названия религиозных праздников, например *пятидесятница* 'праздник, установленный церковью в воспоминание сошествия святого духа на апостолов по пятидесяти днях пасхи', *успение* 'праздник, совершаемый церковью августа 15 дня в память преставления от жизни божьей матери'.[21] Все эти слова могли употребляться лишь в очень специфических контекстах, главным образом в церковной литературе или в других произведениях, где идет речь о делах церковных, — ср., например, *иконоборство*, *иконоборный* у Магницкого: Мы чаяли, что на Москве лучше нашего благочестие, а вижу, что горше иконоборство, нежели в лютерах и кальвинах (Д. Тв., 220); Проклинаю иконоборную ересь (там же, 210); или слово *мученикословие* в переводе Веревкина Книги Аль-Корана: (Магомет) низложил тысячу корейшитов, получает у них великой цены добычу, потеряв не более сорока человек, коих имена занимают наипервейше место в мученикословии магометанском (Коран VIII); или *чудодействующия иконы* в Кратком рассуждении о фанатизме (ПТ, IV, 68). Сюда же условно можно отнести слова, относящиеся ко всяким злым силам и действиям, осуждаемым религией, например *бес* 'дьявол, демон, злой дух', также *бесноватыя*, *бесный* и слова, связанные с колдовством, ворожбой: *баальство* и *бальство*, *бальствовать*, *волхвовать*, *волхвование*, *волшвение*, *волшебство* и *волшебствование*, *волшебствовать*, *ганание*, *ключеволхвование*, *наузы*, *обавати*, *птицеволхвование*, *птицеволшебствовать*, *утробоволхвование*, *утробоволхвовать*, *чаровать*, *чары*, *басночревный* и др.

Некоторые из этих слов приобретают более широкое употребление. Так, слово *бес* по свидетельству словарей признается славянским, также Татищев в начале века писал: Но блаженная Ольга, бывшая от рода князей славенских, прияв владение, паки славянский язык нечто возобновила и хотя уже давно начали ре-

[21] Многие из этих слов в САР[2] не имеют пометы сл., таковы *мучительствую*, *субботствую*, *трисветлый*, *воскомастик*, *кадильник*, *мясоястие*, *седален*, *успение*, *второзаконие* и некоторые другие.

чение исправлять и к славянскому приближаться, однакож до днесь еще многие употребляем, яко: вот, чють, эво, это, пужаю, чорт, вместо: се, едва, здесь, сие, страшу, бес и пр. (Тат. Разг., 91). Однако слово *бес* встречается в пословицах: Гори кабак и с ярыжными, вси беси в воду, а черт на берег (ППЗ, 44); Ангел в правде помогает, а бес лжею подстрекает (ПК, 107); Радостен бес, что отпущен инок в лес (там же, 119); также и в произведениях низкого жанра слово *бес* употребляется без какой-либо стилистической нагрузки: Не льзя ко мне подкрасться пес, Хотя бы влез В тебя собака бес (Сум. СС, VII, 17, Притчи); В пространный лес Занес сову лукавый бес (Майк. Басни, I, 33); ср. также пословищное выражение в комедии: Поручательство-то от векселя отрежь, как будто закладу у тебя не было, а я векселя Крепышкиной на обороте поскоблю, так вот и все беси в воду, и пузырья в верх (Мтн., 91). В конце же века слово *бес* становится не только словом нейтрального слоя языка, но и развивает такие выражения разговорного характера, как *бес* на что-л.: [В а н ь к а:] Да ты бес на выдумки (Крыл соч., I, 453). Слово *кромешный* в сочетании со словом *тьма* также признается словарями славянизмом и обозначает ‘ад, тартар, преисподняя’. Выражение *тьма кромешная* употребляется в середине XVIII в. в более широком значении, оно может встречаться и в несколько преобразованном виде: В кромешную тартара бездну (Трд. Тилемах., I, 189).

Из этой группы слов следует выделить расширившее в литературном языке свое значение слово *умастить (умащать)* — первоначально ‘намазать мастью’. Это слово попадает в середине XVIII в. в арсенал высокого слога, притом расширив свои возможности, — оно уже имеет не данное узкое значение, а более широкое: ‘вообще намазать (чем-л. благовонным);’ появляется возможность сочетаний его с такими объектами, как *елей*, *бальзам* и подобные: Везде твоим жезлом и палицей спасаюсь, Трапезу питие имеют от тебя, Главу мою твоим елеем умащаю (Сум. СС, I, 26, Ода дух.); Коль праведник меня накажет, Мой дух того не отомстит: Главу слезами мне помажет, Власы бальсамом умастит (там же, 200).

Те же внеязыковые отношения служат основой для выделения в качестве славянских групп слов, связанных с понятием власти, господства. Эти слова чаще всего в литературе XVIII в. относились к царю, царской власти, а также и к власти божьей. Это такие слова, как *владыка*, *владычествие* и *владычествование*, *владычествовать*, *властительствую*, *властвую*, *властельствую*, *властительство*, *властелинство*, *властелин*, *вождь*, *воцаряти*, *воцаряться*, *венценосно*, *господство*, *державствую*, *местоначалие*, *народоводствовать*, *обладаю*, *огосподствовати*, *одержание*, *тысященачалие*, *частеначальство*, *четверовластвовати*, *чиноначалие*, *повинную*, *старейшинство* и др.

Приведем лишь некоторые примеры употребления этих слов в высоком слоге:

вождь: Сразу их вождя горделива, И копие в него вонзи (Сум. СС, I, 119, Ода дух.); Египет и Иудея, от которых напоследок вселенныя вождь и великаго совета Ангел произыде (Анчкв 1769, 5);

господство: Громада перед ним покорна вся сия: Над тварьми дал ему господство ты толико (Сум. СС, I, 18, Ода дух.); Реет он есть всегда сребролюбием, страхом, подвором. Мнится быть господин другим, над собой без господства (Трд. Тилемах., I, 43).

§ 10. Как славянизмы в САР характеризуются целые лексико-грамматические разряды слов. Наиболее многочисленным из них является разряд наречий со значением места, направления, образа действия.

В языковой практике XVIII в. эти наречия употребляются не одинаково, а в зависимости от того, насколько они усвоены в русском литературном языке того времени. Значительная часть таких наречий характерна лишь для начала XVIII в. и употреблялась преимущественно в церковно-книжном типе языка; это следующие наречия: *внутрьюду* (или *внутрьуду*), *внеуду*, *впослежды*, *вресноту*, *вскрай*, *вскую*, *вторицею*, *выну*, *годе*, *горе*, *дозде*, *дозела*, *единаче*, *елижды*, *еликожды*, *зде*, *зельно*, *изветом*, *излиха*, *изначала*, *инамо*, *инде*, *инуда*, *изперва*, *камо*, *куде*, *наопак*, *натолице*, *наутрей*, *негли*, *неточию*, *неули*, *обонпол*, *обоямо*, *овамо*, *овогда*, *овоуду*, *онамо*, *онде*, *онуду*, *отай*, *отвнеуду*, *отвне*, *отдалече*, *отднесь*, *отдолу*, *отдетска*, *отзде*, *отнекуду*, *отнюдже*, *отонуду*, *отонудуже*, *отсупротиву*, *оттамо*, *оттогда*, *отсего*, *очивесть*, *полма*, *помале*, *поряду*, *послежде*, *преди*, *приобщне*, *присно*, *среде*, *суе*, *тай*, *уне*, *ту*, *туде*, *удобь*, *некако*, *никако*, *никаможе*, *юду*.

Приведем примеры употребления накоторых из них: Потом вторицею узре, убояся обачеже не тако (Притчи 1700, 99); И безумная птица, не годе тебе яко жива тя пуста, а ты мзды желаешь (там же, 132); Ибо на сем свете нет инаго чувствительне, чем бы бог дозела прогневан (ЮЧЗ, 19); Черную одежду на себя возложила и зельно печали вдалась (Александр, 138); [Ц ы г.:] Юуже б излиха наевся и соломаки! (Интерл., 41); И аще великородных судей поберечи от жестоких казней, то лучши изначала ради уставления правды в суды посадить из ниских чинов (Псш. КСБ, 171); А буде же кто наймет на день или на неделю в дому или где и инамо поработать, то на таковых наемщиков поручных записей брать некак (там же, 181); (Французы) мужественно исперва боронились, потом побежали, оставя своих больше трех сот убитых (Вед., 33); Рассуждало бы духовное коллегиум, каковых исперва учителя определить (ДР, 24); На дворе великий шум стался, который мне великий страх дал, для чего я ея испросил, кто приехал и камо сохранитися могу (Александр, 166); Потом стоящу ему на острове, много мысляще и осматряюще семо и овамо (Вас. Кор., 111); К Литве или к бирже, литовские войска семо и овамо едут (Вед., 78); Мы судим овогда право, а овогда же и неправо (Псш. КСБ, 141); Они же не хотящи и слышаться сего, отаи от него

убежав, иде к сродником своим (Притчи, 1712, 39); Да и папа не иным способом толико превозмог, но точию государство Римское полма пресечь и себе великую часть похити (ДР, 4).

В середине же XVIII в. эти наречия изредка встречаются лишь в наиболее архаизированных типах языка, например: А при том и божие несказанное о роде человечестем промышление, зде воспомянем (Сеч., 4); О гробы поваплепные; како отвне явилися красны (Гребн., 8); Оставил ты семо знаменитую и бессмертную по себе славу (Осв. Иерус., 123).

Гораздо более широко в литературе XVIII в. представлены следующие наречия: *велми*, *вкратце*, *всуе*, *доднесь*, *доколе*, *долу*, *едва*, *еле*, *зело*, *издетска*, *издревле*, *измлада*, *искони*, *како*, *наедине*, *напреди*, *ниц*, *паки*, *паче*, *повсюду*, *помалу*, *свыше*. Все они принадлежат к области книжной речи, употребляются в высоком стиле или в серьезных, «важных» сочинениях. Рассмотрим некоторые из них.

Вкратце в середине XVIII в. встречается в разных видах книжной речи: Вкратце, с начала самого до конца, достоит течению слова ироическаго литься всеконечно непресекаемым нигде и ни от чего потоком (Трд. Тилемах., I, XXXVII); Предложив мое мнение вкратце о сей трудной, но веселой, и нынешнему торжеству приличествующей материи, от солнечного света к осиянным радостию сердцам вашим обращаюсь, слушатели (Лом. СС, I, 354); Когда я принялся за чтение философии, то увидел там во многих местах полезныя для человека истины. . . и для того я выбрав из них полезныя для умаления труда и скуки читателю, предлагаю вкратце (Коз. ФП, 9); Я для лучшего изъяснения и подтверждения ваших мнений, как по моей должности, так и по обыкновению не премину упомянуть о том вкратце (ЕС 1755, 178, Речь).

Всуе употреблялось в высоком слоге и в книжном языке вообще: И когда оно (время) приидет не отпускать всуе (Савицк., 16); То мудрость наша там возносит всуе глас (Трд. СП, I, 24); Не всуе среди сего царствующего града жилища наукам воздвигнуто (Лом. СС, I, 206); Ты всуе солнце почитаешь, И пред луной себя склоняешь (там же, 44); Как от заклинания, так и от клятвы должны мы беречься, чтоб не употреблять ее всуе (Коз. ФП, 129); Однако всуе все такое было его сопротивление против природы (Анчкв 1769, 14); Евклид всуе предлагать бы хотел без доказательств наилучшия геометрическия истинны (Эйлер ПП, II, 187).

Такими же общекнижными словами были наречия *доднесь*, *издетска*, *издревле*, *искони*, судя по их употреблению:

доднесь: Приятны есть, слушатели, отдаленных времен история, которая глубокой древности дела предает доднесь потомкам в пример и в научение (Трт., 3); И Спасские в Кремле ворота может быть для того больше всех почитаются и доднесь, что в оные патриархи древние имели свой торжественный ход (Дсн. 1772, 30); Хотя по сие время за подлинно утверждать было невозможно, чтобы обращение земли около оси от начала мира доднесь было

равномерно и постоянно (Рум. Обращ. земли, 4); Звучат доднесь по свету звуки, Как он секирой ударял (Држ. Соч., I, 262);

издетска: Блажен, кто получив родителей честных, Воспитан в строгости обычаев святых, Издетска научен знать хвально что, бесчестно (Жив., I, 61); Всего достохвальнее в сем народе то, что они детей своих хотя и чрезмерно любят, однако издетска к трудам приучают (Краш. ОЗК, III, 162);

издревле: Таковыя частыя в подсолнечной перемены объясняются вам, что земная поверхность ныне совсем иной вид имеет, нежели каков был издревле (Лом., СС. I, 358); В принятом издревле законоучении вещи разделяются на принадлежащия к правам божественным и человеческим (Дсн. 1772, 29); Слова Утрехтского мирного договора Акадия с древними своими границами, не значит с границами, какия та земля издревле имела (Сев. Ам., 306); Город Володимир издревле был столицею великих князей (Пут. Леп., I, 10); Издревле было то, и будет то во веки, Что злые на честных клевещут человеки (Ржевск. СЧ, 535); Мой друг, издревле свет таков, Что страждут бедняки всегда от богачиев (Леонт., 24, Басни); Издревле у чертей с ворами дружба (Сум. СС, VII, 54, Притча); Издревле человек, привыкший возноситься И пред подобными себе всегда гордиться, На вымыслы готов (Хмн. СС, 275); Ты разве позабыл, что весь издревле свет Все на авось-либо надежду полагает? (Капн. Яб., 39); Где ты, прекрасная, где обитаешь?. . . Там ли, где солнечной луч освещает Гор неприступных хребет разноцветный, Где обитали издревле Высокия силы и боги? (Крм. Соч., I, 21);

искони в середине XVIII в. чаще употребляется в книжной речи, например: Ужасный чудными делами Зиждитель мира искони Своими положил судьбами Себя прославить в наши дни (Лом. СС, I, 75, Ода); Престол твой крепок искони, А ты о боже вечен! (Сум. СС, I, 134, Ода дух.); Последователи ж лейбнициевы утверждают, что в самое то время, когда рождается в душе желание писать, тело собственною своею силою, без всякаго побуждения душевнаго, движется по законам, искони от бога предуставленным (Анчкв 1769, 14); в конце же века *искони* получает еще более широкое употребление, например: Три слова важныя скажу я вам, Которы искони весь свет твердит и слышит (Всткв Ст.,201); Зовите ж вечно вы меня Искориотом, Когда он искони не окрещен Федотом (Капн. Яб., 43); Нельзя взирать без некотораго ужаса на сии концы земного творения. . . где меланхолическая пустота искони царствует (Крм. ПРП, III, 138).

Наедине употребляется очень широко и стилистически нейтрально в разных стилях и жанрах середины XVIII в.: Оставшись с Θемистоклом наедине, Неокл спрашивал его (Эмн. Фемист, 176); Науки пользуют везде, Среди народов и в пустыне, В градском шуму и наедине, В покое сладки и в труде (Лом. СС, I, 82, Ода); На едине как верну другу Супруга говорит супругу (Сум. СС, VII, 143, Притчи); Потом просил, чтобы я выслушала

у него нечто наедине (Члкв Повариха, 14); Я с вами наедине быть рад (Фнв. Бриг., 21); Зная он ее охотку, Сколь она пить любит водку, За прохлад на едине, Рада жизнь скончать в вине (Трут. 1769, 231).

Паче в середине века употребляется широко в разных жанрах: Возлюби паче славу человеческую, нежели славу божию (Сеч., 15); Ты дашь веселье сердцу моему, Паче изобилия пшеницы и вина (Сум., СС, I, 4, Ода дух.); Но грады Росские в надежде, Котора их питала прежде, Подвиглись слухом паче тех, Верьхами к высоте несутся, И тщатся облаком коснуться (Лом. СС, I, 114, Ода); О ужасная мысль! Ты паче грома всю внутренность мою поражаешь! (Безбожн., 33); Родителям пристойно любить своих детей и предостерегать их от не благополучия, а паче всего добрыми воспитывать (Коз. ФП, 133); (Камчадал) услуживал всем паче холопа, наиболее же будущему своему тестю, теще и невесте (Краш. ОЗК, III, 126); В Москве, как по церквам, так и по монастырям во время божественной службы, а паче где праздники и великие съезды бывают, ходят нищии (ПСЗ, XV, 739); В Иркутске, или паче в Иркутском уезде, есть соболи разных родов (ЕС 1756, 191); По большей части владеют (землями) без крепостей, не взимая по исконной черкасской обыкности и сущей простоте, паче ж и по недостатку времени (МЗК XVI, 15); С Бореем был у Феба разговор, Иль паче спор (Сум. СС, VII, 5, Притчи); Паче всего изволь читать уложения и указы (Фнв. Бриг., 11); Обе поединщицы приходят во исступление: злоба паче возгарается (Трут. 1769, 263).

Паки употребляется в середине XVIII в. в книжном языке: Я в гневе Россам был Творец, Но ныне паки им отец (Лом. СС, I, 41, Ода); За малодушие князь видел Киев гнев, И быв любовником стал паки быть Хорев (Сум. СС, III, 35, Хорев); Но едва мы в мыслях своих дошли до прежнего состояния, то уже оно нам и наскучило, и так паки желаем возвратиться к прежнему (ЕС 1763, I, 54); На вершинах объявленной реки накормя лошадей и ехав чрез горы верст с 20, увидели паки вышеписанную реку Белую (Краш. ОЗК, IV, 284); А иные из них, будучи перед конторою, паки озорничной свой крик продолжали (ПСЗ, XV, 984); в конце же века встречаем его только у писателей старого слога: Разум и дух паки начали действовать (Рдщв Пут., 384); Она останавляется, содрогается и отступает, но восторг паки направляет ее стопы к месту, коего она страшится (Юнг, 10).

Целый ряд наречий приобретает торжественно-приподнятую окраску и становится употребительным только в высокой торжественной речи, такие как *абие*, *вспять*, *выспрь*, *долу*, *вотще*, *идеже*, *овамо*, *ошую*, *присно*, *семо*, *туне*. Приведем примеры.

Абие: Рекла, и помаав главою, Поколебала твердь небес; И тварью абие земною Узренно сбытие словес (Птрв., 106, Ода); И перст простря своей десницы На Росски абие границы, Глаголет к мудрости судьба (там же, 100); Рек мир, и абие вослед, Где несся

ратай лавроносен, Летит по воздуху некосен (там же, 176); Не абие умерщвляет (бог) нас, но долготерпит нам (Стеф., 6); Едва бо токмо явися ему гонимый им Христос, абие в самом начинании моления растаевает весь глаголя (Мог., 7).

Вспять: Там Наввин, иль Сампсон стремится! Текут струи Евфратски вспять! (Лом. СС, I, 131, Ода); Приступающие уже к пределам нашим кичливые сопостаты оцепенели, и завистливый жар свой вспять обращая больше о бегстве, нежели о сражении помышляли (Лом. СС, I, 196, Слово); Великий Петр. . . некогда предсказывал, что науки на подобие крови в человеке проходя Европу и возвращаясь вспять на свое древнее жилище в Грецию, по пути своем и в Россию со временем зайдут (Трт., 9).

Выспрь: Воззрим выспрь к небесам на толь далеви своды, Которы ровом нам чрез толь премноги годы (Трд. Феопт., 213); Равным образом естьли електрическая сила, стремясь из земли в выспрь, выходить станет (Анчкв 1769, 21).

Присно: Мне токмо остается пастырски желать, да радость сия присно в нас пребудет (Амвр. ПС, I, 6); Всем милости ея Отверсты присно недра (Птрв, 182), а также и другие: Да ухищряет супостат возлюбленное мое стадо, высокие, тайные и глубокие замыслы, да подвигнет всю мудрость. . . вся сия идеже промысел мой, без дельна будут (Гребн., 9); О колико нощей вотще вы без сна пребыли! (Вас. В., 4); Семо, рек мне отшельник, опочиет тело твоего владыки в мире (Осв. Иерус., 320); такого типа наречия, употребляемые в простом слоге, служат для нарочитой стилизации речи, ср.: И как мы оба, на земли поживши, по своему желанию, водворимся в место злачно, в место покойно идеже праведники упокоеваются (Трут. 1769, 120); [В о р о ж е я:] Рцы, чадо, скоро ли придет семо начальница дома сего (Сум. СС, XI, 134).[22]

Следующая группа наречий, хотя и отмечена обоими изданиями словаря Академии Российской как славенские, не воспринималась в середине XVIII в. как высокие и даже как книжные слова, эти наречия свободно использовались во всех видах и жанрах литературного языка без всякой стилистической нагрузки; к ним следует отнести:

доколе: Пройди о лютое ненастье! О боже отврати несчастье, Доколе жизни не лишусь! (Сум. СС, I, 52); Герои билися доколе силы их Ослабли, и они валялися безгласны (Майк. Басни, II, 31); Известно, то что плут по самый срок тот грешен, Доколе не

---

[22] В конце века эти наречия употреблялись только в произведениях архаического слога, например: Тело возвратится паки в персть, да вознесется душа в выспрь, и будет бесконечно блаженна яко и мы (УС, 45); Когда вознесу ногу, да первый шаг исполню в вечность, я взоры обращаю вспять (Рдщв СС, II, 114); Слово твое живущее присно и во веке сотворения твоих (Рдщв Пут., 490); Узнал я, что сия богиня есть сама луна, ощую и одесную сея страну зрелися два извивающиеся змия (Апулей, II, 237); Премудрость тех винит сама. Кто прямо дел не разбирая, Пред сильным похвалой играя, Бесславным славой туне льстят (Хрп., 374).

повешен (Сум. СС, VII, 331, Притчи); Таким образом препроводили мы у Великаго герцога вечер, доколе пришло время садиться за стол (Маркиз, II, 77);

едва: Но воспоминая о пользе философии, едва не позабыл я предложить вам и о ея трудности (ЕС 1755, 181, Речь); Вогнутыя зеркала славны весьма особливыми явлениями, которых не видев едва поверить можно (Влф. физ., 115); Едва вышел я из младенчества, как стал иметь уже в руках моих книги (Сидней, 14); На холме превысоком Матерой дуб стоял, Едва его кто оком Вершины доставал (Майк. Басни, II, 25); А то, что грамота, писцы едва и слышут (Сум. СС, VII, 327, Притчи);

вельми: Из глубоких вельми воздыханиях, рек напоследок (Трд. Тилемах., I, 78); Эти товары не вельми добротны, и следовательно не лучше наших (Мтн., 12);

зело: Странны мне токмо зело мои единственны страсти (Трд. Тилемах., I, 124); Нет, милостивый господин, мой щетец зело не мал (Фнв. Недор., 153); Да я и сам, сказать матку правду не зело поучен (Трут. 1769, 50); Пролив в разных местах весьма узок и от многих с обеих сторон вытянувшихся в море каменных мысов зело опасен (Краш. ОЗК, I, 116);

напреди: Велики суть дела Петровы, Но многие еще готовы Тебе остались напреди (Лом. СС, I, 118, Ода); Он же нотариус должен сей протокол помесячно сшивать, в канцелярии набело переписывать, листы номеровать и алфавитным реэстром содержание дел и персон напреди сделать, и переплетчику в переплет отдать (ПСЗ, VI, 152);

наскоре: не дождавшись совершеннаго их отбытия. . . устремились в ботах своих вверх по Камчатке, начали казаков бить, . . .жен и детей брать в холопство и в наложеницы, а с ведомостью об отбытии судна, к главным своим отправили наскоре (Краш. ОЗК, IV, 227).

К этой же группе лексики относятся наречия, пометы которых в первом и втором изданиях Словаря колеблются: наречия *воистинну*, *въявь*, *въяве*, *откуду*, *отсюду* имеют помету сл. в САР[2], а САР[1] оставляет их без всякой пометы; наречия же *извне*, *издалеча* и *издалече* в САР[1] имеют помету сл., а в САР[2] не имеют никакой пометы; наречие *ныне* не имеет никакой пометы в обоих изданиях САР, но в САР[1] при нем стоит «просто же нынече». Эти колебания в стилистической характеристике данных наречий, очевидно, не случайны. О широком распространении этих слов в XVIII в. свидетельствуют источники, в которых они встречаются.

Оттуду: в первой трети XVIII в. эта форма господствует, форма *оттуда* встречается гораздо реже. В середине XVIII в. обе формы употребляются одинаково часто и без каких-либо стилистических различий, — так, в произведениях одного и того же автора встречаем то одну, то другую форму, например: Оттуду явствует, что нижняя атмосфера часто бывает реже и про-

порционально легче, нежели верхняя (Лом. СС, I, 277) — Не трудно оттуда усмотреть, что в Сибири выплеснутая вода, не долетая до земли иногда замерзает (там же, 312); В четырех днях ходу от реки Пенжины следует Егача или Арача, оттуду в двух днях ходу Парель река (Краш. ОЗК, I, 83) — Верстах в 40 от Ветлюня следует немалая речка Вучког, в которую близ устья Паль с южно-восточной стороны Катхана речка, а оттуда в 36 верстах знатная река Ваем-палка (там же, 77).

В конце XVIII в. решительно преобладает форма *оттуда* и исчезает *оттуду*. Наряду с этим встречаем явно просторечные формы *оттуды* и *оттудова*. Те же отношения наблюдаются и у пары наречий *отсюду* и *отсюда*, *откуду* и *откуда*.

Наречие *въявь* (*въяве*) также в середине XVIII в. было стилистически нейтрально и могло употребляться во всех стилях и жанрах, например: Кто знает, что скупой, шалун, ревнивый, лют, Что добрый человек, что самонравный скот: Сей может выводить их въявь благополучно, И нам явить их жизнь, дела, слова, не скучно (Трд. СП, I, 38); И дал бы за житье достаток весь прямой, А он к тем будет щедр, кто ходят въявь с сумой (там же, 204); Завладеть чужим в тайне или въяве почитал он добродетелью (Члкв Пересм., I, 94).

Также употреблялось и наречие *воистинну*: Злые могут воистинну творить неправду и беззаконие (Эйлер, ПП, II, 159); Нет, братец, не твори того, супруга твоя воистинну не такова (Фнв. Бриг., 96); Не-не-не-не тронь меня! я те-те-тебя воистинну не дразню (Подраж., 48).

Наречие *извне* в середине XVIII в. употреблялось преимущественно в книжном языке: Flos Auricklae цветок извне зеленой травной, а изнутри темно-пурпуровый. О шоколате (Прим. Вед. 1733, 6); Извне воевала Швеция, Польша, Крым, Персия, многие восточные народы, Оттоманская порта; изнутрь стрельцы, раскольники, козаки, разбойники (Лом. СС, I, 230); Воздвигли мы город Херсон, нашу в нем сугубую удобность и для привоза из России вся произрастений и для доставления извне всего, что для нас полезно быть может (ПСЗ, XXIII, 50).[23]

§ 11. Другая лексико-грамматическая группа слов в САР, имеющая помету сл., — это местоимения и местоименные наречия. Среди них, так же как и среди наречий, выделяются слова, вышедшие из употребления в XVIII в., такие как *колиждо*, *коликожды* и *коликощи*, *онсица* и *онсии*, *отонудный*, *селикий*, *кий-либо*, *никий*, *який* и *яковый*, *сицевий* и *сице*, *овый*, *ово*, *овогда*. Все эти слова иногда лишь встречаются в произведениях высокого слога в ка-

[23] В конце XVIII в. наречие *извне* одинаково употребляется у представителей как старого, так и нового слога, ср. у Радищева и Карамзина: Что мысленность твоя в мозгу заключена, о том, надеюся, не будешь спорить; что она не извне на мозг действует и то, кажется, уступишь мне без прекословия (Рдщв СС, II, 154); Но душа его была в сию минуту так полна, что ничто извне не могло воити в нее (Крм. ПРП, II, 20).

честве архаизмов или у авторов-архаистов. Например, местоимение *сицевый* в середине XVIII в. встречается преимущественно в наиболее высоком жанре высокого слога — в проповеднической литературе: Благодарите о немысленнии галате, сицевую жития вашего даровательницу премилостивейшую (Маркелл, 16); О блаженнии сынове Россейстии, сицевую премилосердую матерь стяжавшии! (Гребн., 13). Также и наречие *сице* употребительно редко и притом в произведениях высокого слога: Коль радостен, с серпом в деснице, Исходит делатель в поля: Потемкин радуется сице, Другим плод нив своих деля (Птрв, 189, Ода).

Овый, ово, овогда также редко употребляется в середине XVIII в. и также в высоком слоге: Овогда, притворяясь хотящими поразити в некое место, поражали они в другое (Осв. Иерус., 228).

Чаще встречаем в XVIII в. местоимения *еже, яже, иже* в значении союзного слова, особенно широко они употреблялись в начале века: Та палата по-италянски именуется юстиция, еже есть приказная палата (Пут. Тлст., II, 308); Найдутся некоторые, еже геометрии и математическим художеством никогда касались (Кн. мир., 7); Они (монахи) бо уже мира сего отреклися, и яже суть в мире, и миру подобает от них отреченну быть (Псш. КСБ, 210).

В середине же XVIII в. они употребляются преимущественно в высоком слоге, но также и вообще в книжном языке: Поелику в единое благое намерение, еже есть в славу божию совершаемыя (Чарн., 16); Облецемся токмо в сия оружия божия, поставим против бодрых злобных духов, бодрейших божиих духов, духа воздержания и духа богомыслия, яже суть пост и молитва (Мог., 4); Бог не ищет смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему, то для чего бы одним мановением не обратил всех грешников? (Эйлер ПП, II, 47); Еже все ясно свидетельствует, что Соломон с Тирским царем Хирамом имел коммерцию (ЕС, 1755, 123).

Местоимение *еликий* уже в начале XVIII в. является устаревшим словом и употребляется крайне редко, в то время как наречие *елико* встречается в это время довольно широко.[24]

В середине XVIII в. оба слова воспринимаются как архаизмы и употребляются в нарочито стилизованной речи, например: Подпиши, и после стопай елико хощеши (Сум. СС, VI, 141, Вздорщица). К концу XVIII в. слово *елико* сохраняется лишь в составе устойчивых словосочетаний *елико можно, елико возможно*: До Тарквиния старались все цари, пределы Рима расширить елико можно (Рдщв ПСС, I, 83); Следуя сему правилу удаляйтеся, елико то возможно, даже вида раболепствования (Рдщв Пут., 187).

Коликий [25] и *колико* в начале XVIII в. слова широко употре-

---

[24] Понеже земледелец есмь, а не воин, и сего ради елико могох, толико и написах (Псш. РП, 97); Тело непорядочнаго образа. . . приходит во образ правильный стройным и порядочным, елико паче от глас ударяется. О сиянии северном (КАН, 23); Елико высок сан, толико смиряй себе (АГ, 10).

[25] В САР *коликий* имеет помету сл., в Аналогических таблицах *коликий* и *толикий* стоят без каких-либо помет.

бительны, к середине же XVIII в. *коликий* употребляется лишь в произведениях высокого и среднего стиля, например: Европа и весь мир свидетель, Народов разных милион; Колика ныне добродетель Российский украшает трон (Лом. СС, I, 87, Ода); При сем, коликую пользу государствам приносят химия и минералогия (Трт., 26); Коликие народы, коликими языки, коликими образы превозносят славную ныне Екатерину в единой стране Ассийской! (Дсн. 1772, 8). Наречие же *колико* в середине XVIII в. было еще шире употребительно, оно встречается и в произведениях низкого слога, например: Была пучком завязана лучина; Колико руки не томить, Нельзя пучка переломить (Сум. СС, VIII, 196, Притчи); Колико подо мной он золота получит (Майк. Басни, I, 4). В конце века *коликий* воспринимается как архаизм и употребляется авторами, тяготеющими к старому слогу, — так, очень часто оно встречается во многих произведениях Радищева, — наречие же *колико* представлено более широко и встречается в произведениях различных авторов.

Такие же отношения у слов *толикий* и *толико*; хотя оба они в САР не сопровождаются никакой пометой, реальное положение их в языке таково же, как и пары *коликий* и *колико*. *Толикий* также употребляется в произведениях высокого и среднего слога: Обширнаго громаду света Когда устроить я хотел, Просил ли твоего совета Для множества толиких дел? (Лом. СС, I, 31, Ода); Или в его ипостаси сам всесильный бог толикия и такия совершает дела (Анчкв 1769, 19); Взирая на толикое ваше собрание, почтенные слушатели, чувствую я в себе некоторую особливую радость (ЕС 1755, 177, Речь); Однако же тогда купцов не очень много было, и не толикое множество белок расходилось (ЕС 1756, 206). Наречие же *толико* имеет еще более широкое употребление во всех стилях и жанрах, например: Везде плевельное учение рассевали, толико повредили, что мнози малодушни, . . . возлюбиша паче славу человеческую нежели славу божию (Сеч., 14); Толико приобрев, старался я вкоренить в него тучи развратных сомнений (Безбожн., 5); Почто в любви моей Толико сокрушаюсь? (Нклв, 74); Со подлинником та статуя всем равна, Толико хороша, толико ж и умна (Сум. СС, VII, 241, Притчи).[26]

Местоимение *всяческий* и наречие *всячески* на всем протяжении XVIII в. было словом стилистически нейтральным, несмотря на помету сл. при нем в САР, оно могло употребляться во всех видах письменности середины и конца XVIII в., например: Всеблагий творец всяческая во всех действовал по своему высочай-

[26] В конце же века слова *толикий* и *толико* употребительны в произведениях как старого, так и нового слога, например: Будут они наслаждаться сими сокровищами, приобретенными с толикими трудами и беспокойством (ПД, I, 10); Все сие заставляет думать, что толикое легкое одеяние происхождение свое имеет из теплых климатов (Рдщв ПСС, IV, 137); Ты, коею наш ум толико восхищен, О ты, которой весь род смертных покорен! (Нел.-Мел., 81).

шему благоволению (Анчкв 1763, 25); Купец. . . не взирая ни на какия добродетели всячески обогащаться должен (Мтн., 85); которую она сама всячески в сердце своем оправдать искала (Иерон., 92); Застенчиваго, робкого и страшимого ребенка надлежит всячески стараться ободрять ласковыми поступками (ПСЗ, XVIII, 1055).

Некоторые местоимения имеют в именительном падеже единственного числа две формы, из которых одна считается славянской, а другая — русской, таковы славянизмы *аз* (рус. *я*), *кий* (рус. *кой*), *сий* (рус. *сей*). Славянские варианты этих местоимений в начале XVIII в. были весьма употребительны в книжно-славянском типе языка.[27] В середине же XVIII в. эти слова становятся архаизмами, они употребляются или в высоком стиле: Яко сын божий ея ради на смерть дадеся, хощет в ней обитель сотворити, а аз глаголет стою и толку, аще кто отверзет мне, вниду (Сеч., 20); О нем же аз зело кратко возглаголю и возвещу вам, о слышателие! (Маркелл, 6); Аз же скудоумный проповедник, не знаю, что творить (Гребн., 13); Но кия красоты блистают С великолепных колесниц (Птрв, 6); Но ах! кий вопль, коль тяжки муки Там чадам, матерям, отцам (там же, 25); Кий звук я слышу издалече? Не наши ль окрест где враги? (там же, 147), или с различным стилистическим заданием, для выражения иронии, как например: Аз вышеречненный Зять усыновленный (Мтн., 42); И живут таким обманом как и аз грешный (Абл. Мельн., 5); Все бездельники, от них же первый есмь аз (Сум. СС, V, 17); Не аз первый, не аз последний продаю своего господина за деньги (Перем. нр., 85).

§ 12. Значительное количество союзов отмечено в САР как славянские. Все эти союзы играли существенную роль в формировании высокого слога середины XVIII в. Рассмотрим каждый из них.

Союз *аще* и составные *аще ли*, *аще же*, *аще да*, *аще бы* очень широко распространены в церковно-книжном типе языка начала XVIII в.[28] В середине XVIII в. эти союзы характерны для произведений высокого слога, особенно для проповеднической лите-

---

[27] *Аз*: Дерзнул и аз нечто изнести о воинстком деле (Псш. РП, 8); Буди весел, Дон Педро, яко аз (Дон Ян, 95); Промолвлю в горе такие аз речи (Вирши, 2); Аз доныне обретаюся здрав и проч. (ПБП, I, 47); Аз есмь роду королевскаго (Вас. Кор., 115).

Кий: Неже кий презвитери и во градех живут и тыи не весьма знают, в чем грех или в чем спасение (Псш. КСБ, 122); Некогда черепаха с зайцем велий залог сотвори, кий от них первый во град утро достигнет (Зрелище, 27); Кий венец соплетем? кая победительная пения сочиним? (Пркп. СР, II, 60).

[28] Аще ли и меня недостойну признавает, сыщи равную себе (Александр, 138); Магницкий против того рекл: ваша де воля, ежели повелите, то буду говорить, аще же не велите, то и престану (Д. Тв., 65); И хотя бы бог и в протчих планетах все таково, яко же у нас сотворил, то бы зрители, аще да некоторые тамо суть не меньши удаления о том имели (Кн. мир., 37); Отвеща ему она, аще бы, рече, только ты имел еси в разуме промыслов (Притчи 1699, 132).

ратуры: Аще же в сем вашем пощадении, вы умолчите, то самое камение возопиет (Маркелл, 16); Да аможе аще путь чувственный или мысленный воспринимаши, везде вышняго десница руководствуя, целу, здраву, невредну да хранит и соблюдет тя (Вениамин, 4); Аще не можно здравием, понуди и болезньми (Стеф., 15). Встречаем союз *аще* и в нарочито стилизованных контекстах: Спаси мя, боже, аще хощу или не хощу! Аще бо от дел спасеши, несть се благодать и дар, но долг паче (Сум. СС, V, 27); Я от вас с ума схожу и буду дураком совершенным, аще вы меня не полюбите (Лжец, 76); Животом и смертью бог владеет. Аще ежели ему угодно будет, прекратить дни ея, то приезжайте погребсти ея (Жив., 190).

Союз *аки* (*аки бы*) имел распространение в высоком слоге середины XVIII в., например: Авва отче! и прибегая к нему на всякий час, представляет его родителям, веселящимся о всех смертных, аки о своих чадах (Анчкв 1769, 23); Украшенная святым ея усердием аки невеста в деле брачном торжествующая российская церковь (Лом. СС, I, 194); Почто бо не рече сей дух, аки о едином, яко же единаго изгна; но сей род аки о мнозех (Мог., 3). Союз *аки* употребителен также и в среднем стиле, он принадлежит вообще книжному языку, например: Возвеселитесь градоначальники, чрез которых, аки чрез некия орудия она доставила сему граду насаждаемую тишину и безопасность (Дсн. 1772, 43); Напоследок весь женский пол, аки пораженный нечистым духом попадал на землю (Краш. ОЗК, III, 90); Вода аки бы не имея сопротивления, от воздуха в *е* собственною своею тяжестию вытекает (Влф. физ., 38).[29]

Союз *бо* употребляется в середине XVIII в. в самой высокой разновидности высокого слога, а именно в проповеднической литературе, например: Священныя бо книги, семенем обыкоша нарицати, не еже по натуре, но еже из союза содружества веры и добродетелей раждаемо бывает (Флор., 6); Не тебя бо ради глас сей, и гром глаголю вещаю, но народе ради (Маркелл, 6); Истинно бо то, и не ложно есть: из земли взятой состав, паки в землю возвращаться должен (Боровск., 2).

Встречается этот союз и в контекстах, имитирующих церковную речь: Но не погасил любве к богу, исповедываю бо его пред всеми творцом всея вселенные (Трут. 1769, 115); И аще чистаго помилуеши, ни что же дивно; достоины бо суть милости твоея; но не мне плуте удиви милость твою! (Сум. СС, V, 27); Такого-то семинариста от всякого учения уволишь: писано бо есть, не мечите бисера пред свиниями, да не попрут его ногами (Фнв. Недор., 45).[30]

[29] В конце века этот союз встречается преимущественно у представителей старого слога: Чрез несколько верст на высоком берегу видна деревня и околица, аки венец горок, при захождении солнца (Рдщв ПСС, III, 295); Мы, рекл мне Евфодим, аще не с особливым тщанием сие делаем, но аки бы мимо ходом (Платон, I, 40).

[30] В конце века — лишь у представителей архаического направления: Достойно бо да вкусит трудившийся плода трудов своих (Рдщв Пут., 71);

Союзы *еже*, *поне*, *убо*, очень распространенные в начале XVIII в., в середине его становятся достоянием лишь высокого слога, они употребительны главным образом в проповеднической литературе: Твори убо еже хощеши Сауле (Гребн., 9); Взирая убо мысленно на сию небеснаго отца дщерь (Самуил, 4); Не прельщайся убо никто и ныне о христианине! (Савицк., 11); Иный моляся, аще и достойных просят, но поне не внятно, не рассуждая, что глаголют, не приемлют и сие желаемых (Мог., 10).[31]

Союзы *егда*, *обаче*, *дондеже* употреблялись в середине XVIII в. не только в высоком слоге, но и в официальном языке. В журнале «Трутень» за 1770 г. об этих союзах сказано: «Што из женского слога сделал ты подъяческай, наставил ни к чему: обаче, иначе, дондеже, паче» (с. 108). Действительно, в текстах этого времени данные союзы встречаются или в официальной речи и ее подражании, или в высокой церковной речи и ее имитации, например: Како веселым не восторжествуем сердцем, егда нам церковь христова новую и неслыханную весть, да еще и радость велию приносит (Сеч., 3); Палой язвою скот, не снимая кожу со всем в землю зарывать или совершенно сжечь, егда иной способ не изыскан поныне (ПСЗ, XII, 530); Нет, ваше высокопревосходительство; обаче аршином мерят первостатейной по всему ряду (Подраж., 31); В прочем со всераболепнейшим почтением, дондеже грешная моя душа пребудет в изможденном деннонощными трудами телеси, есмь (ПД, II, 81—82).

Союз *неж—неже* в начале XVIII в. употребляется рядом с союзом *нежели*: Трудней то нежь пьянице вина не имети, Нежли не славить попу святую неделю, Нежли купцу пиво пить в три пуд хмелю (Кнт. Сат., II, 18).

В середине XVIII в. союз *неж—неже* употребителен не только в высоком, но и в среднем слоге, например: То прежде, неж писать, вам мыслить долго навыкнуть (Трд. СП, I, 10); Мы приехали прежде, нежь вышеписанные господа (Пут. Биб., 73). В конце же века *неж* выходит вовсе из употребления, уступая синониму *нежели*.

Союзы *яко*, *яко же*, *яко бы* очень широко распространены на всем протяжении XVIII в.; в середине XVIII в. они встречаются во всех видах и жанрах литературного языка, например: На зверя яко зверь стремится на тельца, Так князь пошел против Оснельдина отца (Сум. СС, III, 49, Хорев); Тысяча лет во очах твоих, яко вчерашний день, И яко стража нощная (Сум. СС, I, 129,

---

Здравый рассудок, совесть, опыт благородной твари внушает, что совершенства никакого не имеют сообщения с несовершенствами, их сущность между собой противна. Кое бо сообщение свету ко тьме! (Зерц. безб., 749).

[31] Союз *поне* имел также ограниченное употребление в середине XVIII в., о чем свидетельствует объяснение его на полях в Тилемахиде: О! Царь, если напасть в ничто Тилемаха младаго, кой отнюдь никогда воителем не был на троянцов; То поне * [на полях * *хотя*] тебе да будет собственна в нечто (Трд. Тилемах., I, 13).

Ода дух); Не тот похвален победитель, который преодолев врагов своих, разъяряется яко лев рыкая (Дамаск., 5); Что в том хотя бы свет и возмнил, что я яко злодей умер (Безбожн., 119); В пользовании оными всеми волностями, яко то всякими угодьями. . . просим подтвердить милостивейшею грамотою (МЗК XVI, 5); Також и минералов, яко селитра, сера, купорос, квасцы, и всяких красок потребныя земли и каменья (ПСЗ, XIV, 169); Садовых и огородных фруктов, также огородных яко то: капусты, огурцов и протчего — мало (Ж. Анненк., 698); Соболь, яко зверь находящийся в одной только Сибири, достоин перьваго места (ЕС 1756, 180). В конце XVIII в. союз *яко* также употребляется весьма широко у представителей как старого, так и нового слога, встречаем его даже в поэзии Карамзина.

Некоторые частицы выделяются САР как славянские, они также стилистически неоднородны. Одни из них действительно вне высокого слога неупотребительны, а другие имеют более широкое распространение.

Так, частицы *еда*, *неу*, *ниже* употребляются очень ограниченно даже в пределах высокого слога, преимущественно в проповедниче ской литературе: Что же за сия; еда ли человек благодарен явился; о бедствия нашего! заповеди данныя ему не сохранил (Сеч., 5); Еда ли может еще на земли и воплати сей, во мгновении проницати небеса, и приходити прямо ко богу на свете неприступном сидящ ему? (Мог., 5); Зрем же како сию излиха Адамантову злобу молитва умягчила, и неу совершенная молитва, но токмо начинание ея (там же, 7); Обаче мы дремляще ни видехом, ниже чувствовахом (Флор. 1741, 14).

Другие же — *да* (со значением модальности), *се* (с указательным значением) — употребляются более широко как в произведениях высокого слога: Да ухищряет супостат на возлюбленное мое стадо (Гребн., 9); Се явственно есть, что не только Господем верным, или неверным работающе. . . можно угодить богу (Чарн., 12); Да помрачится путь их мглою, Да будет ползок и разрыт (Лом. СС, I, 12, Ода дух); Влеки их в плен, да торжествуют; Порабощай, да все ликуют (Птрв, 57, Ода); И се денница возвышаясь, Тьмой бывших в свете сем грехов (ЕС 1755, 106, Ода), так и в других стилях книжной речи: Полезныя государству твоему учреждения полагай твердо. Сердцу твоему и рассудку основанием да будет истина (Трут. 1770, 57); (Цицерон) публично говаривал, да уступит победа миру (Дсн. 1768, 8); И се, любезный друг, повинуйся ты прошению родителя (Безбожн., 31). Но в конце века они встречаются только у представителей архаического направления: Правитель государства да будет беспристрастен во мнениях (Рдщв Пут., 292); Приобретение желанныя необходимыя вещи удовлетворяет нужде человека. Се желания предел! (Зерц. безб., 750).

Следует еще остановиться на предлоге *вне*, также охарактеризованном САР как славянизм. Этот предлог в середине XVIII в.

имел широкое распространение как в высоком стиле, так и в низком и официальных стилях, а также и в других письменных источниках среднего стиля, например: Кто может изрещи единыя новоприобретенныя Ею в отдаленнейших вне России пределах завоевания (Дсн. 1772, 8); Страдание вещи есть перемена состояния ея, которой причина находится вне переменной жизни (Коз. ФП, 39); Все понятия Р и О или части их суть вне М (Эйлер ПП, II, 134); Как сии пакеты, так и другие, адресованные в Академию, должен принимать секретарь Академии и распечатывать в собрании, а вне собрания отнюдь не распечатывать (Лом. ПСС, X, 93, Документ); При построенных вне крепости анбарах, кордегардий или караульных, сколько возможно не в близости иметь (ПСЗ, XV, 53); Вне юрты проходили сквозь кольца вторично (Краш. ОЗК, II, 96); Не было собрания мотов вне и внутри города (Трут. 1769, 98).

Также и в конце XVIII в. предлог *вне* употреблялся представителями как старого, так и нового слога: Вещественною (связью) называем ту, которая в природе между самыми вещами, вне нашего представления точно находится (Бр., 8); Данциг имеет собственные деньги, которые однако же вне города не ходят (Крм. ПРП, I, 119).

Такое свободное употребление предлога *вне* свидетельствует о том, что уже в середине XVIII в. он был в системе языка стилистически нейтральным. Об этом же говорит еще и тот факт, что фразеологическое сочетание с этим компонентом *вне себя* уже в середине XVIII в. не имело ни малейшего налета книжности, а скорее тяготело к области разговорной речи, что подтверждается его употреблением в низком слоге: Сказался барыне. . . Она от радости вне себя (Сум. СС, VI, 133, Вздорщица); Молчи. . . возьмите. . . стойте, не трогайте. . . я вне себя! (Нклв, 83); Поздравляю Софьюшка! Поздравляю душа моя! Я вне себя с радости! (Фнв. Недор., 21).

§ 13. Фонетические противопоставления славянизмов и русизмов встречаются в двух разновидностях: 1) в отдельных лексемах (*нощь—ночь*, *мраз—мороз*) и 2) в формах слов (*вижду—вижу*, *отвещаю—отвечаю*). При рассмотрении первой из этих групп возникает вопрос о том, какие семантические изменения претерпевают эти варианты на протяжении XVIII в. или же какие происходят стилистические дифференциации этих пар. Когда же речь идет о второй группе явлений, то здесь может ставиться вопрос лишь о стилистическом различии вариантов, о частоте их употребления и о судьбе этих форм в дальнейшем развитии русского литературного языка.

Среди фонетически соотносительных пар выделяется большая группа слов, различающаяся чередованием группы плавного с гласным в корне слова (так называемые неполногласные и полногласные формы). Нет возможности рассмотреть все случаи подобного рода ввиду их многочисленности, поэтому возь-

мем лишь непроизводные слова и изредка наиболее значимые производные.

В Словаре Академии Российской подавляющее большинство слов с неполногласием имеют помету «славенское». Таковы, например, слова: *блато*, *брада*, *брадатый*, *бразда*, *браздить*, *брег*, *вран*, *власы*, *врата*, *глава*, *глад*, *гладный*, *град*, *градской*, *драгой*, *здравие*, *здравый*, *златистый*, *златить*, *злато*, *златой*, *злаченый*, *кладезь*, *краткий*, *младой*, *млат*, *млечный*, *мразный*, *пред*, *сребристый*, *сребриться*, *сребро*, *сребряный*, *средина*, *страж*, *хлад*, *хладеть*, *хладный*, *чреда* и некоторые другие.

Среди неполногласных форм, зафиксированных в Словаре, встречаются такие, которые не имели соответственных полногласных и не ощущались как славянизмы. Это такие, как *время*, *благо*, *брань*, *страна*, *храбрый*, *срам*, *чрево*; при некоторых из них в Словаре отсутствует помета сл. (*храбрый*, *страна*, *чрево*, *срам*), такие же, как *брань* и *благо*, имеют помету сл., но, видимо, потому, что они противопоставляются русским синонимам *битва* и *добро*.

Не признаются славянизмами в Словаре слова *зрачок* и *крастель*, они даются наравне со своими полногласными формами *зорочек* и *коростель*; вероятно, это зависит от того, что эти слова являются терминами, а для термина стилистический момент безразличен.

В некоторых случаях, хотя слова и не имеют пометы сл., она разумеется, так как при данных словах стоят соответствующие разъяснения: *млеко*, в обыкновенном же языка употреблении *молоко* (*млечный* — имеет помету сл.); *глас*, в нынешнем же языка употреблении *голос*; *сторона* в простор. то же, что *страна*.

Следует заметить, что среди отмеченных выше слов, обозначенных в Словаре как славянские, далеко не все были одинаково широко употребительны в языке XVIII в. Так, при наличии значительного количества употреблений полногласных форм таких слов, как *брадавка*, *браздить*, *вражить*, *длато*, *клада*, *краста*, *млатить*, *славий*, самих этих неполногласных форм в наших материалах не встретилось, что свидетельствует об их устарелости и неупотребительности в языке XVIII в. Такие слова, как *врабий*, *платно*, имели распространение наряду с полногласными формами *воробей* и *полотно* лишь в первой трети века, а в дальнейшем не встречаются. Слово *чреп* при наличии *череп* само по себе в середине XVIII в. не встречается, но имеется от него производное у Тредиаковского *чрепокожные*: Иль чрепокожных всех, или в рыбах, или в змиях (Трд. Феопт., 225). Обычно же этот термин в середине и в конце XVIII в. передается через полногласный вариант *черепнокожные*: окаменелые черепнокожныя (Пут. Леп., , 24); черепнокожныя морския животныя (Лом. СС, I, 384); находятся окаменелости из числа черепнокожных (Гергард, 45).

Всю эту категорию слов можно разделить на две большие группы: I — обе формы (неполногласная и полногласная) нахо-

дятся в пределах литературного языка; II — в литературном языке закрепляются только неполногласные формы, а полногласные остаются за его пределами, либо в просторечии, либо в диалекте.

В первой группе слов следует выделить такие пары, которые имеют одно конкретное значение и употребляются в одинаковых сочетаниях и конструкциях. Это такие пары, как *блато—болото*, например: Бысть мышем с жабами от блатах и полях великая брань (Зрелище, 9); И многие дни ездили между лесами и болотами (Александр, 161); Сквозь степь и блата Петр прошел (Лом. СС, I, 90); И ты знойная Персия ни быстрыми реками, ни топучими болотами. . . не могла препятить нашествию нашего героя (там же, 232).

Ср. также в производных *блатный—болотный*: В блатную трясину променился (Изобрет. вещей, 42); Есть низкие и болотные места (Тат. Эк. зап., 17); *блатина—болотина*: Некий конь впряжен в тяжкий воз, хотя минути блатину ввалился в ню (Зрелище, 2); Болотины и застои водяные (Рдщв ПСС, IV, 104).

К середине, а особенно во второй половине XVIII в. слова *блато* и *болото* все более и более дифференцируются стилистически, форма *болото* употребляется главным образом в среднем и низком стиле, а *блато* — в высоком, а к концу века его можно считать словом, принадлежащим к поэтическому языку. Например: Чрез горы проточил он воды, На блатах грады насадил (Држ. Соч., I, 224); Из блат дремучих выйдет лес (Дмтр., I, 15); Гром пал на степь, где блаты непроходны (Мур. Оды, 37); На блатах вязких, непроходных, где рос один лишь мох седой (П.-р., 40, Пнин).

Подобные же отношения существуют между *глад—голод*, *гладный—голодный*. Приведем примеры.

Глад: Дрожу под дубом; а крайним гладом Овцы тают (Пркп. Ст., 598); Терзает смертных там гонение и глад, Там все довольствие бессчисленных отрад (Лом. СС, I, 175); И ниспуская щедрый взгляд, Окончевает миру глад (Сум. СС, I, 41, Ода дух); Как нумидийский лев, побужденный гладом жестоким (Трд. Тилемах., I, 15); Что ты даруешь им — уносят, И свой тем утоляют глад (Држ. Соч., I, 15); Пусть алчет и томится гладом Среди небесных яств Тантал (Хрс. Тв., VII, 343); Он видит плод, в струях стоит, И жажда, глад его томит (Попуг., I, 3).

Голод: Нужу и голод терпят великий (ПСИ, 102); Помирают голодом (Псш. КСБ, 138); Служитель его и племянник оба умирали с голоду (Эмн Фемист., 352); Для утоления голода и жажды (Крм. ПРП, I, 19).

Гладный: Забрел в лесы непроходимы В страны гладны и безводны (Пркп. Ст., 605); Насыть твой алчный мечь, напейся кровью жадно; И ежели еще оружье будет гладно, Вот грудь моя (Сум. СС, III, 23); У гладна льва он зев сжимал (Држ. Соч., I, 162),

Голодный: Едят голодны подъячи (Интерл., 42); И в голодный год был нам такой же праздник. Сельск. праздник (МЖ, I, 298).

Такие же отношения в XVIII в. имеют место между членами однозначных пар: *вран—ворон*, *кладезь—колодец*, *клас—колос*, *крава—корова*, *кравий—коровий*, *млат—молот*, *власы—волосы*, *брада—борода*, *брег—берег*, *врата—ворота*, *глас—голос*, *град—город*, *градской—городской*, *древо—дерево*, *мраз—мороз*, *мразный—морозный*. Они при одинаковой семантической значимости начинают различаться стилистически, причем неполногласные преобладают в середине XVIII в. в качестве стилеобразующего компонента в высоком слоге, а затем занимают место преимущественно в языке поэзии.

Когда неполногласная и полногласная форма слова были многозначны и значения их совпадали, также наблюдалось постепенное стилистическое расслоение их на протяжении XVIII в. Приведем два примера.

Бразда и *борозда* — оба слова употребляются в двух одинаковых значениях: 1) 'углубление в земле, которое делает соха при вспашке для засевания': Когда на холме кто высоком седя, вокруг объемет оком поля в прекрасный летний день, . . . И желты класы меж браздами, Что чувствует в себе тогда? (Лом. СС, I, 113, Ода); Он небо мраком облекая, Готовит в тучах дождь браздам (Држ. Соч., I, 28); Обыкновенным образом пашут, делая борозду одну подле другой сохою (Рдщв ПСС, IV, 170); Должно сперва вспахать землю и сделать борозды (ПСЗ, XV, 145); 2) 'всякое углубление, след, сделанные в чем-л.': Естьли на земле сделается узкая борозда произвольною фигурою, . . . и поднесут к той борозде пламя, то тотчас загорается вся та фигура на поларшина вышиною (ЕС 1763, 423); Крильныя покрывала желтыя. . . с двойнишным по краям карнизам, между которым находится борозда (Пут. Леп., I, 326); А рассекая токи волн, за собой оставляли Долгу довольно бразду синеющую следом на море (Трд. Тилемах., I, 71); Как тихо тянется за лебедем бразда (Држ. Соч., III, 215); Где бурно громов устремленье И пламенны меж туч бразды? (там же, I, 319).

Драгой и *дорогой*. Оба слова употреблялись в трех основных значениях: 1) 'имеющий большую цену', например: драгой убор, драгие одеяния (Вас. Кор.), драгие шпалеры (Вед.), драгие напитки (Эмн Фемист.), дорогая цена (МЗК), дорогое кушанье (Кнт. Сат.) и т. д.; 2) 'драгоценный': дражайшие каменья (Кн. мир.), драгие камения (Бок, Ода), драгие металлы (Лом. Письмо о пользе стекла) и дорогой металл (Лом. Слово; Пут. Леп.), дорогие камни (Члкв, Зуев) и т. д.; 3) 'милый, любимый': Виват Россия! виват драгая! (ЕОЛ); Кума драгая (Држ.) и *дорогой*: Пускай узнает дорогой, как рвуся я тоской (Нклв); Гости дорогие (Мтн.).

Большую и наиболее интересную группу составляют те неполногласные и полногласные пары, в которых произошло семан-

тическое размежевание. Степень расхождения в семантике у разных пар неодинакова. Некоторые из них в XVIII в. уже не имели связи между собой и не имели никаких общих значений, — таковы, например, пары *власть—волость* и *прах—порох*.

Слово *власть* в XVIII в. имело значение ‘сила, господство’: Монархов власть есть самодержавная (ДР, 3; ПСЗ, XIV, 206); Любовь имеет власть над нашими сердцами (Члкв Пересм., II, 107) и др.; слово же *волость* обозначало административно-территориальную единицу: Приехали ночевать в деревню дворцовых волостей (Пут. Тлст., I, 173); Сие предписание выборному от нашей волости поверенному (МЗК, XI, 3); По сей реке много деревень и составляют волость (Рдщв ПСС, III, 279). Оба эти слова имеют производные, также семантически различные и связанные по значению лишь с производящим словом: *волостной* — относящийся к волости (волостные избы и суды — Рдщв ПСС, III, 258; волостное правление — там же, 262); *властный* соотносится по семантике со словом *власть* и означает 1) ‘выражающий власть, силу, господство’: властная сила (Безбожн., 76), властными руками (ПБП, II, 261), дланью властной (Држ. Соч., III, 18); 2) ‘имеющий право распоряжаться кем- или чем-л.’ — *властен над кем-чем*, *властен в чем*: Царь властен есть во всем над народом (Тред. Тилемах., I, 76); Разве не властна и в своих людях (Фнв. Недор., 145); Колико человек властен над своими мыслями (Рдщв СС, II, 79).

В данном случае не может быть речи о каких бы то ни было стилистических различиях между этими словами, так как оба слова получают свое определенное номинативное значение и входят в нейтральный фонд литературного языка.

Прах—порох — слова этой пары, также разошлись в своих значениях. Слово *прах* обозначало: 1) ‘пыль’: Земный неприятельский приход издалече слышен, . . . не видно дыма и праха (Пркп. СР, II, 54); Там кони бурными ногами Взвивают к небу прах густой (Лом. СС, I, 45, Ода); Взвивая прах поверх небес (Мур. Оды, 23); в данном значении слово *прах* соотносительно по семантике с русским словом *пыль* и лишь по отношению к нему является славянизмом, принадлежащим к области высокого слога; 2) ‘останки усопшего’ — не соотносительно с каким-л. русским синонимом и является значением стилистически нейтральным, например: Что лежащий под ним прах был господин знатный (Кнт. Сат., 124); Таков Калигула был в Риме и Нерон; Все жители земли гнушаются их прахом (Сум. СС, I, 327); Сокрыл недавно в гробе новом Румянцевой почтенный прах (Држ. Соч., I, 143). Слово же *порох* имело свои значения: 1) ‘порошок’: Разделяются они (кости) в малые листочки, . . . между которыми некоторыи белый порох, яко гипс . . . имеется (Прим. вед. 1730, 322); Ты ведь у меня один одинехонек, как синий порох в глазе (Жив., 187); Цемент, который собственно есть порох, из битых черепиц сделанный (Витр., II, 167); 2) ‘взрывчатое вещество’: Чтоб ни пуля, ни порох даром

не пропадал (Псш. КСБ, 128); Зарядите ружье порохом и металлом (Лом. СС, I, 259); Вся артиллерия состоит из металла и действуется неким химическим составом, который мы порохом называем (ПСЗ, XVI, 97).

Гораздо чаще между неполногласными и полногласными формами происходит частичное семантическое размежевание, основное исходное значение у них совпадает, а производные значения развиваются самостоятельно. Приведем примеры.

Влачить—волочить. Основное значение этих двух глаголов ‘тянуть, тащить по земле’ совпадает: И трупы братиев моих влачил бесстыдно (Сум. СС, III, 11, Хорев); Начали ту же по грязи влачить за космыни (Трд. Тилемах., I, 137); Чуть движет по земле свой труп в крови влача (Држ. Соч., II, 278); А за телегою вели полоненника кубанскова. . . за ним волокли 17 знамен Азовских (Зап. Ж., 95); Рада бы курица на свадьбу не шла, да за хвост волокут (ППЗ, 33); (Камчадалы) взяв посуду с комьями по мелкому каменью волочили (Краш. ОЗК, II, 267). Но между этими значениями происходит стилистическое различие; глагол *влачить* в данном значении в середине XVIII в. становится принадлежностью высокого стиля, а глагол *волочить* в этом значении является стилистически нейтральным. Глагол *влачить* к середине XVIII в. развивает другое значение, связанное со словами *жизнь, век, дни*, означающее ‘проводить в печали, горести, в трудных условиях’, например: В стыде влачити жизнь (Сум. СС, III, 31, Хорев); Жизнь свою влачить со стыдом (Држ. Соч., II, 298); Доколь я в тебе свой буду век влачить? (там же, III, 198); это значение закрепляется в книжном языке XVIII в. Глагол же *волочить* развивает другого рода значения в кругу разговорной речи. В приказной среде, очевидно, возникает значение ‘медлить с окончанием (какого-л. дела)’: А и приказные люди будут дела делать охотнее и волочить уже не будут (Псш. КСБ, 167); Мужик был плут, Украл у палача Ременный кнут. Его поймали, Не волоча то дело окончали (Майк. Басни, I, 6); Так чтоб не волочить, уж можно и в доклад (Капн. Яб., 100). Второе производное значение глагола *волочить* также развилось на почве разговорного языка, стилистически это слово сниженное, то, что в САР называют просторечием, это значение ‘насильственно доставить куда-л.’: Его б впредь в Посольский приказ таскать и волочить (ДМТ, 130); Служилых людей задерживали и волочили (ПСЗ, III, 267); Сам едешь ты верхом, А мальчика с собой волочишь ты пешком (Сум. СС, VII, 67, Притча).

Глава и *голова.* Основное общее значение этих слов ‘часть тела человека или животного’. Они также в середине XVIII в. имели стилистическое разграничение: *глава* употреблялось преимущественно в высоком слоге, а *голова* — во всех стилях: Возвысил он мою главу Над всех врагов ужасных (Лом. СС, I, 9, Ода дух.); А ты о лютый зверь, с главы того венец Снимает дерзостно, кто был тебе отец (Сум. СС, III, 40., Хорев). Ср.: Проло-

мили полковнице голову (Члкв Пересм., I., 24); Головы имеют (сивучи) посредственные, уши короткие (Краш. ОЗК, II, 270). На почве этого значения в высоком слоге середины XVIII в. возникают олицетворения, такие, как например: Россия, вознеся главу на высоту (Лом. СС, I, 176, Ода); Дабы свою главу Россия подняла (Сум. СС, IV, 84, ДС); Греция и Понт главы свои уже подклонить желают (Анчкв 1770, 22).

Слово *глава* имело еще одно значение — 'начальник, вождь', например: Капитан есть у роты глава (Кн. экс., III, 3); Главу духовенства представляет епископ (Пут. Леп., I, 12); Родоначальник есть всегда главою дома (УС, 203). Это значение в языке XVIII в. стилистически нейтрально. От него развивается другое — 'название какой-л. должности, возглавляющей что-л.', это значение связанное, обычно здесь слово *глава* выступает с определением: ремесленному главе (ПСЗ, XXII, 370); городской глава (там же, 361). В таком же значении и такой же функции могло выступать и слово *голова*: ремесленного голову (там же, XXV, 37); казачьим головою (Краш. ОЗК, IV, 194); голова городской (Рдщв ПСС, III, 274); письменный голова (там же, VI, 51).

Также с определением слова *глава* и *голова* могли означать просто 'человек какого-л. качества, какое дается в определении', но если в начале XVIII в. обе формы безразлично могут выступать в данном значении, то в середине XVIII в. эту функцию выполняет лишь слово *голова*, причем значение это носит разговорный характер и выступает лишь в простых жанрах. Ср. в конце XVII—начале XVIII в.: Пока шумные главы успокоятся (ПБП, I, 641); Новый везирь зело не смирная глава (Вед., 19); И по обычаю, когда смерть случается коронованной главе (АК, I, 43); От сих безмозглых голов родятся расколы (Кнт. Сат., XI, 182); в середине XVIII в.: Сам ты мешковат умная голова (Фнв. Недор., 5); Идти ли к балагурам мнимым, Их слушать острые слова, Которы языком болтливым пустая мелет голова (Грчкв, 104). Кроме того, слово *глава* имело еще два значения, уже прочно вошедшие в русский литературный язык и являющиеся стилистически нейтральными: 1) 'верх церкви' (Церковь каменным строением кроме мосту окончилась, и кроме ж главы и колокольни покрыта — Ж. Анненк., 684; Возвышалися главы церквей Зилантьева монастыря — Рдщв ПСС, IV, 293); 2) 'часть книги' (Подтверждается сие подобным повествованием Ливиевым, в 22 книге в главе первой — Лом. СС, I, 314; В заключение сей главы сообщим реестр произрастающим, зверям, рыбам и птицам — Крш. ОЗК, II, 344).

Здравый—здоровый. Основное значение этих слов — 'обладающий здоровьем, не больной'; стилистически слова разграничены, *здравый* в середине XVIII в. употребительно преимущественно в высоком слоге, а *здоровый* — в простом: Везде вышнего десница руководствуя, целу, здраву, невредну да хранит и соблюдает тя (Вениамин, 4); Например, хотя немоществуют некоторые люди,

однако прочие суть здравы (Алксв 1768, 5); Хорошо, ежель человек природою крепок и здоров (Эмн Фемист., 40); Кормилиц выбирать сколько возможно здоровых, добронравных (ПСЗ, XVII, 1050); Народ здешний трудолюбив, здоров, имеет вид веселый и вольный (Пут. Зуева, 60).

Производные же значения у этих слов расходятся, хотя стилистически одинаково нейтральны. Слово *здравый* начинает применяться в сфере интеллектуальной и обозначать 'толковый, трезвый', например: Следуя здравому рассуждению (Маркиз, II, 41); Подавал здравые советы (Члкв Пересм., I, 73); Имеете ум здравый (Майк. Басни, II, 33); Философия здравого разума (Коз. ФП, 211); У поединщиков рассудок ясно здрав (Сум. СС, VII, 35, Притчи) и др.; *здоровый* же относится к среде, окружающей человека, и обозначает 'полезный, благотворный': Чистые источники наводняют изобильно землю: воздух здоров и всегда благотворенный, благорастворенный (Маркиз, II, 111); Все тамошние воды пребезмерно здоровы (Краш. ОЗК, II, 187).

Млеко и *молоко* однозначны и имеют только стилистическое различие,[32] а производные от них слова *млечный* и *молочный* уже с начала XVIII в. различаются по значению. Слово *молочный* обозначает 'сделанный из молока': каша молочная (АК, 222); молочные сыры (Тат. Эк. зап., 27); молочный кисель (Сум. СС, VI, 78); молочный суп (Крм. ПРП, I, 60) и пр.; может также иметь значение 'белый, как молоко' в сочетании *молочный цвет*. Слово же *млечный* прежде всего закрепляется в терминологическом сочетании *млечный путь* (Прим. вед. 1734, 65; Краш. ОЗК, III, 160; Лом. СС, 309). В этом случае слово *млечный* уже вовсе не славянизм. Как реминисценции славянского употребления этого слова встречаем в произведениях XVIII в. некоторые образные его употребления, например: Между млечными облаками Сияет злато и лазурь (Лом. СС, I, 135, Ода); Покрыты волны, тихо льются, Рекою млечною влекутся (Држ. Соч., II, 229).

Особо следует выделить группу неполногласных славянизмов, которые в языке XVIII в. были обычными литературными словами нейтрального фонда, а их полногласные пары принадлежали к области просторечия, а иногда и вовсе оставались за пределами литературного языка.

Бремя — беремя. Значение 'ноша' у слова *бремя* в литературном языке XVIII в. не ограничено никакими стилистическими рамками, ср. в «Притчах» Сумарокова: Лошак большое бремя нес

---

[32] Млеком и медом напоенны Тучнеют влажны берега (Лом. СС, I, 126); Блаженныя настали веки, Млеком текут и медом реки (Сум. СС, II, 53, Оды торж.); Ты лютой львицею в глухих лесах рожденна, Или воспитанна ты тигриным млеком (Сум. СС, III, 41, Хорев); Господствующая в земли мед и млеко точащей, не камни ли неплодные с желанием взирать будешь? (Влф. физ., 145); Мелинта понесла на рынок молоко (Сум. СС, VII, 295, Притчи); Новорожденные телята только одни сутки питаются матерным молоком (Пут. Леп., I, 149).

(Сум. СС, VII, 156). У слова *беремя* было также значение ‘связка’. Это значение носит ярко просторечный характер, и употребляется это слово в данном значении лишь в произведениях простого слога: Дров насек старик в лесу, а связав в беремя, Поднял на плеча (Трд. СП, I, 205, Басни); Связывают в связки, называемые беремя (Зуев Сиб., 36). Слово *бремя* имело в XVIII в. и отвлеченное значение ‘тяжесть’: грусти бремя (Фонв. Корион); бремя жизни (Сидней); бремя злополучий (Безбожн.); бремя жизни, скуки (Сум. Оды) и пр. Этого значения не имеет просторечное слово *беремя*, но зато оно имеет свое, также просторечное значение ‘множество, масса’: Припутал игроков тут целое беремя (Трут. 1769, 81); Осталось дел беремя (Озрв, 395); На шее у меня дел целое беремя (Капн. Яб., 107).

Нрав — норов. Оба слова известны в XVIII в. в значении ‘характер, обычай чей-л.’: Жена мужа не бьет, а под свой норов ведет (ППЗ, 52); Что город то норов, что человек то обычай (ПК, 123); но *нрав* в этом значении является обычным нейтральным словом литературного языка (А именовалась царица Евдокия Федоровна и была принцеса лицом изрядная, токмо ума посреднего а нравом несходная к своему супругу — АК, 56; По сем хотим мы также о обычаях и нравах хилийцов нечто объявить — Прим. вед. 1731, 120; Нет больше для меня веселья и забав, И стал совсем не тот, как прежде был мой нрав — Фнв. Корион, 103; В прочем нравами от других сурков ни мало не разнится, в скором времени привыкает и ручным становится — Пут. Леп., I, 316), а *норов* свойствен разговорной речи и в ней еще приобретает новое значение ‘плохой характер’, и в этом значении слово уже входит в разряд просторечия: В дороге складнее поспешать на почтовых клячах, нежели карапкаться на пегаса, когда он с норовом (Рдщв Пут., 369); Высокий толстой боров Был добрая свинья, да лишь имел он норов (Сум. СС, VII, 274, Притчи).

Враг — ворог. Такие же отношения видим и у этой пары: *враг* — слово стилистически нейтральное, а *ворог* — народное; ср.: Язык мой — враг мой, прежде ума моего рыщет (ППЗ, 26); За сродное государыни нашея свойство вселенная почитает, поступать со врагами великодушно (Лом. СС, I, 197); Трутень! стал нерадив, не смотрит за наборщиками лютыми врагами всех авторов (Трут. 1770, 102); Добивался что города, а избывает что ворога (ППЗ, 26); Без денег в город — сам себе ворог (ПК, 115); Не ремень сапог ни муха ворог (там же); Не вскормя ворога не видать (там же); [Б р и г а д и р ш а:] Закажу и другу и ворогу идти замуж (Фнв. Бриг., 79); С тех пор закажет другу и ворогу ходить за чем бы то ни было в Пугиево (Анекд. пошех., 202).

Влага — вологa. Слово *влага* в литературном языке — единственное слово для обозначения понятия ‘сырость, вода’: Во влаге чистых вод синеют небеса (Трут. 1769, 105); Прекрасные цветы напоять потребною влагою (Лом. СС, I, 202); Сухость происходит от уменьшения влаги (Эмн Фенист., 131); *вологa*, очевидно, слово

народное, стоящее вне литературного языка, на это указывает его употребление в языке крестьян: Нынешний год у нас не родилось ни грибов, ни груздей и ни рыжиков, и никакой у нас вологи не было (Отпись кр., 48).

Те же отношения и у пары *срам — сором*, ср.: Избавится ль сей град бессудия и срамов (Сум. СС, IV, 105); Так срам мой тебе уже известен (Безбожн., 9); Боится, из любви родится стыд и срам (Сум. СС, VII, 342); Сорока лет, а сорому нет (ПК, 120); Чаво про сабя? ето стыд да сором (там же, VI, 17); А мне веть одному позор весь да сором (Ппв Анюта, I, 113); ср. также употребление в народном языке глагола *соромиться*: Есть у молодца — не схоронитца, а нет — не соромитца (ПК, 110).

Таким образом, у всех слов с неполногласием, признаваемых САР как славянские, различная жизнь в языке. Одни из них, действительно являясь стилистическими дублетами к русским словам с полногласием, могут быть признаны «славянизмами» в плане стилистики. Другие же, употреблявшиеся наравне с прочими словами русского происхождения, получившие другое значение или развившие другие значения, не следует считать славянизмами в принятом нами смысле, о них лишь можно говорить как о славянских только с точки зрения их этимологии.

§ 14. Соотносительные пары с *щ — ч* встречаются как в отдельных лексемах, так и в целом грамматическом разряде слов.

Такие соотносительные пары, как *нощь — ночь* (также производные *нощной — ночной*, *полунощь — полночь*, *полнощный — полночный*), *свеща — свеча*, встречаются в первой трети XVIII в. одинаково без каких-либо стилистических различий. *Нощь*: Изменение дней и нощей (Кн. мир., 20); На праздник Алексея Митрополита, в нощи, был великий мраз (Зап. Ж., 213); Нощь зело была темна (Александр, 155); Когда день с нощию равен бывает (Прим. вед. 1729, 367). *Ночь*: И тайно к ночи шляхта по домам возвратились (Вед., 39); Не лучше ли с кубком дни прогулять и ночи? (Кнт. Сат., I, 17); День я препровождал по пирушкам, а по ночам давал музыку под окнами (ЕОЛ, 99). Ср. производные: нощная пасьба (Тат. Эк. зап., 13); время нощное (Трд. Тилемах., I, 129); от полунощи (Вед., 34); полунощное облако (там же, 34); полунощный час (Сойм. Касп. м., 308); полунощное море (Пркп. СР, II, 53).

Свеща: Восковые свещи зажигают (Прим. вед. 1728, 60); При возженых свещах крестным целованием укрепили (Вед., 86). *Свеча*: А что свечи ставят пред иконы люди (Д. Тв., 244); Он ти воротит богословски речи: Какие пред иконы должно ставить свечи (Кнт. Сат., IX, 181); Иметь необходимо фонари и сальные свечи (Тат. Эк. зап., 20).

В середине XVIII в. формы со *щ* употреблялись преимущественно в произведениях высокого слога: Дни светлы кажутся густой темняе нощи (Сум. СС, IV, 83); Где день и нощь над ней

сияет Светило, кое озаряет Неложных мыслей верным свет (ЕС 1755, 99); О колико нощей вотще вы без сна пребыли! (Вас. В., 4); нощный мрак (Лом. СС, I, 59, Ода); страна нощная (Сум. СС, I, 129, Ода дух.); Елисаветины доброты как свещи открыл (Лом. СС, I, 178); Цветам разными возженныя свещи являют каждыя веселие души (Бок, 4). К концу века эти формы воспринимаются как устаревшие и употребляются изредка в поэзии или у писателей, архаизирующих слог: Уже в Эвксиме о полунощи меж вод и звезд лежит туман (Држ. Соч., I, 90); Златыя Петрополя башни Блистают как свещи (там же, 56); И нощь свой черный скипетр уже приемлет паки (Вткв Лир., I, 11); Человек возсылает или молитву или жалобы, во время нощи или в часы денныя (Рдщв Пут., 37).

Хотя в Словаре Академии Российской *тысяща* и *тысяча* никак стилистически не различаются и форма *тысяща* не признается славянизмом, однако между этими парами существуют такие же отношения, как и у пар, описанных выше; в начале века обе формы употребляются на равных правах: Послано от нас 4 баталиона тысящи с три (Зап. Ж., 244); Многия бо тысящи легионов народа христианского погуби (Псш. Зерк., 58); Игорь Великий князь Российский, ходил под Константинополь черным морем с флотом, в пятнадцать тысящах судов (УМ, 1); Ко отцу своему в Россию чрез вексель послал четыре тысячи ефимков златых (Вас. Кор., 110); И аще у кого иманье будет из казны рублев тысяч на десять или на сто тысяч, то надлежит во устроенной на то книге росписатца (Псш. КСБ, 160); И у кого не одна в безделках исходит Тысяча, малейшаго расхода жалеет (Кнт. Сат., VII, 151).

Затем, в середине XVIII в., форма *тысяща* сделалась характерной для произведений высокого слога, а *тысяча* употребляется в простом слоге. *Тысяща*: Там тысящи валятся вдруг (Лом. СС, I, 46, Ода I); Валились мертвые тысящами (Дсн. 1772, 16); Но то есть нещастие наше, что единым образом мы на свет рождаемся, а тысящами умираем (Кирилл, 2). *Тысяча*: Душ за ним тысячи две, но сам он без души (Трут. 1769, 29); От острова Цеи больше тридцати тысяч шагов вдруг со многими людьми поглощены морем (Лом. СС, I, 360); [К а щ е й:] Едакая разумница! одним словом привела его к рассудку: а я тысячеми, с кривой дороги ево не збил (Сум. СС, V, 63).

В конце века употребление формы *тысяща* сильно сокращается, ее можно встретить или в поэзии, или в славянизированных произведениях: Кто был на тысяще сраженьях Непобедим, а победил, Нет нужды в блесках, в украшеньях Тому, кто царство покорил! (Држ. Соч., II, 92); По ветру трубный звук несомый Сзывает тысящи людей (там же, I, 75); Едва приклонил он веселый взор на землю, воззеленели древеса и тысящи различных цветов произникли из нежныя травы, услаждати око и обаняние наше (УС, II, 42); Отвратил я взор мой от тысящи бедств представившихся очам моим (Рдщв Пут., 79).

Слова *мощь* и *мочь* вовсе разошлись по своему значению, хотя в словаре они приводятся как соотносительная пара в двух значениях: 1) ‘сила, крепость телесная’, 2) в просторечии: ‘сила душевная’. Однако с самого начала века за словом *мощь* закрепляется единственное значение — ‘сила душевная, власть’: Суд всегда некотораго числа честных особ сочинен бывает, которым от высокого начальства власть и мощь во управлении правосудия дала (Артикул, 2); Натура обыкновенно в большой части вещей различность возлюбляет, из чего также мощь творца знатнее воссияет (Кн. мир., 36); Мощь его самодержна, единственно доброе делать (Трд. Тилемах., I, 76); Не ты ль, который взвесить смел Мощь Росса, дух Екатерины (Држ. Соч., I, 240); Удар ударом умножает, Колебля мощь литовских сил (Дмтр., 14). А слово мочь означает только силу телесную: нет терпети больше страданья мочи (Сум. СС, II, 151, Оды разн.); Скрывайтесь нежности колико станет мочи (там же, IV, 98).

Также *мощно — мочно* расходятся в своих значениях, *мощно* в значении ‘возможно, позволительно’ употребляется только в начале XVIII в., а затем выходит из употребления и встречается изредка у тех писателей, которые склонны употреблять архаизмы (ср. Эмин), например: Но прочия морския виктории против нынешней Российской, мощно нарещи общия и обычныя (Пркп. СР, II, 56); Мощно, небось, на такой про домашний обиход варить пиво (Интерл., 45); Ежели из затопленной печки происходящий дым наполнит земледельцеву избу, то в оной толь темно станет, что почти ничего увидеть не мощно (Эмн Фемист., 44—45).

Соотносительные пары с *щ* и *ч* встречаются также и в глагольных формах с основой на *т* типа *метать*, *хотеть* и др. В Словаре Академии Российской при некоторых из этих глагольных форм стоит помета «славенское», например: *мечу*, а по сл. *мещу*; *хочу*, а по сл. *хощу*; слова *отвещать* и *отвечать* даются как разные слова, причем первое с пометой сл., а формы *пещись* и *печись* даются без всякого стилистического разграничения. Глагольные формы с *щ* в начале XVIII в. имели значительное распространение.

Мещи: И пером смелым мещи порок явный На нелюбящих ученой дружины (Пркп. Ст., 608).

Отвещать: Александр отвещая: любезнейшая Элеонора, о сем не сумневайся (Александр, 137); Кто что рассказывает и говорит, дабы ему можно потом отвещать (ЮЧЗ, 32); Сим отвещаю аз (Кн. мир., 10); Короля свейского секретарь Амерлин латинским языком отвещал (Вед., 51); Королевна же в великой своей печали не отвеща (Вас. Кор., 126); Князь вопросил: ты ли такие статьи писал, Димитрий отвещал — я писал (Д. Тв., 32).

Хотеть. Формы с *щ* и *ч* в первой трети века употребляются одинаково часто даже в произведениях одного и того же автора, например: А о другой отпиши кудь хочешь (ПБП, I, 31); Такожде

хощем слышать о поведении ваших войск (там же, 84); Да и делают, что хотят (Псш. КСБ, 176); И не хощут яснаго изъявления о всяком церковном смущеньи напечатать (там же, 109); Сам его королевское величество в том их смотреть хочет (Вед., 50); И хощет итти с ними в Лагос (там же, 6); Тот хочет взять себе, а другой не дает (Вас. Кор., 115); Женский пол не хощет смотреть (там же, 117).

В середине XVIII в. формы с *щ* употребляются гораздо реже, чем формы с *ч*, и только в высоком слоге, например в проповеднической литературе: Но кто может изрещи сие винопийцам? (Вас. В., 10); Твори убо еже хощеши Сауле, изостряй мечь, мещи копия (Гребн., 9); Се убе обртохом, что всяк рожденный человек от священнаго слова, семя нарещися может (Флор., 10); Древо сие ни всяко плотоядныя, но человекояды птицы, Остерман и Миних с своим стадищем начали стали чрез двонадесятолетие обеспокаивавшие, сещи и терзати (там же, 14); Вси единогласно отвещают: Слава богу! (Стеф., 3); Бесчисленныя есть у тебя дороги, которыми можешь нас от заблуждений наших привлещи к тебе (там же, 14).

Формы с *щ* встречаем в одах Ломоносова, Сумарокова, Петрова: Диана стрелы позлащенны С ним мещет из прекрасных рук (Лом. СС, I, 68); Не льдисты ль мещут огнь моря? (там же, 35); Девица красотою блещет, И мужественно стрелы мещет (Сум. СС, II, 16); Скрывает тамо он меня, Коль злоба мещет пламень (там же, I, 32). Также в нарочито стилизованной речи, например в комедиях Сумарокова: Подпиши, и после стонай елико хощешь (там же, VI, 141); Спаси мя боже, аще хощу или не хощу! Аще бо от дел спасеши, несть се благодать и дар, но долг паче (там же, V, 27).

В конце XVIII в. формы с *щ* встречаются только в поэзии или у авторов архаического направления, например: В солнце ль меня не хощете чтить (Држ. Соч., II, 26); Хощешь ли, Муза! победы возвысить, Звезд не ищи, светозарнее тихих (там же, 299); Ты не медли дожидаться, И коль хощешь наслаждаться, Наслаждайся ты теперь (Мур. Оды, 4); Мещет на поля чуть бледный свет луна (Држ. Соч., III, 157); Не возвещай нам его великолепным гласом, если не хощешь его исполнити (Рдщв Пут., 81). При этом круг лексем, в которых встречается форма с *щ*, к концу века все более сужается и по существу ограничивается глаголами *хотеть* и *метать*.

§ 15. Соотношение *жд* и *ж* также встречается в отдельных лексемах и в грамматических формах. В САР[1] славенское *невежда* противопоставляется русскому слову *невежа* и определяется следующим образом: 1) ‘простак, неученый, непросвещенный’; 2) ‘грубиян, неучтивец, не умеющий поступать благопристойно’. Следовательно, здесь еще нет семантического разграничения, свойственного современному языку, когда первое значение закреплено за формой *невежда*, а второе — за формой *невежа*. В XVIII в. форма *невежда* и *невежа* одинаковы по своему значению, заме-

чается лишь некоторое стилистическое различие, так как форма *невежа* употребляется в произведениях простого слога, а *невежда* может употребляться в самых разнообразных стилях.

Невежда: Что он лишь умен один, все люди невежды (Кнт. Сат., 116); Несть судим такового, который бы наказывал дохторов невеждов (Кнт. Париж, 373); Ибо невежды и непросвещенные действительно услаждаются такими рассуждениями (Анчкв 1769, 15); В рассуждении веры своей коряки такиеж невежды, как камчадалы (Краш. ОЗК, III, 157); Сочинить на свою диссертацию сокращение в «Комментарии», что не токмо Миллеру невежде, но и полигистору трудно исполнить (Лом. ПСС, X, 81, Докум.); То круглым все тебя невеждой величают (Трут. 1769, 28); Платят еще и деньги невеждам учителям (Фнв. Недор., 138); Невеждою крота и глупым называли (Майк. Басни, II, 9).

Невежа: Обыкновенно невеж явление есть, то все, которые многому книг чтению вдаются, напоследок не признают бога (Кнт. Сат., 26); Стыдно тебе, невеж моих слушать. О наука! дело божественное! (Лук. Пуст., I, 188); Вот какая участь авторам, попадшим в руки невежи (Трут. 1769, 202); Невежа говорит: я помню, чей я внук; По дедовски живу, не надобно наук (Сум. СС, VII, 357, Притчи).

В конце XVIII в. *невежа* уже не употребляется в этом значении, а только *невежда*: Он ум дает глупцам. Невеждам знание (Дмтр., I, 98); Все это превозносится и знатоками и невеждами (Крм. ПРП, VI, 163); Попы были такие невежды (МИГ 1791, 9; Зуев Опис. Кубани, 9).

Нуждный и *нужный* в САР разграничиваются следующим образом: слово *нуждный* имеет два значения — 1) ‘потребный, надобный’, 2) ‘тяжкий, с нуждою сносимый’. Это слово признается славенским, а *нужный* имеет только первое значение и признается его русским вариантом.

Действительно, *нуждный* в 1-м значении и *нужный*, особенно в первой трети XVIII в., совпадают по своему употреблению; ср., например: Мы точию вкратце рассудим, как собственно Российскому государству нуждный и полезный есть морской флот (Пркп. СР, II; 55); Более имена перепорчены: описания неправильны, нуждное пропущено (Тат. Ист., I, 502).

Нужный: Им же дать для нужной обороны хотя по рогатине (Псш. РП, 89); Капитан-лейтенант Соймонов за нужное признавал, осмотреть еще залив Кизиль-Ачатский (ЕС 1763, 419; Сойм. Касп. м.); И понеже сие дело необходимо нужное есть государству (УМ, 10).

Однако и во втором значении *нуждный* заменяется его вариантом *нужный* даже в середине XVIII в., например: Их клячи худые, сабли тупые, сами нужны и безодежны (Псш. РП, 81); В Ругодеве у них всем нужно (МИФ, I, 36); Воспитанные в нужном содержании люди прилежнее к должностям от людей воспитанных

в довольном содержании (Коз. ФП, 149). Все это свидетельствует о том, что данные слова воспринимаются до середины XVIII в. лишь как варианты. Основное же слово *нужда* было единственным в литературном языке XVIII в., оно приводится в САР без всяких стилистических помет и употребляется в различных стилях и жанрах на всем протяжении XVIII в.: А для великих нужд, для родин, велеть избы и бани топить (ПСЗ, III, 372); Кто в нужде не бывал, тот и нужды не видал (ППЗ, 40); Нет нужды испытывать сокровенные их мысли (Лом. СС, I, 201); Сносил великую нужду (Лук. Мот., I, 127); Едину необходимую в философии представлю вам нужду и потребу (ЕС 1755, 180, Речь); Что нужды дани ждать от них (Птрв, 204).

Встречается в XVIII в. и его вариант *нужа*, но, судя по материалам, это слово остается за пределами литературного языка и свойственно просторечию: А покупати им лошади для тутошния нужи, на чем привезти дров и воды (ПСЗ, III, 354); Нужу и голод терпят великий (ПСИ, 102); Наймешься ль куликовать? Жена тазала мужа: Ты видишь нас скудь как пришибла, нужа! (Држ. Соч., III, 362).

Пара *чуждый* и *чужий* также в САР рассматривается как вариант в первом значении: ‘принадлежащий или свойственный иному кому, не мне; не свой, посторонний’. Действительно, оба эти варианта в данном значении известны на всем протяжении XVIII в.: Хотящи похитити имения чуждая, сами многажды в напасти себе ввергают (Зрелище, 130); Обычая имеют чад своих обучати и потом в чуждыя государства отпускают (Александр, 129); Римляне в идолопоклонстве великую осторожность наблюдали при освящении вещей, опасаясь, дабы чуждое какое божество веру чрез тайное посвящение не взошло и не произвело бы раскол в народе (Дсн. 1772, 22); Языки чужды нам потребны для тово, Чтоб мы читали в них, на русском нет чего (Сум. СС, VII, 370, Эпистола); Не делай ничего ты чуждою рукою, А делай сам собою (Мур. Оды, 32); Стран чуждых хвально чтить искусство, И их любя боготворить (Држ. Соч., II, 239). Ср. *чужой*: Возми с собою лакеев и казны премного, чтобы на чюжих странах жить не убого (Петр зл. кл., 226); Есть ли на счастье чужое Дух твой завистью крушит (ЕС 1755, 173, Ода); Меня объял чужой народ, В пучине я погряз глубокой (Лом. СС, I, 23, Ода дух.).

Второе же значение слова *чуждый* — ‘необыкновенный, неестественный или несвойственный кому-чему’ — признается словарем славянским не только по форме, но и по содержанию, так как помета сл. стоит при втором значении, однако оно широко распространено в языке XVIII в.: Есть же между теми много и добрых жен. . ., очи их на слезах семо и овамо не бегают, шуток и шпынских речей чужды (Александр, 173); Впрочем, царю быть должна трезвейшу мнее роскошну, Более чужду пышности, нежели просту людину (Трд. Тилемах., I, 76); Хитр, бесстыден, подл и алчен, Благородности чужд сердцем (Рдщв ПСС, I, 107).

При этом даже форма *чужий* может выступать в таком значении, например: И не буди читателю россииском чужо, что наш земной глобус, купно с проточми тремя малыми планеты. . ., так зело малыми зернышками. . . представлены суть (Кн. мир., Пред., 6); Их междоусобныя несогласия. . . были многие к делу чужия, и во всем наипак, как раздоры нынешния в церкви Великобританской (Трт. 1768, 21).

Как славянизм расценивает САР и форму *прежде*: «сл. просто же преж». Однако доминирующей во всех видах письменности XVIII в. была форма *прежде*. Форма *преж(е)* встречается очень редко и в памятниках, отражающих в какой-то мере разговорную речь, например: Преже облачения обувает (патриарх) на ноги чулки белые атласные (Пут. Тлст., I, 517).

В САР встречается довольно большое количество чередований *жд* и *ж* в глагольных формах глаголов с основой на *д*, в которых формы с *жд* признаются славенскими. Вот какие формы признаются славенскими обоими изданиями САР: *ввожду*, *ввождуся*, *вожду*, *восхожду*, *вражду*, *враждуся*, *глажду*, *извожду*, *кажду*, *мимохожду*, *навожду*, *нужду*, *нуждуся*, *обиждаю*, *привожду*, *привождуся*, *тружду и труждаю*, *хожду*, *щажду*; в САР[1] этих форм еще больше, там указаны также: *бужду*, *вижду*, *возвожду*, *вхожду*, *довожду*, *исхожду*, *ненавижду*, *превосхожду*, *предвижду*, *предвожду*, *прихожду*, *провижду*, *произвождуся*, *прохожду*, *развожду*, *сажду*, *свожду*, *свождуся*, *сежду*, *сужду*, *суждуся*, *схожду*, *схождуся*. Следует заметить, что фактически эти формы имели в языке довольно редкое хождение, причем избирательно по отношению к отдельным лексемам. Так, от одних глаголов такие формы употребляются лишь спорадически, например: Но возвожду как выспрь мои глаза и зрю Там плавающих вод громады (Трд. Феопт., 223); И да других человек превзойду чрез умеренность столько, Сколько превосхожду их сею властию вышше (Трд. Тилемах, I, 99); Всю свою жизнь на одном сухом хлебе с водою провождал (Стеф. 9); От уст твоих рабе лукавый сужду тя (Маркелл, 11); от других же глаголов (их немного) такие формы употребляются довольно систематически, например: *Вижду*: От меня — ничтоже ей злое сотвориши Днесь ее вижду от себя отторгну (Вирши, 1); Вижду я, что великая мне беда, тебя ради здесь возрасти может (Александр, 153); Возведи о Россие очи твои и виждь! (Флор. 4); Вижду и град, который отнюдь собой не Итака (Трд. Тилемах, I, 155); Виждь дела, и возри не любовь его ко братии своей (ЕС 1763, 172; Флешье); Здесь виждь, велел ты Нию сушу воздвигнуть (Рдщв ПСС, I, 146); Но ты, смотри и виждь, о смертный! (Држ. Соч., I, 29); Прииди и виждь! кричал он всем которые сомневались (Крм. ПРП, II, 74).

Также глагол *труждаться*: А вам о мужественныи военачальницы и воини, которыи на сей толь трудной и страшной акции труждатися неустрашилися есте (Пркп. СР, II, 60); Господа инженеры Леволь и Брюкель непрестанно труждаются в строении

города (ПБП, I, 100—101); Среди зимы услаждаемся видением зеленеющих лесов, . . . и труждающихся земледельцов (Лом. СС, I, 255); Завистным он велел, как вестно, в том труждаться, Чтоб счастие других скучало взорам их (Богд., 5). Что же касается отглагольных существительных от этих глаголов, то здесь почти не наблюдаем соотносительности славенских и русских форм. В большинстве случаев единственно возможной формой оказывается форма с *жд*, так образуются отглагольные имена *вождение*, *ввождение*, *восхождение*, *извождение*, *навождение*, *хождение*, *возвождение*, *вхождение*, *исхождение*, *предвождение*, *произвождение*, *прохождение*, *схождение*. Все эти слова находятся в САР без всяких стилистических помет и широко распространены в литературе XVIII в.

Некоторые отглагольные имена имеют две формы, и обе признаются САР словами стилистически нейтральными, т. е. даются без помет: *труждение* и *тружение*, *щаждение* и *щажение*, *суждение* и *сужение*. Как славянизмы в этой категории слов САР выделяет лишь *вреждение* и *предвождение*, не имеющие соотносительных пар с *ж*, а также *глаждение* по сравнению с «просто же» *глажение*; *буждение* «по просту» *бужение*; *саждение* «просто» же *сажение*; также в САР[1] *заглаждение* «в общем же языка употреблении» *заглаживание*, во втором издании помета «славенское» снята. Действительно, слово *заглаждение* употреблялось довольно широко даже в конце XVIII в.: Наконец не находя другого средства к заглаждению моей неосторожности. . . сдросил его об оной (Стелл., 12); Он требует только, чтобы мы воздерживались исполнения прихотей, для заглаждения многих пороков наших благотворением (Крм. ДВ, IX, 187); Мы признаемся в своих пороках для заглаждения искренностию своею вины (Ларошфуко, 250).

§ 16. Славенские слова с начальным *е* противопоставляются русским с начальным *о*; таких слов немного, это *езеро — озеро*, *елень — олень*, *елений — олений*, *есень — осень*, *есенний — осенний*, *един — один*, *единокий — одинокий*, *единожды* и *единощи — однажды*.

Слова *езеро*, *елень*, *есень* в середине XVIII в. стали словами ограниченного употребления, преимущественно в поэтической речи или у писателей «старого» слога, их окончательно вытесняют соотносительные им слова с начальным *о*. В первой же трети XVIII в. и те и другие пары употреблялись без различения в разных типах письменности, ср., например, их употребление на всем протяжении XVIII в.: На том Ладожском езере есть остров Валим (Опис. путей, 657); Не сыщем ни единой в свете деревни, которая над рекою или езером положена, не имела бы лодок (Пркп. СР, II, 53); Мы ведомость имеем, что царь московский некую часть своея алтилерии на езере Ладожское на корабли поставить велел (Вед., 8); Изволил ездить на Кубинское езеро (УМ, Предисл., 7); Стрелы их все омочены в соки трав ядовитых, Езера кои растут на брегах (Трд. Тилемах., I, 17); Ездит с ними на лодке по изобильному рыбою езеру. . . (УС, 147); Бысть еленю

www.ruslang.ru

с конем брань (Зрелище, 10); Елень быстра — не коню сестра (ППЗ, 26); И прободать на ловле стрелами серн и еленей (Трд. Тилемах., I, 29); Коем образом желает, На источники елень (Сум. СС, I, 54, Ода дух.); Где в роскоши прохладных теней На пастве скачущих еленей Ловящих крик не разгонял (Лом. СС, I, 79, Ода); По высотам крутых холмов Ты прядать научил еленей (Држ. Соч., I, 14); Преображает еленей в тигров (Рдщв СС, V, 123); В есени, а не в другие времена года (Прим. вед. 1729, 345); В кошницах ягодный плод принесен, что весна обещает, И что есень богатой рукой раздает землеродным (Трд. Тилемах., I, 17).

Единожды — единощи — однажды. Оба варианта — *единожды* и *однажды* — употреблялись на всем протяжении XVIII в. на равных правах только в одном значении: ‘один раз’.

Единожды: В то время выстрелили из пушек единожды (Пут. Тлст., 178); Полно с меня, чтоб еще проститься единожды с нею (Трд. Тилемах., I, 120); Остроумное слово единожды только выговорено быть должно (Сум. СС, VI, 349); Штуфа, веденныя вертикально. . . наполнялись уже не единожды водою (Пут. Члщ., 27); Сверкнул единожды мечь его, и вол упал обезглавленный! (ММ, II, 187).

Однажды: Не однажды бога призывает в свидетели, что он тебе чистосердечно сулит свою помощь, свою дружбу (Кнт. Сат., Примеч., 96); Не однажды на меня не взглянула (Маркиз, II, 28); Хотя однажды нас, о боже, вспомяни! (Сум. СС, I, 129, Ода дух.).

Другое же значение — ‘когда-то, как-то’ — подтверждается только в форме *однажды*: Однажды ушел он в средину рощи близ большой дороги (Сидней, 44); Однажды, в окрестностях Венеции, застала его на дороге буря с дождем (Крм. ПРП, I, 278). Что же касается формы *единощи*, то она употреблялась в обоих значениях лишь в первой трети XVIII в., а затем воспринималась как устаревшая: Единощи пронесся голос в Парижю, что бутто его величествие христианнейшее искал способ (ПБП, I, 50); Единощи в неделю или поне единощи в месяц (ДР, 16).

Пара *единакий — одинакий* только в начале века употреблялась на равных правах: А ежели сие дело в лесу или в ином каком единаком месте учинилось (Артикул, 126); Егда скорость единака есть (КАН, 26); Ибо в натуре часто единакое действие от многих причин происходить может (Прим. вед. 1729, 368); Смотреть накрепко, чтоб были у тех кирпичей головки шириною и толщиною равны и углы чисты, а не обиты, тож и видом железной или лутчей красной были б одинаки (ДАЭ, 72); Оной огонь одинакое имеет начало с восходящими везде из земли парами, кои всякой тотчас зажечь может (ЕС 1763, V, 423; Сойм. Касп. м.). К середине же XVIII в. слово *единакий* выходит из употребления и во всех стилях и жанрах господствует его пара — *одинакий*: Отечества сыны все щастьем одинаки (Сум. СС, V, 70); Вы, без сомнения, подвержены будете одинакой судьбе со мною (Фнв. Призн., 18); Из сего следует, что в трубках сообщение имеющих одинакия

жидкия тела встают до одной вышины, на разность ширины не взирая (Влф. физ., 4); Ея императорское величество указала: делать червонныя одинакия (ПСЗ, XIII, 107); Те же или одинакие вещи суть те, из которых в одной содержится все то, что и в другой (Коз. ФП, 41).

Един — один в начале XVIII в. употребляются на равных правах, в самых различных произведениях, часто рядом в одном и том же произведении: Един воин десять рот водит (ППЗ, 26); Как же на так нечаянно и скоро нападающего неприятеля мощно устроити подобающую оборону? едина конфузия, един ужас, трепет и мятеж (Пркп. СР, II, 54); Пусть лексикон делает — то одно довлеет, Всех мук роды сей един труд в себе имеет (там же, 598); Едина бомба от неприятеля в галеру капитана Мулина пала (МИФ, I, 65); Из постели к зеркалу одним спрыгнешь скоком (Кнт. Сат., 40); Глупой погрешит один, а умный соблазнит много других (ППЗ, 25); А буде же в свидетельстве случится токмо один человек (Псш. КСБ, 148); Токмо я послал один в Галанскую, а другой во Французскую землю (ПБП, I, 27).

В середине XVIII в. намечается стилистическая дифференциация между этими словами. Слова *един*, *единый* употребляются преимущественно в произведениях высокого слога: Земля трещит; деревья гнутся, Единым махом с корней рвутся, Трепещут нивы и луга (Сум. СС, II, 24, Ода торж.); Я чаял, я рожден к единой только брани, Противников карать, и налагати дани (там же, III, 9, Хорев); Но кроткая Екатерина Отрада по Петре едина Приемлет щедрой их рукой (Лом. СС, I, 77, Ода). Также у Ломоносова в торжественной речи: Сии побеждены в едино лето, а оные в едину ночь низвержены (там же, 195). А также в научном книжном языке: Плачевное позорище не задолго перед сим составлял сей град первопрестольный, множеством веков сооруженный и в едину осень к разрушению приближавшийся (Дсн. 1772, 15); Однако притом ни о едином повреждении рудников не упоминается; хотя ими тамошния горы везде и во все стороны прокопаны (Лом. СС, I, 297).

Форма же *один* также может употребляться в середине XVIII в. в научном языке: Вся Камчатка одною питается рыбою (Краш. ОЗК, II, 310); Не одна молния из недра призобилующия натуры на оную устремляются; но и многия иныя: поветрия, наводнения, трясения земли, бури, которыя не меньше нас повреждают, не меньше устрашают (Лом. СС, I, 293); Таких отчаянных людей, кто иной может привести в чувство? Одна только философия (ЕС 1755, 181). Преимущественно же слово *один* употребляется в литературных произведениях среднего и низкого слога: Одна лишь красота телесна, Приятность и очам прелестна, Не может вечно нас зажечь (ЕС 1756, 161); Ты одна всю вселенную для меня составляешь (Сидней, 4); Лишь меня увидели; то не молвя ни одного словца вон бежите (Лук. Мот, 88); За что вы на нас прогневались, что целыя четыре недели не видали мы ни одного

листа (Трут. 1769, 248); До об одном ли хлебе я тебе толкую, лощадь веслоухая? (Мнт., 79).

В конце XVIII в. при абсолютном господстве слова *один* в поэзии часто встречаем *единый*: Сулит нам долгу жизнь веселья, Но вдруг накинет черный флер. Рассыпятся состава звенья — Останется единый сор! (Кам. Муза, I, 164); Кто ты, божественна чета? Как огнь со пламенем сближаясь, Един составить хочешь лучь! (Држ. Соч., 1, 68); Приди, суди, карай лукавых, И будь един царем земли! (там же, 11). В прозе же встречаем *единый* лишь у отдельных авторов, склонных к архаизации языка, например у Радищева: Я, я един прекратил дни его, излияв томный яд в начало его (Рдщв Пут., 199); все имеют предел един и общий (Рдщв СС, II, 14).

§ 17. В пяти глаголах — *бить* (*биться*), *вить* (*виться*), *лить* (*литься*), *пить*, *шить* — формы настоящего времени изъявительного наклонения, причастия действительные настоящего времени и деепричастия могут иметь два варианта: *бью*, *бьющий* и *бию*, *биющий*, *бия*; *вью*, *вьющий* — *вию*, *виющий*, *вия*; *лью* — *лию*, *лия*; *пью* — *пию*, *пия*; *шью* — *шию*. Первый из этих вариантов Словарь Академии Российской в обоих своих изданиях рассматривает как обычный русский, современный по своему употреблению, второй вариант признается славенским, по крайней мере в одном из изданий САР (*бию*, *биеши*, *биете* по сл.; в обыкновенном же разговоре *бью*, *бьешь* — в САР[1], САР[2] не дает славенских форм вообще; *шью* по сл. *шию* — в обоих изданиях САР; *пью* и *пию* — в САР[1], *пью*, а по сл. *пию* — в САР[2]; *лью* и *лию* — без всяких помет в обоих изданиях словаря).

На всем протяжении XVIII в. русские формы с *ь* в этих глаголах преобладают, но употребляются и славенские формы с *и*. В начале XVIII в. они употребляются независимо от контекста и не носят стилистического различия, например: Слезы премноги лиеши (Петр зл. кл., 251); Иначе можно весьма изрядно сравняти долготу минуты секунды с долготою ударения бющихся жил в здравом человеке (Прим. вед. 1728, 69); Се благодать всем от небес лиется (ЕОЛ, 151); Без нас пиете, а нас не зовете (ППЗ, 44).

В середине XVIII в. формы с *и* выступают как стилистически окрашенные элементы высокого слога, что подтверждается их употреблением в соответствующих жанрах, например: Так вечно с гор биют ключи (Сум. СС, I, 150, Ода дух.); По струнам извещая слово, Давид божественный биет (там же, 50, Ода дух.); В набат биют! (там же, IV, 120, ДС); Уже в полях потоки вьются, Журча по камышкам биются (Мур. Оды, 19); Из свежих я источников пию, И свежий я водой весельем дух пою (Сум. СС, I, 26, Ода дух.); Рыкают чада Измаила, Хотят чтобы их поглотила Земля пиюща крови их (Мур. Оды, 15); Злоречья жолчь лиют (Княж. Грациям, 55); К тебе моления лию (Сум, СС, I, 124, Ода дух.); Кровь лиюща истощалась (Мур. Оды, 8); От светлости твоих очей Лиется радость твари всей (Лом. СС, I, 33); Крилами нас щедроты

кроишь, Московским музам жизнь даешь; Парнасс цветущий музам строишь, Кастильски воды всем лиешь (Хрс. Тв., VII, 113).

В конце века формы с *и* являются или принадлежностью поэтического языка, или воспринимаются как устаревшие: Покоился у вод перловых, Биющих с гор (Држ. Соч., III, 76); И вкруг от мириадов звездных, Лиющих свет с твоих очес, Сам черплешь блеск лучей любезных (там же, II, 30); Не ты ль, котораго всем взгляды Лиют обилия, прохлады, Прекрасный и полезный мир? (там же, I, 94); Луна, свой кроткий луч лиет (Борн, II, 22); Как солнце, к западу склоняясь, Лучи ярчайшие лиет (ММ, III, 30); или: Мраз лиющийся в твоих жилах (Рдщв Пут., 35); Начто нам блеск искусства, когда природа здесь сияет во всей своей красе — когда мы из грудей ея пием блаженство и восторг? (Крм. ПРП, II, 292).

§ 18. В трех глаголах *крыть*, *мыть* и *ныть* САР указывает две формы — одну русскую, другую славенскую: *крою* по сл. *крыю*, *мою*, а по сл. *мыю*, *моюсь*, а по сл. *мыюсь* (формы славянские в САР[2] у этих двух глаголов отсутствуют), *ною* сл., просто же *ною*. Эти славенские формы в XVIII в. употреблялись редко, обычно в торжественно-приподнятой речи: Крыемое долго сосед наших немиролюбие яве откровенно стало (Пркп. СР, II, 45); Но сличив исцеление России от поражения варварским оружием извне нанесеннаго с удивительным крыющагося внутрь вреза врачеванием, Елисаветиною рукою произведенным, противное находим (Лом. СС, I, 210, Слово); Ту проникаешь во внутренность сердец. Не утаится более от тебя змия, крыющаяся в излучинах душевных (Рдщв Пут., 72).

Два корня в САР имеют варьирование *ѣ* и *я*, из которых вариант с *я* признается славянизмом, это следующие слова: *ѣм*, а по сл. *ям*; *ѣдение*, а по сл. *ядение*; *изъѣдаю*, а по сл. *изъядаю*; *объѣдаю*, а по сл. *съядаю*; *ѣзжу*, а по сл. *язжу*; *ѣзжение*, по сл. *яждение*. Однако славянские формы уже с начала XVIII в. становятся неупотребительны и в середине XVIII в. даже в высоком слоге не встречаются.

§ 19. Славянизмами признаются словарем также различные смягчения согласных, при которых создаются такие парные варианты, как слова с параллельными звучаниями *г — з* (*двигаюсь — двизаюсь* сл.; *воздвигаю, -сь — возвдизаю, -сь* сл.; *достигаю — достизаю* сл.; *постигаю — постизаю* сл.), *ш — с* (*вишу — вишу* сл.; *шлю — слю* сл.), *к — ц* (*навыкать — навыцати*, *иссякаю — иссяцаю*, *прорекаю — прорицаю*, *отрекаю — отрицаю*), *ч—ж* (*мигание — мжение*, *гоню — жену*, *отгнание — отженение*, *отгоняю — отженяю*, *прогоняю — проженяю*). Славянские формы такого рода не часто встречаются в литературе XVIII в. В начале XVIII в. употребление этих слов не зависит от жанра: По ударении тела В и С почитают, тело А движется в том направлении, и с тою же скоростию как двизалося в первом случае (КАН, 22); Все согласно двизатися около разных центров (Мн. мир., VII); Мой ум не по-

стигает сию, како бы прямое правосудие устроити (Псш. КСБ, 137); У нас за пять и за шесть лет мало кто постизает (язык латинский) (ДР, 25); Русские воины прославятся. . . смелыми людьми проженут врагов своих многих (Псш. РП, 87); Вельможи и властелие руками подданных своих достизают многие земли и грады (Зрелище, 13). В середине XVIII в. такого рода слова употреблялись или в высоких жанрах, например у Сумарокова: И се Румянцев достизает, прешед Дунай побед венца (Сум. СС, II, 134, Ода торж.), или у писателей типа Елагина и Эмина: Милосердный бог дозволил людям, достизать той милости и совершенства, которое он для них приготовил (Маркиз, II, 44); Еще ужаснейшая гибель пожрет тебя, еще свирепейшие громы поженут гордую твою главу (Безбожн., 125); Сколько под небо воздвизающихся в своей земле победоносных вырастит лавров (Эмн Фемист., 1—2). В конце XVIII в. видим, что употребляются эти слова в славенской огласовке или в поэтической речи: Покрой меня твоей рукой! Покрой! и отжени все страсти, мечты, волшебства и напасти (Држ. Соч., IV, 157, Добрыня); А вражей дух да отженется, Моих порогов не коснется Ничей недоброхотный шаг! (там же, I, 300); Лжецы, мздоимцы, гордецы; отвсюду мною изженутся В дальнейшие земны концы (там же, 19); Из сердца изжени роптанье (Вствк СМ, I, 14); или у таких авторов, как Радищев: И так изжените из мыслей ваших, что вы есть под властию моею (Рдщв Пут., 161); Трепещи, се мститель грядет, прорицая вольность (там же, 362).

§ 20. В Словаре Академии Российской имеются также отдельные слова и отдельные формы слов, признаваемые славенскими в отличие от их русских дублетов. Среди них следует выделить несколько групп.

I. Формы слова, ставшие архаизмами уже в XVIII в. Некоторые из них употреблялись только в начале века, например при широкой употребительности местоимения *кой* славянская форма *кий* встречается лишь в памятниках начала века: Некогда черепаха с зайцем велий залог сотвори, кий от них первый во град утро достигнет (Зрелище, 27); Кий венец соплетем? (Пркп. СР, II, 60); И кии мастеры будут именитые и домами мастерскими владеть будут (Псш. КСБ, 219); Понеже кии презвитеры и во градех живут, и тии не весьма знают, в чем грех или в чем спасение (там же, 122).

Также форма *мравий* — параллель к *муравей* (Зрелище; Кн. мир.); *отреби* — *отруби* (Кнт. Париж); *слову*, *словет* — *слыву*, *слывет* (ПБИ, I, 30; ЕОЛ); *паучина* — *паутина* (Кн. мир.); *пхать* — *пихать* (КАН, 171); *жву* — *жую* (КАН, 212); *чепь* — *цепь* (ДАЭ; Вед.; Пут. Тлст; Д. Тв); иногда подобные архаизмы встречаются и в середине XVIII в. параллельно со своими русскими дублетами, например при господствующем употреблении глагола *сосать* встречается в начале XVIII в. форма *ссоать*: Ромулус младенцев ссущих не повелел выбрасывати (Пуф. Ист., 14). В середине XVIII в. эта форма очень редка и воспринимается

как архаизм, ср. у одного автора употребление обеих форм: Многие (младенцы) во чреве матернем гроб себе приняли, и ссущие млеко во хладных объятиях живые на персях мертвых оставались (Дсн. 1772, 15); Лекарь Маргаф нашел в доме одного младенца на мертвой матери живаго и сосущего у мертвыя грудь (там же, 15).

Целый ряд фономорфологических вариантов слов уже окончательно вышел из употребления к началу XVIII в., и в памятниках их обнаружить не удалось. В Словаре же даются эти параллели славенских и русских слов: *бервно — бревно*, *бервенный — бревенчатый*, *корносый — курносый*, *отпуст — отпуск*, *пелынный — полынный*, *плесна — плюсна*, *плювати — плевать*, *сткло — стекло*, *трию — тру*, *тренный — тертый*, *хракаю — харкаю*, *наук — навык*, *чан — дсчан*.

II. В этой группе заключены слова, в которых в XVIII в. не происходит ни семантической, ни стилистической дифференциации. Обе формы слов, и русская и славянская, существуют в XVIII в. на равных правах в качестве слов-дублетов.

Дубрава — дуброва. Оба слова употребительны в равной мере на всем протяжении XVIII в.: Некий человек в дубраве изловил рябца (Зрелище, 21); Дубравы и поля трепещут (Лом. СС, I, 146, Ода); Примите, древния дубравы, Под сень свою питомца муз! (Дмтр., 11); В южной же стороне преизрядные поля, степи и дубровы (Геогр. Тат., 61); Из облак реки вниз влекутся, Дубровы и леса шумят (Сум. СС, I, 107, Ода дух.); Когда желтеть дубровы станут, Пастушка прячется в шалаш (Хрс. Тв., VII, 350).

Дска — доска. Слово *доска* встречается гораздо чаще, нежели *дска*, но употребляются оба слова и в семантическом и в стилистическом отношениях наравне, это видно из употребления их у одних и тех же авторов, в одних и тех же сочинениях: Дал Азаилу миноевы те преславны законы, Писаны все на дсках самого Миная рукою (Трд. Тилемах., I, 98); Се вдруг узрела она корабля разбитаго доски, Лавки гребески почти на дщицы преломаны (там же, 12); На сех дсках вся Римская юриспруденция словами в воробья величиной вырезана (Трт., 22); Их законы, как мы уже и прежде доказывали, в 12 досках, как в 12 страницах, все содержались (там же, 23); Кроме сих остатков древности видны так же на могилах доски с татарскими подписями (Пут. Леп., I, 271); Концы оных веревок прикрепляются к частоколу, и от закрепы аршина на полтора, или два, навязывается доска (там же, 13); Благословил я его образом Успения богоматери, вымененным в Киеве на кипарисной дске с чудотворного печерского изображенной (Ж. Анненк., 775); Куплено ж пара шандалов медных. . . молочник и доска медные красные же (там же, 702); По паперти и в стенах вставлены чугунныя дски с славянскими титловыми надписями (Пут. Зуева, 95); Также и латунную медь отлитую в доски в плавильной кузнице (там же, 70).

Стеню — стону. Также употребляются одинаково в XVIII в.: По моей воли я знал и стонать и плакать, как то к лутшему чинить

весма надлежало (ЕОЛ, 119); Се она то мещется, потом недвижима, вопиет, слезит, стенет, в печали всем зрима (там же, 154); Уже в них корабли вступают, От коих волны отбегают, И стонет страшный океан (Лом. СС, I, 107, Ода); Надменна бездна уступает, Стеня от тягости судов (там же, 48); Старуха на печи лежала на краю, Кряхтела, кашляла, стонала (Сум. СС, VII, 34, Притчи); Мечталась И в ночь и в день, Стенящей в верности жене супружня тень (там же, 224); Пусть бедные стонут, что их не выслушивают (ПД, II, 29); Они лучше хотели лишиться всего и стенать под тягостными оковами (там же, 96); Ключи шумят, заливы стонут (Мур. Оды, 19); Ты стенал в снегах Рифейских (там же, 8).

Седмь и *семь* также употреблялись в XVIII в. без каких бы то ни было стилистических различий, хотя чаще употреблялось слово *семь*. Разнообразный характер источников позволяет считать, что *седмь* было в XVIII в. словом стилистически нейтральным; ср., например, в середине XVIII в. употребление слова *седмь* в различных жанрах: Не было с тысячу седмь сот лет после Марона, кроме трех ироических пиим (Трд. Тилемах., I, XII); Богиня, коея державу Обнять не могут седмь морей (Лом. СС, I, 123, Ода); Ты меня принял ласково и с почтением, как посланника от наследника Квецалкоалова, бывшего государя седми пещер Навшлакских (Сум. СС, IX Разговор, II); Церквей в городе седмь каменных и три деревянных (Пут. Зуева, 121).

Ветр — ветер также не различаются стилистически, хотя и в одном и в другом изданиях САР они противопоставляются: «Ветр просто же ветер». Форма *ветр* вообще является в XVIII в. более употребительной, чем форма *ветер*, но употребляются они в одних и тех же жанрах и у одних и тех же авторов: Не важен черни шум, то только звук пустой, Их лай разносит ветр, исчезнет он (Сум. СС, IV, 77 ДС); Услыша злую весть, что Кий как ветер прах, Народы разметав во градских уж вратах, Лице горчайшими слезами омывала (Сум. СС, III, 5, Хорев); Пускай ветр сильный стонет, Пускай ревет и воет он (Сум. СС, VIII, 11, Притчи); Производят из своих машин молнии и ветр (Эмн Фемист., 85); Ах ныне красноречие подобно ветреной мельнице на ту сторону обращающейся, откуда ветер дует (там же, 33); А живущие от реки Камчатки на север Восточной ветр называют Кунеуихт с моря дышущий (Краш. ОЗК, II, 3); Живущие по реке Камчатке восточной ветер называют Шангыш, с низу веющей (там же, 22).

Если варианты славенский и русский встречаются у слов специальных, то они стилистически не различаются.

Слина — слюна. Оба термина равнозначны, ср. у Ломоносова рядом и тот и другой вариант: Скважиньками дерева, на подобие бумаги тонко отрезаннаго, и слиною обмоченнаго, слюна весьма скоро бежала (Влф. физ., 125); в производном же слове-термине — *слинный*: железы слинные (Анат. Г., VIII); дукт слинный (там же, V).

Сканый — сученый употребляются без всяких стилистических различий: сканая работа (Пут. Тлст.; Пут. Члщ.); сканый шелк (ДМТ); шелк сученый (Рдщв О китайских торгах).

III. Слова, имеющие фонетические различия по своему происхождению и получившие в середине XVIII в. стилистическое разграничение.

Вихръ в отличие от *вихрь* и *вихорь* употреблялось в середине XVIII в. только в высоком слоге, как например: Прими, блистай, дай бурно время, Пошли на них и вихръ и ветр (Сум. СС, I, 119, Ода).

Также *угль* в отличие от *уголь* встречаем в высоком слоге: Сверкают очи раздраженны, Как угль в горниле раскаленный (Лом. СС, I, 31, Ода из Иова).

Студ вместо *стыд* также употребителен в высоком слоге: Посрамлены да возмятутся, Что ради злым моим бедам; И с верьх главы да облекутся Мои противны в студ и срам (Лом. ПСС, VIII, 380, Ода дух.); Крепи, и громом их, сколь можешь, Галл снабжай, Себе и своему студ роду умножай (Птрв 67, Ода).

Такие же отношения существовали у таких пар, как *сретать — встречать*, *сретение — встреча*; первые компоненты этих пар употребительны в середине XVIII в. преимущественно в произведениях высокого слога: Царицу мест любовь сретает (Лом. СС, I, 137, Ода); Румянцов рек, и только стали, Уже Срацины смерть сретали (Мур. Оды, 15); Мы наших стен не узнаем, Монаршеский сретая взгляд (Хрс. Тв., VII, 153, Ода); Там вера в сретенье тебе Выходит в пламенной мольбе (там же, VIII, 201); Колико множество народа, Тебе во сретенье течет! (Лом. СС, I, 105, Ода).

Дщерь, дщи, дочь. Если в начале XVIII в. слова *дщерь* и *дочь* могут употребляться безразлично к тому, по отношению к какой общественной среде они применяются, то в середине XVIII в. эти слова социально дифференцируются — *дщерь* относится лишь к особе царствующей или вообще к лицу, принадлежащему к высшему сословию, например: Мы славу дщери зрим Петровой Зарей торжеств светящу новой (Лом. СС, I, 39, Ода); Обещавшим ему престол свой и дщерь (Трд. Тилемах., I, XX); Войск вожду греческих, Царь церский дщерь давал (Сум. СС, VII, 195, Притчи); Я дщерь Завлокова, так ты врагом мя числь (там же, III, 43, Хорев). Слово же *дочь* употребляется по отношению к лицу любой другой социальной среды: Крестьянска бывши дочь, За муж бы вышла я подобнова мне рода (Пив Анюта); Веть за этова крючкодея этот плут Сквалыгин выдает свою дочь! (Мтн., 30); Конечно ты подъяческая дочь? (Сум. СС, V, 7); Напоследок камчадал очищал у очага двойнишних дочерей своих (Краш. ОЗК, III, 100).

В силу такой социальной соотнесенности слова *дщерь* и *дочь* в середине XVIII в. приобрели и стилистическое различие, так что слово *дщерь* стало употребляться в произведениях высокого слога. К концу же XVIII в. слово *дщерь* становится принадлеж-

ностью поэтического языка, например у поэтов конца века: И процветет, как ветвь Эдема, В минувший год она плодом; Еще носителя даст шлема, И дщерьми свой украсит дом (Држ. Соч., I, 8); Блажен отец семейством чтимый, Сынами, дщерями любим! (Кам. Муза, II, 7); Что может быть тебя святей, О милость, дщерь благих небес! (Крм. Соч., I, 15).

Форма *дщи* является вовсе архаическим вариантом, она редко употребляется в XVIII в., например у Тредиаковского: Дий, Афродиту теща, сказал ей: правда то суща, дщи моя, что Паллада сердце в юном Пеласге Презащищает от стрел твоего любопальнаго сына (Трд. Тилемах., I, 152). Форма *дщи* может употребляться в нарочито стилизованных архаизирующих контекстах, например в комедии Сумарокова речь ворожеи сильно архаизована, в ней встречаем и *дщи*: Возвести мне дщи: где днесь супруг ея и Розалия чрева ея плод? (Сум. СС, VI, 134, Вздорщица).

§ 21. Рассмотрим, как разграничиваются в САР славянизмы и русизмы по словообразовательным признакам. Нередко наблюдается в САР, что различие в словообразовании служит основанием для различения славянизмов и русизмов. Так, при наличии одинаковых основ непроизводные слова признаются русизмами, а производные суффиксальные образования — славянскими, таковы: *перо*, по сл. же *перийце*; *сук*, по сл. *сучец*; *обувение*, по сл. *обувь*; *ягода*, по сл. *ягодица*; в других случаях, наоборот, непроизводные расцениваются как славянизмы, а производные — как русизмы: *свербеж*, по сл. *сверб*; *сверщ* сл. см. *сверчок*; *ящер* на сл. значит то же, что *ящерица*. Имеются случаи, когда варианты основ служат разграничением славянизмов и русизмов, например *остаток* и сл. *останок*.

В ряде случаев слова, образованные от одной основы, различаются в зависимости от суффиксов; таковы образования у существительных: *владелец* и *владетель* даются без пометы, а *владыка* — с пометой сл; *безбожство* сл. и *безбожие*; *вдовица* сл. и *вдова*; *возатай* сл., *возничей* сл. и *возница*; *величие* сл., *величествие* сл. и *величество* и др.[33]

Среди глаголов различаются слова с суффиксами *-ствова-* и *-нича-*: *волшебствовать* сл. и *волшебничать*; *малодушествовать* сл. просто же *малодушничать*; *-тельствова-* и *-а-*: *избирательствовать* сл. и *избирать*; *-ествова-* и *-а-*: *плачествовати* сл. и *плакать*; *-ова-*, *-ствова-* и *-и-*: *даровать* сл., *дарствовать* сл. и *дарить*; *-ова-* и *-нича-*: *безчиновати* сл. и *безчинничать*; *-ова-* и *-а-*: *изкуповати* сл. и *искупать*; *-ава-* и *-а-*: *обещавать* сл. и *обещать*; *отвещавать* сл. и *отвечать*; *извещевать* сл. и *извещать*; *-а-* и *-ива-*:

---

[33] Однако далеко не всегда в САР различаются разносуффиксные образования как стилистически неоднородные, например *восколей* и *восколиятель* оба без помет, хотя можно было ожидать при *восколиятель* помету сл., так как здесь и суффикс *-тель* церковнославянского происхождения, и основа *ли*, а не *л'* (ср.: *лию* сл., просто же *лью*).

всаждати сл. и *всаживать*, *закалати* сл. и *закалывать*; *заповедати* сл. и *заповедывать* и пр.[34]

Среди прилагательных в САР также видим различия в словообразовании, дающие возможность противопоставления славянизмов русизмам, например: *вдовичий* сл. и *вдовий*; *виновный* сл. и *виноватый*, *винный*; *волуий* сл. и *воловий*; *гробный* сл. и *гробовой*; *двойственный* сл. и *двойной*; *козлий* сл. и *козлиный*; *левский* сл. и *львиный*; *лукавный* сл. и *лукавый*; *наемничий* сл. и *наемный*; *сиротний* сл. и *сиротский* и пр.

Однако весьма редки случаи, когда наличествует полное противопоставление словообразовательного элемента славянского и русского. Из таких случаев в САР имеется довольно последовательное противопоставление суффиксов, обозначающих детенышей, *-я* и *-ище* как славянских и *-онок/-енок* как русских: *козлище*, *козля* сл. и *козленок*, *горличищ* сл. и *горленок*, *львичищ* сл. и *львенок*, *ягня* сл. и *ягненок*, *жеребя* сл. и *жеребенок*.

В литературном языке XVIII в. наблюдаем разницу в употреблении слов с этими соотносительными суффиксами, в то время как русские образования находим широко употребительными в произведениях XVIII в., в частности в простом слоге: Стрел убил у львицы сына Не львенка да левка (Сум. СС, VII, 28, Притчи); Ягнят и телят по рождении несколько времени держат в своих кибитках (Пут. Леп., I, 221); Стоя волк при реке ягненка выше мало (Трд. СП, I, 194). Славянские образования встречаем у авторов, склонных к архаизации языка, например: Тамо на поле видел я львичищ гнавшагося с пагубным рыканием за устрашенною серною; также видел я брань и между воздушных птиц (УС, III, 30).

Также последовательно различаются в САР наречия с суффиксом *-ѣ* как славянские и с суффиксом *-о* как русские, например: *безвременнѣ* сл. — *безвременно*, *господственнѣ* сл. — *господственно*, *достойнѣ* сл. — *достойно*, *лукавнѣ* сл. — *лукавно* и многие другие.

В языковой практике XVIII в. формы на *-ѣ* встречаются лишь в самом начале XVIII в.; приведем некоторые примеры: Просим, дабы за такое неизреченное божие милосердие, соборнѣ и келейнѣ молебное благодарение воздавали (Зап. Ж., 80); Есоп сию премудрость не имел естественнѣ, но от вдохновеннаго богом разума (Притчи 1712, 1); А буде же делал такой приговор по пристрастию, то лютѣ наказать и жалования убавить (Псш. КСБ, 141). Начиная же с 20—30-х годов XVIII в. этот тип наречий вытесняется наречиями на *о*. Из наречий же на *ѣ* закрепляются в дальнейшем лишь те, которые разошлись в своем значении с соответствующим наречием на *о*. Так случилось с наречиями *добрѣ* и *добро*. В САР первое из них квалифицируется как славянское, а второе не имеет

---

[34] Но ср. *самовольствовати* и *самовольничать* — оба без помет, также *враждебничать* и *враждебствовать*.

пометы. В XVIII в. и то и другое имеют значение 'хорошо, изрядно': Мя добрѣ видящу (Притчи 1700, 4); Добро того учить, кто слушает (ПК, 109). Данное значение соотносится с одним из значений прилагательного *добрый*, не имеющего в словаре никакой стилистической пометы и широко распространенного в языке XVIII в.

Наречие *добрѣ* имеет и другое значение, известное в середине XVIII в.,— 'очень': Лихому псу звонок на шею привязать Велел хозяин сам, чрез то б всем показать, Что пес тот лют добрѣ (Трд. СП, 1, 190, Басни); Ах знаю я крестьянина богата добрѣ живет на высокой горе далеко в стороне (Кирша Д., 177); Стар добрѣ, да неровня мне (Брсв Посл., 200).

В этом значении употребляется только наречие *добрѣ*, причем в данном значении оно уже никак не славянизм, а слово разговорного языка, что видно по характеру приведенных источников.

§ 22. Большинство словообразовательных элементов, церковнославянских по происхождению, в XVIII в. уже прочно усвоены русским литературным языком и не являлись определяющим фактором для выделения славянизмов.

Рассмотрим некоторые словообразовательные элементы церковнославянского происхождения, как они отразились в лексике русского литературного языка XVIII в.

Суффикс *-тель* со значением лица в русском литературном языке XVIII в. имел широкое распространение. В САР включено 575 слов с суффиксом *-тель*, из них с пометой сл. всего 78 слов. По своему составу эти слова разнообразны, среди них встречаем 1) слова с основами, признаваемыми славянскими: *бдитель*, *блюститель*, *боритель*, *ваятель*, *ведатель*, *воитель*, *вражбитель*, *глаголатель*, *деятель*, *казатель*, *лиятель*, *обаятель*, *озлобитель*, *окормитель*, *пленитель*, *послушатель*, *предваритель*, *предстоятель*, *препинатель*, *продерзатель*, *прозритель*, *скверните́ль*, *целитель*; 2) сложные слова: *благодатель*, *бреноделатель*, *виноградособиратель*, *вседатель*, *градожитель*, *делосказатель*, *домоблюститель*, *животодатель*, *живототворитель*, *животоподатель*, *жизнодатель*, *жизноподатель*, *звездоблюститель*, *звездоволхвователь*, *златоделатель*, *знаменосмотритель*, *знаменозритель*, *идолослужитель*, *каменоделатель*, *кандиловозжигатель*, *книговводитель*, *колесницегонитель*, *конегонитель*, *лжесвидетель*, *мздовоздаятель*, *миропродатель*, *народоводитель*, *народовещатель*, *народодетель*, *началоздатель*, *невестоводитель*, *плоторастерзатель*, *противоглаголатель*, *ризохранитель*, *рододелатель*, *световодитель*, *священнограбитель*, *священнодействователь*, *священнопредстоятель*, *скотогонитель*, *сосудохранитель*, *христоподражатель*, — слова этой группы признаются славенскими по тем же основаниям, по которым выделяются как славянизмы и другие сложные слова подобного типа; 3) слова, образованные от русских основ, — в некоторых случаях эти слова воспринимаются как славянизмы в сопоставлении их со словом той же основы, но с другими суффиксами: так,

слово *жатель* воспринимается как славянизм по сравнению со словом *жнец*, *кормитель* — со словом *кормилец*, *лечитель* — со словом *лекарь*.

В употреблении этих пар в XVIII в. наблюдаются очевидные стилистические различия. В то время как слова с суффиксом *-тель* употребляются с тем или иным стилистическим заданием, параллельные им слова с иными суффиксами употребляются как стилистически нейтральные во всех стилях и жанрах. Ср. употребление слов *лекарь* и *лечитель* в середине XVIII в. *Лекарь*: Когда больной призывает лекаря, то хотя оба они видят болезнь, однако больной гораздо лучше разумеет ее силу и действие, нежели лекарь (Коз. ФП, 177); Искуснова врача велел к себе призвать, Стал лекарь по рублю на всякий день клевать Больнова посещая (Трут. 1770, 36); Я, сударыня, не лекарь, и кровь пускать не умею (Сум. СС, VI, 95); Для определения во флот, в армии и в прочие места, обучать и производить искусных лекарей и подлекарей (ПСЗ, XVI, 26); Лекарю пользующему пластырями рану должно и о том думать, чтобы из оной не приключилось лихорадке (Эмн Фемист., 246). Слово же *лечитель* употребляется со стилистической целью, например для создания иронической окраски: В соседстве со мною оказалися болезни, от которых господа лечители тел наших отказались (Трут. 1769, 209); Я не доктор, ни аптекарь, ни пристратный судья, и ни глупая повивальная бабка, но г. издателя всепокорнейший слуга лечитель (там же, 177).

Слово *крестителъ*, очевидно, признается славянизмом лишь потому, что оно относится к лицу святого Иоанна и лишь по отношению к нему и употребляется. Остальные же слова этой группы — *велитель*, *грубитель*, *делатель*, *лаятель*, *общитель*, *обыматель*, *оклеветатель*, *потребитель*, *призиратель*, *призритель* — являлись устарелыми для языка середины XVIII в., они встречаются лишь в начале XVIII в. (призиратель наук — КНТ. Сат., 22; Псш. КСБ, 174) или же употребляются с особым стилистическим заданием в середине и в конце XVIII в., например в торжественном стиле или в поэтическом языке: Сия домовица великаго, и превеликаго, и высокаго повелителя, избранного от бога, почтеннаго, благороднаго призирателя учителев, и защитителя сирых (Пут. Леп., I, 279); Хощешь ли, в силе твоей воскреснуть лиры судити. Яко приял еси днесь лице потребителя Боже! Яко здрав твой суде исполнен! (Вткв СМ, II, 107).

С суффиксом *-тель* образуются многие новые слова на всем протяжении XVIII в., они не попали в словари, но известны из текстов различных авторов. В начале XVIII в. таких слов находим довольно большое количество, причем они могли быть образованы от славянских основ (*блазнитель*, *похлебователь*), от русских основ (*вымыслитель*, *дополнитель*, *надсмотритель*, *продолжитель*) и даже от иноязычных основ (*бальзамирователь*); это могли быть сложные слова (*домовладетель*, *естествоиспытатель*, *земледетель*, *иконописатель*), некоторые из них возникли как

кальки (*звездогадатель — астролог, противоречитель — оппонент*).

Интересно, что в начале XVIII в. образуются слова с суффиксом *-тель* не только для обозначения лица, но и для обозначения научного понятия; например: Раздели 360 чрез именователь фигуры Г произыдут градусы угла центра (Геом. 1703); Глаголется же оризонт точию ради, зане окончевает и определяет виднное, в шесть разделяет видиную нам и сущую верху земли половину мира, от таи мня сущие ниже земли, и сего ради нарицают его кончителем (Арифм. Магн., 222).

§ 23. Противопоставление церковнославянских и соответствующих им по значению префиксов русского происхождения (*без — не, воз — вз, из — вы, пре — пере, пред — перед, чрез — через*) также не всегда позволяет отграничить славянизмы от русизмов, так как далеко не всегда варианту с церковнославянским префиксом соответствует слово с русским префиксом, например не имеют соотносительных слов такие образования с префиксом *без-*: *безбожество, безбожествую, безболие, безбранный, безгласие, безгрешие, бездыханный, беззрачие, безмолвствую, безоблачный, безокий, безсердечный, безсловесие, безчленный*; с префиксом *воз-* (*вос-*): *возблаговестити, возбранение, возбранять, возвещати, возграждати, воздаяние, воздвижение, возделывать, воззрение* и пр.; с префиксом *из-* (*ис-*): *изваять, изваяние, извергать, извлекать, извлечение, изгнетати, излагать, изникать* и пр.; с префиксом *пре-*: *презирать, прекормити, премедление, премножение, премолкать, пренебрегать, преникать, препираться* и др.

Нередки случаи, когда оба слова с соотносительными префиксами признаются САР славенскими, например: *беззазорный* и *незазорный, бесknижный* и *некнижный, безчадствовати* и *нечадствовати, возбранный* и *взбранный*. Встречаются и такие случаи, когда слово с церковнославянским префиксом в САР стоит без всякой пометы, а слово с соотносительным русским префиксом имеет помету сл., например: *безверие* без пометы, а *неверие* сл.; *бесподобный* без пометы, а *неподобный* сл.; слово *небурный* имеет помету сл., а *безбурный* вообще не попадает в словарь, хотя это слово употреблялось в XVIII в. в том же значении, что и *небурный* (В безбурны дни почить и вкушать прохладу — Држ. Соч., III, 374; Среди страстей безбурной жизни — ММ, I, 132); также слово *неуклонно* в САР — сл., а *безуклонно* отсутствует, но мы его встречаем в литературе во второй половине XVIII в.

§ 24. Довольно большое количество слов в САР с приставкой *воз-*(*вос-*) в разных значениях признается славянизмами. Некоторые из них образуются от основ, признаваемых словарем славенскими, другие же — от русских основ.

I. С начинательным значением приставки *воз-*:

От славенских основ	От русских основ
возбуждать	*возвеселить*
возварять	*возгреметь*
возвещать	*возжелати*
возвещаться	*возжение*
возвестие	*возжигать*
возврение	*возжигаться*
возвреяти	*воззвание*
возглядати	*воззватися*
возгнещати	*воскипати*
возгнещатися	*возлюбити*
возжаждати	*возмеритися*
воззрение	*воскрикнуть*
возмнети	*воскурение*
возреяти	*воскурити*
восскорбити	*восплакать*
воссмердити	*воспросити*
	воссвистати
	восскрежетати
	вострубить
	вострясать
	вострясение
	восхотеть

В ряде случаев восприятию слова с префиксом *воз-* как славянизма способствовали и другие фонетические или словообразовательные признаки, например суффиксация (*вознеправдовати*, *воскликновение*, *воскрамольствовати*, *воссиявати*), или добавочные префиксации (*вознисповсылать*), или факт словосложения (*возблагословлятися*). Однако следует иметь в виду, что подобного же типа слова могут и не иметь в САР пометы сл., например не имеют помет:

От славенских основ	От русских основ
возблагодарить	*воздохнуть*
возблагодарение	*возмечтать*
возгласить	*возопить*
возглащать	*возрадоваться*
восприимник и др.	*воспылать*
	восхвалить и пр.

II. Со значением *вóз-* ‘движенье вверх’:

От славенских основ	От русских основ
возвергать	*возвевать*
воздвизание	*возгонять*

воздеяние	*воздвижение*
воздеянный	*восставать*
востекати	
возмятати	

Эти слова признаются словарем славенскими, но без пометы даются следующие слова: *возведение*, *возводить*, *возвысить*, *возгонка*, *вознесение*, *вознести*, *восшествие* и др.

III. Со значением *воз-* ‘расположение на чем-л.’:

От славенских основ	От русских основ
	возлежать
восписовать	*возливать*
	возложить
	воскладать
	восписание
	восседать

Но без помет даны: *возлагать*, *возлежение*, *возложение*.

IV. Со значением *воз-* ‘действие снова’:

От славенских основ	От русских основ
возграждати	*возновлять*
вовобиждати	*воссоздание*
возглавляти	*воссоздать*
возращати	

Но без помет даны: *возобновить*, *возродить*, *восставить*, *восстановить*.

V. Со значением *воз-* ‘воспрещения, помехи’:

От славенских основ	От русских основ
возбранять	*воздержательный*
возбраненный	*воздержник*
возбранительный	

Без помет: *воздержать*, *воздержаться*, *воспретить*.

VI. С *воз-* в значении ‘результата действия’:

От славенских основ	От русских основ
возбуждать	*возгревать*
воскрилляти	*возгретый*
	возделывать
	воздоение
	возмогать

Без помет: *воссвирипеть*, *возгордиться*.

Слова с приставкой *воз-* (*вос-*) во всех приведенных значениях независимо от словарной пометы носили в XVIII в. книжный характер. Ср., например, употребление глагола *возвестить*, отмеченное словарем как славенское, и глагола *возвергнуть*, стоящее в словаре без пометы:

возвестить: Тут возвестила сему, последнюю оному бурю (Трд. Тилемах.; I, 8); Колумб российский через воды Спешит в неведомы народы Твои щедроты возвестить (Лом. СС, I, 80, Ода); К тому тогда прибежище наше, кто мог восхитить нас от толиких бед и кто мог возвестить кому нашу печаль (Дсн. 1772, 16);

возвергнуть: Купно собрание все возвергло на Ментора очи (Трд. Тилемах., I, 94); Возвергнув печаль свою на господа (Маркиз, II, 5); Возверг на тех самих оковы, Кто столько свету страшен был? (Држ. Соч., I, 88, Ода); Благоденствие народное возвергает опять далеко от истинной его цели (Рдщв ПСС, I, 146).

Если взять два глагола-синонима *возглаголать* (в САР сл.) и *возгласить* (в САР без пометы), то и тут не заметно какого-либо различия в их употреблении и стилистической окраске, оба они относятся к сфере книжного языка, например:

возглаголать: Сей престарелый муж тогда к нему возглаголал. (Трд. Тилемах., I, 197); Вещает вышний возглаголя Толпе неправедних людей (Сум. СС, I, 117, Ода дух.); Отверзу уста и возглаголю (Рдщв СС, II, 181); И ангел возглаголил к нам тако (УС, III, 40);

возгласить: Весь народ возгласил: Победа Одиссова сына! (Трд. Тилемах., I, 82); Взирая некогда сенат римский на Трояна кесаря, стоящаго пред консулом, для принятия от него консульского достоинства, возгласил: Тем ты более, тем ты величественнее! (Лом. СС, I, 217); Надежду крепку несомненно В тебе едином положу, И прославляя беспременно, В псалмах и песнях возглашу! (там же, 19, Ода дух.); Превосходною песнею намерюсь возгласить приключение первосозданных человеков (УС, III, 1); Я милость воспою и суд И возглашу хвалу я богу (Држ. Соч., I, 18).

Некоторые слова с префиксом *воз-*, будучи словами книжными, могли попасть в разряд терминов; так случилось, например, со словом *возжение*. Оно могло употребляться в середине XVIII в. как слово книжное: Для возжения кадила на его олтарях (ЕС 1763, 164); Страстей возжение (Трд. Тилемах., I, 63). Но наряду с этим оно выступает как термин: вожжение (инфламмация) (Наст. хир., 959); Делается вожжение в глазах (ПСЗ, XVI, 514).

Некоторая часть слов с префиксом *воз-* имела в XVIII в. соотносительные пары с префиксами *вз-*(*вс-*), которые воспринимались составителями Словаря Академии Российской как соотносительные славянизмам русские слова.

Действительно, некоторые из этих пар имеют стилистические различия, как например пара *возлюбить* и *взлюбить*; первое из этих слов имеет торжественную окраску и употребляется пре-

имущественно в высоком стиле, а второе имеет разговорный оттенок и употребляется преимущественно в простом слоге:

Возлюбить

Все пастухи возлюбили меня в той дикой пустыне (Трд. Тилемах., I, 25); Мои источники венчают Едемской равна красота, Где сад богиня насаждает, Прохлады возлюбив места (Лом. СС, II, 95, Ода).

Взлюбить

А кого он не взлюбит тот дурной человек (Фнв. Недор., 41); Имел еще болван повадку, Когда кого не взлюбит он, Тому соделать тяжкий стон, А иногда и лихорадку (Сум. СС, VII, 153, Притчи).

Однако не всегда слова с префиксом *воз-* и *вз-* выступают как стилистически неоднородные, в ряде случаев оба слова могут употребляться в пределах высокого слога, например:

Взвеселить

Слава в мысли взвеселенной, Трубит громко по вселенной, И гласит о нем до звезд (Сум СС., II, 7, Ода торж.).

Возвеселить

Что ты возвеселишь народы, О глав венчанных красота! (Лом. СС, I, 69, Ода).

Взложить

Утешила ты в слезно время, Неся толь тягостное бремя Что сам он на тебя взложил (Лом. СС, I, 111, Ода); Она единственно соизволения моего только ожидает взложить те оковы, которые она носить желает (Маркиз, II, 143); Се громкий глас ея твердится: В сей день младенец в свет родится, Священный скипетр сей принять, Полночный край от тьмы избавить, Венец взложить, народ прославить, И подданных сердца пленить (Хрс. Тв., VII, 85, Ода).

Возложить

Господь есть царь высокостью облекся. И ризы на себя он царски возложил (Сум. СС, I, 134, Ода дух.); Не приминет возложить на тебя старые оковы (Безбожн., 35); Мечь извлек; и в легку чашу Возложивши, се вещает (Рдщв ПСС, I, 87).

В целом следует еще раз подчеркнуть, что слова с префиксом *воз-* (*вос-*) в литературном языке XVIII в. имели ярко выраженный книжный характер и употреблялись преимущественно в высоком стиле, а также и в книжной речи вообще.

§ 25. Группа слов с префиксом *из-* признается САР славенскою, здесь также видим присоединение этого суффикса как к славенским, так и к русским основам:

От славенских основ

избодаю
изводение
изваяние
изваянный
изваяти
изваятися
извержание
извергательный
извергати
извергаться
изверг
извержение
извитийствовать
извлачити
извлекати
извлечение
изврачевати
извреяти
изветовати
изглаголати
изглаждати
изглаждение
изглашать
изгнести
изнетати
изженять
измельзити
изметывати
изницание
изрекати
изриновение
изреяти
изтицание
изтяцати
изъемлю и др.

От русских основ

изведенный
извешивать
извеять
изгарать
изгребать
издавлять
издолбити
искупати
изковати
изкапываться
излагать
излезать
измывать
измытие
изнесение
износить
испадать
испивать
изручать
изрывать
изскочити
изсыпание
изсыпать
истесание
истрезвляться
истрясать

Кроме того, нередко славянизмы с префиксом *из-* осложнены другими префиксами или суффиксами: *изваряти*, *издаяти*, *изобразовати*, *изобучатися*, *изодеяние*, *исплевую* и др.

Суффикс *из-* у славянизмов выступает в следующих значениях:

1) 'направление движения изнутри наружу (обычно с основами, означающими движение)', например: *изженяти*, *изметывать*, *изницание*, *изникать*, *изнесение*, *изнесенный*, *изведенный*, *износить*, *изскочити* и др.;

2) 'изъятие, удаление чего-л. откуда-л. или удаление части от чего-л. целого', например: *извергание*, *извергати*, *извлачити*,

извлекать, *извреяти*, *изгнетати*, *измельзити*, *измовение*, *изревати*, *изриновение*, *изъимати* и др.;

3) ‘полнота, завершенность и результативность’, например: *изврачевати*, *изглаголати*, *изобнажати*, *изрешити*, *извешивать*, *изгарать*, *изковати*, *истрезвлятися* и др.

Однако далеко не все слова с префиксом *из-* в указанных значениях квалифицируются САР как славянизмы, значительное количество таких слов вовсе не имеют пометы. Таковы, например: *изваливать*, *изведывать*, *извялить*, *изгонять*, *издичать*, *излечать*, *излечение*, *измерзать*, *измерзлый*, *измирать*, *изравнивать*, *изражать*, *изсыхание*, *истлевать*, *исторгание*, *изторгать*, *источать*, *изхищать*, *изхищение* и др. Только слова с суффиксом *из-* в значении ‘направления движения’ могут целиком считаться книжными, причем они имеют обязательное соотношение со словами с префиксом *вы-*: *изгонять — выгонять*, *изнесение — вынесение*, *изведенный — выведенный* и пр.

На фоне своего русского варианта слова с префиксом *из-* воспринимаются в XVIII в. как устаревшие либо употребительные с особым стилистическим заданием в высоком слоге или в разных типах книжной речи, ср.: Излию плачевный мой глас (Александр, 134); Излиют обиду (Притчи 1700, 27); Из некоторого источника воды излияти (Шл. сын, 531); Излиянной крови (Пркп. СР, II, 61); Излиять зло (Безбожн., 78); Кровь излиянную (ЕС 1763, 173); Излиянный от всевышняго фиал благодати (Анчкв 1783, 3); Злоба все прешла границы, Изведи мя из темницы (Сум. СС, I, 201, Ода дух.); Коль то время преблаженно, Как Великий Петр рожден! Чрево то благословенно, Коим в свет он изведен (там же, II, 9, Ода торж.); Велес на свет извел вола (Рдщв ПСС, I, 148); Ужасны молнии блистают, Земля то видит и дрожит, Громовы стрелы излетают. Разят и окиян бежит (Сум. СС, I, 140, Ода дух.); Но душа, душа томленна излетала вслед за сталью, И лилася в крови дымной (Рдщв ПСС, I, 161).

Среди группы слов с префиксом *из-* в значении ‘изъятия, удаления’ есть немало книжных слов. Эти слова также соотносительны со словами с префиксом *вы-*, например: *искапывать — выкапывать*, *изрыть — вырыть* и др. Употребительны они главным образом в разных видах книжной речи, например *искапывать*: Сии содержания сопрягают их с искапываемыми телами, растениями, животными и человеком (Бр., 12); *изрыть*: Иных свирепствия в средину гонят гор Драгой метал изрыть из преглубоких нор (Лом. СС, I, 391); Разгневанное небо изрыло под ногами моими пропасть (Маркиз, II, 119); *излить*: Кровь их при олтаре излей (Трд. Тилемах., I, 79); Излей от духа благодати твоею на заблуждающих в бринских лесах (Анчкв 1769, 23).

Многие из этой группы слов стали стилистически нейтральными, например *извергать*, *изверженне*, *извлекать*, *извлечение* и т. п.: Конец пожара был обыкновенный, то есть извержение множества пеплу (Краш. ОЗК, II, 175); Для того вот журавля нанял он це-

ною, чтоб из горла ту извлечь носа долготою (Трд. СП, I, 196, Басни); Открытие мое извлекло потоки слез из глаз ея (Маркиз, II, 30); Боль чувствуя, казал мне в лапе лев занозу, Я вон ее извлек (Сум. СС, VII, 184, Притчи).

Что касается слов с *из-* в значении 'полноты, завершенности', то они в середине XVIII в. являются или устарелыми (*изгарать*, *изрешить* и др.), или стилистически нейтральными (*изковать*, *испивать*).

§ 26. Префикс *низ-* также можно считать славянизмом, и многие слова с ним в САР отмечены пометой сл. Префикс *низ-* имеет только одно значение, а именно: 'указание на движение, направление вниз'. Эта приставка сравнительно узкого словообразования, она может вступать во взаимодействие лишь с глаголами движения.

Глаголы с этим префиксом обычно могут иметь следующие типы значений: 1) префикс и основа выступают в своем прямом значении: На землю его низвергает (Трд. Тилемах., I, 27); Его судьбы низвели непреклонны В мрачное и подземное царство угрюмого Дита (там же, 165); Феб коней низводит (Хрс. Тв., VII, 105, Ода); Приказал его с мосту низринуть (МИГ 1790, 45); 2) префикс выступает в прямом значении, а основа в переносном, и весь глагол получает переносное значение: Царей с престола низвергает (ЕС 1755, 103; Елисавета их (греков) в один час низложила (Лом. СС, I, 183); Республика. . . низпала до такого степеня униженности, что. . . (Приб. МВ, 1784, 225); 3) префикс и основа срастаются в одном переносном значении, и лишь управление с предлогами *в* и *на* с винительным падежом указывает на направление, общий же смысл глагола — перевод в какое-либо нежелательное, тяжелое состояние: Низвергает в подлый трепет (Трд. Тилемах., I, XXVII); Низринешь в пропасть злосчастий (Трд. Тилемах., I, 122); Низвергают в заблуждение (Трут. 1769, 186); Низвергают в разныя злоключения (УС, II, 78); Ниспускает свою ярость на покорную шею (Эмн Фемист., 126).

Префикс *низ-* присоединяется как к славянским, так и к русским основам:

От славенских основ	От русских основ
низвергать	*низвести*
низвлекать	*низводить*
низвлечь	*низлагать*
низвращать	*низпадать*
низвращение	*низпадение*
низревать	*ниспускать*
низревенный	*низходить*
низи́ти	

Только три однокоренных слова с префиксом *низ-* в обоих изданиях САР не имеют пометы сл. Это *ниспослание*, *ниспослать*, *ниспосылать*. Однако по употреблению в языке XVIII в. эти слова

ничем не отличаются от остальных слов с *низ-*, отмеченных как славенские. Все слова с префиксом *низ-* относятся к книжной речи. Слова *ниспослание*, *ниспослать*, *ниспосылать* обычно имеют отношение или к богу и его промыслу, или к государю, например: Ниспослание Христово на землю (Эйлер ПП, II, 165); Доказывая, что оная (юриспруденция) с небес ниспослана была (Трт., 30); Душам ниспошлешь (бог) очищение (Сум. СС, I, 187, Ода дух.); Всевышний. . . ниспослал меня с небесных кругов (Рдщв Пут., 72); Благодеяния, чрез. . . государыню к нам ниспосылаемыя (Бр., 4).

Все слова с префиксом *низ-* употреблялись в XVIII в. в высоком стиле или в научном языке.

§ 27. Слова с префиксом *пре-* также часто имеют в САР помету сл. Этот префикс у данных слов имеет следующие значения:

I. 'Разделение на части:'

От славенских основ	От русских основ
преграждать	*пребивать*
пребиение	*преполовение*
пребиенный	*преполовлять*
претренный	*пресекать*
преторгать	*претирать*
преторгаться	*претираться*
преторженный	

Слова этой группы со славенской основой в подавляющем большинстве случаев воспринимаются как стилистически окрашенные и употребляются в книжном языке или в архаическом стиле, например *преторгать*: Но несравненно большия открылись Екатеринины (заслуги), когда она зависимое на последнем и преторгаемое как на власе едином преемнике удержала достояние Петрово на правнуке его (Дсн. 1772, 11); Тысячи тысячей вещей претят рассудку нашему в правильном заключении из посылок и преторгают шествие рассудка (Рдщв СС, II, 79).

Некоторые из этих слов имеют широкое распространение лишь в переносном значении, как например глагол *преграждать* в его переносном значении 'являться помехой, препятствием'. В этом значении глагол *преграждать* стилистически нейтрален: И самый Стикс ему путей не преграждает (Богд., 25).

Слова с русской основой редко встречаются в литературе XVIII в., чаще эти основы употребляются с префиксом *пере*. Глагол *пребит—пребивать* встретился в середине XVIII в. лишь у Тредиаковского и только по отношению к речи: Тут Калипса речь Тилемаху пребила вещая (Трд. Тилемах., I, 24); Стал ответствовать и Адоам речь сию пребивая (там же, 127). Соответственный же глагол *перебить—перебивать* в данном значении употребляется очень широко и в разнообразных стилях и жанрах: Ты братец перебил только речь мою. Да о чем бишь я тебе хотел сказы-

вать? (Фнв. Бриг., 113); [Д а р ь я:] Не прогневайтесь сударь, что я речь вашу перебью (Лук. Пуст., 170); Говорят тихо не перебивая друг у друга речи, как сидячие коряки (Краш. ОЗК, III, 182).

Глагол *пресечь—пресекать* в прямом значении ‘разделить, пройдя поперек чего-л.’ встречается обычно в книжном научном языке: Ибо пустыя щели, которыми пресеченныя жилы в стороны сдвинуты бывают (Лом. СС, I, 378); Сия планета в пути своем пресекает эклиптику (ЕС 1763, 41—42). В том же значении употребляется и его вариант *пересечь—пересекать*, причем в сходных контекстах: Оная черная шерсть по большей части случается черточками, которые одна другую на крест пересекают (ЕС 1756, 217); В зените вместо лучу испускающаго сияния, две дуги показались, одна другую взаимно пересекающия (Лом. СС, I, 305).

Следовательно, и тот и другой вариант в научных сочинениях середины XVIII в. употреблялись стилистически равнозначно.[35]

II. ‘Перемещение в пространстве’:

От славенских основ	От русских основ
превитати	*пребегати*
претекати	*преведение*
претеченный	*преведенный*
претягати	*превод*
претяжение	*преводиться*
претяженный	*преводчик*
	преводить
	предвигание
	предвигать
	предвижение
	прелезание
	прелезати
	преносити
	пренесенный
	преплывати
	преставляти
	преходити

Образования с *пре-* и славенской основой в середине XVIII в. воспринимались как устаревшие и редко встречались в литературе; в начале же века они употреблялись довольно широко, — так, например, слово *претекати* ‘переходить, миновать’ очень часто встречаем в это время: Расстояние, через которое шарик А на черте ДЕ претекает в одной минуте, есть вдвое большее нежели

[35] И в конце века отношения между этими двумя словами остаются такими же, ср.: Улиц прямых три, веденныя вдоль сего города смотря по течению реки Везелки, между собою параллельны; равным образом и пресекающия их другия также прямы (Пут. Зуева, 171); На части разделения не имеет (г. Яренск), а состоит из одной улицы, пересекаемой разными переулками (МИГ 1793, 38).

расстояние, через которое шарик В претекает на тои же ДЕ (КАН, 18); Одне (звезды) николи не подвигаются, и тожде между собою расстояние хранят; другия в известния времена все небо претекают (Мн. мир., XI); Она (луна) равно такую же часть круга своего около земли претекает (там же, 49). В середине и в конце века это слово употребляется как архаизм, например: День, который претекает, Паки к нам не прилетает (Мур. Оды, 3); Человек предал живот свой свирепым волнам, или презрев глад и зной пустынный, претекал чрез оныя в неведомыя страны (Рдщв Пут., 229).

В словах с русскими основами префикс *пре-* варьируется с префиксом *пере-*. Но слова-варианты с *пре-* и *пере-* при одинаковых значениях имеют различную употребительность. Слова с *пре-* употребляются значительно реже и жанрово ограниченно. Например, слова *пренести—преносить* и *перенести—переносить* употребляются в XVIII в. в двух основных значениях: 1) 'перемещать с одного места на другое', в этом значении в середине XVIII в. мы встречаем его у Тредиаковского: Мне казалось, что был пренесен я в сад многоцветный, (Трд. Тилемах., I, 66); ср. у Радищева: А естьли бы волшебная некая сила пренесла меня в сие мгновение в обетованную вами храмину, я бы прижал вас к моему сердцу (Рдщв СС, II, 6); в этом же значении более употребителен в середине XVIII в. глагол *перенести—переносить*, он встречается во всех жанрах и стилях, например: Я нашел там почтенного твоего родителя в руках одного банианца. . . Я велел его перенести сюда (Сидней, 34); В бытность свою перенес он жилье верхняго Камчатского острова на реку Кали-Кыг, которая от прежнего острожнаго места в полуверсте (Краш. ОЗК, IV, 195); Равным образом и движение, возбужденное в тело, чрез жилки в мозгу перенесенное, определяет душу к тому, чтобы она произвела совершенную идею определеннаго чувствования (Анчкв 1783, 23); Взяла великой камень, И стала камень сей переносить, На место с места (Сум. СС, VII, 318, Притчи); Буде же от случившихся великих погод у анбара совсем кровля сорвана будет, в таком случае покуда прокроется, провиант переносить в другие анбары (ПСЗ, XV, 52); Ибо как земля по своему существу не может быть перенесена с места на место (Дсн. 1772, 18); 2) 'вынести, вытерпеть', в этом значении глагол с префиксом *пре-* употребляется главным образом в книжной речи, а с префиксом *пере-* — в простой, например: Бесчеловечная!. . Ужасная весть! Могу ли я пренесть тебя! (Безбожн., 42); Несчастны те, хотя и громки, Которых имена в потомки, Пренесть должны позор и страх (Озрв, 38, Ода).

III. 'Изменение состояния':

От славенских основ	От русских основ
превращати	*пременити*
превраждати	*пременение*
преобращение	*пременный*
преобращати	*премена*

Из глаголов со славенской основой устарелым в середине XVIII в. был *превреждати*. Слово *преобращать* в середине XVIII в. употребляется широко в различных стилях и жанрах: Грызущее воображение. . . повсюду следует за мною, и приятные виды преобращает мне в мрачные предметы (Безбожн., 17); Етот бездельник. . . казался добрым человеком, и хитростию своею все свои плутни преобращал в добродетель (Сум. СС, V, 8); Они гнушаются тобою, яко извергом человечества, преобращающаго нужное подчинение в несносное иго рабства (Трут. 1769, 190).[36]

Глагол *превращать* в середине XVIII в. имел значение 'приводить в иное состояние'. В этом значении это слово имеет распространение у самых различных авторов и в различных стилях речи: Слова Великого герцога превращал я ей в шутку (Маркиз, II, 77); (Фортуна) из земли возводит великолепныя здания,. . . и паки оное, когда ей угодно в разорение приводить, и в ничто превращает (Эмн Фемист., 77); Приятнейшую и благороднейшую страсть портят и в варварскую утеху превращают (Сум. СС, V, 26); Всяко вино есть некий яд, приводящий в безумство: То не мертвит человека, в скота его превращает (Трд. Тилемах., I, 145).[37]

Слова с русской основой и префиксом *пре-* составляют одно словообразовательное гнездо, они имеют параллельные варианты с префиксом *пере-* (*пременяти—переменять*, *премена—перемена* и т. д.). Оба варианта этих слов одинаковы по своему употреблению и по стилистически нейтральной окраске, например:

Пре-	*Пере-*
Около устья реки Камчатки и около верхняго отрога ветры и погода весьма пременны (Краш. ОЗК, II, 165); Предлог при, в сложенных с ним словах ставить так, как он есть, не пременяя литеры И в *і* (Сум. СС, VI, 309); Все пресильными проливными дождями наводняют,	Цвет на спине переменный, так что естьли смотреть с головы, то кажется из зелена лазоревый, а с хвоста зеленый (Пут. Леп., I, 440); Еще странняе производить из русского языка новые слова, давая им непристойныя предлоги, несвойственные окончания, пере-

[36] В конце XVIII в. глагол *преобращать* также широко употребителен, ср.: Кто в бранях лил потоки крови, Кто грады в прах преобращал (Держ. Соч., II, 159); Частое употребление излишних вещей преобращает их в необходимую надобность (ПТ, I, 14—15); Таким-то образом богатый помещик преобращает свой хлеб и своих крестьян в модные товары (ПД, II, 165).

[37] В конце века также без всякой стилистической окраски: Закон республикам давать И землю в небо превращать (Крм. Соч., I, 68); Огонь или Жар расширяет тела и потому рассевает тончайшия частицы оных, отделяет летучия и превращает их в дым, пары или гасообразное тело (Сев.М., I, 89). В начале века слово *превращать* имело и другое значение — 'переворачивать'; Где случилось в доме быти Михайлу Андрееву, но он усмотря время крадучи икону святую превращах вниз главою ругался (Д. Тв., 5).

приключаются всегда по полудни, чему утро ясным и тихим воздухом превосходит, и таковими пременами занимается почти четвертая часть года (Лом. СС, I, 284).

менять ударения (Сум. СС, IX, 253); Потом сравняя сие с зимами 1709 и 1740 года, которыя почти по всей Европе свирепствовали, еще больше чудился, и больше возымел охоты искать причину толь крутой перемены (Лом. СС, I, 272).[38]

IV. 'Окружение, заключение чего-л'.

В этой группе слов префикс *пре-* присоединяется только к русским основам: *превивать*, *превязанный*, *превязать*, *превязание*, *препоясание*, *препоясанный*, *препоясатися*.

Эта небольшая группа слов соответственна словам с приставкой *пере-*, которые употребляются гораздо чаще в литературном языке XVIII в., чем слова с *пре-*. Слова с *пре-* употребляются часто в высоком стиле середины XVIII в.: Поясом ли златым препоясаны персей нижае (Трд. Тилемах., I, 64); Там оставлен вам живой почти призрак и тень терзаемых в крови и скрежещущих зубами Гекторов, или таких героев, которые препоясав чресла своя габиновою бронею. . . живых себя на смерть и в жертву отечеству за честь и славу онаго посвящали (Трт., 6).

V. 'Повторяемость действия, производство действия заново'.

Слова с этим значением приставки *пре-* в САР не приводятся вовсе, здесь присутствуют лишь слова с приставкой *пере-*. Но в Аналогических таблицах дается глагол *преписую* с пометой сл. Однако в книжном языке середины XVIII в. таких слов, где префикс *пре-* означает повторяемость действия, имеется некоторое количество: *пребирать* (Помыслом быстрым своим вот и то и сие пребирает — Трд. Тилемах., I, 10), *преименовать* (Назвал он ея странствованием, или путешествием или просто похождениями Тилемаха. . . преименовали Тилемахидою, по примеру Илиады и Енеиды — там же, XIII), *претолковать* (Претолковавших с греческаго Плутарховых славных мужей и Гомера — там же, IX), *прерождаться* (Пышное велелепие, рассуждение зрелое и осанистое шествие Мароново, прерождаются иногда в правильность преизлишино порядочную — там же, XLV).

VI. 'Чрезмерность действия'.

С этим значением префикса *пре-* в САР находим значительное количество слов с пометой сл.: *преизбывать*, *презбыточествовать*, *преиспещрить*, *прелияти*, *преобиждати*, *претруждати*, *превозмутить*, *превозрастати*, *преизливатися*, *преогорчевати*, *преспевати*, *преукрашатися*, *преумножати*, *преумудрятися*. Большинство слов в этой группе осложнены еще и другими словообразовательными элементами, и все они имеют книжный характер, о чем

[38] Примеры из прозы взяты намеренно, так как в поэзии большее употребление слов с префиксом *пре-* может быть вызвано соображениями ритмики.

свидетельствует их употребление: Да видит ея (истину), и да наслаждается ею: ибо не нагая представляется, но облеченная в преиспещренные алые рясны, и те хитроистканные (Трд. Тилемах., I, 111); То ныне чувствовал Парнас, Как ты от мест преиспещренных И летней неге посвященных Возрела матерски к нему (Лом. СС, I, 99, Ода); Многочисленные грады, сверкающия от камней и преиспещренныя в одеждах стечения к ним народа (Дсн. 1772, 7); Враз и луну и звезды всепосредине Одина, Превозмущенны моря утишают (Трд. Тилемах., I, 187); Премудрость божья совершенна, Неизглаголанны дела, Природа вся преукрашенна, Неизреченна похвала (Сум. СС, I, 156, Ода дух.).

VII. 'Со значением усиления':

От славянских основ	От русских основ
преблагий	*преболее*
превыспренный	*преимущий*
предержащий	*преимею*
презельный	*препетый*

Имеется также в САР целый ряд слов с префиксом *пре-* (это все глаголы), не отмеченных как славенские, — это *превозвышать*, *превознести*, *превозносить*, *превышать*. Однако, судя по употреблению этих слов в высоком стиле речи, они не отличаются по своей стилистической окрашенности от других слов, отмеченных как славянизмы, например: Превозвышенный человек, Себя превозвышенным числит, И не гордясь ни чем во век, Он больше о себе не мыслит (Сум. СС, II, 123, Ода торж.); Блажен на свете тот порфироносный муж, Который не теснит свободы наших душ, Кто пользой общества себя превозвышает (там же, IV, 83, ДС); Парящей поэзии ревность Дела твои превознесет (Лом. СС, I, 72,Ода); От всех врагов спасется: И имя мной его на век превознесется (Сум. СС, I, 107, Ода дух.); Покрытый ныне там российским флагом Поит из огнедышущих орудий громом воздух превивает и превозносит за Стамбул гремящую рождением Екатерину (Дсн. 1772, 9); Сладчайший нектар лей с Назоном; Превысь Парнас высоким тоном (Лом. СС, I, 40).

С глаголом *преисполнить—преисполнять* в значении 'наполнять чем-л. в большом количестве' редко встречается объект конкретного значения, такое сочетание в середине XVIII в. воспринимается как устаревшее: А держал в руке жбан добрый вина преисполнен (Трд. Тилемах., I, 61).

Обычно употребление этого глагола с отвлеченными объектами: Сердце мое преисполнилось еще тогда страстию любовною (Маркиз, II, 135); Прославляли в нем христианина, честного человека и душу преизящными дарованиями преисполненную (Безбожн., 3); Первой (рай) представлялся им прекрасным садом, преисполненным веселия (Анчкв 1769, 16).

Употребление глаголов с *пре-* с объектами отвлеченными, обозначающими чувства, свойства, состояния, включает эти глаголы в круг общекнижной лексики.

В целом в отношении словообразовательных элементов следует сказать, что выделение славянизмов по этому признаку гораздо сложнее, чем по признакам лексическим и фонетическим. Большинство словообразовательных элементов, церковнославянских по происхождению, получили настолько широкое распространение в русском литературном языке XVIII в., что они свободно сочетались с русскими основами, образуя новые слова.

Кроме того, многие церковнославянские слова с подобными морфемами были прочно усвоены литературным языком XVIII в.

Большинство слов с рассмотренными выше морфемами было в середине XVIII в. достоянием книжного языка. Лишь вариантные формы соответствующих русских слов могли получать стилистическую окраску приподнятости и торжественности.

§ 26. Значительное количество сложных слов квалифицируется САР как славянизмы. Сложные слова известны еще в древнерусском языке, где они являлись кальками греческих слов при переводе церковных книг. Особенно распространенными были и продолжают быть в XVIII в. слова, имеющие следующие первые компоненты: *благо-* (ἐυ), *бого-* (θεο), *веле-* (μεγα), *едино-* (μονο, δμο), *злато-* (χρυσο), *зло-* (κακο), *велико-* (μεγα), *водо-* (ὑδρο), *все-* (πανο, ὁλο), *высоко-* (ὑψη), *добро-* (ἐυ), *душе-* (ψυχο), *живо-* (ξωο), *идоло-* (ειδωλο), *красно-*, *лже-* (ψευ), *любо-* (φιχο), *мало-* (ολε, μικρο), *между-*, *мимо-*, *много-* (πολι), *начало-*, *невесто-*, *неискусно-*, *ново-*, *огне-* (πυρο), *перво-* (προ), *присно-* (ἀει), *противо-* (αντι), *равно-*, *росо-*, *руко-* (χειρο), *само-* (αὐτο), *свето-* (φωτο), *священно-* (ιερο), *сладко-*, *странно-* (ξενο), *тре-* (τρι).

Часто помета сл. стоит и перед такими сложными словами, которые имеют вторым компонентом следующие части: *-зарный*, *-видный*, *-носный*, *-творный*, *-родной*, *-детельный*.

Однако не следует думать, что решительно все образования с перечисленными компонентами в словарях признаются славенскими, например на *благо* в САР[2] имеется 209 слов, а пометой сл. отмечены лишь 100 из них; на *веле* — 19 слов, из них 5 — славянизмы; на *едино* — 78 слов, а славянизмов 12; на *злато* — 28 слов, а славянизмов 6, и т. д. В ряде случаев думается, что отсутствие пометы — случайность, особенно если другие однокоренные слова имеют помету сл. Например: слово *благоволение* в САР[2] без пометы (но *благоволю*, *благовольный* сл.), *благогласие* — без пометы (но *благогласный* и *благогласно* сл.), *благолюбивый* — без пометы (но *благолюбец* сл.), *благочестивый* — без пометы (*благочествовати* сл.). Но в целом ряде случаев отсутствие пометы было обоснованным.

Слова *благодарить*, *благодарность*, *благонравие*, *благополучие*, *лжесвидетель* и многие другие являются в середине XVIII в. словами стилистически нейтральными и имеющими широкое рас-

пространение в различных стилях и жанрах, например слово *благополучие* употребляется как в высоком, так и в простом слоге: Благополучие общества зависит от его добронравия (Коз. ФП, 45); Да текут дни ваши в благополучии, спокойстве и веселии (Безбожн., 97); Сии наставляющия нас к благополучию предводительницы, а особливо философия (Влф. физ., 1); Вот как человеческое благополучие не долговечно, и вот как все перервалось (Члкв. Пересм., I, 81); Верь, душа моя, что я для твоего благополучия еду (Лук. Мот, I, 30).

Сложные слова продолжают образовываться на всем протяжении XVIII в. Активными словообразующими элементами являются перечисленные выше части сложных слов. Особенно много сложных новообразований встречаем в середине XVIII в. в высоком стиле и вообще в книжном языке.

Склонность к сложным новообразованиям замечается у отдельных писателей, для слога которых характерен языковой эксперимент, например у Тредиаковского, Радищева, Державина.[39]

§ 28. Рассмотрев помету «сл(авенское)» в русской лексикографии на фоне функционирования слов с этой пометой в языковой практике XVIII в., можно сделать вывод, что значение ее неоднородно, — иначе говоря, эта помета имела несколько значений: во-первых, ею обозначаются архаизмы, т. е. слова уже не употребительные в середине XVIII в.; во-вторых, общекнижные слова, широко употребительные в различных стилях середины XVIII в.; в-третьих, особые варианты слов (семантические, фонетические и морфологические), имеющие ограниченное употребление и придающие речи особую стилистическую окраску.

Эту группу слов и следует называть собственно стилистическими славянизмами.

По своему стилистическому употреблению все три группы слов, объединенные в САР пометой сл., сильно отличаются друг от друга. Архаические славянизмы уже не являются элементами литературного языка середины XVIII в. Они могут быть использованы отдельными авторами с определенной стилистической целью (с целью архаизации речи, нарочитой выспренности, с пародийным и сатирическим заданием). Встречаются они в памятниках той поры спорадически в окружении слов общелитературных и общекнижных. Другого рода славянизмы — общекнижные слова церковнославянского происхождения — широко употреблялись в литературном языке середины XVIII в. Они могли встречаться в памятниках всех стилей и жанров, но, обладая особой

---

[39] Об использовании сложных прилагательных, в том числе и новообразований, см. статью З. М. Петровой «Сложные прилагательные в поэзии второй половины XVIII в. (Поэзия классицизма, Тредиаковский, Державин)» в сб.: Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М.—Л., 1966.

окраской книжности, более всего свойственны научной и публицистической литературе.

Наконец, группа стилистических славянизмов в середине XVIII в. выполняла собственно стилистическую функцию в языке определенной группы памятников, относящихся к произведениям высокого слога. Основным ее назначением в ту пору было создание высокого слога. Функционирование этого пласта лексики, ее стилистическое преобразование можно проследить лишь на фоне языка различных жанров высокого слога.

Следовательно, то, что называли в середине XVIII в. «славенским», не составляло единой стилистической категории в системе русского литературного языка.

Глава II

СЛАВЯНИЗМ В СОСТАВЕ ВЫСОКОГО СЛОГА ЛИТЕРАТУРЫ КЛАССИЦИЗМА В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

§ 1. Развитие светской литературы, начавшееся с эпохи Петра, продолжалось особенно интенсивно в середине XVIII в., т. е. в ломоносовскую пору. Ломоносову мы обязаны не только превосходнейшими образцами литературной речи в различных видах и жанрах, но и разработкой теории литературы, литературного языка и стилистики. Ломоносовская теория трех стилей легла в основу литературного творчества середины XVIII в., причем особенно интенсивно развивался высокий стиль, соответствующий принципам русского классицизма. В наиболее завершенном виде высокий стиль выступает в ораторской прозе и высокой поэзии середины XVIII в.

Теория Ломоносова отводила важное место для славянизма в составе высокого стиля. Именно в высоком стиле славянизм является основным стилеобразующим компонентом. Славянизм в высоком слоге середины XVIII в. лишь отчасти соотносится с тем славянизмом, который представлен Словарем Академии Российской. Если для составителей САР славянизм имел двойственное значение (этимологическое и стилистическое), то основным признаком для определения славянизма в высоком стиле является момент функциональный. Особая эмоциональная тональность, возвышенность, выспренность, характерная для некоторых слов, определяющих стиль всего произведения, может служить критерием для выделения славянизма в составе высокого слога. Этим требованиям соответствовали некоторые дублеты церковнославянского происхождения к соответствующим русским словам, отличающиеся от них семантически, фонетически или по способу словообразования, а также слова, образованные при помощи определенных морфем, значение которых признается славянским; наконец, многие сложные слова, являющиеся кальками старых греческих слов, попавшие в церковные книги. Словосложения и морфологические образования определенных типов могли быть конструированы уже в пределах высокого слога середины XVIII в., в таком случае они ничем не отличались по своей стилистической функции от прочих славянизмов.

Прежде чем перейти к исследованию славянизма в различных жанрах высокого слога литературы середины XVIII в., необхо-

димо выяснить, какое содержание вкладывается нами в понятие литературы классицизма, в частности той литературы, которая написана высоким слогом. В этом вопросе следует опираться на теоретические высказывания самих представителей русского классицизма, в частности Ломоносова, а также на исследования современных литературоведов, касающиеся теории и методологии русского классицизма. В оценке роли и значения русского классицизма эпохи его расцвета (т. е. середины XVIII в., 40—70-е годы) советские литературоведы совершенно единодушны. В работах Г. А. Гуковского, П. Н. Беркова, Г. П. Макагоненко, И. З. Сермана и других русский классицизм рассматривается «как стиль передового тогда абсолютизма, стиль объединения национальных сил, организации государства, как мощных механизмов одной национальной истории, стиль созидающий».[1] Особенностью русского классицизма, отличающей его от западноевропейского, как также единодушно отмечают литературоведы, был его просветительский характер. Литературная деятельность русских писателей-классицистов сочеталась со страстной борьбой за утверждение науки и просвещения. Гражданственно-патриотический и просветительский характер литературы русского классицизма отразился на общей стилистической и жанровой системе этой литературы. Русский классицизм заложил основы новой русской художественной литературы, хотя в состав ее писатели-классицисты включали не только те произведения, которые сейчас называют belles lettres.

Теоретические положения писателей-классицистов о художественном и нехудожественном, о поэзии и стихослагательстве подробно исследованы в книге И. З. Сермана.[2] Поэтому, не останавливаясь на этом вопросе, заметим лишь, что в полном соответствии с идейно-художественными воззрениями русского просветительского классицизма М. В. Ломоносов относит к произведениям художественной литературы не только поэзию, но и часть прозы, а именно ораторскую прозу. В своей «Риторике» 1744 г. он пишет: «Предлагаемая от Ритора материя словесно или письменно называется слово»; и далее: «Предлагаемое слово может быть изображено прозою или поэмою. В прозе располагаются все слова обыкновенным порядком и части не имеют точно определенной меры и согласия складов. В поэме все части определены известною мерою и притом имеют согласие складов в силе и звоне. Первым образом сочиняются Проповеди, Истории и учебные книги. Последним составляются Оды и других родов стихи. Риторика учит сочинять слова прозаические, а о сложении поэм предлагает поэзия».[3] В «Риторике» 1748 г. Ломоносов уточняет взаимоотношения прозы и поэмы. У них устанавливается «купно обоим общее (это «мате-

---

[1] Г. А. Гуковский. Пушкин и русские романтики. М., 1965, с. 85.
[2] И. З. Серман. Поэтический стиль Ломоносова. М.—Л., 1966.
[3] М. В. Ломоносов, ПСС, т. VII, с. 24.

рия, ибо о одной вещи можно написать прозою и стихами»)» и «особливо каждому отдельное».[4] Общим в прозе и поэме ведает риторика, а специальные художественные формы прозы исследует оратория, в отличие от поэзии «предлагающей о стихотворстве учение».[5] Таким образом, к произведениям художественной литературы классицизма с полным правом следует отнести не только поэзию, но и значительную часть прозаической литературы. В частности, к художественной литературе высокого слога мы относим две разновидности художественной литературы классицизма — высокую поэзию и ораторскую прозу.

§ 2. К ораторской прозе относятся несколько типов литературных жанров. В «Риторике» 1744 г. Ломоносов выделяет прозаические речи о важных материях, т. е. церковную проповедь, панегирик, академическую, надгробную речь,[6] определяя таким образом и жанры ораторской прозы.[7] Все эти жанры объединяются тем, что они рассчитаны на произнесение, темой их всегда является важная материя, произносятся они по какому-либо торжественному случаю, и конкретное событие (тезоименитство, коронование, погребение и пр.) является лишь поводом для выражения просветительских и национально-патриотических идей.

Церковная проповедь была одним из популярных жанров ораторской прозы XVIII в. Она еще тесно связана по языку и стилю с церковным красноречием предшествующей поры (Ф. Прокоповичем, Г. Бужинским и др.), в ней сохраняется гораздо больше языковых архаизмов, чем в других видах ораторской прозы. О принадлежности проповеди к произведениям высокого слога свидетельствует следующее положение из «Риторики» 1744 г. Ломоносова: «Штиль в духовном слове должен быть важен, великолепен, силен и, словом, материи, особе и месту приличен, ибо священному титлу, о котором народ высокое мнение имеет, в божием храме. . . о материи, для святости своей весьма почтенной, не пристало говорить подлыми и шуточными словами. Но притом проповеднику стараться должно, чтобы при важности и великоле-

---

[4] Там же, с. 97.

[5] См. также в кн.: В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959; ср. также: «Писатель середины XVIII века — это по преимуществу поэт. Речь высокой, идейно ответственной письменной литературы для этого времени — это стиховая речь, „язык богов", поэзия. Даже серьезная проза, например проза публичных речей Ломоносова и Тредиаковского или проза их же исторических речей, подчиняется нормам и законам стихотворной речи, предстает как поэтическая проза, построенная на семантических, синтаксических, даже композиционных принципах стиха, отличаясь от него отсутствием регулярного ритма» (Г. А. Гуковский. Русская литературно-критическая мысль в 1730—1750-е годы. — XVIII век, V. М.—Л., 1962, с. 100).

[6] М. В. Ломоносов, ПСС, т. VII, с. 69, § 121.

[7] На принадлежность ораторской прозы к литературе классицизма справедливо указал И. З. Серман в книге «Поэтический стиль Ломоносова» (с. 99).

ний своем слово было каждому понятно и вразумительно. И для того надлежит убегать старых и неупотребительных славенских речей, которых народ не разумеет, но притом не оставлять оных, которые хотя в простых разговорах неупотребительны, однако знаменования их народу известно».[8]

Относя проповедь середины XVIII в. к литературе классицизма, мы, естественно, имеем в виду лишь ту проповедническую литературу, которая написана высоким слогом в ломоносовском понимании этого термина, т. е. имеющую русскую языковую основу и в той или иной степени содержащую «славянизмы».

Степень насыщенности «славянизмами» зависела как от тематики проповеди, так и от индивидуальной манеры ее автора. Для того чтобы обосновать принадлежность такого рода проповедей к произведениям высокого слога, нами подробно обследованы два текста примерно одинаковой протяженности (9 и 10 страниц), но написанных в разное время и на различные темы. Исследовано «Слово при торжестве втораго приема благородных девиц в учрежденном. . . имп. Екатериною Второю Воспитательном обществе», произнесенное архимандритом Исайей в 1767 г., и «Слово в день рождения всепресветлаго государя цесаревича и Великаго князя Павла Петровича», проповеданное иереем Алексеем Левшиным в 1774 г.

Слово Исайи носит чисто светский характер, оно обращено к благородным девицам, воспитываемым в учрежденном Екатериной учебном заведении, и к их родителям. Автор пользуется при этом возможностью рассказать о человеческом благополучии во временной и вечной жизни, а также внушить подобострастие и повиновение своему государю. Примеров из священного писания в этой проповеди нет вовсе; зато присутствуют образы античности в лице Париса, которому следовало бы решить спор, кому из родителей, стремящихся к «сему воспиталищу», следует отдать золотое яблоко. Имеется в проповеди и чисто литературный образ: при сравнении человека, благопристойно воспитанного, с человеком, не получившим такого воспитания, дается сравнение с кораблем, оснащенным для плавания, и кораблем, не имеющим подобной оснастки.

Прославлению царской власти посвящена проповедь Левшина. Призывая ко всеобщей радости по поводу рождения цесаревича Павла Петровича, автор стремится доказать справедливость тезиса о «неравенстве в разделении благих мира сего», т. е. обосновать общественное неравенство и противопоставить личное благо общественному. В «Слове» имеется лишь одна ссылка на священные книги, когда приводится изречение Захария, прославляющее бога, пославшего ему радостное известие; подобным образом и

---

[8] М. В. Ломоносов, ПСС, т. VII, с. 69—70.

русские люди должны, по его словам, воскликнуть при вести о рождении Павла Петровича. Более обстоятельны рассуждения автора по поводу исторических событий древнего мира, сопоставляемых с современностью.

Несмотря на различие тематики и авторской манеры, обе проповеди имеют и сходные черты, позволяющие объединить их с другими произведениями русского классицизма. Прежде всего это нашло отражение в том, что центральной идеей этих проповедей, как и других произведений русского классицизма, является культ государственных, гражданских добродетелей в лице государственной власти монарха и подчинение частного, личного интересам общегосударственным. Эти идеи совершенно отчетливо проводятся проповеднической литературой, так же как и произведениями Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и др.

Подобно тому как высокая поэзия классицизма опиралась на образцы и идеалы прошлого, в особенности на античность, проповедническая литература середины и конца XVIII в. все более отдаляется от образов церковных книг, используя темы и образы античной истории и мифологии.

Но в особенности роднит проповедническую литературу с высокой поэзией классицизма выбор языковых средств и принципы их стилистического использования. Как отмечалось выше, проповедь середины и конца XVIII в. хотя и является преемницей этого жанра предшествующей поры, однако коренным образом от него отличается. Если для проповедей начала XVIII в. (примерно до середины 20-х годов) характерной особенностью является то, что их язык имеет церковнославянскую основу, то дальнейшее развитие этого жанра протекает в рамках складывающегося национального русского литературного языка, хотя и сильно славянизированного у отдельных ее представителей. Таким образом, проповедь середины XVIII в. примыкает к высокому слогу литературы. Однако наряду со «Словами», написанными в рамках высокого слога русского классицизма, продолжает существовать проповедь традиционная, в которой представлен книжный тип языка начала XVIII в. (правда, удельный вес таких проповедей в середине века и далее все уменьшается). Примером такого рода проповеди может служить «Слово в день явления чудотворной иконы пресвятыя богородицы во граде Казани» 1742 г. Д. Сеченова. Проповедь Д. Сеченова написана по поводу чисто религиозного события — явления чудотворной иконы божьей матери в Казани, однако содержание ее светское. Вначале говорится о двух более ранних явлениях чудотворной иконы, Владимирской и Тихвинской, что связывается с победой русского оружия над турками и шведами. Третий праздник явления иконы в городе Казани позволяет автору воспеть победу русских над татарами и присоединение Казани к Российской империи.

Прямая цитата из церковных книг со ссылкой на источник в проповеди только одна — из книг Товии; кроме того, в текст

включены два изречения из Иоанна Дамаскина, а также дважды повторена цитата из Ирмологии (гл. I, песнь 4): Песни ткати спротяженно сложенные неудобно есть (повторяется на с. 5 и 7). Таким образом, насыщение церковными текстами в «Слове» Сеченова несравненно более интенсивное, нежели в «Словах» Левшина и Исайи.

Нами произведен сравнительный анализ языка всех трех проповедей, из которого явствует, что проповедь Сеченова отличается от проповедей Исайи и Левшина не только количеством использованной в ней славянской лексики, но еще и тем, что грамматическая система этой проповеди покоится на старых формах книжного типа языка начала XVIII в., в то время как в других «Словах» старые формы представлены единично и являются вкраплениями в новую грамматическую систему складывающегося национального литературного русского языка. Подсчитано, что в проповеди Исайи содержится 332 отдельных слова (исключая большинство служебных слов). Из них славянизмов лексических, грамматических и словообразовательных — 84; в проповеди Левшина (примерно одинаковой протяженности) содержится 52 славянизма, а в «Слове» Сеченова (при той же протяженности — 8 страниц) встречаем 151 славянизм, причем значительное количество из них приходится на старые грамматические формы. Особенно характерно то, что в проповеди Д. Сеченова, в отличие от двух других, представлена старая грамматическая система глагола,[9] что является наиболее показательным для книжно-славянского типа языка. Так, в ней систематически встречаются 1) формы II лица ед. ч. настоящего времени на *ши*: *возбуждаеши*, *повелеваеши*, *веси*; 2) формы III лица ед. ч. прошедшего времени (старые формы аориста): *дарова*, *исцели*, *написа*, *нарече*, *ослепи*, *отгна*, *показа*, *покори*, *после*, *посрами*, *превознесе*, *преложи*, *свободи*, *сотвори*, *уведах*, *устраши*, *явися*; 3) формы I лица мн. ч.: *придохом*, *собрахомся*; 4) формы II лица мн. ч.: *праздноваста*, *придосте*, *собрастеся*, *совершасте*; 5) формы страдательных причастий, употребленные вместо действительных: *недоумеваюся*, — а также постоянное употребление инфинитива на *ти*, старых форм причастий (типа *рождьшая*).

Все эти факты позволяют считать проповедь Д. Сеченова выходящей за пределы произведений высокого слога середины XVIII в. и не привлекать подобного рода проповедническую литературу для исследования этого слога, в то время как проповеди Исайи, Левшина и им подобные следует рассматривать в русле литературы классицизма. Именно такого рода проповедь в даль-

---

[9] С мнением Г. А. Хабургаева о том, что система глагола является для определения языка того или иного памятника основной, мы совершенно согласны. См.: Г. А. Хабургаев, О. Л. Рюмина. Глагольные формы в языке художественной литературы Московской Руси XVIII в. — Филологические науки, 1971, № 4, с. 65—76.

нейшем привлекается нами в качестве других источников высокого слога.

В середине XVIII в. и к концу его известно большое количество деятелей, выступавших с проповедями. Все они были лица духовные, искусные в высоком, витийственном слоге. Тематика этих проповедей весьма разнообразна. Многочисленны проповеди, связанные с различными религиозными праздниками; сюда относятся, например, проповеди С. Савицкого «Слово в неделю восьмую на десять» (1742), Стефана, епископа Псковского, «Слово на новый год» (1742), Амвросия «Слово в день Преображения» (1774), Феофилакта «Слово в день праздника Ордена Александра Невского» (1774), А. Могилеанского «Слово в неделю четвертую великого поста» (1743), Макария «Слово в день мытаря и фарисея» (1779) и многие другие.

Также весьма распространены были проповеди, произносившиеся при погребении разных знатных лиц (т. е. «надгробное слово есть, которое в похвалу усопшего человека предлагается» [10]), например проповеди К. Боровского «Речь князю Леонтию Александровичу Куракину. . . в бозе почившему» (1764), П. Алексеева «Слово при погребении графини Муравьевой» (1768), Кирилла «Слово, сказанное при погребении Преосвященного Амвросия Архиепископа Московского и Калужского» (1771), Макария «Слово при погребении. . . Долгорукова-Крымского» (1782) и многие другие. Надгробное слово также должно было писаться высоким штилем. Ломоносов по этому поводу писал: «Истолкование и утверждение заключают всей похвальные усопшего дела, почему надгробная речь не разнится от панегрика, кроме того, что в панегрике радость, а здесь печаль возбуждать должен ритор».[11] Многочисленную группу проповедей составляют те, которые посвящены царствующим особам (по поводу любого торжественного дня в их жизни могла быть произнесена проповедь). Множество проповедей известно на день рождения царствующих особ, таковы проповеди К. Флоринского «Слово в день рождения Елисаветы I» (1741), Платона «Поучительное слово в день рождения его императорского Величества. . . Павла Петровича» (1763), Амвросия «Слово в день рождения Александра Павловича и Елены Павловны» и др. Известны проповеди на день тезоименитства — Самуила «Слово в день тезоименитства Екатерины II» (1775); на день коронации — П. Гребневского «Слово в высокоторжественный день коронации ея императорского величества Елисаветы Первыя» (1742); на день восшествия на престол — Дамаскина «Слово в день восшествия Екатерины II. . . на престол» (1792); по поводу прибытия в какой-либо город — Вениамина «Речь приветственная на пришествие в Казань Екатерины Алексеевны» (1767); по поводу присутствия царствующей особы в ка-

[10] М. В. Ломоносов, ПСС, т. VII, с. 72.
[11] Там же.

ком-либо собрании — П. Алексеева «Слово Екатерине II при освящении Архангельского собора» (1772), Маркела «Слово при присутствии ея императорского величества в домовой церкви» (1742), П. Чарнысского «Слово в высочайшем присутствии. . . Елисаветы Петровны и Петра Федоровича о делах мздовоздаятельных от бога» (1744) и многие другие.

Все эти проповеди строились по одному определенному плану: в зависимости от темы бралась какая-либо морализирующая притча, которая раскрывалась на примере действий и поступков прославляемого в проповеди лица. Во всех проповедях, независимо от того, к кому она относилась, обязательным было прославление бога и государя. Все проповеди носили поучительный характер и были направлены к наставлению слушающих.

Проповедническая литература середины XVIII в. по своему языку и стилю была наиболее насыщенной высокими элементами по сравнению со всей прочей ораторской прозой этого времени. В ней нашли место те «славянизмы», которые в это время стали характерной приметой высокого стиля. Правда, индивидуальные особенности отдельных проповедников сказывались и в этом жанре, одни из них в большей мере были склонны к славянизмам, другие — в меньшей. К числу проповедников, в произведениях которых была сильна славянская струя, можно отнести Вениамина, К. Флоринского, В. Гребневского, А. Могилеанского, Феофилакта, Амвросия и некоторых других; менее витиеватыми и славянизированными находим проповеди таких авторов, как Стефан, Платон, Савицкий, Чарнысский, П. Алексеев, Кирилл. Другой вид ораторской прозы представляют хвалебные речи, панегрик (по терминологии Ломоносова),[12] принадлежащие перу ученых и писателей XVIII в. Примерами подобных произведений могут служить два произведения Ломоносова — «Слово похвальное Елисавете Петровне» (1749) и «Слово благодарственное ея императорскому величеству на освящении Академии художеств» (1764), А. Салтыкова «Речь, . . . при инавгурации Ея имп. величества Екатерины II» (1765), а также две речи Д. И. Фонвизина — «Слово на выздоровление Павла Петровича» и «Слово похвальное Марку Аврелию» — и некоторые другие.

На высокий стиль панегрика также указывается в «Риторике» Ломоносова: «Штиль в панегрике, а особливо в заключении, не меньше как и в проповеди, должен быть важен и великолепен и притом уклонен и приятен. Слов подлых и невежливых надлежит удаляться, но такие употреблять, которые чести и достоинству похваляемыя особы приличны».[13]

Третьим видом высокой ораторской прозы были речи, произносимые учеными по случаю каких-либо торжеств в присутствии

---

[12] «Панегрик есть слово похвальное высокия особы, места или действия достохвального» (М. В. Ломоносов, ПСС, т. VII, с. 70).

[13] М. В. Ломоносов, ПСС, т. VII, с. 71—72, § 126.

царствующих особ или других высокопоставленных лиц, — академические речи (у Ломоносова).[14] Таковыми, например, являются «Слово о явлениях воздушных» Ломоносова, произнесенное в 1753 г. на торжестве Академии наук, или слово Г. В. Крафта «О изобретенном недавно клавекорде» (1742) — речь в публичном собрании Академии наук, или слово И. Ф. Эразмуса «О противностях анатомического учения увеселениям и превеликою оного пользою несравненно превышаемых», произнесенное в 1765 г. на день восшествия на престол Екатерины II. Известны также речи Десницкого, Поповского, Аничкова, Третьякова, Рейхеля, Рихмана, Роста, Зыбелина и других ученых.

Так как все эти речи предназначены на случай определенного торжественного события, начало и конец их резко отличаются как по языку, так и по содержанию от основной, срединной части. В начале речи обычно следует обращение к государыне, прославление ее деяний на пользу данной науки или же славословие божьему величию. Затем следует основная часть, трактующая какой-либо научный вопрос, а затем автор опять вспоминает заслуги царя или бога. Обычно вторая часть речи резко противостоит по языку первой и третьей частям. Наибольшее число славянизмов встречаем в обрамлении (т. е. в начале и в конце) речи, основная же часть выдержана в основном в простом стиле, но с вкраплениями элементов высокого стиля. Речи данного типа являются связующим звеном между языком ораторской и научной прозы, — иначе говоря, они совмещают в себе высокий и простой стили литературного языка. В отношении лексики ученые речи отличаются от всех других видов ораторской прозы тем, что там имеются специальные термины, лишь по происхождению представляющие собою славянизмы. В Словаре Академии Российской эти термины подаются по-разному. В некоторых случаях в САР терминологическое значение еще не отделено от других значений. Так, слова *воспящать—воспящаться* в САР имеют одно общее значение — 'препятствовать, мешать, не допускать, запрещать': По причине своей жидкости (воздух) движение других тел не воспящает (Зыб., 9); Сие движение немало присутствием воздуха воспящается (Лом. ПСС, IV, 79); Тогда все три рода эфира в коловратном движении воспящаются (там же, III, 340). Слово *отвращение* имеет два общеязыковых значения в САР: 1) 'отделение'; 2) 'омерзение'; специальное же значение 'отклонение (лучей)' в словосочетании *отвращение лучей* отсутствует: Третье, еще нигде не доказано, чтобы все цветы чрез преломление лучей рождались, но напротив того, много есть доводов, из которых явствует, что цветные тела токмо отвращением лучей разные цветы зрению показывают (Лом. ПСС, IV, 91). Также термин *воздушный столп* не имеет в САР специального объяснения. Термин

[14] «Академические речи называются те, которые говорят ученые люди в академиях публично» (там же, 72).

проницать (Тонкость воздуха во-первых делает его способным входить и проницать разныя тела — Зыб., 8) имеет в САР особое значение — 3) 'проходить': «Светь проницает сквозь стекла». Термин *восходить*: 2) 'говоря о воздухе, воде и др. значит подыматься, вниз нестись, стремиться'. В термине *исхождение* есть специальное значение — 2) 'в отношении к жидким телам значит: истечение, испарение': «Исхождение паров».

Некоторые термины славянского происхождения вовсе не отмечены в словаре: *прозябающие* (По захождении солнечном нижняя атмосфера прохлаждается скорее, нежели поверхность земная, влажностию прозябающих насыщенная — Лом. ПСС, IV, 79) или *произрастающие вещи* (Ныне время уже взглянуть во все три владычества многообразные натуры, дабы хотя вкратце показать, коль велико есть сходство в сложении животных, произрастающих и минеральных вещей с сею системою — Лом. ПСС, III, 339).

Большинство этих терминов в САР не отмечаются как славянские, лишь *восходить* и *нисходить* имеют эту помету, что, по-видимому, объясняется тем, что они имеют достаточно широкое общеязыковое значение.

Такие же термины, как *воспящать*, *исхождение*, *коловратное движение*, *отвращение лучей*, *преломление*, *барабанная плева*, очевидно, уже прочно вошли в русский литературный язык середины XVIII в. и утратили эмоциональную окраску, свойственную славянизмам, совершенно отделились от них в языковом сознании говорящих.

Следовательно, славянизмы в середине XVIII в. могли служить не только как стилистическое средство языка, но они вовлекались и в другую сферу языка — в его терминологическую систему.[15] Но этот вопрос требует специального рассмотрения, так как выходит за рамки стиля художественной литературы и является фактом стилистики языка.

§ 3. Высокая поэзия середины XVIII в. была основным выразителем идей классицизма. В русле этого литературного направления творили наиболее выдающиеся ее представители, особенно велика заслуга Ломоносова, Сумарокова и Тредиаковского. В советском литературоведении вопрос о принадлежности этих трех виднейших литераторов XVIII в. к литературному направлению, получившему название классицизм, дебатировался неоднократно, начиная с 40-х годов нашего века. Исследователи-литературоведы Д. Д. Благой, П. Н. Берков, А. И. Дуденкова, И. З. Серман [16]

[15] По типу славянизмов могли образовываться и новые термины, ср. например, в жанре путешествий такое слово, как *рудотворение*: Уповательно, что все рудотворение тамошних руд единственно от серы зависит (Пут. Леп., 191).

[16] Д. Д. Благой. Классицизм в России. — Литературная энциклопедия, т. V. М., 1931; П. Н. Берков. Проблема литературного направления Ломоносова. — XVIII век, V. М.—Л., 1962; А. И. Дуденкова. О построении образа в лирике Ломоносова. — Там же; И. З. Серман. Поэтический стиль Ломоносова.

и другие показали и доказали, что в пределах одного литературного направления, и классицизма в частности, могут быть не только «несовпадающие, но и резко враждебные, антагонистические течения, ответвления и тенденции».[17] Выявление основных методологических и мировоззренческих позиций, характерных для русского классицизма, позволило объединить таких различных по своей индивидуальной манере крупнейших писателей XVIII в., как Ломоносов, Сумароков и Тредиаковский, в пределах одного ведущего литературного направления середины века. Именно эти писатели заложили основы новой русской художественной литературы и ее языка. Все трое по-своему оригинально развивали традиции классицизма в своем творчестве, и все они творили в жанрах классицизма.

Жанр героической поэмы был очень популярен в русской литературе середины XVIII в. Еще раньше, в начале века, Кантемир написал одну песнь своей «Петриады» (которая не была издана в XVIII в.), Ломоносов написал первые две песни эпопеи «Петр Великий», Сумароков — всего одну страницу «Дмитриады», и лишь Тредиаковский создал до конца свою «Тилемахиду», да Херасков — «Россиаду». Героическая поэма была узаконенным жанром классицизма. По образцу древнегреческих эпопей «Илиады» и «Одиссеи» Гомера и латинской «Энеиды» Виргилия создаются в литературе западноевропейского классицизма французская «Генриада» Вольтера и итальянский «Освобожденный Иерусалим» Тассо. Русские писатели XVIII в. стремились создать свою героическую эпопею. Они высоко оценивали этот жанр литературных произведений. В предисловии к «Тилемахиде» Тредиаковский пишет: «Ироическая, инако эпическая пиима и эпопея есть крайний верх, венец и предел высоким произведениям разума человеческого».

Для исследователя языка произведений высокого слога середины XVIII в. особенный интерес представляют поэмы Тредиаковского и Хераскова, а также отрывок из поэмы Ломоносова «Петр Великий». Все три поэмы существенно различаются как по своим идеологическим задачам, так и по стилистическим особенностям. Поэма Тредиаковского «Тилемахида» (1766) представляет собой стихотворный перевод прозаического романа Фенелона «Похождение Тилемака». Фенелон создал на основе античного эпоса роман, а Тредиаковский вернул этот роман Гомеру и Виргилию, создав таким образом гомеровскую героическую поэму на русской почве. По своему языку «Тилемахида» весьма разнообразна. В ней уживается лексика высокой поэзии с некоторым вкраплением просторечия в зависимости от объекта повествования. Об этой особенности языка «Тилемахиды» Тредиаковский говорит в «Предызъяснении» к ней: »Всякой речи должно иметь свои неравности:

---

[17] П. И. Берков. Проблема литературного направления Ломоносова. — XVIII век, V, с. 12.

иногда надлежит ей быть высокой, но не напыщенной, а иногда простой, но не подлой».[18] Однако высокой и архаичной лексики в поэме значительное количество. Отличительной особенностью поэмы Тредиаковского является то, что в ней отразилась склонность автора к языковому эксперименту, выразившемуся в словотворчестве, которое охватывает главным образом область высокой книжной лексики.

Поэма Хераскова «Россиада» (1779) — это героическая эпопея на тему из русской истории, поэма о героях, а также о судьбах государства. Сюжет ее строится на эпизоде взятия Казани русским войском при Иване Грозном. Это событие рассматривается автором как освобождение России от монгольского ига. В поэму введен элемент чудесного, поданный в религиозном плане. Все построение поэмы соответствует требованиям классицизма, начиная от эпического повествования и кончая высоким языком. Однако язык поэмы более ровный, чем в «Тилемахиде», нет очень обветшалых слов и форм, нет и просторечной лексики. Незаконченная поэма Ломоносова «Петр Великий» посвящена исторической теме, причем историческим событиям недавнего прошлого. Высокая оценка деяний Петра I не раз давалась Ломоносовым в его одах. Эта поэма специально трактует деятельность Петра, направленную, по представлению Ломоносова, на просвещение России. В посвящении И. И. Шувалову Ломоносов говорит о следовании им античным образцам, но в отличие от них он хочет описывать в героической поэме истинные дела и события: «Хотя во след иду Виргилию, Гомеру, Не нахожу и в них довольного примеру. Не вымышленных петь намерен я Богов, Но истинны дела, великий труд Петров».[19] Пользуясь записями и сочинениями соратников Петра, Ломоносов описывает в поэме стрелецкий бунт, создание флота и в особенности военные походы Петра, служившие средством укрепления российского государства, предпосылкой к установлению прочного мира и условием для развития наук и просвещения в России. Язык героической поэмы Ломоносова приподнятый, торжественный, но сильно отличающийся от языка его же одической поэзии, в поэме нет той образной метафоричности, которой отличаются оды.

Другим жанром высокой поэзии, узаконенным классицизмом, была ода. Одами в русской литературе середины XVIII в. называли несколько типов литературных произведений. Прежде всего были оды торжественные, посвященные высокопоставленным лицам, монархам, полководцам, государственным деятелям. Эти оды писались по случаю дня рождения, тезоименитства, коронации, бракосочетаний, военных побед и пр. В сущности, эти оды представляли собою небольшие поэмы. Торжественные оды имели важное общественное значение, так как обычно в них отражались

[18] В. К. Тредиаковский. Тилемахида, т. I. СПб., 1766, с. 1.
[19] М. В. Ломоносов. Петр Великий. — ПСС, т. VIII, с. 696.

и пропагандировались политические взгляды и идеалы их авторов. Таковы торжественные оды Тредиаковского, Сумарокова, Хераскова, Нартова, Нарышкина и др. Отражению гражданских идей в этих одах соответствовало их стилистическое и языковое оформление, выразившееся в приподнято-торжественной окраске этих сочинений. Однако достигалась эта приподнятость стиля у разных авторов своими средствами. В одах Ломоносова, а также его эпигона Петрова высокость стиля достигается главным образом благодаря образной метафоризации, а также благодаря подбору слов по эмоциональной созвучности. В одах Сумарокова и поэтов его направления используются иные стилистические принципы, в их одах слово является определенным логическим понятием и метод подачи чисто рационалистический. Однако во всех случаях русские одописцы прибегали к употреблению славянизмов в той или иной степени.

Второй разновидностью од были оды духовные, представляющие собой переложения псалмов. В них библейский колорит подавался как приподнятый, торжественный стиль, включающий употребление славянизмов. Подобные оды известны у Тредиаковского, Сумарокова, Ломоносова и др.

Наконец, еще известны оды разные, они не обладают единством стиля; высокий слог наличествует лишь в тех из них, где речь идет о важных материях, как например в одах Сумарокова «Григорию Александровичу Потемкину» (1774), «К Михаилу Матвеевичу Хераскову», а также в ряде его переводных горацианских од философского характера.

К жанрам высокого слога следует также отнести трагедию середины XVIII в. Русская трагедия классицизма поднимала и обсуждала важные для русского общества вопросы (взаимоотношения власти и подданных, понимание общественного, государственного долга, воспитание идеального человека и др.), несмотря на то что сюжеты трагедии обычно выбирались из отдаленных времен русской или европейской истории, а также из античной мифологии. Первыми опытами русской трагедии были произведения Ломоносова «Тамира и Селим» и «Демофонт». Но подлинного расцвета достигла трагедия в творчестве Сумарокова. Его девять трагедий написаны по всем правилам классицизма, и сам он считался российским Расином. Написание трагедий Сумарокова относится к двум периодам его творческой деятельности. Первый — время подготовки и организации регулярного театра в Петербурге, в этот период им написаны «Хорев» (1747), «Гамлет» (1748), «Синав и Трувор» (1750), «Аристона» (1750), «Семира» (1751) и «Ярополк и Димиза» (1758); второй период связан с организацией Московского театра, когда были написаны «Вышеслав» (1768), «Дмитрий Самозванец» (1771) и «Мстислав» (1774).

Продолжателями линии Сумарокова в области трагедии были его последователи Княжнин, Николев и Херасков. Из трагедий Княжнина известны семь: «Дидона», «Владимир и Ярополк»,

«Росслав», «Титово милосердие», «Софонизба», «Владисан» и «Вадим Новгородский». У Николева — трагедия «Сорена и Замир». Херасковым написано множество трагедий: «Борислав», «Цид», «Юлиан Отступник», «Освобожденная Москва», «Венецианская монахиня», «Пламена», «Мартезия и Фалестра», «Идолопоклонники, или Гориславa». Стилистическая теория Ломоносова относила театральные сочинения к среднему слогу, кроме тех, «где потребно изобразить геройство и высокие мысли», что пристойно описывать высоким слогом, Бóльшая часть трагедий классицизма как раз и изображает высокие идеи и может поэтому с полным правом быть отнесена к произведениям высóкого слога.

Ораторская проза и высокая поэзия, как указывалось выше, являлись в середине XVIII в. типичными выразителями высокого слога, который опирался лишь на книжную языковую традицию и совершенно отвергал практику живого разговорного языка. Если же делались попытки сближения книжного языка и живой разговорной речи в пределах высокого слога (как например в «Тилемахиде» Тредиаковского), то они носили характер не слишком удачного эксперимента и не были характерны для высокого слога в целом.

§ 4. Основным стилеобразующим элементом высокого слога является присутствие в нем славянизма, т. е. слов и форм, стилистически маркированных как высокие, торжественные. Это все слова преимущественно старого книжного происхождения, но могут быть и новообразования, т. е. слова, образованные по типу церковнославянских. Совершенно справедливо писал Г. О. Винокур: «Высокая поэзия получила возможность, а в известном смысле и должна была пользоваться „славянской“ лексикой и фразеологией как средством украшения для любых собственно литературных задач, вообще возможных в „высоком роде стихотворений“. В результате во второй половине века застаем в русской поэзии закрепленный круг лексических средств церковнославянского происхождения или к о л о р и т а (разрядка моя, — *В. З.*), в различных вариациях и пропорциях постоянно присутствующих в произведениях высокой поэзии разных писателей того времени».[20]

К «славянизму» в высоком слоге середины XVIII в. относятся разнородные языковые явления как лексического, так и грамматического и фонетического характера. Ориентируясь в данной работе главным образом на лексику, мы считаем нужным рассматривать также некоторые грамматические и фонетические явления, относящиеся к категории «славянизмов», так как считаем «славянизм» функциональной стилистической категорией и, соглашаясь с положением В. Д. Левина о том, что «историческая стилистика

---

[20] Г. О. В и н о к у р. Русский литературный язык во второй половине XVIII в. — История русской литературы, т. IV. М., 1947, с. 105. — Данное положение применимо также и к ораторской прозе середины XVIII в.

в идеале должна охватывать и соотносить стилистически однородные явления независимо от того, относятся ли они к грамматике или лексике»,[21] ориентируемся на разные, но стилистически однородные уровни языка. Подходя с этой точки зрения к высокому слогу середины XVIII в., следует отметить, что в нем возможны некоторые отклонения от уже сложившихся к этому времени грамматических норм русского литературного языка. Отклонения эти выражались в допустимости некоторых устаревших грамматических форм, рассматриваемых в плане создания торжественного стиля. Особенно сильны эти тенденции в наиболее традиционном жанре — в проповеди, где встречаем гораздо большее количество архаических языковых особенностей, чем в других жанрах высокого слога. Потенциально все эти особенности могут встречаться и в остальных высоких жанрах, но практически многие из них уже сделались архаизмами и выпадали даже из пределов высокого слога. В проповеднической литературе встречаем многие старые грамматические формы, не употребительные (или редко употребительные) в других жанрах литературного творчества середины XVIII в. и не отмеченные в словарях этого времени. Здесь встречаются смягчение согласных *х*, *г*, *к* в формах склонения существительных (*по воздусе*, *о мнозех*, *в человеце*), например: Вапами красками растворенными, по написанном воздусе простертыми крылы притворно летающия видети птицы (Флор., 5); Но со светлыми ангелы мнози ратующе, что взыскали? (Мог., 14); Сей человек, по примеру во Евангелии упоминаемаго мужа, создает великолепную храмину жизни своея, но на песце (Феоф., 11); Простирает отроческия свои руце к воинским делам (Боровск., 6); И в скором времени пойдет в землю, как и прочие человецы (Алксв 1768, 7).

Часто встречаются старые окончания в формах склонения существительных, особенно в творительном и предложном падежах: И так труд их несть тощ пред Господем (Феоф., 17); Простертыми крылы (Флор., 5); Во градех и селех. . . по стогнам и в домех (Вениамин, 1); Благословите, преосвященнейший владыко! преподать скудному моему слову, Ваше Архипастырское благословение, и непоколебим станет глагол бога моего в устех моих (Макарий 1779, 5).[22] В ряде случаев такие слова, как *небо*, *око*, *ухо* могут выступать в старых формах склонения, например: Виде тайнозрители брань на небеси (Мог., 14); О коль многия от очес правоверных стариков, и прочих благочестивцев, источить сотворила от необъятной радости источники слез! (Маркелл, 7);

---

[21] В. Д. Левин. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII—начала XIX в. Лексика. М.—Л., 1964, с. 6.

[22] В словах похвальных подобные формы встречаются чрезвычайно редко, например у Ломоносова: Коль многоразличными празднующих видами дух бы наш возвеселился, когда бы мы себе чувствами представили, что в градах крепче миром, нежели стенами огражденных, в селех, плодородием благословенных (Лом. ПСС, VIII, 236, Слово). В ученых речах этих форм не встречается вовсе.

не даждь сна очесам твоим и веждам твоим дремания (Гребн., 9); Благодарите жестоковыйные и необрезании сердца и ушеса (Маркелл, 16).

Встречаются и старые формы прошедшего времени,[23] например: Единую молитву сотворих, и то взысках, яко паде от страны соея тысяща, а тьма одесную мене (Мог., 8); Священныя бо книги, семенем обыкоша нарицати (Флор., 6); Прииде и на Иордан, и тамо небо отверзе, глас из облака, отеческий изведе, глаголющий (Маркелл, 3); Одним словом: сей, его же ныне погребаем, не себе жил, но богу и Отечеству посвятивши, ко Господу отъиде (Боровск., 7).

Находим старые формы образования причастий: В той (храмине) кровь скотов приносима была в жертву, а в сей же жрется агнец божий вземый грехи мира (Алксв 1772, 11); В нынешнем лете рясны златыми одеянный (там же, 3); Ты же Христе боже! давый нам образ смирения (Макарий 1779, 12); Для того и нам нет резону много о ней плакать; ибо сие нам же будет вредно, а преставльшейся неполезно, и богу противно (Алксв 1768, 18); Которая притча так умонепостижна показася, что Апостоли сами принуждены были особь на едине приступльше вопрошати Иесуса, о ея истолковании (Флор., 11); И зде сед между учительми, всех их препрел (Маркелл, 3); И пост бы бесы изгонит, ум в боговедение приводит, страсти умерщвляет: в протчем чтяй уразумеет (там же, 11).[24]

Некоторые отдельные слова имеют старые формы, например *мать*, *дочь*, *господь*: Ибо узревши его дщи Фараонова в малой ладиице плавающа, повелела взяти его (Амвр. 1771, 4); На нас ли изшел еси из чресл матере своея (Гребн., 4); Лето господне начинаем, когда господеви жить начинает (Стеф., 7).[25]

---

[23] Из высокой поэзии встречаем подобные формы, но стилистически оправданные, в одной духовной оде («Из 29 псалма») Сумарокова:

Гору мою Господи укрепил ты милостию своею;
Отвратил лице свое, и ужасохся.
К тебе Господи возвах,
И помолихся.

(Сум. СС, I, Ода дух.)

[24] Пристрастие к подобным образованиям можно обнаружить у отдельных авторов, например у Фонвизина: Мне ль убоитесь досадить, делаяй благо? (Фнв. СС, II, 218); А ты присутствуяй здесь, наследник и сын его (там же, 195); Мы зрели в Азии. . . три града наши упадшими от землетрясении (там же, 224). Особенное пристрастие к старым формам причастий находим у Тредиаковского в «Тилемахиде», где встречаются *досящь*, *идяй*, *лаяй*, *махаяй*, *милуяй*, *оставляяй*, *падаяй*, *признаваяй*, *расшвенный*, *седяй*, *сожменный* и др.: Дубы, оныи дети земныи толь застарели, Мнилось, которы досящь хотящи вершинами неба (Трд. Тилемах., II, 85); Там очами своими ищай враждебну особу, И копьем махаяй (там же, 61); Тело меж тем младаго Ипия видимо было, Кое несли на одр покрытом искусно расшвенным (там же, 26).

[25] Встречаются старые формы *мать* и *дочь* и в похвальных словах, например: Пускай другие ужасными, но Мати Российская радостными приме-

Довольно часто встречаем устарелые и неупотребительные уже в XVIII в. звательные формы, причем они могут быть употреблены как по отношению к лицу (Преосвященнейший владыко — Макарий 1779, 5; О несмысленный Галате — Маркелл, 16; Невеждо, отверзи токмо, слепотствующиеся твоя очеса — там же, 9; Слышателие благоразумнии — Гребн., 3; О христианине — Савицк., 11 и др.), так и по отношению к предмету при олицетворении (Молим убо тебя, О неизмеримая благости бездно! — Стеф., 14; Благовествуй убо повсюду граде Казане радость твою привелию — Вениамин, 3; Возведи о Россие очи твои и виждь? — Флор., 14).

Среди глагольных форм также встречаются многие уже устарелые. Прежде всего инфинитивы глаголов обычно имеют форму на *-ти*: Которая притча так умонепостижна показася, что Апостоли сами принуждены были особь и едино приступльше вопрошати Иисуса, о ея истолковании (Флор. 11); Взыти бо умне на небо, есть умне бога видети (Мог., 5); Пронеси имя твое пред языки, его же память от земли истребити тщахся? (там же, 7); Стали чрез двонадесятолетие обеспокоивавши, сещи и терзати (Флор. 14).[26]

§ 5. Значительный интерес представляют те славянизмы, которые характерны для всех высоких жанров. Все они являются славянизмами лексическими, но по своему составу весьма разнообразны. Вообще классификация славянизмов представляет значительные трудности ввиду того, что они не составляют определенной лексической системы в составе высокого слога. По своему положению в системе языка славянизмы высокого слога представляют собою: 1) стилистически маркированные дублеты нейтральных слов типа *тук* 'жир', *глаголать* 'говорить', в том числе могут быть лексемы, имеющие лишь фонетические различия (*град* 'город', *нощь* 'ночь' и пр.); 2) слова, не имеющие синонимов нейтрального характера, но обладающие формальными показателями славянизма (*низвергнуть*, *безбранный*, *мздовоздаяние* и пр.); 3) слова, образованные уже в высоком слоге XVIII в. по церковнославянским моделям и имеющие возвышенную окраску.

§ 6. Остановимся вкратце на той лексике, которая наиболее широко отразилась в высоком слоге. При рассмотрении ее нет единства в классификации. Лексические группы выделяются на основе различных принципов, как чисто семантических, так и лексико-грамматических, тематических и фонетических.

рами исправляет человеческие нравы (Лом. ПСС, VIII, 250); Сражаясь с скорбию своею, Павел узрел идущую к себе государыню и матерь (Фнв. СС, II, 188); Для избрания супруга своей дщери обратил он очи на помпеянина (там же, 220); Паче же дщерию его распространенное и украшенное (Лом. ПСС, VIII, 814).

[26] В высокой поэзии встречаем часто в духовных одах Сумарокова, например: Хочешь ли, Господи, нас посрамити, И хочешь ли, Боже, оставити нас? (Сум. СС, I, 57, Ода дух.); Доколи буду я сию терпети муку? Воспомяни меня, О боже, И жизнь мою избави! (там же, 6).

Конкретные предметы

Этих слов встречается немного, что вполне объяснимо задачами и тематикой высокой поэзии. Приведем для примера некоторые группы таких слов.

Предметы домашнего обихода: *Светильник* 'лампада', *кошница* 'корзина', *секира* 'топор', *вервь* 'веревка', *зерцало* 'зеркало', *свещница* 'подсвечник', *одр* 'постель'.

Одежда, пища: *руб* 'верхняя одежда', *рясны* 'женское украшение', *риза* 'одежда', *брашно* 'пища', *квас* 'закваска'.

Строения и их части: *храмина* 'жилище', 'здание', *столп* 'столб' или 'башня', *лествица* 'лестница'.

Различные вещества: *вап* 'краска', *тук* 'жир', *елей* 'оливковое масло'.

Средства передвижения и их части: *ладия* 'лодка', *кормило* 'руль', *ветрило* 'парус'.

Некоторые из данных слов, по-видимому, настолько устарели, что отдельные авторы дают к ним соответствующие русские синонимы, особенно часто это делает Тредиаковский, например: Входит же как во храм богов, и вещи священны Как несет на главе с пристойных кошницах* [на полях **корзина*] чинно (Трд. Тилемах., II, 181). Все эти слова однозначны, за исключением слова *столп*, которое имело три значения: 1) 'столб' (Все гибнет, небеса! все гибнет, Актенор! Я шла во храм, но пыль столпом затмила взор — Княж. Соч., I); 2) 'башня' (Цела обширность крепких стен, Везде столпами укрепленных — Лом. ПСС, VIII, 115); 3) 'человек, выделяющийся в какой-л. области' (Правда, труден пост, и вси немощни, но послушай златословеснаго учители, что столп сей и украшение церковное — Мог., 13).

Все эти слова употребляются в своих прямых значениях, но некоторые из них часто используются при олицетворении. Вот некоторые примеры: И се уже рукой багряной Врата отверзла в мир заря, От ризы сыплет снег румяной В поля, в леса, во град, в моря (Лом. ПСС, VIII, 138, Ода): Пустила по земле заря червленну ризу (там же, 173); Уже, всходя, заря на землю сыплет блеск, Восстав с багрянаго Тритонова одра (там же, 164). Часто эти слова используются и в образном употреблении, например: Тут мрет Ассур под гнетом Кира! Там персов Александр секира! (Птрв, 1914, Ода); Безгласна видя на одре Защитника, Отца, Героя, Рыдали Россы о Петре (Лом. ПСС, VIII, 743, Ода); Самый народ, . . .всегда носящий на лицах сердец своих зерцало, самый народ стенал и проливал слезы (Фнв. Соч., II, 189); И тогда-то воистинну пастырский глас совсем должен умолкнуть, а светильник закона без елея проповеди и угаснуть (Иосаф, 5).

Интересно также отметить употребление слова *свещница*, отсутствующего в словарях XVIII в. и употребляющегося в высоком слоге в том же значении, что и наличествующее в словарях слово *свещник* 'подсвечник': Удаляется и скрывается под спуд

земный светильник на свещнице горевший (Боровск., 1); Они подобны здесь бывают упоминаемому в евангелии спасителем светильнику, который поставлен на свещнице (Амвр., 1791, 29).

Слова, обозначающие место нахождения кого или чего-нибудь. Слов со значением места, окрашенных торжественно, не так много встречается в произведениях высокого слога. Среди них находим слова, имеющие соответствия в русском языке, и слова, не имеющие таковых, к ним относится большинство слов с суффиксом *-ище*.

Часто употребляются в разных жанрах высокого слога такие слова, как *вертоград* 'сад', *вертеп* 'пещера', *стогна* 'улица', а также ряд слов с суффиксом *-ище*: *пребывалище*, *пристанище*, *становище*, *гнездилище*, *игралище*, *святилище*.[27]

Некоторые слова с суффиксом *-ище* имели однозначные синонимы той же основы с нулевым суффиксом: это *пристанище* (пристань', *гнездилище* 'гнездо'. Взаимоотношения у каждой из этих синонимических пар в XVIII в. складывались по разному. Рассмотрим каждый синонимический ряд.

Пристанище 'пристань'. В начале XVIII в. оба слова были полными семантическими дублетами.[28] Основное значение их — 'порт', 'причал', например: По обе стороны города Мальты Великие проливы морские, в которые входят корабли и галеры, и называются те проливы по итальянску порты, а по славянску пристанища (Пут. Тлст., II, 135); У того града пристанище корабельное изрядное (Опис. путей, 663); А что под Азовым зделано городов и пристань, и о том Шеин писал (ПБП, 662); Тогда матрос Василий пошел на морскую пристань (Вас. Кор., 113). Другое значение, общее для обоих слов в начале XVIII в., — это 'прибежище, место, где можно укрыться', например: Где бедная Тирра пристанище обрящет? (Александр, 172); А оной посад в конце велели огню предать, дабы неприятелю впредь никакого пристанища не было (ЖКФ, 27); Чтобы им никаким дурном не промышлять и зернью не играть и пристани никаким лишним людям не держать (Псш. КСБ, 188). Встречаются оба эти слова в начале XIII в. и в значении глагольного действия от глагола

---

[27] Из перечисленных выше слов с суффиксом *-ище* в САР пометой сл. отмечены только *пристанище* (в САР[1]) и *игралище*. Всего же слов с таким суффиксом в обоих изданиях словаря насчитывается 31, из них 21 слово имеет помету сл. в обоих изданиях, 7 слов в первом издании имеют помету сл., а во втором — не имеют никакой пометы (это *пристанище*, *збруехранилище*, *стражбище*, *судище* и *судилище*, *водоприятелище*, *водохранилище*) и одно слово *победилище* имеет в первом издании помету сл., а во втором — «стар(инное)». Лишь слова *становище* и *святилище* не имеют никаких помет в обоих изданиях словаря, а слово *пребывалище* находим только в САР[2] без всякой пометы. Следовательно, большинство слов с суффиксом *-ище* в значении 'места, вместилища' расценивались Словарем как стилистически окрашенные.

[28] В САР[1] оба слова даны в составе одной словарной статьи и разница между ними отмечена лишь в плане стилистическом: «Пристань, сл. Пристанище».

пристать 'причалисть',[29] например: Где он надеялся, удобное сыскать место для пристанища (ЕС 1763, 214; Сойм. Касп. м.); И при повороте сделали город Самару в стены впредь для пристани (АК, 52). В середине XVIII в. наметилось размежевание слов *пристанище* и *пристань* в их основном значении. Слово *пристань* становится терминологическим, номенклатурным названием понятия и употребляется нейтрально в стилистическом отношении в разных стилях языка, например: Пристаней, где стоять судам немало (Краш. ОЗК, II, 151); Селить во всех частях света колонии, устроять пристани (ЕС 1755, 122; Пловцу способний ветр направить, чтоб к пристани его поставить (Лом. СС, I, 294). Слово же *пристанище* в данном значении становится принадлежностью высокого слога и воспринимается как стилистический славянизм, например: Взираем и во время тишины на волнующую пучину, на сокрушающиеся корабли, или способными Зефирами к пристанищу бегущие (Лом. СС, I, 255); Ветрила пышутся, якорь тотчас извлечен одна глубина, Коль от пристанища вдаль, берег и град только уходит воспятно (Трд. Тилемах., II, 201). В значении же 'прибежище, убежище' в середине XVIII в. употребительным становится преимущественно слово *пристанище*, причем оно выступает как в конкретном значении так и в значениях с различной степенью отвлеченности, например: На Камчатке гусей ленных же промышляют разными образы, иногда гоняют их в лодках, иногда собаками, а более ямами, которыя копают около озер, где им бывает пристанище (Краш. ОЗК, II, 338); Крестьянские хижины служили лакомым пристанищем мелкому роду тараканов (Пут. Леп., I, 133); Я век свой по свету за пищею скитался, Пристанища себе нигде я не имел (ЕС 1755, 175); Но страх в молодом и влюбленном сердце пристанища себе не имеет (Маркиз, II, 51); В терпении моем Зиждитель ты был от самых наших дней, Помощник мой и Покровитель, Пристанище души моей (Лом. СС, I, 18, Ода дух.). Из приведенного материала видно, что в данном значении слово *пристанище* присуще всем стилям языка и не имеет никакой стилистической окрашенности. Слово же *пристань* в этом значении в середине XVIII в. употреблялось лишь в деловом языке и лишь по отношению к преступным лицам, как напримерː А как натурально, что разбойники особливыя свои имеют пристани, в которыя они с воровства укрываются (ПСЗ, XV, 385). Встречается в середине XVIII в. и значение действия у слов *пристанище* и *пристань*, которые употребляются в деловом языке (*пристань*: Со всех тех, кои в воровстве и в разбое и в пристани воров не обличены, никаких вытей не взыскивать — ПСЗ, XVII, 226) и в простом слоге (*пристанище*: А ехать надобно целый день, с утра до ночи, потому что жилья нету и через сорок верст поставлены маленькие дворики для пристанища и корму лошадей — Зап. Н. Длг., 46). Следовательно,

[29] Это значение не отмечено в словарях XVIII в.

как славянизм в высоком слоге середины XVIII в. выступает слово *пристанище* в значении 'порт, причал'.

Гнездилище 'гнездо'. Слово *гнездилище* отсутствует в словарях XVIII в., обнаружить его удалось лишь в «Россиаде» Хераскова, где оно значит 'скрытое убежище для многих': Иль грозных дней опять дождаться мы хотим, Что мы гнездилище врагов не истребим (Хрс. Росс., 26); В САР данное значение отмечено в слове *гнездо*, но оно более узкое — 'убежище, прибежище воров'. Отрицательная оценка присутствует в слове *гнездилище*, так как применено оно по отношению к врагам. Материалы показывают, что слово *гнездо* с самого начала XVIII в. употреблялось шире, чем дано в САР, но неизменно с отрицательной оценкой, ср., например: Не привесть в злобу также и езуитов, которые уже там от многих времен гнездо свое имеют (ПБП, I, 254); Уповаю, что все имение свое он (игумен) отдал, естьлиб хотя голову одну из толь опасного гнезда высунуть мог (Маркиз, I, 100); Вертеп убийства преужасна, Гнездо безнравья и нахальства (Држ. Соч., II, 168). Слово *гнездо* в данном значении выступает как стилистически нейтральное, а как стилистическое противопоставление к нему в высоком слоге появилось индивидуальное образование *гнездилище*, выступающее как стилистический славянизм.

Слова *игралище* и *святилище* не имеют соответствующих словообразовательных синонимов, но оба в САР определяются как славянизмы. *Игралище* — слово многозначное. В высоком слоге середины XVIII в. оно чаще всего употребляется в переносном смысле в сочетании *игралище страстей*, которое в САР имеет следующее объяснение: «Человек есть игралище страстей», т. е. человек подвержен многим переменам, превратностям в жизни. В высоком слоге это сочетание употребляется более широко по отношению не только вообще к человеку, но и к его сердцу, душе и т. п., например: И для того сердце почти всегда бывает жертвою и игралищем оных (страстей) (Самуил, 9).

Слово *святилище* также имеет в САР помету сл. и определяется как слово многозначное: 1) 'алтарь', 2) 'жертва, приносимая на алтаре'. Материалы словаря Срезневского отмечают еще одно значение — 'храм', это значение старое и самое распространенное у этого слова.[30] В высоком слоге середины XVIII в. *святилище* в значении 'храм' имеет очень широкое распространение, например: Места господни пожирает Огонь, святилище горит (Сум. СС, I, 101, Ода дух.). Слово *святилище* употребляется в высоком слоге и переносно, когда речь идет о чем-либо важном, значительном, сокровенном, например: Что же о таковом безмерном света океане представлять себе те должны, которые во внут-

[30] Позволим себе заметить, что САР ошибочно приписывает этому слову значение 'алтарь' в следующей цитате: Разделяти будет завеса вам посреде святилища и посреде Святая святых (Исход, 26, 35). Здесь *святилище* значит 'храм', а *алтарь* — это 'Святая святых'.

ренние натуры святилище взирают любопытным оком (Лом. ПСС, I, 323); Отворено видим его (величие божие) святилище ко открытию електрических действий в воздухе (там же, 294). К концу XVIII в. это переносное употребление очень широко распространилось как в поэтической речи (святилище прохлад — Држ. Соч., III, 192; святилище муз — там же, II, 364 и др.), так и в прозе (святилище уединенного бога лесов — Крм. ПРП, II, 16; святилище меланхолии — там же, 250; святилище благополучия — Зерц. безб., 748). Слово *святилище* в переносном употреблении к концу XVIII в. продвинулось на путь слов поэтических.

Как и прочие конкретные слова, имеющие соответствующие русские синомимы, данная группа слов может употребляться в высоком слоге середины XVIII в. при олицетворениях и образных метафорах, например: Златыя дни по громах близки; Они на крылиях летят, Петрополь тихо освещают. И новой ветвью обещают Украсить Павлов вертоград (Хрс. Тв., 209, Ода).

Названия животных

Здесь также славянские названия имеют параллели русских слов: *агнец* 'ягненок', *овен* 'баран', *пруги* 'саранча', *пес* 'собака'. Употребляюся эти пары соответственно в разных стилях речи. Покажем это на двух примерах. Слово *агнец* обычно в произведениях высокого слога: В той (храмине) кровь скотов приносима была в жертву, а в сей же жрется агнец божий вземый грехи мира (Алксв 1722, 11); Из грознаго царя, как агнец, став незлобен, Был солнцу Иоанн восточному подобен (Хрс. Росс., 13). Слово же *ягненок* употреблялось в среднем и низком стилях: С двух ярмонок Парижские мясники довольствуются быками и белою животиною, то есть телятами, баранами, ягнятами (ЛК, 16); В реке пил волк, ягненок пил; Однако в низ реки гораздо отступил (Сум. СС, VII, 6, Притчи). Другое славенское слово — *овен* — встречается в таких произведениях высокого слога, как «Россиада» Хераскова (с. 103), «Тилемахида» Тредиаковского (I, 141), а его русский синоним *баран* можно найти в книгах Бишинга «Руководство к познанию географического и политического состояния Европейских государств» (1763, с. 63), Савари «Лексикон о коммерции» (с. 16), Сумарокова «Притчи» (ч. VII, с. 146), Крашенинникова «Описание Камчатки» (II, с. 23), Николаева «Розана и Любим» (с. 13), Майкова «Нравоучительные басни» (II, с. 12), Рычкова «Топография Оренбургская» (1762, I, с. 279) и др.

Синонимическая пара *пес* и *собака* находится в более сложных стилистических отношениях, нежели другие, приведенные выше. Русское слово *собака* неупотребительно в высоком слоге середины XVIII в., оно встречается в комедиях, в баснях, в сатирических журналах (в «Трутне», «Живописец»), в законодательных актах,

в географических описаниях (например, у Рычкова, Лепехина, в «Описании Северной Америки», 1765). Очень часто оно встречается в пословичных выражениях, например в «Письмовнике» Курганова: Собака лает, а ветер носит (с. 119); Не всякая собака кусает, которая лает (с. 145); По шерсти собаке и имя дано (с. 119); или же подобные пословичные выражения находим в художественных произведениях низкого слога: Собака и на владыку лает (Члкв Пересм., 93); Собака собаку лижет, а ворон ворону глаз не выклевывает (Трут. 1769, 102); Разве ты сват не ведаешь пословицы: свои собаки грызутся, чужая не приставай (Фнв. Бриг., 90). Славенский же его синоним *пес* в середине XVIII в. начинает утрачивать свою стилистическую функцию славянизма, хотя Сумароков пишет: Была собака там, а по славенски пес (Сум. СС, VII, 324, Притчи). В произведениях высокого слога, действительно, всегда употребляется, *пес*, а не *собака*, например: И тело в алчущих истлеет тамо псах (Сум. СС, II, 38, Хорев); Дубровные завыли звери, И волк и пес разинул зев (Птрв 33, Ода). Однако слово *пес* наряду со словом *собака* свободно употребляется и в среднем и в низком слоге без всякой стилистической окраски: Лихому псу звонок на шею привязать Велел хозяин сам (Трд. СП, I, 190, Басни); Борзой пес с налету прежде всего бросился к нему на шею (Члкв Пересм., I, 18); Какова псу кормля, такова от него и ловля (ПК, 113); Хозяин то приметил И делом сметил, Что в псе велика злость (Майк. Басни, II, 11). Совершенно одинаково употребляются слова *пес* и *собака* в низком слоге в качестве бранных слов: Ах он собака! да что он вправду затеял? (Фнв. Бриг., 49); Опомнись старый пес! вить ты знаешь, что я рождена от благородной крови (Алб. Мельн., 47). Очевидно, слово *пес* уже потеряло свою торжественно-стилистическую окраску, становясь словом нейтрально-стилистическим, чему способствовало и новое его произношение — *пёс* в отличие от старого книжного *пес*.

В роли славянизмов выступают в высоком слоге слова *телец* и *телица*. Здесь происходит противопоставление их другой паре с иным словообразованием: *телец — теленок* и *телица — телка*. Если *теленок* и *телка* употребляются исключительно в среднем и низком слоге (в «Притчах» Сумарокова, в «Лексиконе о коммерции» Савари, «Описании Камчатки» Крашенинникова, «Журнале» Анненкова и др.), то *телец* и *телица* — лишь в жанрах высокого слога: Батый на зыблему Россию налетел; Так юных двух тельцов, где гладный волк встречает, За паству бьющихся, их в добычь получает (Хрс. Росс., 56); Сам телец от телицы бежал (Трд. Тилемах., II, 94).

Название растений

К стилистическим славянизмам следует также отнести употребительные в высоком слоге названия некоторых растений, таких как *шипок* 'роза', *крин* 'лилия', *гроздие* 'виноградная

кисть', *дерние* 'дерн'. Название *шипок* в САР квалифицируется как славянское, так что его принадлежность к славянизмам не вызывает сомнений. Слово *гроздь* (мн. *гроздие*) хотя в САР не имеет пометы сл., но в первом значении сказано: «1) В св. писании значит то же, что *грезн*» (*грезн* 'виноградная кисть'). В этом же значении встречаем слово *гроздие* в высоком слоге: Изгнав из царскаго жилища Иоанн Развраты, клевету, коварства, лесть, обман. И праздность на одре оставивый лежащу, И маковы цветы и гроздие держащу (Хрс. Росс., 18); В гроздии впрочем у них виноградном нет недостатка (Трд. Тилемах., I, 145).

Слово *крин* по происхождению греческое, как об этом и сказано в САР, но употребляется оно в высокой поэзии, как и прочие славянизмы; ср., например, его соседство со словом *шипок*: Очи имел всегда вперенны на рощицу Дафней, И на поточек, у коего были брега опушены И оном цветом, притом Шипками и Кринами также, И другими многими преблаговонными цветы (Трд. Тилемах., II, 123); Премудрая Екатерина! Тобой я краше райска крина, Мой тверже мрамора престол (Майк. Ода, 6).

Слово *дерние* лишь условно можно отнести к растениям. В САР эта форма слова вовсе не отмечена, там имеется лишь слово *дерн* без всякой стилистической пометы; вероятно, на фоне его разносуффиксного синонима слово *дерние* воспринималось в XVIII в. как славянизм, о чем свидетельствует исключительное употребление его в высоком слоге (А семена сии на дерние упав, Бесплодны для меня, без пользы свету став — Княж. Соч., I, 4, Дидона), в то время как слово *дерн* не имеет никакой стилистической нагрузки и употребляется в среднем стиле: Позволяет жителям, кои не в состоянии лучшие домы для себя строить перенесть нынешние в пред местие, или назначаемые им особо кварталы, и оные покрыть дерном (ПСЗ, XXII, 319); Строение в сих станицах по безлесию все тирлутное, то есть состоящее из плетня, умазанного с наружи и с нутри глиною и покрыто дерном (Пут. Леп., I, 447). Следовательно, все эти слова выступают в высоком слоге как славянизмы.

Название частей человеческого тела

Эта группа слов наиболее распространена в высоком слоге. Все славянизмы этой группы имеют полные синонимы в русском языке: *вежды* 'веки', *выя* 'шея', *десница* 'правая рука', *длань* 'ладонь', *зеница* 'зрачок' (или, как дано в САР, — *зорочек*), *ланита* 'щека', *лик* 'лицо', *мышца* 'рука', *очи* 'глаза', *перси* 'грудь', *рамо* 'плечо', *стопа* 'нога', *уд* 'член', *уста* 'рот', *устне* 'губы', *чело* 'лоб', *чрево* 'живот', 'брюхо', *чресла* 'поясница', а также слова, являющиеся неполногласными вариантами, — *власы* 'волосы', *глава* 'голова', *брада* 'борода'.

Сюда же примыкают такие слова, как *зрак* 'взор' или 'взгляд', *лоно* 'грудь' или 'внутренность', *плоть* 'тело', *персть* 'прах'. Все эти слова употребляются в высоком слоге в своем прямом значении. Приведем некоторые примеры: Виновник бедствия великия царицы Достойну от моей воспримет мзду десницы (Княж. Соч., I, 18, Дидона); Я на челе твоем смущенье зрю сердца твоего (там же, 132); Все попадают под мышцу уже Тилемаха секущу (Трд. Тилемах., II, 78); Да и воспоразил Писистрат вдруг дротиком в чрево (там же, 142); Не даждь сна очесам твоим и вождам твоим дремания (Гребн., 9).

Может эта лексика выступать в олицетворениях, например: Возведи о Россие очи твои и виждь (Флор., 14); Не медь ли в чреве Этны ржет? (Лом. СС, I, 143, Ода); Европа утомленна в брани, Из пламени подняв главу, К Тебе свои прострела длани Сквозь дым, курение и мглу (там же 87, Ода); Погибли б мы тогда отечества на лоне, И не были б рабы любви к Дидоне (Княж. Соч., I, 44); Изобразил бы я ныне премудраго и мужественнаго Алексея, бодрым своим духом ободряющего Россию, начавшую паки двигать свои мышцы (Лом. ПСС, VIII, 240).

Вся перечисленная группа славянизмов однозначна, кроме двух слов — *зрак* и *лоно*. Оба эти слова выступают в высоком слоге только в этих, присущих церковнославянскому языку значениях. Проиллюстрируем это на примере слова *зрак*. Одно из его значений 'взор, взгляд' имеет синонимы *зрачок* или *зорочек*, на фоне которых оно и воспринимается как стилистический славянизм и употребляется преимущественно в жанрах высокого слога, например: Но вышний зрак свой отвращает От Готских ослепленных стран (Лом. СС, I, 43, Ода); Куда свой зрак ни обращаешь, По множеству градов и сел (там же, 108, Ода); Бог некий враждебный Очаровал мой зрак (Трд. Тилемах., I, 155). Другое значение слова *зрак* — 'вид, образ, изображение' — также имеет место в высоком слоге: Возлюбленнейший зрак! престань мечтаться мне (Сум. СС, III, 26, Хорев); Что точно в нем изобразился Родителей великих зрак (Лом. СС, I, 69, Ода); Ни горы, ни леса закрыть не могут божественнаго Ея зрака, начертанного в душах наших (там же, 189, Слово); И временем твой зрак из мыслей истребится (Княж. Соч., I, 9, Дидона).

Слова *перст* 'палец' и *чрево* 'живот', 'брюхо' хотя и не являются славянизмами с точки зрения Словаря Академии Российской (однако Словарь Кондратовича дает brzuch, zywot 'брюхо', 'желудок', 'чрево', sl.), но, имея полные синонимы в русском языке (кроме того, *чрево* еще и генетический славянизм — рус. *черево*), они сделались в середине XVIII в. стилистическими славянизмами по их употреблению в высоком слоге и по их возвышенной тональности по сравнению с их синонимами *палец* и *живот*, *брюхо*. ср.:

Чрево

Да и воспоразил Писистрат вдруг дротиком в чрево (Трд. Тилемах., II, 142); У тигров зубы, когти прыткость, Им должно полнить чрев несытость (Птрв 99, Ода); Рассмотри в себе о человече! не нас ли изшел еси из чрева матере своея (Гребн., 4).

Живот, брюхо

Курильский чай. . . пьют от резу и от болезни в животе (Краш. ОЗК, III, 132); Они (врачи) знают что в человеке есть после кончины его, а при жизни ничего не знали; но кажется, что не великое искусство узнать, что есть в брюхе, распоровши оное (Эмн Фемист., 209—210); Те же зеркала представляют в себе вещи криво, и чем представленная вещь от такого зеркала дале отстоит, тем меньше кажется, Для того утешно смотреть, ежели выпуклистое зеркало перед брюхом поставишь; для того что в сем положении кажется, что брюхо наперед выпятился, а голова по пропорции много меньше и назад отклонилась (Влф. физ., 113).

Перст

Богиня кротко с ним взирает На Невский брег, и простирает Свой перст на дщерь свою с высот (Лом. СС, I, 52, Ода); Но бог и над царями царь. Как хочет, всеми управляет, Престолы рушит, восставляет, Одним всю движет перстом тварь (Хрс. Тв., VII, 97, Ода).

В олицетворении

Завтра, когда Заря своими багряными персты Станет вам отверзать врата златыя Востока (Трд. Тилемах., I, 56).

Палец

В руках было, да по пальцам сплыло (ПК, I, 109); [р е м а р к а] Лесник грозит ему пальцем (Нклв, 46); Мной бесчисленно целован Всякой рук твоих и палец (Сум. СС, II, 145); Когда горлышко пальцем запрешь, то собравшиеся пары снова загорятся (Влф. физ., 78). Иные по пяти и по десяти домой приносят, надев на каждый палец по одной рыбе (Краш. ОЗК, II, 177).

Слова, обозначающие семейные отношения

Все слова данной группы имеют синонимы в русском языке. Как славянские отмечены в САР часто употребляющиеся в высоком слоге слова: *брак* 'женитьба', *брачный*, *чадо* 'дитя', *вдовица* 'вдова'. Сюда же примыкают два слова, не имеющие в САР пометы сл., — это *отрок* и *отроковица*. В САР слово *отрок* определяется как 'вышедший из младенческого возраста и не достигший еще юношеского'. В данном значении мы и встречаем слово *отрок* в произведениях высокого слога: Не двигнется спокойство наше, И здраво отроки взростут (Сум. СС, I, 205, Ода дух.); В таких обстоятельствах кто мог помыслить, чтобы дванадцать лет отрок (Лом. СС, I, 216, Слово); Отсюда также можно видеть, сколь не человечески поступают те, которые малолетним отрокам дозволяют читать (Анчкв 1789, 16); Самые отроки могут чрез частое повторение привыкнуть и к глубочайшим предложениям (ЕС 1755, 185); Я первый меч омыл, мой меч в крови Российской; Не тронут плачем был ни отроков ни жен (Хрс. Росс., 102).

Как славянизм отмечено в САР слово *отрочищ*, являющееся синонимом к слову *отрок* (в САР оно определяется так: «Малолетнее дитя мужского пола»). В середине XVIII в. *отрочищ* было уже неупотребительным, устаревшим словом. Существовал и еще один синоним — *подросток* (в САР определяется несколько этимологически: «Тот, кто приближается, достигает совершенного роста»). Слово *подросток* не было стилистически окрашенным, ср. его употребление в среднем слоге: Взошед на юрту спускались в оную по веревке с великою осторожностию, чтоб не расплеснуть (воду), . . .а принимали у них двое подростков (Краш. ОЗК, III, 101). Следовательно, в середине XVIII в. происходит стилистическая дифференциация этих слов: славянское *отрочищ* становится устарелым, *отрок* получает окраску высокости и становится стилистическим славянизмом, а *подросток* является стилистически нейтральным. Соответственно и слово *отроковица* становится стилистической парой к слову *отрок*, и оба они становятся принадлежностью высокого слога.

Названия лиц

Встречается в высоком слоге значительное количество слов, обозначающих лицо. По своей семантической принадлежности здесь встречаются различные типы слов. Первое, что бросается в глаза, — это небольшое количество слов, обозначающих конкретных лиц (мы не берем собственные имена), подавляющее большинство составляют лица, выражающие обобщенное, собирательное значение. Рассмотрим эту лексику более подробно.

Название лиц по профессии, роду занятий. Эти слова относятся к конкретной лексике, их, как уже говорилось, немного: *пастырь* 'пастух', *воитель* 'воин', *кормчий* 'кормщик', 'рулевой', *ваятель* 'резчик', 'скульптор', *жатель* 'жнец', *прелагатай* 'переводчик'. К этой же группе можно отнести *тать* 'вор', *винопийца* 'любитель пить вино', *отцеубийца* 'убийца отца', *смертоубийца* 'убийца', а также название лица по происхождению: *рабичищ* 'сын рабыни'. Все эти слова имеют в САР помету сл.

Более отвлеченное значение имеют названия лиц по жительству: *обитатель* 'житель', *согражданин* 'проживающий с кем-л. совместно где-л.'. Хотя оба эти слова и не значатся в САР как славянизмы, однако и по своей функции, и по формальным признакам их следует отнести к этой категории слов.

Имя существительное *обитатель* — единственное из однокоренных образований в САР, не имеющее пометы, все остальные слова — *обитать*, *обиталище* и др. — отмечены как сл. *Обитатель* в середине XVIII в. следует рассматривать как слово книжное, отсюда и употребительность его в высоком слоге, например: Разные обитатели, разными образы, разные члены разным великолепием, разные племена разными языками едину превозносят, о единой веселятся, единою всемилостивейшею своею Самодержицею хвалятся (Лом. ПСС, VIII, 236); Восплещут ли опять, играя, здешни воды: Ко обитателем придут ли дни свободы (Сум. СС, IV, 105); Как к сему мы прибыли брегу; то на нем был всюду народ обитателев Дивий (Трд. Тилемах., I, 107).[31]

Слово *согражданин* также не отмечено в САР никакой пометой, но имеет фонетические и словообразовательные признаки славянизма (неполногласие и префикс *со-*). В САР слово *гражданин* объясняется как синоним *горожанина* 'городской житель, обитатель', а *согражданин* — 'живущий совместно с кем-л. в каком-л. месте'. В середине XVIII в. этого значения у слова *согражданин* нам не встретилось. Оно получило более широкое значение 'соотечественник' и в этом значении употребляется в высоком стиле и в книжной речи вообще, например: Сии неудобства надежду почти объемлют, быть ей у каждаго из наших сограждан в употреблении (Рост., 26); Я нашел, что я рожден для познания Творца и натуры, для попечения о собственном своем благополучии, и для пользы сограждан моих (ЕС 1763, 58); Государь. . . ненависть и злобы наших сограждан укрощает (Эмн Фемист, 227); Законы гражданские суть приобретать имение без обиды ближнего, пользоваться своим, не трогать чужаго, любить своего согражданина и прочая (Коз., ФП, 78).

---

[31] Ср. употребление его синонима *житель*, которое встречаем в разных стилях языка всегда с конкретным определением: городской житель (Трут.1769, 259); жители нашей улицы (там же, 121); безграмотные жители (Лом. СС, I, 8); жители московские (Сум. СС, IV, 63); адский житель (Члкв Пересм., 97); восточные жители (Маркиз, II, 25); воинских слобод жители (МЗК, XIV, 17) и пр.

Название лиц по власти, господству. Таких названий немного, они обычно относятся или к богу (*зиждитель*), или к царю (*самодержец*, *самодержица*, *венценосец*), или к духовному владетелю (*архипастырь*), или вообще к лицу, обладающему властью (*владетель*, *вождь*). Слова, относящиеся к богу, царю, духовному владетелю, не отмечаются в САР как славянизмы,[32] но в определениях указывается ограниченный характер их применения, например: *Зиждитель*: 1) 'Создатель, Творец'; *венценосец*: 1) 'государь, державный владыка'; *архипастырь*: 'главный, первенствующий над церковными пастырями'. Все эти слова употребляются преимущественно в высоком слоге или в традиционных формулах, также обладающих стилистически приподнятой окраской. Приведем для примера употребление слова *венценосец*: Господь нисходит судиею, Судити истинной людей; Представит вышний пред него И венценосцев и судей (Сум. СС, I, 139, Ода дух.); Не венценосец я в великолепном граде, Но беззаконник злой, терзаемый в осаде (там же, IV, 32; ДС); И не взирая притом на самую царскую мудрость, Средство себе изобрел, обмануть того венценосца (Трд. Тилемах., I, 29). Даже иноязычное слово *архипастырь*, употребляясь в высоком слоге, приобретает в нем значение славянизма, — ср., например: Сего то проклятого былия ядом опоен и сей бездыханен лежащей пред очами нашим почтенный старец, царствующего града Архипастырь и истинный всего общества патриот (Кирилл, 4). Из слов последней предельной подгруппы два слова — *властитель* 'правитель, начальник какой-л. страны или народа' и *владетель* 'обладатель, правитель' — не имеют в САР никакой пометы, а два слова — *владыка* 'верховный обладатель, правитель, государь, повелитель' и *вождь* 1) 'начальник в воинстве', 2) 'всякий начальник' — имеют помету сл. Значения у них очень близкие, а употребление также ограничивается пределами высокого слога; приведем примеры: Пускай рабы его боготворят; Отрекшиеся от Рима чада За то властителя благодарят, Что фуриям не равен ада (Княж. Соч., I, 96); А мы благодарим вещая и поя, что мы твои рабы владыко (Сум. СС, I, 8, Ода дух.); Хвала всевышнему Владыке, Потщися дух мой воссылать (Лом, СС, I, 25, Ода дух.); Легко ль владетелю с престола нисходить (Сум. СС, III, 38, Хорев); От которых напоследок вселенныя вождь и великаго совета Ангел предизыде (Анчкв 1769, 5). Если эти слова встречаются в других стилях, то они также употребляются только в определенных книжных формулах, например: земные владетели (Лом. Псс, X, 546); боги властители (Члкв Пересм., II, 100); Зовут его владыкой и отцом и господом творцом (Сум. СС, VII, 145).

[32] Но ряд слов подобного типа отмечены в САР как сл., например *господь*, *всезиждитель*, *низподавец*, *крститель*, *священнопредстоятель*, *создатель*, *верхотворец*, *властодержец*, *правитель*, *государь*, *повелитель* и *вождь* 1) 'начальник в воинстве'.

Название лиц по действию, деянию. Имен по деятельности в высоком слоге более, нежели названий других лиц, что объясняется более отвлеченным и обобщенным характером этих имен, соответствующим поэтике классицизма. Все эти имена выражают положительную деятельность, т. е. деятельность, достойную похвалы, уважения, подражания. Из этих имен, отмеченных в САР как славянизмы, в высоком слоге встречаются такие, как *поборник*, *поборница*, *вития*, *делатель*, *мздовоздаятель*, *подвигоположник*, *причастник* и некоторые другие. К высоким словам, относящимся к названию лиц, следует отнести еще целый ряд других, хотя и не отмеченных словарем как славянские, но употребляющихся в высоком слоге XVIII в. в этой функции. К ним относятся, например, *преобразитель* и *поразитель* (Наталия произвела Того, кто наш преобразитель, И славны все его дела. Врагов был сильной поразитель Странам миролюбивым друг — Сум. СС, II, 125), *предстательница* (А ты, Екатерина, буди Предстательницей у Петра — там же, 32), *содетель*, *рачитель*, *страстотерпец*, *сердцевидец*, *даровательница* и др.

В большинстве случаев лицами, называемыми данными именами, выступают или бог (Боже сердцевидец! Зри слезы, извлеченные благодарностию за твое к нам милосердие — Фнв. СС, II, 77; Россия! для тебя Содетель на трон возвысил добродетель! — Хрс. Тв., I, 82; Премудрый всея вселенныя творец и промыслитель устрояя блаженство человеческаго рода, никому не дает ничего без довольной причины — Дамаск., 39), или государь (Благодарите убо благодарите, всеми душевными силами вашими, о несмыслении галате, сицевую жития вашего даровательницу премилостивейшую — Маркелл, 16), или другие высокопоставленные лица, например при упоминании об архиепископе Амвросии (Сумневаться кажется не для чего, что сей страстотерпец — Кирилл, 6) или в обращении к меценату Шувалову (Начало моего великого труда Прими предстатель муз, Как принимал всегда Сложения мои, любя Российско слово — Лом. ПСС, VIII, 696). Следовательно, названия лиц, встречающиеся только в высоком слоге и относящиеся к лицам высокопоставленным, следует относить к разряду стилистических славянизмов.

Отвлеченные имена

Из отвлеченных имен следует выделить небольшую группу слов непроизводных, которые имеют наиболее широкое распространение в высоком слоге. Это следующие слова: *живот*, *мзда*, *благо*, *пря*, *ков*, *иго*, *вина*, *ярем*. Приведем лишь два примера. *Вина* ‘причина’: Но если все слова исчислить и подробно, Вину сей хладности поняти мне удобно (Княж. Соч., I, 14); Он друг! но что виной приязни. Беда и ужас, ад и смерт (Птрв, 88, Ода). *Живот* ‘жизнь’: Моя у бога просьба та, В его чтоб жить селеньи, И тамо время живота Пребыть в уединеньи (Сум. СС, I, 32, Ода

дух.); Доколе, Господи, без гневу На злость их будешь ты взирать? Не дай, не дай ты львову чреву Живот мой до конца пожрать (Лом. ПСС, VIII, 378, Ода дух.); Не сыщутся ли и из нас, которые, хотя не на деле, однако на слове, не одного убили; а ежели б могли, то б животу не спустили (Стеф., 5); Восприяв над мятежниками власть, простил им преступление; он спас живот всех тех, кои хотели похитить от него империю (Фнв. СС, II, 226).

Кроме того, встречаются достаточно широко отглагольные имена, образованные от тех глаголов, которые также имеют широкое распространение в высоком слоге, такие как *стязание*, *рачение*, *устрабление*, *попрание*, *сретение*, *осияние*, *лобзание*, *течение* и некоторые другие.

Имена прилагательные

Целый ряд прилагательных церковнославянского происхождения в их прямых значениях, синонимичных словам русского языка, также были широко распространены в высоком слоге в функции славянизмов. Наиболее часто встречаем такие слова, как *велий* 'большой', *доблий* 'мужественный', *облый* 'огромный', *слячен* 'горбатый', *сирый* 'лишенный родителей, беззащитный', *горний* 'высокий', *грядущий* 'будущий', например: Но бог от горних мест возведши смутный взор, В отмщение послал на Орды глад и мор (Хрс. Росс., 58); Престаньте друга вы равнять с богами И удалять его от вас до горних стран (Княж. Соч., 182); Даритель мзды, защитник сира, Потщись прослыти богом мира (Птрв. 149); Защитник бедных он и сирых он отец (Сум. СС, I, 89); В объятия сердец царицы Текут и сиры и вдовицы (Хрс. Тв., VII, 155); О други! сиры став в опасностях безмерных, Пойдем и призовем срацын единоверных (Хрс. Росс., 43). В ряде случаев встречаются целые гнезда, образованные от именных основ, особенно часто встречаются в высоком слоге такие, как *алчный* 'ненасытный', *алчба* и *алчь*, *алкать* 'быть несытым, голодным', или такие, как *благо* 'добро', *благость*, а также масса словосложений с первой частью *благ-*: *благотворящий*, *благоспешный* и др.

Глаголы

Среди глаголов, признаваемых славянскими, употребляются в высоком слоге такие, как *гобзовать* 'изобиловать', *непщевать* 'думать', *непщеваться* 'думаться', *одождить* 'орошать дождем', *осенить* 'отбрасывать тень', *отревать* 'отметать, отторгать', *умащать* 'намазать мастью', *обитать* 'жить', *помаать* 'помахать', *дерзать* 1) 'осмеливаться', 2) 'не бояться'. Все эти глаголы отмечены соответствующей пометой в САР и встречаются только в высоком слоге.

Бóльший интерес представляет другая группа глаголов, которые не отмечаются словарем как славянские, однако их упот-

ребление в высоком слоге и стилистическая тональность позволяют их также причислить к славянизмам. Это могут быть глаголы однозначные и многозначные, все значения которых проявляются только в высоком слоге. Из однозначных глаголов приведем лишь один — *лобзать* 'целовать'; в середине XVIII в. он употребителен почти исключительно в высоком слоге во всех его жанрах, например: Лобзаю я черты, черты руки любезной, И орошает их очей моих ток слезный (Княж. Соч., 67); Объемлют все вождя и друга своего, Лобзая зрак его Слезами омывают! (Птрв, 64); О вы, блаженные места! Где храбрый готов победитель Лобзал и в очи и в уста Впервые плод свой вожделенный (Лом. СС, I, 71, Ода); Но где велегласнее милость на суде хвалится, где крепче объемлется правосудие и милосердие, где обвинение и прощение теснее сопрягаются, где осуждение и освобождение союзнее друг друга лобзают, как пред высочайшим ея величества престолом? (там же, 202).

Из многозначных глаголов отметим *попрать*, имеющий три значения: 1) 'топтать ногами', 2) перен. 'уничижать, одолевать', 3) 'побеждать'. В САР второе значение отмечается как славянское, но в середине XVIII в. этот глагол выступает во всех своих значениях только в высоком слоге и целиком может быть отнесен к славянизмам. Приведем примеры на все значения этого слова. В первом прямом значении: Взнесен к безоблачным странам, Ногами тучи попирает (Лом. СС, I, 72, Ода). В значении 'победить' встречается в высоком слоге очень часто: Змия и льва попрет, И жало аспида притупит (Сум. СС, I, 132, Ода дух.); Сей витязь целый полк един попрать удобен (Хрс. Росс., 45); Панин поправ и покорив разные орды, от непреодолимой некогда Бендерской крепости твоей, отняв храброю рукою ключи, вручает самодержице всероссийской (Зыб. 1773, 6). Также употребительно оно и в переносном значении 'одолеть, уничтожить': Попирать невежество и всех добродетелей примером быть (там же, 1768, 40); Гнусность суеверия попрать и истребить, а тела нашего здравие соблюсть, защитить и снабдить возможным (Трд. СП, II, 268). Такого же рода славянизмами являются и некоторые другие глаголы во всех своих значениях, например *сретать* и *стяжать*. Некоторые же глаголы имеют в высоком слоге более ограниченное употребление. Их значения реализуются лишь в весьма ограниченных сочетаниях и являются фразеологически связанными. Так, глаголы *отверзать—отверзнуть—отверзнуться* в значении 'открывать, открыть, открыться' в высоком слоге употребляются также в весьма ограниченных сочетаниях, обычно со словами *врата*, *двери*, *уста*. Глагол *отверзать—отверзнуть* может быть употреблен в этих сочетаниях в своем прямом значении, например: Отверзите во храм мне Господа врата (Сум. СС, I, 175, Ода дух.); Уже сильней стеснен пощады Белград просит, Россиянам ключи с почтением износит; Отверз врата и все героям поручил (Птрв, 133); Когда уста отверзешь И мудростью

дохнешь, В нас вихрь страстей умолкнет (там же, 136); Тогда, созвав богов Зевес-громодержитель На высочайшей верх холмистого Олимпа Отверз уста свои (Лом. ПСС, VIII, 174); Отверзи недра днесь Россия, Где злато, стакти и кесия (Птрв 146); Им недры море отверзало (Сум. СС, I, 157, Ода дух.). В таких же сочетаниях глагол *отверзать* может приобретать метафорический характер, это также очень характерно для высокого слога, например: Отверзи в жизнь младенцам двери (Птрв, 104); Уже врата отверзло лето (Лом. ПСС, VIII, 103); Широки та отверзла двери Наукам, счастью, тишине (там же, 564). В тех же сочетаниях встречаем и глагол *обверзнуться*. Глагол *расторгнуть* в значении 'разорвать' также в высоком слоге выступает как славянизм в сочетании *расторгнуть узы*, например: Родриг с Шименою уже спряжен не будет. Я требовал того — она его забудет! Их узы я расторг отныне навсегда (Хрс. Тв., V, 16); Расторгнул узы наш орел (Нртв, 1).

Наиболее распространенными в высоком слоге были две группы глаголов: глаголы говорения и глаголы движения. Постоянно присутствуют в произведениях выского слога следующие глаголы говорения (все они или полные синонимы, или слова, близкие по значению): *вещать* 'говорить', *глаголати* 'говорить', *проглаголати* 'проговорить', *рещи* 'говорить', *произрещи* 'проговорить', *гласить* 'говорить'. Все они, кроме *гласить*, имеют в САР помету сл. и являются постоянными компонентами высокого слога. Глагол *гласить* хотя и не имеет пометы в словаре, но по характеру употребления и стилистической окраске выступает в высоком слоге в ряду прочих торжественно окрашенных глаголов говорения, например: Сия ли даст умолкнуть звуку, (Гласит простерши перст на внуку) Моих, твоих великих хвал (Птрв, 27); Гласи, гласи, ты всякой твари, Что есть на свете государи Щастливящи своих людей (Хрс. Тв., VII, 103, Ода); Согласно многия языки Гласят к монархине своей (Лом. ПСС, VIII, 101, Ода); О Муза, усугубь твой дар, Гласи со мной в концы земныя Коль ныне радостна Россия (там же, 221).

Также широко употребительны в высоком слоге глаголы, обозначающие видение: *взирать* 'смотреть', *зреть* 'видеть', *зреться* 'видеться', *узреть* 'увидеть', все они, кроме *взирать*, отмечены в САР как славянские. Однако и глагол *взирать* в высоком слоге имеет ту же стилистическую окраску, как и прочие перечисленные глаголы, ср.: Взираю на врагов я бодро (Сум. СС, I, 6, Ода дух.); Ведая, что бог и божию власть на земли имеющие не столько на хитросплетенные риторения сложения, сколько на чистое усердие взирают (Лом. СС, I, 208); Господь на праведных взирает, И их в пути своем хранит (там же, 6, Ода дух.); Теперь он сам себя терзает Когда из вечной тьмы взирает (ЕС 1755, 167); Дабы первой тебе Елисавете, быть первейшим, и всегдашним живым образцом, на который бы взирать предержащим впредь Всероссийским обладателям! (Трд. СП, II, 307, Слово); О боже!

есть ли я тебя не прогневляю, Что по злодействе сем на небеса взираю (Сум. СС, III, 70, Гамлет); Я мыслию одной на их взираю слезы (Птрв, 71); Взирайте на сей опыт ея (монархини) усердия к отечеству (Зыб. 1768, 46). В произведениях низкого слога слово *взирать* воспринимается как нарочито употребленное для выражения иронии, насмешки или презрения, т. е. также является выразителем той или иной экспрессии, например: Взирает на него девица и хохочет, А он Не хочет выйти вон (Сум. СС, VII, 228, Притчи); Высокопарным наполнен воображением о своей превыспренней учености. Взирает с презрением на всех писателей (Трут. 1769, 279). Встречаем также глагол *взирать* в середине XVIII в. у тех писателей, которые ориентируются на книжную речь, — у Елагина, Эмина, в переводах Фонвизина. Все это свидетельствует о стилистической окрашенности данного глагола, в силу этого уместного в высоком слоге.

Из глаголов движения наиболее распространенными в высоком слоге были глаголы-синонимы *грясти*, *шествовать* и *течь*, имеющие общее значение 'идти'. Из них только глагол *грясти* отмечен САР как славенский, причем определяются они один через другой (*течь* 'бежать, идти'; *грясти* 'шествовать, идти, течь'; *шествовать* 'грясти, идти'). По своей функции в высоком слоге они совпадают, и все они в отличие от чисто русского синонима *идти* являются стилистическими славянизмами; ср. их употребление:

грясти: И ты, Ментор, гряди же, величайший и мудрейший точно Всех человеков (Трд. Тилемах., II, 199); С священным трепетом грядет за старцем царь (Хрс. Росс., 164); О ты, котораго Россия Давно от чресл Петровых ждет, Для коего мольбы святыя Елисавета к богу льет, Гряди, гряди, гряди поспешно (Лом. СПС, VIII, 505, Ода); Гряди в нерукотворенный дом божий в гласе радования (Боровск., 10);

шествовать: Я хранитель сей державы, В небе всемогущий рек: Россы, шествуйте в храм славы: Расцветет Петром наш век (Сум. СС, II, 10, Ода торж.); В толикой праведной печали Сомненный их смущался путь, И токмо шествуя желали На гроб и на дела взглянуть (Лом. ПСС, VIII, 201, Ода); Монархиня благоутробна Противной шествуя стезей, Без грому небесам подобна (Птрв, 25, Ода); Зиждитель Российский империи Великий Петр своим могуществом открыл нам путь, по которому во свет шествуем (Трат., 8);

течь: Парнас Российский обновился, И музы вслед тебе текут (Нрвт, 5); Во грозну тучу так сложенны На Россов варвары текли (Птрв, 42); Москва усердием горела, Подняв главу, она смотрела На путь, которым ты текла (Хрс. Тв., I, 117).

Глагол *течь* дает в высоком слоге много производных приставочных глаголов, которые также являются славянизмами по своей функции: *утекать* 'уходить' (От беззаконных утекаю, Не льщу злодеям, не ласкаю, И не стремлюсь людей губить —

Сум. СС, I, 50, Ода дух.), *потечь* 'пойти' (Отселе потечем, устроясь к важной брани — Хрс. Рос., 31), *претекать—претечь* 'миновать' (Роды людей претекают, как струи рек пребыстрых — Трд. Тилемах., II, 115; Хан Крымский между тем Рязань уже претек — Хрс. Росс., 104), *притекать* 'приходить' (А притекающих ко милости своей, Обрадуй, и непрестанно дай им, боже, веселиться — Сум. СС, I, 5, Ода дух.), *протекать—протечь* 'проходить' (Ищу защитника, весь город протекаю, Хочу его обнять, и тень одну сретаю — Хрс. Тв., V, 47; Везде твои стоят трофеи, Где током Россы протекут, Где токмо буйные злодеи Занять их быстрой путь дерзнут — Птрв., V, 49, Ода). Из других глаголов движения, обозначающих быстрое перемещение, употребляются в высоком слоге *гонзать* 'убегать, уходить' (Так человеки гонзают как цветы раскинувшись в утро, В вечер желтеют увядши, и упадают под ноги — Трд. Тилемах., II, 115) и *ристать* 'прытко бегать или ездить' (И буйный скот, не зная кова, Орудие греха чужова, Привыкший по полям ристать, Узде послушен властелина — Птрв, 35).

Наречия

В ораторской прозе встречаем большое количество наречий, отмеченных в САР как сл. Это такие как *абие*, *вотще*, *вкупе*, *вспять*, *всуе*, *днесь*, *доколе*, *едва*, *едали*, *зане*, *зде*, *зело*, *идеже*, *како*, *колико*, *издревле*, *инако*, *коль*, *кольми*, *купно*, *ныне*, *наипаче*, *отвне*, *окрест*, *отселе*, *отсюду*, *оттуду*, *паки*, *паче*, *присно*, *поколику*, *поныне*, *потолику*, *тако*, *такожде*, *тамо*, *токмо*, *толь*, *толико*, *точию*. Наиболее устарелые из них — *абие*, *едали*, *зане*, *зде*, *кольми*, *отвне*, *присно*, *точию* — можно встретить лишь в проповеднической литературе: Многомилостивый и человеколюбивый бог, на всякое время, и на всяк час, беззаконьми нашими прогневляемый, раздражаемый, и огорчаемый, не абие умерщвляет нас, но долготерпит нам (Стеф., 6); Едали может еще на земли и во плоти сий, в гневении проницать небеса, и приходити прямо ко богу во свете неприступном сидящему? (Мог., 5); И зде сед между учительми, всех их препрел (Маркелл, 3); А может быть и неправедное притяжение богатства, один ласковый прием от начальника, кольми паче тесняя доверенность от государя и от правительства подымают нас (Макарий 1782, 10). Целый ряд этих наречий встречается очень часто во всех видах ораторской прозы, а также в высокой поэзии; это наречия *всуе*, *днесь*, *купно*, *ныне*, *паки*, *паче*, *тако*, *токмо*. Приведем некоторые примеры: Се сонм матерей, лик дев, множество младенцев общих всем желаниям последуют: простирают руки к объятию твоему, отверзают двери купно сердец (Вениамин, 3); Ты купно страдала с Павлом и Россиею и вкушаешь с ними днесь общее веселие (Фнв. СС, II, 187); При возвышающемся познании человеческом о вещах возвышается купно и человеческое понятие о боге (Анчкв

1769, 133); Пойду спасти его, иль купно умерети (Княж. Соч., I, 47, Дидона); Мзда оная есть радость, паче всякая радости (Чарн., 10); Сие благословенное обитание Российского величества, Петром избранное, основанное, укрепленное и потомками, паче же дщерию его распространенное и украшенное (Лом. ПСС, VIII, 814, Слово); Но великие те живописцы, как Зевко, Парразий, Тимент Апелла и Протоген красоту и превосходство своей работы послали не в приятности или блеске и нежности красок, но паче изящности искусства (Рейхель 1770, 22); Там в ризах истинна нетленных И паче снега убеленных, Полна природныя красы (Птрв, 7, Ода); С тем расстались мы вечно, Перед вышним согрубя, Что любили мы сердечно, Паче, нежели себя (Сум. СС, II, 33, Ода торж.). В высокой поэзии некоторые из этих наречий весьма редки, например *абие*, *едали*, *зане*, *зде*, *кольми*. Они встречаются лишь у таких писателей, как Тредиаковский и Петров. Но остальные наречия очень распространены во всех жанрах высокой поэзии.

Числительные

Изредка встречаются во всех жанрах высокого слога старые формы числительных или наречий, от них образованных; более всего таких слов в проповеднической литературе, например: Древо сие не всяко плотоядныя, но человекояды и птицы, Остерман и Миних с своим стадищем начали стали чрез двонадесятолетие обеспокоивавшие, сещи и терзати (Флор., 14); Егда бо по таким увещаниях. . . да и сряду в седмь сии постныя недели (Вас. В., 4); По всяк день седмижды, и более целую псалтирь читал (Стеф., 8); Сие избрание кроме других бесчисленных и великоважных дел, в тридесять лет содеянных, оправдала Она (Дамаск, 1792, 4); Он на третиямнадесять году возраста своего вступил в действительную службу простым только воином (Макарий 1782, 5). Также в ученых речах: Февраля во второенадесять число, по окончании вечерней зари появилось ясное северное сияние (Лом. СС, II, 83); Сия истинна в прошедшем веку славным г. Роббертом Бойлем, первым указана, токмо по четыредесятый год текущаго века почти в небрежении оставалась (Рост, 19). Однако и в поэзии встречаем подобные образования типа *стократ*, *стократно*, *седмь* и неопределенно-множественное *многажды*, например: Простри свои, о Муза! взоры На степи, на леса, на горы, Где седмь морей вокруг ревут (Хрс. Тв., I, 93, Ода); Приятней мне стократ На троне имя человека (Княж. Соч., I, 82); Благополучен я стократно, что в сей златой мне жити век Судило небо благодатно. В кой всякой весел человек (Птрв, 17, Ода); О матерь! руку к нам простри. Ее стократно лобызая, Мы будем счастье целовать (Хрс. Тв., I, 117, Ода); Трикраты небо осветилось (там же, 185); Многажды очи свои отвращал с сожаления крайня (Трд. Тилемах., II, 80).

Союзы

Особенно много славянизмов в области союзов встречаем в проповеднической литературе, часто употребляются там союзы и союзные слова *аще*, *аможе*, *бо*, *дондеже*, *егда*, *еже*, *обаче*, *убо*, *иже*, *еже*, *юже*. Эти союзы характерны только для этого вида ораторской прозы, в других же жанрах высокого слога они неупотребительны. Приведем некоторые примеры: С сим гряди, аможе назван еси (Боровск., 10); Взыти бо умне на небо, есть умне бога видети (Мог., 5); Кто мне даст сребренныи трубы оныи, еже сочинив великий во пророцех Моисей боговидец, возгремел в полках иудейских (Вениамин, 1).

Союзы же *аки*, *поелику*, *яко*, *якобы* являются более распространенными и в других жанрах высокого слога, все они широко известны в других видах ораторской прозы, например: Творец его намерениям предприятиям поспешествует во благое, и аки бы единственно для него, оставя на юге и возлюбленныя себе издревле места, ныне в полночных странах невечерний Россу зиждет познания свет (Дсн. 1768, 4); Сим однако начала наук сперва должны быть весьма необширны, просты и почти всему обществу известны; поелику на природном и живом языке преподавались (Трт., 17); Воздух движется ветрами по большей части с прилежащего от запада моря, якобы с намерением — для умягчения зимних морозов (Лом. ПСС, VIII, 812, Слово); Того ради неосновательны суть оные страхи, которыя во время явления комет бывают, затем что многие верят, якобы великие потопы на земли́ от них происходят (там же, 97, Слово). В высокой поэзии из всех этих союзов изредка встречаются *аки* и *яко*: Клокочет, как котел, вздымаясь океян, Багреет, аки кровь, весь трупами устлан! (Птрв, 65); Источник и создатель света, От Александра взяв ребро, Да будет— рек — Елисавета! И виде, яко есть добро! (Хрс. Тв., VII, 188).

Кроме указанных союзов, которые и в САР отмечены как славянские, в высоком слоге середины XVIII в. во всех его жанрах находим еще целый ряд союзов, не отмеченных словарем как стилистически окрашенные, но по функции выполняющие ту же роль, что и прочие славянизмы, — это союзы *буде*, *дабы*, *ибо*, *понеже*. Приведем пример: Буде же языческая философия в ночном своем лунном сиянии, не подавши никакого твердого и известного упования, так некоторых просветила и в спокойствие утвердила: то не стыдно ли будет нам христианам ужасаться смерти? (Боровск., 3); Буде же возбудить надобно мысли живые или ужасные, то покажутся картины, представляющия гром и молнию (Крафт, 13); Возвысил бог небесную твердь, смешав оную с приятною влажностию, дабы изливала росу и дождь (Феоф., 9); Потом и обращать ея (машину) надобно ежедневно, дабы успех видеть желаемый (Рост, 26); Ныне время уже взглянуть во все три владычества многообразныя натуры, дабы хотя вкратце показать, коль велико есть сходство в сложении животных, произрастающих и мине-

ральных вещей с сею системою (Лом. ПСС, III, 339, Слово); Ибо узревши его дщи Фараонова в малой ладиице плавающа, повелела взяти его (Амвр. 1741, 4); Но понеже мир против сей смиренной евангельскою кротостью украшенной премудрости выставляет свою высокоименитую философию, и хитросплетенныя мудрования, то какое между ими есть различие (Платон 1764, 2); А понеже сей образ жизни никаким другим способом столь удобно не снискивается, как художественным промыслом; то отсюда мы свободно можем заключить, что художество издревле и по ныне во всех государствах всегда предваряют науки (Трт., 15); А понеже по академическому регламенту во всяком публичном собрании надлежит читанному быть в ученых делах сочинению,. . . то я к исполнению сего порученного мне дела выбрал такую материю, в которой несколько времени трудился (Рихман, 4); Понеже воздух составляющий части, которыя к совершенному изъяснению вещей необходимо нужны, от всех наших чувств удалены, того ради не точное онаго определение, но токмо описание предлагаю (Зыб., 6). Также и в высокой поэзии, например: На толь мое чело покрылось сединой, Дабы дождаться мне ругательства такова? (Хрс. Тв., V, 9); Дабы Российский род во веки помнил твердо, Коль небо, ты ему явилось милосердно (Лом. ПСС, VIII, 699); Услышит мя Господь во дни твоей печали; Дабы потоки слез очей не омочали (Сум. СС, I, 22, Ода дух.); Коль неусыпно испытуют, ко премноженью всякой путь! И како время испытуют, Понеже дни лукавы суть! (Ода 1755, 8); Надежда стран его венчание днесь в тебе, Понеже всякой чин способен ждать себе (Лом. ПСС, VIII, 70).

Местоимения и частицы

Встречаются в высоком слоге местоимения, признаваемые словарями славенскими, — это такие как *коликий*, *толикий*, они встречаются во всех видах ораторской прозы и высокой поэзии; в проповеднической литературе таких местоимений больше, там встречается *сицевый:* О блажении сынове Россйстии, сицевую премилосердую матерь стяжавшии! (Гребн., 13); Благодарите убо благодарите, всеми душевными силами вашими, о немыслении галате, сицевую жития вашего даровательницу премилостивейшую (Маркелл, 16).

Кроме того, в проповеднической литературе встречаются старые формы некоторых местоимений, отсутствующие в других жанрах высокого слога, например форма 1-го лица единственного числа личного местоимения 1-го лица *аз* (О нем же аз зело кратко возглашаю — Маркелл, 6), форма винительного падежа множественного числа личного местоимения 1-го лица *мы* (Проженем конечно, проженем тмы нападающих на мы духов — Мог., 14), форма винительного падежа единственного числа личного местоимения 2-го лица *тя* (Да возложит он на тя венец правды дей-

ствительно — Кирилл, 7; Молим убо тя, О неизмеримая благости бездно! — Стеф., 14).

Славянские частицы *да*, *ниже*, *се* встречаются во всех видах ораторской прозы: Ангели хранители да предшествуют тебе (Макарий 1782, 12); Да обрящете защиту против самого меня (Фнв. СС, II, 218); Божественный промысел да осеняет свыше благостию своею (Рост, 33); Обаче мы дремлюще ни видехом, нижѐ чувствахом (Флор., 14); Не токмо слабым моим словом, но ниже самым полным красноречием начертано быть может (Лом. ПСС, VIII, 808); Се Павел, отечества надежда (Фнв. СС, II, 187); Се ныне блистает. . . всемилостивейшая самодержица (Крафт, 2).

В проповеднической литературе встречаем еще и устаревающую частицу *неу*: Зрем же како сие из лиха Адамантову злобу молитва умягчила, и неу совершенная молитва, но токмо начинание ее (Мог., 7).

В высокой поэзии из этих частиц употребительны лишь две — *се* и *да*, например: Да помрачится путь их мглою, Да будет ползок и разрыт, И Ангел мстящею рукою Их вслед гоня, да устрашит (Лом. СС, I, 12, Ода дух.); Да укреплю десницу вашу, Вас силой свыше препояшу (Птрв, 53, Ода); Се зрю противный дом! несносные чертоги! (Княж. Соч., I, 16, Диона); Се обновилось благоденство, Не зрим мы счастию помех (Нртв, Ода, 2).

§ 7. Общей чертой для состава лексики высокого слога является наличие в ней слов с фонетическими вариантами, признаваемыми славянскими в противоположность их русским дублетам. Наиболее обширной из этих лексических групп является лексика с так называемым неполногласием. Во всех видах и жанрах высокого слога постоянно встречаются такие слова, как *блато*, *брада*, *брег*, *врата*, *власы*, *вран*, *град*, *градский*, *глава*, *глад*, *гладный*, *глас*, *драгой*, *древо*, *злато*, *златой*, *здравие*, *здравый*, *клас*, *младой*, *младость*, *млат*, *млеко*, *мравий*, *мраз*, *пред*, *премена*, *престать*, *сребро*, *средина*, *хлад*, *хладный*, *чреда*. Приведем некоторые примеры. В поэмах: Войско свое поспешил он привесть между становищем, Вполы сгорелым тем, и меж влажною топию блата (Трд. Тилемах., II, 79); Монархини моей вы нраву подражайте И гласу моему со кротостью внимайте (Лом. ПСС, VIII, 699); И Волжские струи погнав на тучны браги, Подул из хладных уст мятель, морозы, снеги (Хрс. Росс., 4). В одах: Вокруг тебя цветы пестреют И класы на полях желтеют (Лом. ПСС, VIII, 196, Ода); Се слышан глас всего народа: Екатерина нас спаси (Нртв, 2); Прекрасны брачныя венки оплетши вы Наденьте оные на счастливы главы (Булгар., 5). В трагедиях: Спираяся у врат из храма все стремятся. Посол Гетульский там; мечами там разятся (Княж. Соч., I, 45, Дидона); За стены градские пошли от сель они; У них написан гнев в очах (Хрс. Тв., V, 28, Цид). В проповеди: Доколе вино? до коего времени Пиянство? В бедствии ты находишься блатом быть, вместо человека. (Вас. В., 11); Здесь паки растворяется болезнь наша: паки глас плача просвещает печаль сердца (Мака-

рий 1782, 11); Царствующаго града архипастырь (Кирилл, 4); Аще не можно здравием, понуди и болезньми (Стеф., 15); К приобщению духовныя манны сея приглащаются все, вельможи и простолюдины, богатыи и убогии, старые и младые, здравые и немощные (Амвр., I, 10); И так труд их несть тощ пред Господом (Феоф., 17). В похвальных словах: Прадед Марка Аврелия родился на брегах реки Тага (Фнв. СС, II, 195); Сему священному церкви святыя гласу согласуется всех подданных желание (Лом. ПСС, VIII, 234); Здравие сей дражайший людям дар небесный, возвращено было Павлу (Фнв. СС, II, 192). В ученых речах: Древа превеликия и множеством лет укрепленныя искореняются (Рост, 14); Соседние державы, в брани изнемогая, главы свои преклоняют под его покровительство и заступление (Дсн. 1768, 188); В сей торжественный день должны сердца наши соединиться с молениями и желаниями, и в стенах града сего раздаваться гласы хваления (Рейхель 1762, 1); Усугуби здравие пекущейся о нашем благополучии, да милость твою к нам в ней всегда взирая, тебе благословим и хвалим (Зыб. 1766, 24).

Кроме того, в высокой поэзии можно встретить ряд редких слов с неполногласием, например: *вреск* (Но наконец, услышав глухий вреск,* [**вереск, ворчание*] мало помалу Там по всему собранию уже разглашавшийся громче — Трд. Тилемах., II, 131); *собречь* (Чтить Ярба и желеть, вот все, что я могу; И дружество к нему вовеки собрегу — Княж. Соч., I, 24, Дидона). Особенно много таких случаев в поэзии В. Петрова: *класный* (Там груды мертвых тел, стояли где толпы, Лежат, как класные, в дни жатвенны, снопы — Птрв, 217), *кратить* (Не редко военыя помехи кратят ганиибалов успехи — там же, 115); *предний* (Теснятся предним над Дунаем, Но задним воинства их краем В Стамбуле движутся еще — там же, 36).

§ 8. Следующим фонетическим признаком славянизма является наличие *щ* на месте русского *ч* в некоторых лексемах; во всех видах высокого слога постоянно встречаются следующие лексемы: *нощь*, *полунощь*, *нощной*, *свеща*, *пещь*, *тысяща*, например: Единым образом мы на свет рождаемся, а тысящами умираем (Кирилл, 2); О колико нощей вотще вы без сна пребыли! (Вас. В., 4); Свидетель есть сия наук Академия, толь многими тысящами книг, толиким множеством естественных и художественных чудес снабденная и призванием славных во всякаго рода учении мужей основанная (Лом. ПСС, III, 21, Слово); Пусть мрачность пламенным размахом разделится. Усердие в сердцах ярчае воспалится. Цветами разными возженныя свещи Являют каждыя веселие души (там же, VIII, 644, Ода); И криками нощные враны, Предвозвещая кровь и раны, Все полнят ужасом места (Птрв, 33). У отдельных авторов встречаем слово *плещи* 'плечи': Но что когда орел плещи ему подставит, И станет в высоте поддерживать его? (там же, 160). В формах следующих глаголов также постоянно встречаем вариант с *щ*: *хощет*, *мещет*; например: Твори убо еже хощеши

Сауле, изостряй меч, мещи копия (Гребн., 9); Если я утесню вас когда-нибудь, хощу, о римляне! до обрящете защиту против самого меня (Фнв. СС, II, 229); Море, волны отрыгнув, корабли всюду мещет, подобно как играя оными (Рост, 13); Своим любопытством и изысканиями он хощет свету доказать, сколько росс один в состоянии обитать и в самых неприступных народам странах (Дсн. 1768, 169); Весь движется народ, от звука храм трепещет. Как волны страшныя к брегам вихрь сильный мещет (Княж. Соч., I, 48). Гораздо реже употребляются следующие лексемы с *щ*: *извлещи*, *пещись*, *тещи*, *нарещи*, *отвещает*, *протещи*. Но и они присутствуют в разных жанрах высокого слога, например: Вси единогласно отвещают: слава богу! (Стеф., 3); Легко словами сказать: тридесять лет, но не легко оныя протещи (Дамаскин 1792, 9); Позволь тако нарещи тебя старцу, зревшему твое рождение (Фнв. СС, II, 229); Рукою показав Москву окровавлену, Другою вкруг нее сиянно море зла, Взрыдала, и рещи ни слова не могла (Хрс. Росс., 7); Но извлещи из него он правды не возмога, Вот что ему сказал (Трд. Тилемах., II, 134); Крови народной не должно тещи, как того жде народа На спасение в нужде крайне и необходимой (Трд. Тилемах., I, 81).

§ 9. Сочетание *жд* на месте русского *ж* наблюдаем в высоком слоге в немногочисленной группе глагольных форм, таких как *провожду*, *прихожду*, *увижду*, *посажден*, *вижду*, *вижль*, *дажль*, *заглаждает*, *труждайся:* А вы, сыны достойны Рима Отца в опасности ужасной зрима Храня, должны его повсюду провождать (Княж. Соч., I, 128); Жестокость странну умеряет, Которой буйствовал дракон, Черты кровавы заглаждает В его преданиях Солон (Птрв, 24). Особенно много таких форм в проповеднической литературе, там встречаются такие формы, которых нет в других жанрах высокого стиля: От уст твоих раб лукавый сужду тя (Маркелл, 11); Не предаждь нас до конца ожесточению нашему (Стеф., 14); Душе! имаше и блага много лежаща на лета многи, почивает, яждь, пий и веселися (Макарий 1782, 10). Из прочих слов с этим сочетанием следует отметить слово *чуждый* в значении ‘чужой, не свой’. Хотя в середине XVIII в. между словами *чуждый* и *чужой* уже произошло семантическое размежевание, однако в высоком слоге слово *чуждый* могло употребляться в значении ‘чужой’: Се прибываю, на многих толь потоплениях бурей, К брегу чуждому сему искать спокойствия мала (Трд. Тилемах., II, 161).[33]

[33] В конце XVIII в. слово *чуждый* в значении ‘чужой’ дьвольно часто употребляется в поэтической речи у представителей как старого, так и нового слога, что дает возможность говорить о том, что *чуждый* в данном значении начинает свой путь к переходу в поэтическую лексику. См. употребление его в поэзии конца XVIII в.: Народы чужды к нам сберутся Вкусить покоя и добра (Држ. Соч., I, 75); И без примеса чуждых вод Поит златые в нивах реки (там же, 247); В стране, где чуждо разрушенье, На вечности учреждено, Средь мирной тишины в себе погружено, Бессмертие — злым казнь, а добрым утешенье (Нел.-Мел., 146).

§ 10. Из слов с начальным *е* вместо русского *о* встречается в произведениях высокого слога постоянно слово *единый*: Могуль единый час врага во счастьи зреть (Княж. Соч., I, 27); Единый только бог мне милости покажет; Да мой злодей о мне, что я погиб не скажет (Сум. СС, I, 14, Ода дух.); Ты тем всех выше рек, что устьями своими Сливаясь в сонм един со безднами морскими, Открыла посреде играющих валов Других всех прежде струй пучине зрак Петров (Лом. ПСС, VIII, 700); По что бо не рече сей дух, аки о едином, якоже единаго изгна (Мог., 3); также его производные: О други! сиры став в опасностях безмерных, Пойдем и призовем срацин единоверных (Хрс. Росс., 43); Враги, которые всечасно Погибели моей хотят Уже о мне единогласно Между собою говорят (Лом. ПСС, VIII, 383); Екатерининой рукой Единоверные народы И разны орды зрят покой (Хрс. Тв., I, 167); Вси единогласно отвещают: Слава богу! (Стеф., 3). Спорадически у некоторых авторов встречаются слова *елень* и *есень*: Ловитва днесь его вепрь, заяц и елень (Птрв, 122); Где в роскоши прохладных теней На пастве скачущих еленей Ловящих крик не разгонял (Лом. СС, I, 79); Все попадают под мышцу уже Тилемаха секуща, Падают будто листвие в дни последнии Есени (Трд. Тилемах., II, 78).

§ 11. Очень распространенным в высоком слоге являлась славянская огласовка глаголов *бить*, *лить*, *пить*, *вить* типа *биет*, *побиенный*, *лиет*, *излиять*, *вия* и др.; например: Чтоб ярость на меня судьбины излиялась (Княж. Соч., I, 9); Еще восходит дым от хищнаго пожара, И воздух огустел от побиенных пара (Лом. ПСС, VIII, 720); Так яд изливша свой змия, подъемля грудь и хвост вия (Птрв, 43); Может ли естество человеческое так окамениться, чтоб не излиять источники слез (Алксв 1768, 11); Колико удивились бы они, узрев собственные свои кумиры разбиенными и поверженными и в Риме (Фнв. СС, II, 222).

Характерным для высокого слога является старая огласовка некоторых основ, — так, основа *ем* проявляется в производных словах там, где в обычном языке на ее месте выступает *(н)им* (*подъемлет* вместо *поднимает*, *отъемлет* вместо *отнимает* и др.), например: Иний моляся, аще и достойных просят, но зане не внятно, не рассуждая, что глаголют, не приемлют и сие желаемых (Мог., 10); Тот не токмо за свои труды мзды не восприемлет, но еще и тягчайшия казни достоин бывает (Вас. В., 4); Того единаго страшуся только я, Чтоб даром не была твоим мне жизнь моя. Отъемли ты ее; она в твоей днесь воле (Княж. Соч., I, 51); Ты мщением одним за сродника горя, Отца у подданных отъемлешь их царя (Хрс. Росс., 24); Вы видите и из намерения ее величества, коль достойное она своих великих дарований и коль достойное общего всех и ревностнаго старания ныне в отечестве предприемлет дело (Дсн. 1768, 189); Приемлет рука духом божиим укрепленная (Крафт, 2); Но мы, довольствуясь возлюбленным покоем и надежнейшею тишиною, объемля толь пространные различных народов области в непринужденном послушании (Ппвск., 81).

Глагол *идти* с префиксами также в высоком слоге выступает в старой огласовке (*внити*, *поидет*, *приидет*, *отъидет*): Поиди по церквам, поиди по домам, поиди и по улицам: везде увидишь светлыя и лица и одежды (Стеф., 3); Всяк пришедший и с верою, с любовию и усердием молящийся, не отъидет тощ, но получит всея благая по желанию своему (Чарн., 17); Благоветствуй убо повсюду граде Казане радость твою превелию, яко прииде к тебе царь твой кроток и смирен (Вениамин, 3); Мы можем внити в храм (Княж. Соч., I, 42).

§ 12. Среди славянизмов высокого слога выделяется значительная группа слов, имеющих морфологические приметы церковнославянизмов. Это относится, в частности, к образованиям, имеющим префиксы *воз-*, *из-*, *низ-*, *пре-*, *со-*. Рассмотрим образования с каждым из данных префиксов.

Префикс *воз-* выступает в славянизмах в нескольких своих значениях. Прежде всего в высоком слоге встречается некоторое количество слов, где этот префикс имеет начинательное значение. Слова с *воз-* в начинательном значении могут выступать как в прямых, так и в переносных значениях. Типичными словами в прямых значениях являются глаголы *возглаголать*, *возгорать*, *возгореться*, *воздымиться*, *возмечтать*, *возрадоваться*, *воскуриться*, *воссвирипеть*, *восшуметь*, например: Вещает вышний возглаголя, Толпе неправедных людей (Сум. СС, I, 117, Ода дух.); О нем же аз зело кратко возглаголю и возвещу вам, о слышателие! (Маркелл, 6); Возрадуйтесь народы ныне, Где сей царицы щедра власть (Сум. СС, II, 12, Ода торж.); Ты, благодаря десницу, восставившую Павла, возрадуйся днесь всем сердцем своим (Фнв. СС, II, 192); Щедроту ты свою прославил. Меня утешить восхотел (Лом. ПСС, VIII, 385, Ода дух.); Похитить славу ты у старца восхотел, Под лаврами в бою который поседел (Хрс. Тв., V, 4) и др. Большинство же слов с префиксом *воз-* употребляются в высоком слоге как в прямых, так и в переносных значениях. Так, глагол *возгреметь* может употребляться в прямом значении: Подвигла огнь, моря и сушу, Велела грому возгреметь (Хрс. Тв., I, 162); иногда в несколько расширенном употреблении: Сей глас пришел Петру во уши И над Невою возгремел (Сум. СС, II, 32); Потрясся вихрем окиян, Подсолнечная возгремела (там же, 48). Чаще всего с глаголом *возгреметь* связано метафорическое значение ‘прославить, громко возвестить’ — главным образом в поэзии, например: Там новый возгремит Пиндар (Лом. СС, I, 49); Веселым гласом возгремите И пойте сей великий день (Лом. ПСС, VIII, 217, Ода); глагол *возрыдать* употребляется как в прямом значении (В злодейственных руках Нарышкин возрыдает — там же, 711; Вшед Тилемах услышал там стенания тени, Коя утешиться уж отнюдь не могла возрыдая — Трд. Тилемах., II, 86), так и в метафорических употреблениях (Война при Шведских берегах С ужасным стоном возрыдает — Лом. ПСС, VIII, 98, Ода).

Глагол *воссиять* может употребляться в прямом значении 'заблестеть, засветить': И воссияй ты солнце краше, Луна ясняе возблести! (Сум. СС, I, 122, Ода дух.); Светлее солнце воссияло, Оно в пути полдневном стало (Хрс. Тв., I, 168, Ода); Когда от солнца воссияли Повсюду новые лучи (Лом. ПСС, VIII, 388). Гораздо чаще употребление этого глагола в образно-метафорическом значении по отношению к счастливому времени: От круга сих времян спокойных лет начало, Как светлая заря в России воссияло (Хрс. Росс., 1); Воссиял прекрасный день по часах толико мрачных (Фнв. СС, II, 192); День оный, к благоденствию нашему, к благоденствию всея России или паче реку, к благу всего рода человеческого паче воссиявший (Рост, 3). Также употребителен глагол *воссиять* в образном употреблении при упоминании о доблестных героях: На то ли Лентул сей отважный путь приял, Чтоб Секст с Вителлией на троне воссиял? (Княж. Соч., I, 119); Уж новой славой воссияли Герои храбры по труде (Птрв, 13); Хотя меня сокроет мрак, Когда твой образ воссияет, И ночь тогда светла бывает (Сум. СС, I, 197).

Глагол *воспеть, воспевать* в высоком слоге XVIII в. имел различные значения. Он мог употребляться в прямом значении: Дыхнул, и ангели воспели; Сказал, и волны закипели (Сум. СС, I, 39); Воспел благодарственная славословия богу (Вениамин, 1). Может он употребляться перифрастически по отношению к поэзии: Согласну песнь воспой днесь, лира! (Нртв, 1); Всеобщую сердец отраду Мой стих усердно воспоет (Хрс. Тв., I, 33). Чаще же всего этот глагол употребляется в образном значении 'прославить в поэзии, в словах': Сие Россия присвященна Тебе, монархиня, речет, Но мысль тобою восхищенна Еще воспеть тебя течет (Майк. Ода, 7); Кастальски воды протекайте, И дух мой томный напояйте, Чтоб мне с усердием воспеть Защитнице народов многих (Нртв, 1).

Глагол *возопить*, употребляющийся в высоком слоге в прямом значении (Тотчас тот осужденный сам возопил так вещая — Трд. Тилемах., II, 102), выступает в образно-метафорическом библейском выражении *камение возопиют* (Аще же в сем вашем пощадении вы умолчите, то самое камение возопиют — Маркелл, 16).

Глагол же *возжечь* 'возжигать' употребляется в высоком слоге только в различных образных употреблениях со словами *сердца, души*: Имея пламенник в руках, Сердца россиян возжигает (Хрс. Тв. I, 134); В обитель божию сокровища внесенны Являют души к ней усердием возженны (Хрс. Росс., 14); или по отношению к войне: Цари земные и владыки Не тем вы славны и велики, Что возжигаете войны (Хрс. Тв., I, 124); при олицетворении: И степи в зное отдаленны, К тебе любовию возженны, Еще усердием горят (Лом. ПСС, VIII, 95).

Встречаем значительное количество слов с префиксом *воз-* в значении 'движения вверх, расположения сверху чего-л.'. Среди подобных слов встречаем небольшое число глаголов, выступающих лишь в своих прямых значениях, — это глаголы *возвевать* (И ве-

тер гриву возвевает — Птрв, 124), *возвергнуть* (Тотчас возвергли очи свои все на Тилемаха — Трд. Тилемах., II, 135), *возгнездиться* (Там враны в алчущих степях, На ваших возгнездясь костях, Вам страшным криком возвещают — Хрс. Тв., I, 136), *возлечь* (И войскам повелел на их местах возлечь — Хрс. Росс., 141); *возметать* (Взвевает, возметает ветр — Сум. СС, I, 2), *воссесть* (Так тать да путника ограбит, Воссед на резваго коня — Птрв, 35), *восстать* (Восстань: о чем сие прошенье? — Княж. Соч., I, 132).

В большинстве же случаев у глаголов со значением 'движения вверх' употребительными являются и прямые, и переносные значения, причем среди приводящихся ниже глаголов прямые значения гораздо менее употребительны в высоком слоге, чем образно-переносные. Так, глагол *возвысить—возвышать* может употребляться в своем прямом значении (Возвысил бог небесную твердь, смешав оную с приятною влажностию — Феоф., 3), но чаще этот глагол употребляется в переносном значении, например в выражении *возвышать мысли* (Мужество есть главнейшее достоинство пристойное совершенному гражданину, потому что оно поощряет ко всему высокому, воспаляет к доброму, возвеличивает сердце, возвышает мысли и склоняет к славе, — Иосаф, 3) или *возвышать заслуги, дела* (В небесны, урания, круги Возвыси посреде лучей Елисаветины заслуги — Лом. СС, I, 101; О как сие нас услаждает, Что вся вселенна возвышает, Монархиня, твои дела! — там же, I, 87). Глагол *возвести—возводить* в прямом значении употребляется только в сочетании *возвести очи, взор, зрак*: Тогда Павел, возвед утомленные очи и видя пред собою страждущую матерь, забыл свою болезнь (Фнв. СС, II, 190); Возведи очи твои и на гражданство Российское, посмотри на политическое его обхождение (Амвр. 1741, 8); Возводят смертны к небу взоры (Птрв, 52); В пространну высоту небесну Прилежно возведите зрак (Лом. СС, I, 68). В переносном значении этот глагол употребляется в значении 'приводить к власти' в сочетании со словами *трон, престол* и подобные, например: Всемощный властью своею Тебе владеть страною сею На трон торжественно возвел (Майк., 2); Какою пред тобой виновен я прослугой: Или что делаю тебя своей супругой, И возвожу на трон с собою обладать (Сум. СС, III, 130); Россияне, Россияне, Петра Великаго забыли! За его труды и заслуги не воздают должнаго благодарения; не возводят дщерь его на престол отеческий (Лом. СС, I, 11); Да ея возведет он на царство В предосуждение то самому и Валеазару (Трд. Тилемах., I, 134).

Глагол *воздымать* также известен высокому слогу в прямом значении: Теми проливы свои рассекая грозно ревело И воздымало волны, Катя огромны что горы (Трд. Тилемах., I, 5); также в расширительном употреблении: Орда, отвергнув мир, оковы разрывала, Отмщеньем движима, мутилась, бунтовала, И стала воздымать главу и рамена (Хрс. Росс., 4); также в переносном употреблении для выражения величия, славы: Царица Росскаго на-

рода и Росскаго народа мать! Тебя произвела природа Россию к небу воздымать (Сум. СС, II, 68); в этом же употреблении и глагол *воздыматься*: Твоею счастливой судьбою Воздымается Палеолог (Сум. СС, II, 94).

Глагол *возлетать—возлететь* в прямом значении: Когда бы смертным толь высоко Возможно было возлететь, Чтоб к солнцу бренно наше око Могло приблизившись возреть (Лом. ПСС, VIII, 117); в переносном же значении — в смысле ‘воодушевляться, проявлять восторг, рвение’: Однако мысль еще пылает, Еще стремится возлететь (Хрс. Тв., I, 81); Мой дух и сердце возлетают, Туда, где музы обитают (Сум. СС, II, 18); Однако духом возносимся, ревностными крилами мыслей возлетаем и всеобщая увеселения повсюду видим, умными очами (Лом. ПСС, VIII, 237).

Вознести—возносить. Прямые значения этого слова выступают в высоком слоге в образно-метафорических контекстах, например: С какою твердостию, с каким мужеством исторгал он себя из челюстей смерти, вознесшей на него острую косу! (Фнв. СС, II, 190); Возвеличенная, просвещенная Россия ныне над всеми земными царствами главу свою возносит (Лом. ПСС, VIII, 240). Обычными для высокого слога являются употребления глагола *возносить* со словами *глас, моления:* Оживотворенная Россия возносит к небесам благодарные моления (Фнв. СС, II, 192); Кто мне, глаголю, даст трубы оны, да вознесу в крепости глас мой (Вениамин, 1); И с жалостию воздыхая, Ко мне возносят скорбный глас (Лом. ПСС, VIII, 100). В переносном значении ‘прославлять, возвеличивать’ глагол *вознести* постоянно употребляется в высоком слоге: Какими вознесем хвалами, Монархиня, сей подвиг твой! (Нртв, 5); От самых нежных лет со злобой вел войну. Сквозь страхи проходя, вознес свою страну (Лом. ПСС, VIII, 698); Ликуй Россия вознесенна На верх блаженства твоего, Тебе дивится вся вселенна, Ты в ней прекраснее всего (Майк., Ода, 2); Тогда бы не престал я вечно Ее хвалами возносить! (Хрс. Тв., I, 81).

Глагол *восходить* также может употребляться как в прямых, так и в переносных значениях. В значении ‘шагая, идти вверх’: Представляет нам лестницу, по которой восходить можно (Зыб. 1766, 5); в значении ‘подниматься, стремиться вверх’: Как в ратных разбежась свирепый конь полях, Ржет пышет, от копыт восходит вихрем прах (Лом. ПСС, VIII, 702). В переносном же употреблении этот глагол имеет значение ‘возвышаться, выделяться в каком-л. отношении ’, например: Ты славой день от дня восходишь, Подобно как высокий кедр (Хрс. Тв., I, 89); Многие народы науками и художествами на верх славы своей восходили (Слт., 7); А чрез то восходите на степень духовныя премудрости (Платон 1764, 13); Да под безмятежным Елисаветиным повелительством восходящие в возлюбленном отечестве нашем науки возрастут до полной зрелости и пребогатой жатвы достигнут (Лом. ПСС, III, 99, Слово).

Из глаголов с приставкой *воз-* в результативном значении в высоком слоге употребительны следующие: *возбудить* в значении ‘разбудить’, *возвеселить*, *возвеселиться*, *возвестить*, *воздохнуть—воздыхать*, *возмочь*, *воспомнить—воспоминать*. Все эти слова употребляются в своих прямых значениях, кроме глагола *возбудить*. Этот глагол интересен тем, что его прямое значение, синонимичное глаголу *разбудить*, характерно лишь для высокого слога: Оставив Россы мирный храм, К чему твоя их дерзость нудит? Подобно вьющимся орлам, Которых вранов крик возбудит; Везде рассыплются тогда Пужливых птиц кругом стада (Хрс. Тв., VII, 137). Переносное же его значение ‘вызвать, побудить, поощрить’ не является стилистически ограниченным и употребляется в середине XVIII в. во всех стилях.[34]

§ 13. Слова с префиксом *из-* со значением ‘удаления, изъятия’ также весьма характерны для высокого слога. Среди них находим глаголы, употребляющиеся в высоком слоге лишь в своих прямых значениях, — это *изблевать*, *извести—изводить*, *изженить*, *израстать*, *изречь*, *изринуть*, *ископать*, *иссунуть*, *истекать*, *исторгать*, *исторгнуть*, *исчерпать*, например: Презрев тебя в сей час из града изведут (Княж. Соч., I, 49, Дидона); Он рыл и ископал мне ров (Сум. СС I, 7, Ода дух.); В том Тилемах иссунул немедленно мечь свой преострый (Трд. Тилемах., II, 61); Пожни сию траву, и корень обнажив, Сей корень извлеки, и ключ увидишь жив; Исчерпай из него до дна текущу воду (Хрс. Росс., 64). Несколько глаголов с префиксом *из-* употребляются в высоком слоге как в прямых, так и в переносных значениях. Так, глагол *извлечь—извлекать* употребляется в прямом значении ‘вынуть, вытащить что-л’: Зря Тилемах Адраста уже с мечем обнаженным; Сам и свой извлещи торопится образом равным (Трд. Тилемах., II, 147), причем лишь по отношению к оружию: Целуй Елисаветин меч, что ты принудил сам извлечь (Лом. СС, I, 44); Но лишь с Арансом мы оружье извлекли, Они покинув нас, во все страны текли (Сум. СС, III, 116); Вникни в быстрыя победы справедливаго оружия Екатерины! Она меч свой извлекла только тогда, как неистовство твое воскипело (Зыб. 1773, 5). В переносном значении ‘вызвать, дать проявиться’ этот глагол имеет более обширный круг объектов (*извлечь слезы*, *надежду*, *правду* и пр.), однако это значение характерно не только для высокого слога, но и для книжной речи вообще, — ср., например, в высоком слоге: Несчастный человек пустым себя прельщает И из отчаянья надежду извлекает (Сум. СС, III, 98); Не мучь меня, не мучь, не извлекай слез реки;

---

[34] Ср., например, в разных жанрах: Кто тщится все мои успехи погубить, Тот дерзостью мой гнев стремится возбудить (Сум. СС, III, 137); Последние слова его возбудили в собрании любопытство (Сидней, 6); Толь нечаянное примечание возбудило физиков исследовать свойство и происхождение сего особливого света (ЕС 1763, 537); Вы возбудили во мне желание подражать вам в похвальном подвиге (Жив., 7); Но кто тому поверит, чтоб он желал возбудить иноземцев к бунту (Краш. ОЗК, IV, 202).

Уж больше не видать тебе меня во веки (там же, 9); Но извлещи из него он правды не возмогая, Вот что ему сказал (Трд. Тилемах., II, 134); в других жанрах книжной речи: Сколь бы просты ни были законы, но бывают случаи, толь недоумительные, . . . где надобно извлекать истину из самыя глубины (Жив., 173); Добродетель твоя извлекает силою своею все таинство души моей (Фнв. Недор., 116); Но когда мы извлекли из него сие обещание, то сказал он мне (Маркиз, 46).

Глагол *излететь—излетать* употребляется в высоком слоге обычно в сочетании со словами *душа*, *дух*, например: Мало помалу удерживали онаго душу, Бывшу, готову уже излететь из тела больного (Трд. Тилемах., II, 87); Требовал дух его излететь из тела его же, И погрузиться в вечную нощь Плутонова царства (там же, 152). В переносном же смысле этот глагол употребляется в сочетании со словом *слова*, причем не только в высоком слоге, но и в других видах книжной речи, например: Едва сии слова лишь только излетели, Мечь был в груди его (Сум. СС, III, 176); Слова сии из уст как только излетели, То вихри бурные ужасно заревели (Члкв ПП, 29).

Глаголы *изити—исходить* также употребляются как в прямом, так и в переносном значениях. В значении 'выйти, появиться из какого-л. места' встречаем эти глаголы достаточно часто, например: Но вдруг в окружности, где сдвигнут был народ, Ишедший некий муж является из вод (Хрс. Росс., 41); Но как скоро ишел Тилемах из оны на землю, То оне во мгновение ока все разбежались (Трд. Тилемах., II, 98); Римляне! если бы тираны ваши могли изыти из гробов своих и явиться в стенах ваших, колико удивились бы они, узрев собственные свои кумиры разбиенными и поверженными в Риме (Фнв. СС, II, 222).

Переносно же эти глаголы употребляются в нескольких значениях: 1) 'избавиться, освободиться от чего-л.': Се Павел, отечества надежда, драгоценный и единый залог нашего спокойства, является очам нашим, ишедши из опасности жизни своея, ко оживлению нашему (Фнв. СС, II, 187); 2) 'происходить откуда-л.': Изъидут от тебя потомки Блаженство Россов умножать (Хрс. Тв., VIII, 225); образно: Исходим из земных мы недр, И паки в землю мы нисходим (Сум. СС, I, 147); 3) 'выделяться, распространяться откуда-л.': Сего вещания исходит Во всю вселенну громкий глас (Сум. СС, I, 21); Да не исходят вечно из памяти россиян сии его слова ишедшие из сердца (Фнв. СС, II, 191).

§ 14. Префикс *низ-* имеет одно значение — 'движение вниз'; в переносных же значениях для слов с этим префиксом заключены идеи уничтожения, уничижения. Большинство слов с префиксом *низ-* обладают в высоком слоге как прямыми, так и переносными значениями.

Глагол *низвергать—низвергнуть* в прямом своем значении 'бросать с высоты, кидать сверху вниз' обычен в высоком слоге, например: Подобной лютостью злодеи похищают, На копия,

с крыльца низвергнув, прободают, Старейших стольников и знатнейших бояр. Подобный умертвил судьбины злой удар (Лом. ПСС, VIII, 712); Не тщетно древни баснословы, Винят гигантов злобный ков, Которые войны суровы хотели несть против богов; За гордость молнией жестокой Низвержены с гор в ров глубокой, И месть достойную нашли (Нртв, 6); Как волны страшныя к брегам вихрь сильный мещет И низвергает в них чудовище из вод (Княж. Соч., I, 48). Переносные значения этого слова разнообразны, и не все из них отмечены САР; так, отсутствует в нем отчетливо проявляющееся в высоком слоге значение ‘победить, покорить’: Низвергни город сей, блистай, греми, карай (Княж. Соч., I, 42); Востани днесь, востань Девора, Преступны гради разори: Теки, низвергни Вельфегора (Птрв, 47). Контаминацией прямого и переносного значений являются следующие употребления глагола *низвергнуть:* От сих кровавая казанская луна Низвергнута во мрак и славы лишена (Хрс. Росс., 2); Являет миру то, что россы Низвергнут горы и колоссы (Сум. СС, II, 82). Не отмечено в САР и другое переносное значение глагола *низвергать—низвергнуть* — ‘уничтожать, ликвидировать’, например: Низвергни мерзкий ков, что вводит брань в народы (Лом. ПСС, VIII, 79); Избавь, низвергни наше бремя, Воздвигни нам Петрово племя (там же, 138); Низвергни злобу в преисподню (Птрв., 56).

В этих же значениях употребителен в высоком слоге и другой синонимичный глагол — *низринуть—низревать*: И дерзновенный Фаетонт Колеблет тщетно горизонт, Низриет рок его: низринь! (Сум. СС, II, 102); Лукавство, ков и лесть низринь из мест судебных (Лом. ПСС, VIII, 78); Рыща стремительно так низреваются в ров преглубокий; А человек тот падением и сокрушается слабый (Трд. Тилемах., II, 218).

Глагол *низводить—низвести* употребляется в прямом значении ‘опустить вниз’, причем обычно о глазах, взоре: Низвед зеницы Феб дивится (Птрв, 4); Коней горящей колесницы Останавляет Аполлон: Вещает низводя зеницы (Сум. СС, II, 53); На матерних твоих руках Низводит весел взор всечасно (Лом. ПСС, VIII, 51); также в переносном — ‘лишить достоинства, власти’: С престола низвести уже не наша власть (там же, 709).

Глагол *ниспускать—ниспустить* в прямом значении ‘опускать вниз’: И раскаленных ниспуская, Лучей моих повсюду свет, Не много видел я по ныне (Сум. СС, II, 53); также по отношению к глазам, взгляду: И низпустив, простри ты взоры По всей России с небеси! (там же, 73). Интересна смысловая структура глагола *низойти—нисходить* в высоком слоге. Прямое значение его — ‘идти сверху вниз, спускаться откуда-н.’ — реализуется либо посланием чего-л. с неба, либо схождением в ад, например: Где Борис, пространным небом, Путешествуя со Глебом, В помощь нисходили к нам (Сум. СС, II, 4); Он небо преклонив нисходит, На крыльях ветра он летит (там же, I, 19); И нисходящим в ад я ныне стал подобен (там же, 125). Другое переносное значение

этого глагола — 'прийти в более низкое состояние' — обычно реализуется в сочетании с существительными *престол*, *трон*: Властитель многих стран с престола ты нисходишь (Княж. Соч., I, 17).

Глагол *низлагать—низложить* в высоком слоге имеет лишь переносные значения: 1) 'победить, покорить': Так Росс противных низлагает (Лом. ПСС, VIII, 90); И наше войско низлагает Врагов твоих, бросая гром (Сум. СС, II, 19); 2) 'уничтожить, истребить': Злодейски замыслы ордынцев уничтожим; Пойдем, и первую надежду их низложим (Хрс. Росс., 104). Это же значение реализуется в устойчивом сочетании *низложить рог*: Проломя сами тверды стены, И гордости низложат рог (Сум. СС, II, 42).

§ 15. Очень большое место занимают в высоком слоге слова с префиксом *пре-* в значении 'превосходной степени какого-л. качества (иногда действия)'. Хотя в данном значении слова с приставкой *пре-* в САР не имеют пометы сл., однако в высоких жанрах литературных произведений подобные слова носят торжественную окраску, несут экспрессию возвышенности, и, следовательно, их следует причислить к стилистически приподнятой лексике, т е. к стилистическим славянизмам. Слова на *пре-* служат в произведениях высокого слога торжественными эпитетами по отношению или к государю (О блаженнии сынове Российстие, сицевую премилосердную матерь стяжавшии! — Гребн., 13; Изобразил бы я ныне премудраго и мужественнаго Алексея, бодрым своим духом ободряющего Россию — Лом. ПСС, VIII, 240; О коль предраг залог от сей великой страсти, О коль пресладок плод любовь подданных к власти — там же, 78; И купно с ним Елисавета, Исполненна подобна света Пречудна равной красоты — Птрв, 26), или к богу (Изображения вочеловечения Христова, пречистыя его матерь и угодников божиих — Алксв 1772, 5; Судьбы превечнаго восхотели на некие часы поставить Россию при самой бед пучине — Фнв. СС, II, 188; Тобою, боже, я наставлен Хвалить тебя от юных лет, И ныне буде препрославлен Чрез весь тобой созданный свет — Лом. ПСС, VIII, 384; В самом высочайшем и просвещеннейшем состоянии народы не понимают бога инако, как всемогущим и премудрым — Анчкв 1769, 133), или вообще к какому-либо достойному человеку или выдающейся деятельности (Какова члена лишилось отечество наше! Предобраго и пребодраго, препотребнаго и полезнаго лишились мы члена — Боровск., 2; Последуйте монаршей воле К бессмертию прехвальных дел — Сум. СС, II, 55; Но чем прославиться инфант бы ни хотел, Историю прочесть моих он может дел; Там узрит он мои преславныя деянья, Дающие пример людей для обузданья — Хрс. Тв., 6, Цид).

Сам характер высокой поэзии предполагает гиперболизацию, преувеличение, и одним из языковых средств для этого служит префикс *пре-*, поэтому находим в такой функции во всех жанрах высокого стиля множество подобных слов с префиксом *пре-: пребезмерный*, *пребезумный*, *пребесчастный*, *преблаговидный*, *пребогатый*, *пребольший*, *пребудущий*, *пребыстрый*, *превелий*, *превe-*

ликий, превысокий, преглубокий, прегорький, прегромкий, прежаркий, прежестокий, преизобильный, преизящный, преискренний, преиспещренный, преиспытанный, прекрайний, премаститый, премилосердный, премноголюдный, премрачнейший, премутный, пренаглый, пренаполнить, пренаслаждаться, пренеисчетный, прененавистный, пренеприступный, пренесказанный, пренеутешный, преострый, препечальный, препоглощенный, преподлый, преполезный, препотребный, препохваляться, препрославить, препустой, прерадостный, прераздражить, прередко, пресильный, преслабый, преславный, пресладостный, пресмелый, пресмертоносный, пресчастливый, претеплый, преужасный, преутверждать, преутеснять, прехвальный, пречастый, пречудный и др., например:[35] Преславный мир, премудростию Вашего восставленный, есть истинныя Вашая славы знак, веками неистребляемый (Самуил, 14); Пресветлейший государь великий князь Павел Петрович, расцветая посреде изобилия пространаго сада всероссийскаго государства, обновленнаго и крепкими оплотами огражденнаго чрез бессмертные труды твоего великаго прадеда, укрепленнаго прехвальными добротами и божественными благодеяниями законные его наследницы (Лом. ПСС, VIII, 343); Пресчастлив обладатель тот, кто тверд во праве пребывает (Сум. СС, II, 124); По Ахиллееве смерти он стязался прежарко (Трд. Тилемах., II, 119). Встречаются и целые именные гнезда с префиксом пре-, например *преизобилен* (Колико боже я тобой, И сам во всем преизобилен — Сум. СС, I, 177), *преизобилье* (Своей преизобильем части Полна земля и небеса — там же, 62), *преизобиловать* (Возрастают науки и художества, и житницы твои преизобилуют — Лом. ПСС, VIII, 248).

Слова с префиксом *пре-*, имеющиеся в высоком слоге, выступают в двух типах: 1) как соотносительные со словами с префиксом *пере-* и 2) безотносительно к словам с суффиксом *пере-*. Суффикс *пре-* выступает как соотносительный у ряда слов со значением ‘перемещения через какое-л. пространство’: *прескакивать, прелетать, пренести—преносить, предавать, преселить—преселиться, преселение, пресекать—пресечь, преходить*. Из всех этих слов только в прямом значении употребляется лишь глагол *прескакивать:* Коль действительны суть мои лукометные стрелы, Уготовляясь сразить прескачущу серну по холмам (Трд. Тилемах., II, 44); Кольбакин, Ребиндер, и храбрый Аплечеев Бросаются в огни, прескакивают рвы (Птрв., 234); Не прескакивают ли они часто теней как бы мужей или ров? (Вас. В., 7).

Часто встречаем в высокой поэзии образное применение прямого значения, примером может служить глагол *прелетать*, где

---

[35] Ввиду большой продуктивности этих образований большинство перечисленных слов в САР отсутствует.

полет образно относят и к лицу, и к неодушевленным вещам, и к отвлеченным понятиям, например: Все книги пред тобой отверсты, Как ветви пред пчелой цветы; Твой ум, и очеса, и персты Во благо нам томиши ты; На цвет со цвета прелетаешь, Всех пищи сладостию питаешь (Птрв, 134); От вас к нам слава прелетает (там же, 59); Петр к востоку прелетает От балтийских берегов (Сум. СС, II, 6); Виссон и мрамор из отдаленных мест туда без тяжести прелетают для совершения храма (Дсн. 1770, 9).

У большинства слов с префиксом *пре-* в значении ‘перемещения’ наличествуют в высоком слоге как прямые, так и переносные значения. Рассмотрим все эти случаи.

Преносить—пренести: 1) ‘неся, доставлять в другое место’: Начальнику там всего и зиждителю России Петру. . . целую гору преносят с места и кладут в подножие Его (Дсн. 1770, 9); 2) ‘перемещать деятельность чего-л. в другое место’: Споспешники всеобща блага, Преносят суд Ареопага Во град Квириты мудри свой (Птрв, 24); 3) перен. ‘переключать в другую обстановку, передавать кому-л.’: Живописаныя хитрости зиждительные персты, отменою цветов, света и тени возвышая равную плоскость похвальным обольщением зрения, пренесут в настоящее время минувшия российския деяния показать древнюю славу праотцев наших (Лом. ПСС, VIII, 808); Счастливой младости твои цветущи годы И склонной похвала и ласковой природы Мой стих от оных к сим пренесть не возбранит (Лом., СС, I, 390).

Предавать—предать: 1) ‘отдавать во власть кому-л.’: Он приняв оружие и пламень восстает против своего отечества и предает оное в руки неприятелю (Дсн. 1770, 19); образно: Сынов питаемых соседами своими предаст руками На жертву слепоте своей (ЕС 1755, 102); 2) перен. ‘предоставлять для сведения кому-л.’: Приятна есть, слушатели, отдаленных времен история, которая глубокой древности дела предает до днесь потомкам в пример и в научение (Трт., 335); 3) перен. ‘подвергать чему-л’: Так что оныя (заблуждения) иногда причиняют вред нашему благополучию, лишают всего имения, другим предают на посмеяние и поругание (Анчкв 1770, 14). Если в первых двух значениях глагол *предавать—предать* имеет соотносительный вариант *передавать—передать*, то в третьем значении такого соотношения нет. Это обстоятельство отразилось и на судьбе этого значения. Оно становится характерным не только для высокого слога, но и для книжного языка вообще, ср.: Кто без всякой нужды и за неважное дело предает живот свой опасности, то называется дерзновенный человек (Коз. ФП, 110); Чем больше он укрепляет душевныя свои силы, тем легче ему будет предать себя совершенно послушанию веры (ЕС 1763, 357); Я уже предал его гонению несчастной судьбины (Маркиз, I, 25); Ежели я чем услужил вам, говорил ей Султан, до сих пор, то все надлежит предать забвению (Иерон., 96). Следовательно, третье значение глагола *предать—предавать* не является принадлежностью исключительно высокого слога и гла-

гол *предать—предавать* в этом значении не является стилистическим славянизмом.

Преходить: 1) ‘проходить какое-л. пространство’: Когда преходил (Петр) Дунайския степи и знойныя Персидсия пустыни (Лом. СС, I, 205); Преходят (войска) морь стези, где кроется их прах (Птрв, 60); также образно: Ограничь судью и судимаго, да никто из них предписаннаго им предела не преходит (Дсн. 1768, 9); 2) перен. ‘миновать’: Богатство, пышность, власть, все с ними умирает, преходит все как сон, все вечность пожирает (Птрв, 79); Приближаясь к концу дней моих, о если б я возмог, преходя словом, жизнь Марка Авремия, почтить пред очами вашими последние дней моих минуты (Фнв. СС, II, 195). Второе значение глагола *преходить* в середине XVIII в. имеет очень ограниченное употребление, оно становится архаизмом и употребляется лишь в пределах высокого слога. Лишь причастие *преходящий*, обособившись от глагола и вступив на путь адъективации, выходит за пределы высокого слога в книжный язык.

Гнездо *преселить—преселять*, *преселиться—преселяться*, *преселение* в высоком слоге имеет ограничение по сочетаемости. В связи с тем, что эти лексемы всегда связаны по значению с понятием смерти, загробного мира, они всегда в высоком слоге имеют возможность сочетаться лишь с соответствующими лексемами, например: Неизбежная престарелость, алчный глад, тлетворный воздух и неисцелимые болезни от земли и от наших очес на вечность преселили (Трт., 335); Вы, христиане, умножьте ваши обеты и вашу молитву, дабы бог в воздаяние его трудов преселил его в жилище вечнаго покоя (ЕС 1763, 173); Сим образом совершила она свое течение, соблюла веру, переселилась в чертоги вечности (Самуил, 4); Он в жизни души тех покоит, И все для пользы оных строит, По смерти в небо преселит (ЕС 1755, 107).

У глаголов *пресекать—пресечь*, *пресекаться—пресечься* и *преставать—престать* проявляется другое значение префикса *пре-*—‘прекращения, предела действия’.

Глагол *престать—преставать* имеет отвлеченное значение ‘прекращать’ и соответствует вариантному глаголу с префиксом *пере-* (*переставать*). Глаголы же *пресечь—пресекать* и *пресечься—пресекаться* только в прямом значении соотносительны со своим вариантом *пересечься—пересекаться*, переносное же значение ‘прекратить—прекратиться’ не имеет такого соотношения. Это значение устарелое, оно имеет ограниченное распространение в высоком слоге, например: Ты тем скончаешь скорбь и горесть пресечешь (Сум. СС, III, 150); Но все Его о военном деле попечение с жизнью пресеклось (Лом. СС, I, 216). Особенно часто эти глаголы употребляются в связанных сочетаниях со словами *жизнь*, *живот*, *дни* — в значении ‘смерти’: Пресек те злы Пинех им дни (Сум. СС, I, 159); Но ах! закон и свой живот пресечь претит (там же, III, 82); Возможно ли без трепета воспомянуть те лютые часы, в кои едва не пресеклась жизнь толико драгоценная (Фнв. СС, II, 188). Близ-

кое же к данному значение ‘остановить, прервать’ (Пресечь происходимые между обывателями споры — МЗК, XIV, 8; Пресекла она речь мою — Маркиз, V, 15; Пресечь свидание — Карита, 8, и др.) не является характерным только для высокого слога, но имеет широкое распространение в книжном языке середины XVIII в.

§ 16. В высоком слоге в качестве славянизмов выступает некоторое количество слов с префиксом *со-*. Это, во-первых, глаголы и отглагольные имена, приобретающие с префиксом *со-* лишь видовое значение, а именно значение совершенного вида, например такие как *согнивать*, *согрубить*, *соделать*, *соделаться*, *сокрыть*, *сокрыться*, *сотворить*. Эти образования имеют словообразовательные варианты с префиксом *с-*, выступающие в литературном языке того времени как слова стилистически нейтральные; ср.:

Согнивать

Так ты весь с вином смешался, и с ним от повседневного пиянства согниваешь (Вас. В., 11).

Сгнивать

По причине грязных мест дорога была намощена фашинником, но сие их нимало не осушило; а паче каждый год вновь накиданные сгнивая грязь только усугубляли (Пут. Зуева, 24).

Соделать

Причины злобы их постигнуть не умею: иль сердце я неправедно имею! И что соделал я! (Сум. СС, I, 7); Ты боялся соделать врага пребезмерно спесива (Трд. Тилемах., I, 173); Им же и изваяния соделана из неветшаемаго металла и твердаго мрамора (Анчкв 1769, 18); Соделай Ярбову мучению конец (Княж. Соч., I, 23).

Сделать

Дали вольность, а ничего не можно своего вольно сделать, нельзя у соседа и земли отнять (Жив., 115); Они сделали меня варваром (Сидней, 12); Сделать должно електрическую стрелу металлическую трубкою (Лом. СС, I, 318); (Боже) сделай мучению моему конец (Маркиз, II, 41).

Встречаются в высоком слоге и образования с префиксом *со-*, не имеющие соотносительных пар с префиксом *с-*. Это слова со славянскими основами, например: *сотреть*, *созидать*, *содеять*, *содетель*. Во-вторых, слова, где префикс *со-* имеет значение совместимости. В САР большинство подобного типа слов отмечены как славенские.

Из таких слов в произведениях высокого слога встречаются: *совводить*, *согражданин*, *совосклицание*, *содейственник*, *сожитель*, *сопрягать*, *сопрягаться*, *сострадать*, *соусладиться*. Образование

с *со-* в значении ‘совместимости’ не имеют варианта с префиксом *с-*, а также и каких-либо иных лексических синонимов. Эти слова не одинаковы по своей стилистической окраске в литературном языке середины XVIII в. Слова *совводить*, *содейственник*, *сопрягать*, *сопрягаться*, *сострадать*, *соусладиться* употребительны преимущественно в высоком слоге; ср., например, глагол *сопрягать:* ›Офелья‘ Тайны той, клянуся, что не знаю, Котору пред тобой с убийством сопрягаю (Сум. СС, III, 9); Ты суд и милость сопрягаешь, Повинных с кротостью казнишь (Лом. СС, I, 69); Дидона свой венец Енею отдает, И ваши брак сердца на веки сопряжет (Княж. Соч., I, 1); Оныя взаимно или сопрягает, или одно от другого понятия отличает (Трд. СП, I, 239). В слове же *сожитель* следует различать два значения, имеющих разную стилистическую тональность. В значении ‘житель какой-л. местности, проживающий совместно с остальными’ оно функционирует только в высоком слоге: Последний раз целуйте целованием сердечным сего от нас отшедшего любезнаго сожителя и полезнаго согражданина нашего (Боровск., 8). Другое же значение этого слова, более узкое, — ‘муж, супруг’ — имеет сниженную тональность в отличие от высокого *супруг* и употребляется в низком слоге: И так и сяк, жена с сожителем жила, Но другом никогда с супругом не была (Сум. СС, VII, 262, Притчи); Супруга не умедлила подозревать своего сожителя (Члкв Повариха, 20).

В слове *согражданин* значение префикса *со-* постепенно стирается, оно становится синонимом беспрефиксного *гражданин* и в стилистическом отношении является ему равноценным, т. е. употребительным в общекнижном языке; ср.:

Согражданин

Гораций, Боало, Люцили, Ювенал, Порочных сограждан всю гнусность представляли (Трут. 1769, 133); Довольно, говорю я, оправдания для привития оспы и того, что ищущие пользу отечества вверенныя себе общества, вверяют оному спасительному средству для получения чрез то большаго числа сограждан, а не для их погубления! (Зыб. 1769, 27).

Гражданин

Иной победил неприятеля, уже великим именованнаго; но с обеих сторон пролил кровь своих граждан, ради однаго своего честолюбия (Лом. СС, I, 236); Насыться тать венца, убийца и тиран, Моею кровию и кровию граждан (Сум. СС, IV, 87); Общество при наказании вредных для себя граждан имеет намерение и надежду исправить их (Коз. ФП, 119).

Все вышеуказанные префиксы могли в пределах своих «славенских значений» в высоком слоге служить для образования новых слов такой же возвышенной тональности, как и прочие славянизмы. Так, с префиксом *воз-* появляются в разных жанрах высокого слога слова с начинательным значением (*возблестеть*, *возблистать*, *возвопить*, *возответствовать* и др.), со значением

'движения вверх' (*воздрузиться*, *возъяти* и др.), со значением 'результативности' (*возъиметь*, *возукреплять*, *воспоразить*, *воспрославить* и др.). С префиксом *низ-* появляются слова со значением 'движения вниз' (*низлететь*, *низлиться*, *низметать*, *низтекать* и др.). Также образуются новые слова с префиксом *из-*, *про-* и *со-*. Подобного рода новые окказиональные слова появляются во всех видах и жанрах высокого слога, независимо от идейных установок авторов. Приводим для примера глагол *воссиять*, который встречается а) в одах: Российско солнце закатилось, И север весь покрыла тень, Но солнце новое явилось, И воссиял нам светлый день (Хрс. Тв., 193); Уж новой славой воссияли Герои храбры по труде (Птрв, 3); Красуйся в сей блаженный час, Как вдруг триумфы воссияли, Тем веще озарили нас, Чем были мрачнее печали (Лом. ПСС, VIII, 743); Россия, торжествуй со мною, И И громкий возгласи трубою, Что свет незапно воссиял (Нртв, 4); Хотя меня сокроет мрак, Когда твой образ воссияет, И ночь тогда светлей бывает (Сум. СС, I, 137); б) в поэме: О круга сих времен спокойных лет начало Как светлая заря в России воссияла (Хрс. Росс., 1); в) в трагедии: Но ты ли, Лентул, сей отважный путь приял, Чтоб Секст с Вителлией на троне воссиял? (Княж. Соч., I, 119); г) в ораторской прозе различных видов: Ибо праздник сей есть больше праздник грешных, нежели праведных тем бо прощения от гроба воссия (Амвр. ПС, I, 4); Воссиял прекрасный день по часах толико мрачных (Фнв. СС, II, 192); Благославенный день оный паки воссиял, озарение коего благотворнее, радостнее и счастливее, толикие взаимным растворением отдельные народы, едва ли когда зрели (Рост, 31).

§ 17. Для высокого слога середины XVIII в. характерно наличие в его составе значительного количества сложных слов, причем чаще всего с определенными составными компонентами (см. в гл. I). Большинство сложных слов включает в своем составе первый компонент, имеющий славенскую основу, такими основами являются: *басн-* (например, *баснослов:* Но тщетно древни баснословы Винят гигантов злобный ков — Нртв, 6), *благ* (*благодарственный*, *благоденство*, *благодеяние*, *благополучие*, *благоприятие*, *благотворить:* Мы стали жить во благоденстве, Коварство с завистью падут — Майк. Ода, 5; Сие, сколь недостаточное ни есть, начертание истинны, равномерно как и описание ея предмета, я отдаю в благоприятие любящим истину, монархию и отечество — Дсн. 1770, 25), *веле-* (*велегласно*, *велепие*, *велелепный:* В сей день языки все согласно Хвалений жертву велегласно Приносят имени Ея — Птрв, 165), *все-* (*всевожделенный*, *всемощный*, *всепресветлый*, *всерадостный*, *всесожжение*, *всечасно*, *всещедрый:* Всерадостна сия победа, Российский отвечал герой — Сум. СС, II, 32); *един-* (*единоверный*, *единомысленно:* О други! Сиры став в опасностях безмерных, Пойдем и призовем срацин единоверных — Хрс. Росс., 43), *злат-* (*златовидный*, *златозарный*, *златоспелый:* Потным оратаям жатв обильных и златоспелых Всуе Вакс плоды

всегда свои обещает — Трд. Тилемах., II, 94); *зло-* (*злочинный:* Кто клятвы держится своей, Не льстив, не горд и не злочинен? — Сум. СС, I, 27), *мзд-* (*мздоимство*, *мздовоздаяти:* О прегорни! Сами вы ему мздовоздайте, А меня избавьте толь от бесчестныя жизни — Трд. Тилемах., II, 89); *млад-* (*младолетний:* Кто сравнит младолетну дщерь, подобно премногим, С мудрым Одиссом — там же, 93), *сребр-* (*сребролюбивый*, *сребролюбие:* На чем же, государь, надежду устрояешь Во предприятиях неслыханных твоих? [Я р б:] На гордости вельмож, на сребролюбьи их — Княж. Соч., I, 18), *тре-* (*треблажен:* Под тенью вышняго живущ, И под божественным покровом, Блажен и треблажен — Сум. СС, I, 131), а также некоторые единичные образования, сложенные со славенскими основами, как *животодавец*, *косношагий* и др.

Некоторое количество сложных слов образуется при сложениях в первой части таких неславенских корней, как *бого-* (*боговдохновенный*, *боголепный*, *богомерзкий*), *душе-* (*душепагубный*, *душетленный*), *идоло-* (*идолослужение*, *идолослужитель*), *начало-* (*началобытный*, *началовождь*, *началоздатель*), *священно-* (*священнодействие*, *священноначалие*, *священноначальник*). Все эти основы образуют сложные слова, по значению относящиеся к культовой лексике, поэтому закономерно их отнесение к высокому слогу как слов, имеющих возвышенное содержание в понятии того времени.

Из прочих неславенских основ чаще всего в высоком слоге встречаются сложные слова в первой части: *велико* (*великоважный*), *высоко-* (*высокородие*), *добро-* (*доброгласный*), *любо-* (*любостяжание*), *мало-* (*малоумие*), *много-* (*многочастный*), *ново-* (*новоявленный*), *перво-* (*первопрестольный*), *противо-* (*противоборный*), *само-* (*самоизвольный*), *свето-* (*светозарный*), *сладко-* (*сладкопение*), *умо-* (*умозрение*).

Все эти сложные слова относятся к «важным» понятиям — либо к религии, церкви (например, *многобожие:* Сие в тонкость исследовать с показанием точных причин многобожия, у разных народов почитаемаго, есть дело не одного меня, но многих ученейших мужей — Анчкв 170, 6), либо к монарху и его окружению (Во времень жизни высокославнаго монарха отца нашего — ЕС 1755, 103; С новоизбранным царем союзный мир заключивши — Трд. Тилемах., I, 37; В сем издревне первопрестольном российскаго государства граде — Зыб. 1773, 33).

Множество сложных слов данного состава относится к понятиям научного или отвлеченного значения. Для примера рассмотрим слова *многоразличный* и *умозрение*, *умозрительный*. В прилагательном *многоразличный* первая часть сложения (*много-*) является своеобразным усилением значения второй его части. В высоком слоге подобные усилительные значения встречаются достаточно часто и не только с данным компонентом, но и с другими (например, *все-*, *пре-*). Эти слова часто встречаем в ораторской прозе середины XVIII в.: Коль многоразличными празднующих видами

дух бы наш возвеселился, когда бы мы себе чувствами представили, что в градах крепче миром нежели стенами огражденных,. . . разныя пламены разными языками едину превозносят (Лом. СС, I, 187, Слово); Всевышний дал нам жизнь, снабдил нас и многоразличными средствами оную сохранять (Зыб., 1768, 4). Однако в силу своей широкой семантической емкости и свободной лексической сочетаемости прилагательное *многоразличный* может быть употреблено в разных контекстах, поэтому оно выходит за пределы высокого слога и употребляется уже в середине XVIII в. в научной и философской литературе, ср.: Из приводимых мною здесь многоразличных древности и потомства примеров, . . . следует оное наиважнейшее в житии человеческом нравоучительное начало (Дсн. 1772, 36); От которых совершенно не может произойти музыка многоразличная (Эйлер ПП, 25); О многоразличной пользе, происходящей от растений в рассуждении всякого состояния порознь, умалчиваю (Внм., 17).

Существительное *умозрение* в середине XVIII в. было синонимом иноязычного слова *теория* или *феория* (*теория*).[36] Однако существовало некоторое различие в их употреблении. Слово *теория* чаще всего применялось по отношению к построению какой-либо отдельной области познания.[37] В этом смысле слово *умозрение* вовсе не употреблялось, а лишь в значении общеотвлеченного понятия: 'умственного построения', например: Каким образом может удостоверить себя душа в том, что понятием, внутрь ея произведенным, толикое ж число предметов, вне ея находящихся, соответствует? Не может она убедить себя в том одним своим умозрением поколику она не на вещи, но на одне только оных идеи взирает (Анчкв 1783, 21). Разграничение этих употреблений обусловило применение данных двух синонимов: *теория* употребляется преимущественно в научной литературе, а *умозрение* — в философской литературе и в высоком слоге. Также разграничиваются и производные этих слов *теоретический* и *умозрительный*. Следовательно, некоторые сложные слова с отвлеченным значением не являются принадлежностью исключительно высокого слога, они возможны и в других видах книжного языка середины XVIII в.

Словосложение является также одним из источников пополнения лексики высокого слога.[38] Образцами для образования новых

---

[36] Даже в конце XVIII в. оба эти слова рассматривались как синонимы, например у Радищева: А поелику сие название стало несколько смешно, то изображаемым доводам дают имя феория или умозрение (Рдщв СС, II, 148).

[37] Ср.: Теория о причине електрической силы (Лом. СС, I, 311); Невтоновская теория (Влф. физ., 105); Феория електрическая (Эйлер ПП, II, 279); Теория земного шара (МЖ I, 239); Теория изящных наук (Крм. ПРП, II, 55); Различныя феории земли (Сев. М., 1) и др.

[38] В ряде случаев затруднительно определить, непосредственным ли словосложением образовано то или иное сложное слово или оно образовалось

слов служили уже имеющиеся в языке модели с постоянными компонентами, такими как *благо-*, *бого-*, *добро-*, *много-*, *зрачный*, *-видный*, *-родный* и другие, рассмотренные выше. Однако в отличие от префиксальных новообразований, которыми пользуются все авторы во всех жанрах классицизма, сложные новообразования характерны лишь для отдельных авторов и отдельных жанров. Особенно часто пользуется сложными новообразованиями Тредиаковский в «Тилемахиде» (там встречаем наибольшее количество новых сложных слов: *благозрачность*, *благоизбыточный*, *благомудрый*, *благоощадность*, *благоплодность* и многие другие). Кроме того, много сложных новообразований дает проповедническая литература (*благоприменяться* — у Брянцева, *благочестивец* — у Маркелла, *богоневедение* — у П. Алексеева, *богонеистовство* — у Аничкова, *великоважный* — у Дамаскина, *вседаровитый* — у Стефана и пр.). У других авторов высокого слога сложные новообразования единичны (*багряновидный* — у Хераскова, *великолепствовать* — у Сумарокова, *долголетствовать* — у Петрова, *многотрудившийся* — у Ломоносова и некоторые другие).[39] Таким образом, новые сложные слова имеют ограниченный характер применения и наиболее распространены в тех жанрах классицизма, которые более тесно связаны со старой книжной традицией.

§ 18. Формирование пласта стилистических славянизмов в середине XVIII в. проходило по нескольким линиям. Прежде всего происходит сужение значительного круга слов, ранее рассматриваемых как славянизмы. Слишком обветшалые, устаревшие слова, имеющие полные синонимы в русском литературном языке, вовсе выходили из употребления во всех видах литературных жанров, даже в наиболее консервативных жанрах высокого слога. Этот процесс можно в особенности проследить на судьбе целых лексико-грамматических групп слов. Большое изменение в своем составе претерпела группа наречий, значительная часть которых в САР признается славенскими и отмечается пометой сл. Из общего количества этих наречий 54 вовсе не употребительны в XVIII в., они отсутствуют даже в памятниках первой трети века; это следующие наречия: *амо*, *аможе*, *взнак*, *внегда*, *внутриюду* (*внутриуду*), *впослежды*, *вресноту*, *дозде*, *елижды*, *еликожды*, *зельно*, *изветом*, *инуда* (*инуде*), *ксему*, *куде*, *мало что*, *наопак*, *натолице*, *наутрей*, *неу*, *неточию*, *неули*, *обонпол*, *обоямо*, *овоуду*, *онамо*, *онде*, *онуду*, *отвнеуду*, *отднесь*, *отдолу* (*отдоле*), *отдетска*, *отне-*

от уже имеющегося в языке с помощью аффикса; так, глагол *великолепствовать* образован в высоком слоге середины XVIII в., но еще у Срезневского зафиксировано существительное *великолепство*; существительное *всесердечие* находим в Материалах истории АН (1779), а наречие *всесердечно* — в высоком слоге. Однако наличие одноосновных слов в отдельных источниках еще не свидетельствует против того, что каждое из них могло быть образовано независимо от других при помощи словосложения.

[39] Более обширный список новых сложных слов см. ниже.

куду, *отнюдуже*, *отонуду*, *отонудуже*, *отсупротиву*, *оттамо*, *оттогда*, *отсего*, *очивесть*, *полма*, *помале*, *поряду*, *послежде*, *преди*, *приобщне*, *семо*, *среде*, *суе*, *тай*, *уне*, *ту*, *туде*, *никаможе*.

Целый ряд подобного рода наречий употреблялся лишь в книжно-славянском типе языка первой трети XVIII в., это *вторицею*, *выну*, *годе*, *дозеле*, *донележе*, *единаче*, *излиха*, *изначала*, *инамо*, *изперва*, *камо*, *наутрие*, *негли*, *овамо*, *овогда*, *отай*, *отдалече*, *некако*, *никако*, *первое*, *удобъ*, *юду*. В высоком слоге середины XVIII в. эти наречия не встречаются.[40] Лишь около 40 наречий, отмеченных в САР как славенские, имеют широкое употребление в высоком слоге, сюда относятся: *абие**, *присно**, *горе**, *идеже**, *еле*, *вкратце*, *всуе*, *доднесь*, *дондеже**, *елико*, *издетска*, *наедине*, *туне*, *внезапу*, *вспять*, *выспрь*, *долу*, *измлада*, *ниц*, *ошуюю**, *свыше*, *едва*, *доколе*, *напреди*, *како*, *вельми*, *зело*, *паче*, *издревле*, *искони*, *паки*, *повсюду*, *воистинну*, *въявь* (*въяве*), *отсюду*, *извне*, *издалече*, *ныне*.[41]

Из устаревших славенских союзов в высоком слоге встречаем только союзы *аще*, *аки*, *яко* и *якоже*. Союзы же *егда*, *бо*, *аще бы*, *аки бы*, *еже*, *убо*, *обаче*, *зане*, *а еже* вышли из употребления в первой четверти XVIII в. и в высоком слоге середины XVIII в. не употребляются.

В старом книжном языке существовало значительное количество кратких прилагательных. САР включает в свой состав *блед*, *земен*, *похаб*, *свобод* (*свободь*), *книжен*, *невкусен*, *немимоходен*, *неудобоятоверен*, *неустроен*, *радованен*, *водостланен*, *добровеличен*, *любоучителен*, *скотен*, *жажден*, *исполь* и расценивает их как славянизмы. Все эти слова для XVIII в. являются архаизмами и не употребляются в высоком слоге вовсе. Следовательно, славянизмы высокого слога в значительной мере освобождаются от архаической лексики.

По другой причине выпадает из разряда славянизмов целый ряд слов, имеющих в САР помету сл. Являясь церковнославянизмами по своему происхождению, многие слова изменяют свою функцию в языке; становясь терминами, они теряют способность к эмоциональной и экспрессивной выразительности и не могут нести никакой стилистической нагрузки. К числу таких слов относятся слова, связанные с ремесленно-промысловой терминологией: *бабити*, *ваяние*, *ваять*, *виноградоделание*, *виноградособирание*, *зодчество*; термины экономические: *вено*, *лихва*, *мзда*, *мыто*, *наследие*; термины юриспруденции: *законополагати*, *законопресту-*

---

[40] Лишь некоторые устарелые наречия можно встретить у Тредиаковского, в его «Тилемахиде» находим такие устарелые наречия, как *внеуду*, *вскрай*, *вскую*, *зде*, *отзде*.

[41] Наречия, обозначенные *, встречаются в высоком слоге ограниченно, преимущественно у отдельных авторов, таких как Петров и Тредиаковский, а также в наиболее консервативных жанрах высокого слога, например проповеди, и воспринимаются как архаизмы.

пати, *клятвенный*, *подзаконный*, — а также многие другие слова, вошедшие в общелитературный язык как термины определенной области знания или деятельности. Такого рода лексика наряду с другой общелитературной может встречаться в высоком слоге, однако она не несет никакой стилистической нагрузки, следовательно, не является характерной для этого слога.

Сужение круга стилистических славянизмов могло еще идти по линии сужения сочетаемости отдельных слов, не меняющих при этом свою стилистическую окраску. Примером может служить славенский глагол *расторгать—расторгнуть* 'разорвать'. В САР зафиксировано прямое значение этого слова, подкрепленное цитатой из Евангелия: Расторгает новое вино мехи ветхи (от Луки, V, 37). Если в начале XVIII в. этот глагол также употреблялся в свободном сочетании в своем прямом значении (Металлы, хрустали и дражайшие камение из того ж ращение имеют: хотя во оных, зело продолжительно соделовается, и часто не в тех местах и предревнейших пещерах идеже расли, но землетрясением и иными случаи расторжены и заметаны находятся, толь внятно приметити не возможно — Кн. мир., 41), то в высоком слоге середины XVIII в. этот глагол употребителен только в связанном сочетании *расторгнуть узы* (*цепи*, *оковы*) со значением 'освободиться от гнета', например: Суеверие не что другое есть, как узы разума. Иногда может быть дух оживляется и ободряется. Сие приятное в человеке чувство усиливаясь расторгает тяготящие оковы (Бр., 7); Родриг с Шименою уже спряжен не будет. Я требовал того — она его забудет! Их узы я расторг отныне навсегда (Хрс. Тв., V, 16); Еоловы расторгнув цепи, Из мрачных вырвясь Нот укреп, Летит во Африкански степи Ревущь, нагл, бурен и свиреп (Нртв, 112). Прилагательное *горний* 'высокий' имело в высоком слове ограниченное употребление. Оно было синонимично слову *высокий* лишь в значении 'небесный, относящийся к небу, как к месту нахождения и деятельности бога'. Отсюда и ограниченность его лексической сочетаемости. Чаще всего оно сочетается со словом *место* или его эквивалентами *страна*, *обитель*, *круг*, например: Мой дух видений полн чудесных Со страхом горни зрит места (Птрв, 26); Иль ангел мира купно и войны снизшед от горних мест, преходит в радости и веселии пред лицем Ея невидимый? (Дсн. 1770, 3); Господи, кто обитает В светлом доме выше звезд? Кто с тобою населяет Верх священный горних мест? (Лом. СС, I, 6); Оставя суеты земныя Взнесись мой дух превыше звезд, Пройди селения Святыя, Коснись пространству горних мест (ЕС 1755, 99); О Боже! есть ли я тебя не прогневляю. . . Пошли от горних мест свою мне благодать (Сум. СС, III, 70); Родительнице твоей, а нашей некогда Государыне императрице и самодержице, ныне в горних уже обителях ликующей бессмертно (Трд. СП, II, 306); Он щедро землю украшает, Питает ею, утешает: Им зданна горняя страна, Им солнце, звезды и луна (Сум. СС, I, 39); Драгой пришлец со горних кругов, Что вносишь во Петров ты дом? (Птрв, 45). Кроме того, *горний* мо-

жет относиться к тем, кто обитает на небе: Подобно горню духу он Проник во связь вещей далече (Птрв, 102); От горних чинов (Трд. СП, II, 238); в этом же значении 'тот, кто обитает высоко, в небе' субстантивируется прилагательное *горний*, например: Я погибаю, и есмь доволен что погибаю, Токмо да укротить возмогу гнев праведный горних (Трд. Тилемах., II, 41).

§ 19. Наряду с сужением круга славенской лексики в высоком слоге наблюдаем, с другой стороны, рост пласта стилистических славянизмов, причем приращение это могло происходить несколькими путями. Наиболее продуктивным и значительным в количественном отношении был путь создания новых слов посредством аффиксации и словосложения. Благодаря существованию в языке уже готовых моделей отдельные авторы могли без труда создавать новые слова по данным образцам. Во всех жанрах высокого слога наблюдаем появление новых слов с префиксами *воз-*, *из-*, *низ-*, *пре-* и *со-* в их славенских значениях, а также сложных слов с такими постоянными компонентами, как *благо-*, *бого-*, *все-*, *высоко-*, *добро-*, *живо-*, *злато-*, *лже-*, *любо-*, *зрачный-*, *-носный*, *-видный* и др.

Приведем в качестве примера некоторое количество таких слов с иллюстрацией их источника, относящихся к различным жанрам высокого слога. По нашим наблюдениям, все представленные слова впервые появились в указанных источниках и не зарегистрированы ни одним из предшествующих словарей.

Образования с аффиксами

Возалкать: Как волки гладныя злодейством возалкали, Кумиры, в дружбы знак, руками восплескали (Хрс. Росс., 135).

Возблестеть: Войди во град спокойство наше, И все напасти прекрати, И воссияй ты солнце краше, Луна ясняе возблести (Сум. СС, I, 122).

Возблистать: Он рек: и в горней крест стихии Пловя к полудню возблистал, И над святилищем Софии, Предвестник благодати стал (Птрв, 188).

Возбунтовать: Там пламенныя ветры дуют, Земля дрожит, как бурный Понт; Стихии тамо возбунтуют, И востревожат горизонт (Сум. СС, II, 28).

Возволновать: Народ возволновал!. . . Тогда при буйстве яром, От искры наглый бунт великим стал пожаром (Хрс. Росс., 6).

Возгнушаться: Но, возгнушавщись все злодеем, сего умертвили (Трд. Тилемах., II, 151).

Воздремать: Не воздремлет бог, храня лета праведних, и благославляя их довольством и изобилием (Амвр. ПС, I, 29); Дух бодрости в тебе, вещают, воздремал! (Хрс. Росс., 6).

Воздрузаться: Се воздрузается сруб подобный зданию красну (Трд. Тилемах., II, 85).

Возыграть: Возыграйте струны лиры; Возбуждает Феб от сна; Вейте тихия Зефиры, Возвращается весна (Сум. СС, II, 92); Кто может все хвалы достойно Сия монархиня сказать? Чья Муза толь красно и стройно Пред нею может возыграть? (Лом. ПСС, VII, 145); Повсюду Россы возыграйте, Услыша радостную весть, Какия можно собирайте Желанья в дар Ему принесть (Ода 1777, 7).

Возъиметь: Ибо, кто в добрых делах успех себе возъимел,. . . тот не токмо за свои труды мзды не возприемлет, но еще и тяжчайшия казни достоин бывает (Вас. В., 4).

Возликовать: Вещает: — сих людей к покою Причислю я моих держав! Возликовали там народы, Цветущи грады, горы, воды, Внимающи России глас (Хрс. Тв., VII, 184).

Возликовствовать: Возликовствуют луг и поле, Леса и рощи восшумят, Взыграют облаки в сей доле, И торжествуя возгремят (Сум. СС, I, 139).

Возответствовать: Тут, наконец, Тилемах возответствовал голосом робким (Трд. Тилемах., II, 97); Пошли своей десницей помощь И возответствуй нам (Сум. СС, I, 81).

Возринуть: Ах Одисс! Одисс! не ещель и буря возринет Где на камни тебя, да о них твой корабль сокрушится (Трд. Тилемах., II, 217).

Возукреплять: То давал, на болезни от слабости, те напитки, Возукреплявши помалу части все благородны (там же, 82).

Возъяти: Благослови душе моя, Творца вселенной имя свято, Которо к красоте всея Природы, выше звезд возъято! (Сум. СС, I, 146).

Воскатиться: Велишь ты солнцу воскатиться, От утренних далеких стран, Светить и паки возвратиться К отдохновенью в окиян (там же, 102).

Восколебать: Российская Фетида вскоре Восколебала горы, лес; Подвигла Средиземно море (там же, II, 108).

Восколебаться: Мы зрели в Азии носящую нас землю под ногами нашими восколебавшуюся и три града наших упадшими от землетрясения (Фнв. СС, II, 224).

Восплескать: Дрогнет земля и Понт восплещет, Всевышняго услыша глас (Сум. СС, I, 62); О естьли мы дождемся вскоре Сего желаннаго плода! Балтийское взыграет море, Восплещет невская вода (там же, II, 114); Которыя царя к потоку привлекали, Наяды, вынирнув руками восплескали (Хрс. Росс., 75).

Воспоможение: Воспоможения у бога кто не просит, Тому для целаго труд пользы не приносит (Сум. СС, I, 185).

Воспоразить: Да и воспоразил Писистрата вдруг дротиком в чрево (Трд. Тилемах., II, 142).

Воспрекословить: Я на вас ссылаюсь, побежденные неприятели! ежели вы воспрекословите, то самыя места, вам возвращенныя противу вас возопиют (Дамаск., 6).

Восплясать: О моя любезна лира, Дай и мне путь в небеса: Вознесися днесь со мною; Да воспляшут под тобою Гор Фракийских древеса! (Сум. СС, II, 3).

Воспрозябнуть: Слово простое твое, и без всякие пышности слово, Так удобно и тихо втекло в слышавших сердце; Как роза на траву весной воспрозябшую ново (Трд. Тилемах., II, 154).

Воспрославить: Воспрославим обще тако, Господа, отца, И хвали дыханье всяко, Бога и творца! (Сум. СС, I, 217).

Воссветиться: Он рек: се солнце воссветилось, Сиянье с север опустилось, Лице полнощи расцвело! (Ода 1777, 2).

Воссмятение: Отяготися на нас рука божия в виде известной болезни; но се при чувствовании еще оной, се новый предмет болезнования и воссмятения сердец наших! (Кирилл, 1).

Восстенать: Некая мысль меня обременяет, и она многажды восстенать меня побуждала (Фнв. СС, II, 220); Все восстенали бойцы, что увидели юношу падша В крови своей (Трд. Тилемах., II, 144); Упала тьма на град, там стены восстенали! (Хрс. Росс., 36).

Востревожить: Вздыхания твои меня не востревожат; Досаду лишь мою и гнев они умножат (Хрс. Тв., V, 20); Стихии тамо возбунтуют И востревожат горизонт (Сум. СС, II, 28).

Вострепетать: Могущи Титову забыть приязнь, Да вострепещут все, злодеев видя казнь! (Княж. Соч., I, 127); Вострепетала Россия, неизреченный ужас объял души, и жаркая печаль пронзила всех сердца (Фнв. СС, II, 188); Весь град вострепетал; пороки в мрак сокрылись (Хрс. Росс., 8).

Издоить: И притом млеко от тельчих стад издоенно (Трд. Тилемах., I, 76).

Исскользать: Да научится, что самые вещи, держимы руками, Она в едино мгновенье из горстей исскользают (там же, II, 218).

Иссчитать: Как в лаврах слава прилетала К тебе с Дунайских берегов, Ты скорбь и раны иссчитала Твоих торжественных полков (Хрс. Тв., I, 159); Твои дела я знаю, И мужа храбраго в Гормасе почитаю; При имени твоем другой бы трепетал, Он лавры бы твои со страхом иссчитал (там же, V, 23).

Низзреть: Низзри как Павел весь облекся В геройства вид, в надежды свет! (Птрв, 28).

Низлетать: Ужасны молнии блистают, Земля то видит и дрожит, Громовы стрелы низлетают, Разят, и окиян бежит (Сум. СС, I, 140).

Низлиться: Повелел он на высоте облакам, И двери небеси отверз. Низлияся дождем им манна, И дал Господь им яствие небесное (там же, 109).

Низломить: Борей с Невы от Бельта дует, И Самарканда вновь воюет: Низломят дерзкой Порты рог (там же, II, 99).

Низломиться: Падут их воины, кони и колесницы, Низломится их рог (там же, I, 23).

Низметать: Низмещет при дождях он молнии с небес (там же, 192); Он снег как волну рассевает, И иней яко пепел, Льда глыбы низметает (там же, 214).

Низтекать: Небесный дух над Ней летал; С пера премудрость низтекала (Хрс. Тв., I, 187).

Пребезумный: Он говорит сам в себе: Не познал я, о пребезумный! Ни богов, ниже человеков, и ни себя сам (Трд. Тилемах., II, 103).

Пребесчасный: Всякая пища была невкусна, старичку пребесчастну (там же, 152).

Преблаговонный: Очи имел всегда вперенны на рощицу Дафней, И на поточек, у коего были брега опушенны Ионом цветом, притом шипками и кринами также, И другими многими преблаговонными цветы (там же, 123); Он цветами из полны руки усыпал то все тело, К сим прибавлял еще намащения преблаговонны (там же, 153).

Пребольший: Та и причина, что добры цари бывают нередко, А по пребольшей части они толь злы и злотворны (там же, 114).

Пребудущий: О старче! о делах пребудущих известной, Взведи глаза кругом, и слух твой преклони (Хрс. Росс., 123).

Пребыстрый: Роды людей претекают, как струи рек пребыстрых (Трд. Тилемах., II, 115).

Превеликий: Промчится в превеликих звуках О наших слава так науках И всю Европу удивит (Сум. СС, II, 18).

Преглубокий: То с печали ушел на дикую самую гору, Где пребывал убог, отлучен и от всех человеков, Даже до преглубокия старости и премаститы (Трд. Тилемах., II, 122).

Прегорький: Саксония опустошенна, Прегорькия познав часы, Рекою слезной орошенна, Терзает на себе власы (Сум. СС, II, 20); Весь попускался в прегорьку болезнь и печаль неутешну (Трд. Тилемах., II, 65).

Прегромко: Глас Паллада соделала некак в нем устрашающь, Коим ближние горы все огласились прегромко (там же, 145).

Прежестокоий: Слышу в бурях прежестоких Рев из глубины той (Сум. СС, II, 7); Должно впрочем познанный обман унимать прежестоко (Трд. Тилемах., II, 180).

Преискренний: Но, свидетели боги, что я с преискренним сердцем Дал вам новый сей вымысел, в себе самом преполезный (там же, 122).

Преиспытный: Ветрила пышутся, якорь тотчас извлечен с дна глубинна; Коль от пристанища вдаль, брег и град толь уходят воспятно: А преиспытный кормчий усмотревать начинает Гору Левкату (там же, 201).

Прекрайний: А в прекрайней слабости, усмотревал уже он близко От себя отверсты врата в премрачнейший Тартар (там же, 87).

Премаститый см. *Преглубокий*.

Премноголюдный: Положено в совете ждать войска премноголюдна Должно которому было прибыть (там же, 69).

Премрачнейший, см. *Прекрайний*.

Премутный: Видит потом печальны брега реки той премутны, Коея грязна вода и стояча вкруг токмо вертится (там же, 96).

Пренаглый: Вскоре потом Давнианин некий рода незнатна, Но пренагл и пресмел, Диоскором кой назывался, Прибыл в Союзничий стан (там же, 134).

Пренаполнить: Дом сей пренаполнило кровию же и убийством (там же, 119).

Пренаслаждаться: Так и благие цари, на полях Илисийских прекрасных, Пренаслаждаются всеж несравнено большим блаженством, Нежели прочии от людей добродетель любивших (там же, 110).

Пренеисчетный: Будтоб убогии не возмогли препитаться полезней, От умножений трудов из земли, не нежа богатых Пренеисчетными теми утех и сластей хитрованьми (там же, 173).

Пренепависпный: О любезная тень! Призови ж и меня на брег Стига: Свет сей белый мне уж есть пренепависпен: Токмо тебя я, Иппий дражайший, видеть желаю (там же, 86).

Пренеприступный: Внити понеже тебе дано во царствие нощи, Пренеприступное всем другим на свете живущим (там же, 98).

Пренесказанный: А сие удивило еще их пренесказанно, Что потщился погребсть он Иппия честно помногу (там же, 84).

Пренеутешно: Сих Тилемах обоих сговорчивей, был же и тише, Но изнурен находился печалию пренеутешно (там же, 65).

Преобагрить: Руку супружницы преобагрившие в крови супругов; Также Предатели, что своей изменили отчизне (там же, 101).

Преострый: В том Тилемах иссунул немедленно меч свой преострый, Коего черен от злата был, дарованный Лаертом (там же, 61); Он содрагался и впал в страхования зельно преостры, Чувствовать давший нечто ему из отчаяний адских (там же, 110).

Препечальный: Ментору так вещавшу, был Тилемах препечален (там же, 209).

Препоглащать: Долг всему погибать; всему быти в крови погрязшу; Пламенем и всему в сгорание препоглащенну (там же, 81).

Преподлый: Вооружайся бодро сам на себя, и на страсти, И на преподлых тех, Ласкательством что промышляют (Трд. Тилемах., II, 116).

Пресмелый см. *Пренаглый*.

Пресмертоносный: Царска ошибка во всех притязаниях, коими льстился, Часто весьма производит громления, грады,

убийства, Траты большие, и наконец, повреждение нравов, Коего пресмертоносны плоды расширяются в веки (там же, 189).

Претеплый: Се Тилемах претеплу мольбу проливает тут к небу (там же, 219).

Преужасный: Когда миновала та преужасная богоневедения нощь? (Алксв 1759, 6; И преужасный испускает, Дрожа, во преисподней крик (Сум. СС, II, 40).

Преутверждать: Преутверждал исповедуя, что прямая великость В мерности, в правде, в любви к человекам, и в скромность (Трд. Тилемах., II, 64).

Преутеснить: Там присуща божественность онаго преутеснила; Был он как человек в сне отягщенный толико (там же, II, 220).

Пречудный: Среди пречудныя при ясном солнце ночи Верхи златых зыбей пловцам сверкают в очи (Лом. ПСС, VIII, 704).

Соблистать: Рекла: «Как злых не укрочу, Алчбе их света не достанет; Пускай на гордых гнев мой грянет, Соблещет молния мечу» (там же, 651).

Совосклицание: Но царь сей воскликнул тако и других возбуждал к совосклицанию (Амвр. ПС, I, 7).

Совосплескать: И се я токмо лиру строю Твоих ко пению заслуг, Се внемля мой усердный тон Мне тихий совосплещет Дон! (Птрв, 160).

Солежать: В самое время тож на острова бреге он видит, Всех солежащих на траве мореходцев Салантских (Трд. Тилемах., II, 215).

Соправить: Когда благочестиво правят Цари врученным царством им, Злытые тамо дни восставят, И бог соправит купно им (Хрс. Тв., I, 112).

Сопутница: Сопутницей своей имея добродетель, Как будто видел рай в обители владетель (Хрс. Росс., 15).

Сорадоваться: Сии ужасныя стихии Сорадуются днесь России И славят наше божество (Хрс. Тв., I, 149).

Сосражаться: Был бы уже с ним в Исакийском пристанище в сей час, И сосражались бы мы, да врагов победим всех наших (Трд. Тилемах., II, 217).

Соторжествовать: Сам Петр и Карл соторжествуют, Сердца геройски веселят, Веселие свое делят, Друг другу радость повествуют (Сум. СС, II, 32); Ликует воздух, огнь и воды, И кажется, что все народы, Что шар земной, стеснившись весь, Соторжествует Россам здесь (Хрс. Тв., I, 149).

Соударяться: Оба сверкая меча, как молнии громоперунны, Соударяются меж собою многажды накрест (Трд. Тилемах., II, 147).

Соцарствовать: Соцарствуя Екатерине, Везде простерла ризу ныне Спасительная тишина (Хрс. Тв., I, 153).

Багряновидный: Где нежные сплелись багряновидны лозы, Под тенью видит он рассыпанныя розы (Хрс. Росс., 90).

Благожелательный: К чему ни приклонишь уши, слышати есть благожелательные восклицания гласы (Стеф., 3).

Благозрачность: В юном не знаю что острое и любезное зрится; Все благозрачности как красоты так и младости вкупе, Осиявают лице все его и все тело осанкой (Трд. Тилемах., I, 159).

Благоизбыточный: Благоизбыточен стол при вина тут мало пиемом: Добрый хлеб есть кушаний главная часть с овощами (там же, 75); То рукоделия сами они для себя Кои жизни простой и благоизбыточной нужны (там же, 141).

Благолепотный: Так почто ж безумно толь утверждать о целом благолепотнейшем сем мире (Трд. Феопт., 1).

Благомудрый: В сей вводит он царя благомудраго (Трд. Тилемах., I, 10); Вы благомудрейши всех человеков под солнцем (там же, 93).

Благонравность: Смиренномудрие токмо одно в них действительно зрилось, А долговременны был добродетели плод, благонравность, Так покоренна, что разуму те без труда подвергались (там же, 84).

Благоощадность: Любим мы паче всего в нас здравие, благоощадность, Крепость как телесную, так душевную силу (там же, 169).

Благоплодность: Но что нам, обогащенным таковым стихом от природныя благоплодности, в текущей плавно, пылающей жарко и на все извивающийся страны способной легкопарно словесности нашей (там же, I, VIII).

Благоприменяться: Чего для всподданейше свидетельствуя нашу благодарность августейшей монархине и мыслями нашими благоприменяюсь к связи, в действиях Ея находящейся, торжествующему ныне с нами собранию намерен я в посильном рассуждении предложить о связи вещей во вселенной (Бр., 5).

Благосердечный: Буде ж, впреки, они не весьма так благосердечны, Чтоб приступить к твоим разумениям (Трд. Тилемах., I, 203).

Благоспешствовать: Нечего здесь тебе и некого ныне бояться: Все благоспешствует толь, и конечно все благосклонны. (там же, 56).

Благоспешный: В бурное оное время Адраст, котораго войско Изнемогло вельми в сражение, скрылся убегший Спешно на гору Авлон, в ожидании помощей разных, И благоспешна часа, еще исплощить сопротивных (там же, II, 91).

Благостроительность: Сей показался нам град пространства в себе преобширна, И многолюднее всех в Елладе градов

пресловутых. Благостроительность в нем совершенна по чистосте Улиц (там же, I, 21).

Благостройность: В их поведениях всех благостройность исправная зрится (там же, 47).

Благочестивец: О коль многия от очес правоверных стариков, и прочих благочестивцев, источить сотворила от необъятной радости источники слез! (Маркелл, 7).

Благодосадительный: Протчего не хочу упоминать, чтобы между всеми святостими священнейшия имена от замерзания их богодосадительных слов не претерпели какого прикосновения (ЕС 1755, 181).

Богоневедение: Когда миновала та преужасная богоневедения нощь? (Алксв 1759, 6).

Богонеистовствовать: И таких вещей, в которых и ныне невежды от удивления богонеистовствуют, находится в натуре неисчерпаемое море (Анчкв 1769, 20).

Богонеистовый: Однако многие суть и в христианстве столько богонеистовые, которые нас клятвенно и ныне уверяют, что они, и особливо в недугах, действительно видели рай и ад (там же, 16).

Богородный: Скиптр у богини в руке был одной волнам укротитель, А держала в другой на лоне Палемона сына, При сосце возлежаща своем богородна младенца (Трд. Тилемах., I, 71).

Богочтитель: Он (божественный закон) содержит в себе известныя богочтителям десять заповедей (Коз. ФП, 26).

Велевратно: Низкия долы притом, где реки, крутясь велевратно, Тож неисчетно еще, с собою играющи мнятся Самых среди лугов (Трд. Тилемах., I, 28).

Велелепность: Сии цари когда похваляли, Всю велелепность твою, тогда в себе помышлял я О твоих поступок продерзости, сей же великой (там же, 196).

Велеродие: О любезное чадо мудрейшаго мужа из еллин, Чадо любезно богам, велеродие от Одисса! (там же, 189).

Велеславно: Все победители нам велеславно толь разглашенны, Суть подобны оным рекам, из брегов исходящим (там же, 144).

Великоважный: Сие избрание кроме других бесчисленных и великоважных дел, в тридесять лет содеянных, оправдала она и победою над врагами любезнаго ей отечества (Дамаск. 4).

Великолепствовать: В учение народы вникнут, Великолепствовать обыкнут Красою только хвальных дел (Сум. СС, II, 48).

Водоплывный: Усмотревал уже часть на брегу устрашенных египтян, Коя бежала к ружью, а другую, котора казалась Встречу идуща тому водоплывному шедшему строю (Трд. Тилемах., I, 33).

Водопресный: Многи там ручьи водопресны, чисты и свежи (там же, 45).

Всевечно: Данаиды Черпают воду во век сосудами утлыми всюду, Где Иксион на своем колесе вертится всевечно ж (там же, 135).

Вседаровитый: Но знаю и то, что вседаровитый бог помнящи своя от нас не отъемлет, но милостию своею и предваряет и возбуждает (Стеф., 11).

Всезимный: Также и на хребте горы Аграгая всезимна (Трд. Тилемах., I, 14).

Всезритель: Пинех их был благотворитель, Сдержал их зыблющийся век: А за сие его всезритель Своим угодником нарек (Сум. СС, 1, 159).

Всепокорство: Все цари, хотящи быть престрашными токмо, И единственно всех утеснить себе подчиненных, Да соделают их работнейших по всепокорству (Трд. Тилемах., I, 19).

Всепоспешно: Тот (меч) кровию весь обагренный, Вдруг обращает к себе концом торопя и всепоспешно (там же, 79).

Всепрегорький: Для чего толь пещись о моем животе всепрегорьком? Мне б не лучше ль за братом Иппием следовать было (там же, II, 88).

Всепремощный: Сушу при нем во той час превыспренных оных собору, Вспех отверзается дом всепремощна богов на Олимпе (там же, I, 151).

Всесердечный: Но еще умилились больше, зря в Тилемахе Чувственность жалостну толь и желание толь всесердечно (там же, II, 87).

Всеудобный: Правда, я не радел об оратайстве и совокупно О купечестве, толь на сих берегах всеудобном (там же, I, 192); И научите его подождать себя всеудобно (там же, 39).

Всечтимый: Чувствую я еще, что боги, всечтимыи мною, Любят тебя (там же, 38).

Всеядущ: Рассмотрим все стихии, как огнь зело есть силен, всеядущ и светел (Гребн., 4).

Второздатель: В сем же сословии нескольких за краткостию времени мимошедши, стремится мысль моя к славному Казанскаго царства покорителю, Новгородскаго своевольства усмирителю, Ордынскаго ига свободителю и Архангельскаго собора второздателю (Алксв 1772, 6).

Высокопокровительствуемый: Под благословенною Ея державою высокопокровительствуемыя науки больше распространяются (Дсн. 1781, 20).

Гневовоспаление: И какая нужда говорить о множестве прочих страстей: легкоумии, гневовоспалении, роптании, стремительно-душевном поползновении (Вас. В., 7).

Доброзлачный: Прямо к царям сим пошел Тилемах, которы гуляли В благоуханных рощицах, по траве доброзлачной (Трд. Тилемах., II, 110).

Добролепность: Их на лице красота, и приятности, и всю миловидность, Купно и любости вся ж совокупно играя сияли;

Но добролепности те преизбыточно были притворны (там же, I, 62).

Доброличность: Зря издалече богиня на ту, И сама совокупно В самом прозрачном своих из источников Также смотрелась; Видя ж свою доброличность, пришла в устыдение много (там же, 113).

Долголетствовать: Премудростью многоочита, Щедротами обильна мать, Успеха Россов и защита, Небес к нам промысла печать, Живи, цвети и долголетствуй, С престолом тишину приветствуй (Птрв, 32).

Долгопротяженный: Ирида се по небу летит распещренными крылы, В множестве разных мастей осиявшим пред Фивом красящись, И по себе в воздушном пространстве и в том неизмерном Долгопротяженный след полосой оставляющи света (Трд. Тилемах., II, 62).

Добросердство: О великаго сын Одисса, с каким добросердством Я восприемлю тебя, котора есмь из бессмертных (там же, I, 8).

Добросчастный: И темносиним небесный свод мастящийся цветом, Плытие нам обещал добросчастное жидким по безднам (там же, 37).

Добротворство: Сердцам вашим природное добротворство служит к украшению наших времен (Анчкв 1769, 3).

Единовластвовать: Огромными объят стенами, Град Кремль и сердце Росских стран, Единовластвующий нами, Князь росский храбрый Иоанн (Сум. СС, II, 81).

Жестокотворить: Како иныя (огнь) снедает, или сожигает, иныя чистит и исправляет, . . . иныя жестокотворит (Гребн., 4).

Живодышущий: О прегорни, колико ж вы человеком соперны! Иппия нет уже для меня живодышуща болей! (Трд. Тилемах., II, 88).

Живочувствительный: Быв Тилемах по сложению живочувствителен юный, Всеми утехами тут наслаждался (там же, I, 137).

Златожаждущий: Где твое златожаждущее войско? (Сум. СС, IX, 232).

Златолазоревый: Долго я видел ея колесницы с четой голубиной, В облаке златолазоревом след; потом та сокрылась (Трд. Тилемах., I, 60).

Златосиянный: Так рекла, и снесшись на облаке златосиянном, Явно предстала Калипсе (там же, 106).

Златошвенный: Зря Тилемах подплащник себе из тонкия шерсти, Коя своей белизной превышала снежную белость, Да багряничный плащ по краям пол вкруг златошвенный (там же, 6).

Злоключиться: Был поражен Наарвал ударом толь страшным внезапу, Много с доброты стенал о злоключшемся Пигмалиону (там же, 131).

Зломышленник: Все восстает противу Франции, чужестранных возмущают, союзников отводят, приятелей устрашают, ободряют побежденных, вооружают зломышленников (ЕС 1763, 144).

Злопроисшествие: И ниже словом изрещи удобно всех от Пиянства злопроисшествий (Вас. В., 8).

Злотворство: Некоторой дерзкий Катилина, растлив злотворством разум. . . в обман невежественной черни кричал вольность! (Трт., 6).

Косношагий: Им подавала та плуг косношаги волы влекомый (Трд. Тилемах., II, 76).

Краснозрачный: Битвы наставши дню, едва заря всезлатая Солнцу отверзла восточны врата на пути краснозрачном (там же, 136).

Лжесвятость: Мне мнится человек себе подобным брат: И лжеучители рассеяли разврат; Дабы лжесвятости их черни возвещались, И ко прибытку им их басни освещались (Сум. СС, IV, 70).

Любозвонность: Менторов также и глас не имел любозвонностей женских; Но был гибок, проразист, ярок и сладостен слуху (Трд. Тилемах., I, 139).

Любомирный: Многия на сопротив содержали царя любомирна, Лучшаго быть затем, что браней бы он опасался (там же, 86).

Любообщение: Но как сострастное сие чувствование основывается на любообщении (socialitias) в природе человеческой впечатленном, и поэтому один человек следуя сему общеполезному натуры вдохновению, находит свое спокойствие в счастии другаго (Бр., 5).

Любопальный: Дий, Афродиту теша, сказал ей: правда та суща, Дщи моя, что Паллада сердце в юном Паласге, Презащищает от стрел твоего любопальнаго сына (Трд. Тилемах., I, 152).

Мздоприимство: Справедливость его, будучи вовсе удалена от всякаго лицеприятия и мздоприимства, не делала между подчиненными его никакого различия (Макарий 1782, 7).

Многокудренно: Им заплетенные космы свои ж по хребту распущать бы; Им завитый многокудренно влас возвышать бы рядами (Трд. Тилемах., I, 62).

Многоливный: Им другую дали тогда мореходцы одежду, Тем что замокшая их водой все отяжелела, Текший отвсюду с той ручьем дождя многоливна (там же, 126).

Многомочный: О чада, подвластныя ложным богам, Узрите владыки вселенныя честь, Почувствуйте область его многомочну (Сум. СС, I, 35); Когда мои дела по совести прочны, А я имею коварства многомочни, Подладив под закон обиду сотворю, Какой сыщу ответ я богу и царю? (там же, 98).

Многопенисто: Слышим или един шум также быстра потока, Кой устремлял свой бег с верхов многопенисто врея И по лугам и полям пресмыканием в даль убегая (Трд. Тилемах., I, 5).

Многотрудившийся: Начертал бы я в умах ваших героиню, прекрасную августейшую Екатерину — дела многотрудившагося российскаго Геркулеса на рамена свои приемлющую (Лом. ПСС, VIII, 240).

Новорождшийся: Знаешь, любезный друг, говорил он Ментору живо, Честь мою и славу сего новорождшаяся града, Коего ты таишь истощение ближним соседям (Трд. Тилемах., I, 199).

Огнедышный: Ревность, котора всегда от любви неотлучна, служила Средством сильным против тоя любви огнедышны (там же, 112).

Огнелунный: С места сего созерцают они огнелунны светила, Кои текут вокруг катяся под оных ногами (там же, 150).

Резкогласный: Сам телец от телиц бежал, а смущенный воловик Позабывал цевницу свою и сопель резкогласну (там же, II, 94).

Самовещественно: А отсюду есть не токмо умне, но и самовещественно, с богом быти единаго духа (Мог., 5).

Самомненный: Зельно блюди поверить тому, что сказывать станет. Юность лет по природе своей весьма самомненна (Трд. Тилемах., I, 6); Матерь его, несмотря на Ментора с млада взрастила В гордости, и в высоте, и в надмении том самомненном (там же, II, 18).

Самоумство: Богиж сему попустили быть погрешению мною, К сему впредь послужить моегоб самоумства к исправе (там же, I, 10).

Светожизненный: Лишь светожизненный Фив озарил всю землю лучами, Как в том Ментор, услышав глас богини Калипсы (там же, 58).

Священносвятой: Трибуны народа римскаго и посланники, из которых последние назывались еще и преимущественно пред прочими священносвятыми и не оскорбляемыми (Дсн. 1772, 28).

Сладкозвенящий: Где взыщу сладкозвенящии богоотца Давида гусли, да став на недремлемой стражи, взыду бряцая на них в сретение светоносному ангелу (Вениамин, 1).

Смиренномудрствие: Смиренномудрствием вдруг лице приходило во светлость (Трд. Тилемах., II, 19).

Тайнозритель: Но со светлыми ангелы мнози ратующе, что взывзыскали? виде тайнозрители брань на небеси (Мог., 14).

Умонепостижный: Которая притча так умонепостижна показалася, что апостоли сами принуждены были особь на едине приступльше вопрошать Иисуса, о ея истолковании (Флор., 11).

Цветобледный: Там на ниву при пристоле стояла смерть цветобледна, Дивище мозгло, мослисто, и глухо, и немо, и слепо (Трд. Тилемах., II, 99).

Чрезъестественный: Все скоты и звери уреченныя имеют к совокуплению стремление: а от пиянства душею будучи одержимые, и телом чрезъестественной горячести наполненные, по всякое время и по всякой час к нечистым и безобразным совокуплением и любострастиям позываются (Вас. В., 6).

Человекояд: Древо сие ни всяко плотоядныя, но человекояды птицы, Остерман и Миних с своим стадищем начали стали чрез двонадесятолетие обеспокоивавшие, сещи и терзати (Флор., 14).

§ 20. В результате указанных лексических процессов к середине XVIII в. в пределах высокого слога сложился определенный пласт стилистических славянизмов, объединяющий значительный круг лексем или их форм, маркированных как выспренные, торжественные. Наличие такого рода лексики в литературных жанрах классицизма соответствовало высокому содержанию этих произведений, а единство содержания и формы придавало цельность и законченность всему высокому стилю. Неудивительно поэтому, что высокий слог имел значительный вес на всем протяжении XVIII в. и оказывал влияние на другие стили литературного языка. В середине XVIII в. влияние это сказалось в двух планах: во-первых, элементы высокого слога в той же стилистической функции могли включаться в другие стили языка; во-вторых, те же элементы высокого стиля могли выступать в других стилях уже в другой стилистической функции.

Целый ряд торжественно окрашенных, приподнятых славянизмов высокого слога мог функционировать в той же роли в соответствующих по содержанию контекстах простого слога языковой системы. Это относится к одной из разновидностей делового языка, — назовем его парадным деловым языком, — к которому принадлежат такие памятники, как царские манифесты, воззвания, дипломатические акты и т. п. Стилистические славянизмы имели место также и в научном языке, в сочинениях, рассчитанных на произнесение при торжественных случаях, в ученых речах Ломоносова, Крафта, Зыбелина, Десницкого, Рихмана, Роста и др. Приведем некоторые примеры. Глагол *обитать* был типичным славянизмом для середины XVIII в., он широко распространен в различных жанрах высокого слога, где имел торжественно-приподнятую экспрессию; в том же качестве он встречается и в указанных выше разновидностях простого слога:

в высоком слоге: Господи, кто обитает В светлом доме выше звезд, Кто с тобою населяет Верх священный горних мест (Лом. СС, I, 6, Ода дух.); Развите небеса, бросайте огнь и гром. Пади над телом сим несчастливый сей дом, Где праотцы ее так долго обитали, И где родители Оснельду воспитали (Сум. СС, III, 52, Хорев);

в среднем слоге: а) в парадном деловом языке: Обязуется торжественно употребить всю власть и способы к обузданию и воздержанию народов, на левом берегу реки Кубани обитающих (ПСЗ, XXIII, 290); б) в торжественных ученых речах: Своим любо-

пытством и исканием он хощет доказать, сколько росс в состоянии обитать и в самых неприступных народам странах (Дсн. 1768, 189); Народ российский по великому пространству обитающий, не взирая на дальнее расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах (Лом. СС, I, 7).

Частица *да* со значением модальности выступает также в высоком слоге, как и в других разновидностях среднего стиля:

в высоком слоге: Бог, в его же деснице душа твоя, да откроет тебе наше усердие (Кирилл, 7); Пойдем к нему, пойдем; да истолкует он Со мной поступок сей, мой жалкий слыша стон (Княж. Соч., I, 14);

в среднем слоге: а) в парадном деловом языке: Между Ея Императорским Величеством Самодержицею Всероссийскою и Его Султановым Высочеством, також между их верноподданными государствами отныне и навсегда да пресекутся и уничтожатся всякия неприязненныя действия и вражда и да предадутся оныя вечному забвению (ПСЗ, XXIII, 288); б) в торжественных ученых речах: Ограничь судью и судимаго, да никто из них предписанного им предела не преходит (Дсн. 1768, 193); Да к сохранению здравия и жизни смертным от вредных воздушных стремлений откроет безопасное прибежище (Лом. ПСС, III, 99).

Взаимодействие высокого слога с другими стилями языка выражалось также в том, что некоторые характерные для высокого стиля лексические элементы могли выступать в других функциональных стилях уже в другой стилистической функции. Так, определенные группы славянизмов, придающих высокому стилю приподнято-торжественный характер, в деловом языке утрачивают данную стилистическую окраску и приобретают новую. Лишенные своей эмоциональной выспренной тональности, эти слова приобретают характер архаических штампов деловой речи, т. е. становятся тем, что теперь называют канцеляризмами. Приведем для примера одну такую группу слов, а именно союзы *аще*, *егда*, *понеже*, *поелику*, *дабы*, *яко* в произведениях высокого слога, служащие для его возвышения, а в деловом языке выступающие как типичные канцеляризмы:

в высоком слоге: Како веселым не восторжествуем сердцем, егда нам церковь Христова новую и неслыханную весть, да еще и радость великую приносит (Сеч., 2); Аще посмотрим на воду: не менее ныне мокрая, прозрачная, студеная, жажду утоляющая и другим нуждам служащая, как и вчера (Стеф., 4); Познают, что монарх и что отец прямой, Строитель, плаватель, в полях, в морях герой, Дабы российский род во веки помнил твердо, Коль, небо, ты ему явилось милосердо (Лом. ПСС, VIII, 699);

в деловом языке: Палою язвою скот, не снимая кожу, совсем в землю зарывать или совершенно сжечь, егда иной способ не изыскан поныне (ПСЗ, XII, 530); Мое мнение есть, аще турки не объявит нам войны прежде 1-го числа октября, чтоб от того

числа, войска расположить по винтерквартирам (Псм. Ек. II, XVI, 48); По должности моей, в предосторожность ея И. В. интереса представляю, дабы соблаговолено было из типографских служителей кому одному над протчими в той типографии людьми и работами надзирать (МАН, VII, 199); Понеже многие охотники почти ежедневно спрашивают и желают иметь у себя изданный мною в свет «Реторики». . . того ради сим представляю (Лом., ПСС, IX, 403).

Часть лексики, входящей в состав славянизмов высокого слога, имела более широкое распространение в литературном языке середины XVIII в. Это относится главным образом к неполногласным вариантам, таким как *брег*, *древо*, *злато*, *здравие*, *здравый*, *младой*, *младость*, *сребро*, *средина*, *хладный*, которые могли в середине XVIII в. свободно употребляться не только в произведениях высокого слога, но и в среднем слоге, не нарушая его нормы. Такого рода лексику назовем традиционно-книжной. Продемонстрируем это на нескольких примерах.

Слово *брег* широко известно в памятниках высокого слога, но оно встречается и в среднем слоге, хотя его тональность другая, например в переводах Фонвизина: Я просила Кореба проводить меня на брега Афинские. Хотела ожидать вместе с моею матерью там конца несчастной жизни (Карита, 112); Как! Я не могу бежать от тех брегов, которые должны быть мне ненавистны? (Сидней, 37). Также в официальном письме: Овладел всеми малыми архипелагскими островами; посылаемыми отрядами беспокоил брега Азиатские и Европейские, и тем принуждал турок великое число их войск для хранения внутренности своей страны содержать (Псм. Спрд., 557).

Слово *средина* также могло кроме высокого слога употребляться в среднем слоге, но с другой стилистической окраской. Оно могло выступать в разных своих значениях: 1) ‘место, одинаково удаленное от начала и конца’: В средине Сибири, а именно в Томске и в около лежащих местах должны быть дешевые (ЕС 1756, 203); Против средины компаса в обечейке прикрепить в E и F две ручки (Лом. ПСС, V, 463) (ср. в высоком слоге: И се с брегов Невы, из Севера средины Летят крылатые по бездне исполины — Птрв, 73); 2) ‘внутренность чего-л.’: Однажды ушел он в средину рощи близ большой дороги (Сидней, 44); Змей вышел из средины храма и приближался к приносимой жертве (Карита, 123) (ср. в высоком слоге: Пловец не зря конца пучины, К нему зовет из волн средины — Птрв, 156); 3) ‘время, одинаково удаленное от начала и конца чего-л.’: Писанной около средины XV столетия (ЕС 1763, 527) (ср. в высоком слоге: И погубил царя в средине ночи спяща — Сум. СС, III, 81).

Прилагательное *хладный* также употреблялось как в высоком, так и в простом слоге и в тех же значениях. Даже в таком специальном значении, как ‘с низкой температурой’, оно употребительно в среднем слоге наряду с его вариантом *холодный*: Не далече от

хладнаго пояса отстоят и Камчатские хребты пламень дышущия (Лом. СС, I, 362); Два зона хладных или студеных ВНСУ, CENG, которые во окружении полярных кругов (Кн. навиг., II, 98) — Сии места, одно ради близости холоднаго климата, другое для высокаго положения к студеному слою атмосферы поднявшегося, лишаются краткаго небес действия (Лом. Соч., I, 365); Магометане нашими сукнами одеваются, и жители самых холоднейших стран шерстью овец наших согреваются (ЕС 1755, 126).

Таким образом, уже в середине XVIII в. славянизмы могли выступать по крайней мере в четырех стилистических функциях: архаизмы, пиитизмы (высокая лексика), канцеляризмы и традиционно-книжная лексика.

Обследованный нами лексический материал довольно широкого круга источников высокого слога позволяет сделать некоторые выводы относительно места в них стилистических славянизмов.

1. Основу высокого слога составляет стилистически нейтральная книжная лексика, употребляемая в середине XVIII в. во всех видах и стилях литературного языка.

2. Грамматической основой высокого стиля также является русская общенациональная грамматическая система, нашедшая свое отражение в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова.

3. Характерной приметой высокого слога является наличие в нем стилистически окрашенных лексических и грамматических элементов, несущих торжественно-приподнятую экспрессию, — иначе говоря, славянизмов.

4. В плане грамматики такими стилистически окрашенными элементами являются немногочисленные отдельные старые формы слов. В области словообразования — это дублетные словообразовательные варианты к словам стилистически нейтральным. В области фонетики — это дублетные фонетические варианты русских слов; эта группа славянизмов является наиболее многочисленной.

5. Довольно значительный разряд славянизмов составляют сложные слова старого книжного языка с устойчивыми компонентами в первой или второй частях сложения.

6. Лексическую основу славянизмов в высоком слоге составляют синонимы-дублеты старого книжного языка, потерявшие свою специфическую церковную окраску и сохранившие в высоком слоге лишь экспрессивно-номинативную функцию.

7. В высоком слоге середины XVIII в. происходит пополнение разряда славянизмов за счет втягивания в данный пласт лексики иных по происхождению устарелых лексем, а также за счет аффиксации и словосложения на почве старого книжного языка, причем всегда происходит наделение этих новых славянизмов соответствующей торжественной экспрессией.

8. Таким образом, в высоком слоге середины XVIII в. выработался свой стилистически окрашенный слой языка, который

в том или ином виде применялся во всех видах и жанрах высокой литературы классицизма.

9. Высокий слог, будучи весьма авторитетным в русском литературном языке середины XVIII в., воздействовал на другие стили литературного языка, в особенности на книжный язык, и взаимодействовал с ними. Вопрос о влиянии высокого слога на формирование нового книжного языка является особым вопросом и не может быть освещен в рамках настоящей работы.

Вопрос об индивидуальном использовании славянизмов отдельными писателями-классицистами также выходит за пределы данного исследования, являясь объектом изучения индивидуальной стилистики.

Глава III

КРИЗИС ВЫСОКОГО СЛОГА И РАЗЛОЖЕНИЕ СЛАВЯНИЗМА КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ В КОНЦЕ XVIII в.

§ 1. Как литературное направление русский классицизм существовал на протяжении всего XVIII в., но его характер и значимость не оставались одинаковыми в течение всего столетия. Середина XVIII в. является временем расцвета этого литературного направления; в это время формируются все основные жанры классицизма, на это время падает расцвет творчества наиболее выдающихся его представителей: Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова; развиваются и обогащаются индивидуальные стили в рамках этого направления. Наконец, в этот период складывается высокий слог в его наиболее завершенном и чистом виде.

В этот период классицизм является прогрессивным литературным течением, так как разработанные им высокие жанры рассматривали человека как социально значимую единицу, определяли его отношение к обществу, к государству. Они выполняли воспитательную функцию, учили смирять личные чувства во имя общего, воспитывали в человеке мужество и верность долгу.

К концу же XVIII в. классицизм теряет свое господствующее положение в процессе литературного развития, так как в самой эстетической системе классицизма были заключены глубокие противоречия. «Как и всякое искусство, классицизм был призван отражать жизнь. Эстетический же кодекс классицизма ставил перед окружающей писателя действительностью препону в виде правил. Правила насиловали жизненный материал, жизнь холодно расчленялась на части и заключалась, как в клетку, в уготованный жанр. Реальная человеческая практика, жизнь общества представала в „очищенном“, идеальном виде. Человек и общество рисовались без истинного богатства, присущего им, без сочности, яркости, сложности и противоречивости живой жизни».[1]

В конце XVIII в. классицизм изживал себя, и вместе с этим изживала себя его стилистическая система, система трех стилей. Появились новые литературные направления, новые литератур-

---

[1] Г. Макагоненко. Русская поэзия XVIII в. — Поэты XVIII в., т. 1. Библиотека поэта. Малая серия, 1958 с. 52.

ные жанры, которые не укладывались в канонизированные классицизмом рамки трех стилей литературного языка.

Не касаясь сложных процессов, происходящих в среднем и низком стилях, остановимся лишь на судьбе наиболее важного для классицизма высокого стиля.

Кризис системы трех стилей, и в частности высокого стиля, особенно ярко проявился в последней четверти XVIII в. Это выразилось прежде всего в попытке расширения функций высокого стиля, приспособления его к нуждам новых литературных форм, применения его в новых, не свойственных ему жанрах.

Исследователи русского литературного языка справедливо указывают на попытки создания в конце XVIII в. славяно-русского языка, который охватывал не только художественные литературные произведения сентиментального направления, но и некоторую часть научных и публицистических сочинений.[2]

Славяно-русский язык конца XVIII в. положил в свою основу высокий слог классицизма, несколько архаизировав его в отношении лексического состава, но приблизив его грамматический строй к нормам среднего слога, т. е. общекнижного языка.

Нами проанализированы все славянизмы в нескольких различных по жанру и содержанию произведениях конца XVIII в. Жанры этих произведений не свойственны литературе русского классицизма середины века. Таковыми являются два романа, написанных в духе сентиментального повествования, наиболее ранний — перевод Фонвизиным романа Битобе «Иосиф» (1769) и вторая часть романа Хераскова «Полидор» (1794), а также прозаический перевод поэмы Тасса «Освобожденный Иерусалим» (1772), сделанный М. Поповым, и перевод философских диалогов Платона, произведенный И. Сидоровским и М. Пахомовым в 1780 г. под названием «Творения велемудрого Платона» (ч. 1).[3]

В результате анализа выявились следующие данные.

1. Во всех исследованных произведениях широко представлены неполногласные варианты слов; наиболее частыми являются следующие: *брег*, *брада*, *глава*, *глас*, *град*, *древо*, *злато*, *златой*, *младой*, *млеко*, *млечный*, *страж*, *хладный*, *глад*, *мраз*, *мрежа*, *средина*, *страна*, *здравие*, *влечь*, предлоги *пред* и *чрез*.

Менее часты употребления таких слов, как *врата*, *градской*, *кладезь*, *хлад*, *престать*, *сребреный*, *чреда*, *блато*, *вран*, *клас*, *младость*, *позлащенный*.

Единичны употребления слов: *вретено*, *собрегать*, *сребристый*, *вервь* и в сложении *редкобрадый*.

---

[2] См. в кн.: В. Д. Левин. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII—начала XIX в. Лексика. М.—Л., 1964.

[3] Как показал В. Д. Левин, все эти книги по своим языковым особенностям относятся к произведениям так называемого «славяно-русского» языка: В. Д. Левин. Очерк стилистики русского литературного языка. . ., §§ 5—8, 10.

2. Из слов с *щ* на месте русского *ч* лишь немногие слова являются часто употребляющимися, это *мещущий*, *мещет*, *мещетснощь*, *дщерь*, *хощет*, *хощу*.

Лишь единично употребляются: *облещися*, *произрещи*, *пещися*, *нарещи*, *нощный*, *отвлещи*, *восхощет*, *отвещал*, *отрещися*, *плещи*, *пресещи*, *претещи*, *разсещи*, *совлещися*, *тысяща*, *свеща*, *обрящешь*, *вврещи*.

3. Сочетание *жд* на месте чередования *д* встречается лишь единично и охватывает небольшой круг слов: *граждане* (в значении 'горожане'), *повеждь*, *провождати*, *провождается*, *заблуждать*, *пострадать*, *славожаждущий*, *угрожденно*, *страждет*, *труждаться*, *отхожду*.

4. Начальное *е* на месте русского *о* постоянно встречается лишь в словах *един*, *единый* и лишь единично в словах *единожды*, *езеро* и *елень*.

5. Фонетический вариант с *и* на месте *ь* встречается изредка в словах *биющийся*, *лиются*, *испиет*.

6. Славенский вариант основы глагола *имать* представлен в обследованных сочинениях довольно широко в следующих лексемах: *приати*, *приемлют*, *приял*, *прияв*, *предвосприимали*, *подъять*, *подъемлет*, *объемлет*, *изъемлются*.

7. Старые фонетические варианты глагола *идти* представлены немногочисленно лексемами: *внити*, *изыти*. Из других фонетических вариантов встречается *огнь* вместо *огонь*.

8. В единичных случаях представлены старые смягчения основ в словах *зерцало*, *подвизается*, *помизание*, *притязать*.

9. У двух лексем проявляются старые основы на согласный: *словеса* и *древеса*.

Морфологические особенности старой системы в указанных сочинениях представлены очень незначительно и единично, — это следующие.

1. Звательная форма *сыне*! (Тасс).

2. Старая форма творительного множественного *дланьми* (Тасс).

3. Остатки старых глагольных форм: а) повелительная форма *рцы* от глагола *рещи* в «Творениях веломудрого Платона»; б) редко употребительные формы глагола *быти*: *есте* и *суть* (Тасс).

Из синтаксических особенностей следует отметить употребление дательного самостоятельного, отсутствующего у писателей классицизма, например: Плывущу ему прямо брегов Африканских, он обратил корабли свои к земле Мавританской (Хрс. Тв., XI, 21); Идущу ему далее, зрит Полидор дуб освященный (там же, 64); Седяще Полидору на корме корабля своего и течение звезд наблюдающу, наступающая ночь вдруг пременяет для его очей свой путь естественный (там же, 126); Изрекши Евфодиму таковая, оные последователи Евфодимовы и Дионисодоровы,... пришли все во смятение (Платон, 43); Однако ни исходящему днесь мне по утру из своего дому, ни пришедшему сюда на судилище,... оное божественное знамение не воспротивилося (там же, 147).

4. Старые формы причастий, отличающиеся или фонетическими или морфологическими особенностями, например: *изшед*, *рекл* (Платон), *одеянный*, *убиенный* (Битобе), *возведяй*, *одеян*, *осмеливыйся*, *покровенный* (Тасс).

В области словообразования наблюдается большее разнообразие, нежели в области морфологии.

1. В указанных произведениях встречаем замену форм множественного числа существительных формой собирательной в словах: *тростие*, *каменне* (Тасс), *листие*, *ветвие* (Битобе).

2. Славенский суффикс *-ищ* для обозначения названия детеныша: *львичищ* (Херасков), *козлище* (Битобе).

3. Славенский суффикс *-ище* со значением ‘вместилища’ в словах *водохранилище*, *влагалище* (Тасс), *подвизалище* (Платон). Иногда встречаются и новообразования с данным суффиксом, например слово *гнездилище*, являющееся новообразованием высокого слога (см. с. 124 настоящей работы), где оно выступает в своем прямом значении ‘гнездо, место жительства птиц’, в славянорусском языке употреблено в переносном значении ‘место, где что-л. происходит, приют чего-л.’: Я миновал сие гнездилище соблазнов (Хрс. Тв., XI, 19).

Слово *вещалище* является новообразованием славяно-русского языка, встречаем его в «Полидоре» Хераскова в значении ‘место, где находится оракул, вещающий судьбу кого-л.’: Один должен я подвизаться к достижению священнаго Зевсова храма и вопросить о моем жребии дуб священный в лесу Додонском. . . о Полидор! или тебе не известно грозное завещание богов, претящих допускать Беотянина к Додонскому вещалищу? (Хрс. Тв., XI, 58). Иногда встречаются и другие стилеразличительные суффиксы, как например *-ец* у слова *венец* (Битобе) в значении ‘венок’.

4. Значительное количество стилеразличающих суффиксов находим в области глагола. Однако все это в основном единичные употребления, кроме глаголов *показует*, *показующий* и *напоять*, *напояющий*, *напоялись*.

Приведем полный список этих единичных глагольных образований: *дарствовати*, *истончавати*, *ответствовати*, *различествовати*, *сказуют*, *совещавати*, *стязуются* (Платон), *указует*, *упадает*, *стязуются* (Битобе), *начертавает*, *обещавал*, *отвязует*, *привязует*, *привязуется*, *связуется*, *устрояет*, *устрояется*, *опочиет*, *спорующийся* (Тасс), *болезную*, *истощевается*, *отодвигнул*, *поспешествует*, *вопиет* (Херасков).

5. Значительное число высоких слов как в количественном, так и в частотном отношении встречается в указанных сочинениях из той категории лексики, которая образуется при помощи префиксации. Это слова со следующими префиксами в их славенских значениях: [4]

---

[4] Разбивку по значениям префиксов производить здесь не будем, так как это уже делалось в гл. I и II настоящей работы.

воз-(вос-): *возбудиться, возвеваться, возвергнуть, возвестить, возвеять, возгласить, возгореться, возгреметь, воздержать, воздыхания, воздыхати, возжелать, возжигать, воззвать, воззреть, возлечь, возложити, возмнить, возмогать, возмочь, вознегодовать, возопиять, возращать, возрастить, воспалить, воспеть, воспевать, восписать, воспретить, воспринимать, восприять, воспрянуть, воспятить, воспящать, воссесть, восскрежетать, воссмеятися, восставать, восстать, востребовать, воссылание, восходить, восхотеть, восчувствовать, восшуметь, воспоследовать;*

из-(ис)-: извести, изъиматися, изити, излетети, излити, изникать, изощрять, изрыгать, изрыгнуть, изъявление, изъявлять, изъявляться, исковать, испещрить, искрашивать, испускать, испить, исполненный, истекать, иссечь, истканный, истончевать, исторгнуть, исторгнуться, исторгать, истощеваться, исходить, исшествие;

низ- (нис)-: низвергаться низложить, ниспадать, ниспасть, ниспослати, ниспустить, низринуться, низходити;

пре-: превязанный, пред, предаватися, преломляющий, прежалобнейший, преисполнити, премешать, прейти, пренебрежно, преоборовший, преобратить, препоясанный, препутанный, прерыв, прерывать, пресещи, преселение, преселиться, престать, престрашный, преступати, претворити, претещи, преходити, прехождение;

со-: совлечь, соделати, содеяти, содеяние, сопротивиться, сопрягаться, сотворити, сотоварищ.

В том числе встречаются образования, зарегистрированные ранее только в произведениях высокого слога писателей-классицистов, это такие слова, как *возбунтоваться, возгнушаться, возответствовать, восколебаться, преужасный* (Тасс), *восплескать, вострепать* (Платон), *сорадоваться, соторжествовать, соцарствовать* (Херасков).

Создается в славяно-русском языке и своя лексика по тем же моделям, например:

Возжалеть: Верь, что весь стан, коего ты есть наикрепчайшая подпора о тебе возжалеет, тебя возжелает, о едином твоем возвращении воспечется (Осв. Иерус., I, 191).

Вознамериться: Вознамерились вложить в них(очи) некое количество пепла и тем уврачевать недуг оный (Платон I, 12).

Возречь: Ты хочешь воспреимуществовать ложным титлом, возрек другой (Осв. Иерус., I, 205).

Возъяриться: Аргант, возъярился наивяще прежняго (Осв. Иерус., I, 225).

Воскипеть (в прямом и переносном значении): Вода начала вкруг струиться и в быстром вращении воскипела (Хрс. Тв., XI, 102); Внезапу мрачная ярость возгорелась в очах ея и воскипела в ея груди (Иосиф, I, 106).

Воскрилять: Иногда ко богам всемогущим восторги мои меня воскриляют (Хрс. Тв., XI, 111).

Воспечься: Но он воспекся весьма уже поздно остановити горячность сего юнаго ратника (Осв. Иерус., I, 223).

Воспреимуществовать: Ангельская ревность в сем случае воспреимуществовала над человеческою (там же, 50).

Воспротивоборствовать: Они только сие изобрели и благоустроили, что никто воспротивоборствовать им не может (Платон, I, 38).

Изженитися: Да толь низкие и беззаконные замыслы изженутся навсегда от наших душ (Осв. Иерус., I, 86).

Изучредить: Твое предусмотрение все изучредило (там же, 47).

Ниспровержение: Звѣроправный черкешенин, не доволясь его низпровержением, понуждал еще многократно своего коня протещи по его телу (там же, 225).

Содружница: Я вдалася в путь с ним и со двемя женами, которых я избрала быти мне содружницами во ушествии моем (там же, 150).

Соликовать: Воздух и земля с нами соликовали (Хрс. Тв., XI, 27).

Соподвижник: Превозмог он все сии препоны, и под святыя знамена собрал паки рассеянных своих соподвижников (Осв. Иерус., I, 2).

Сопочитатель: Он погибнет, и погибнет во всеобщем истреблении сопочитателей своея веры (там же, 51).

Сопребывать: О Муса! не на Еликоне седящая, имея чело увенчанное тленными лаврами, но сопребывающая между небесными духами, . . .вдохни в сердце мое божественный жар (там же, 2).

Сопутник: Изторгшись из объятий верных друзей своих, Полидор воссел на корабли свои с его сопутниками (Хрс. Тв., XI, 20).

Соравняться: Не только соравняться с нами, ты превзойти нас удобен (там же, 278).

В славяно-русском языке имеется значительное количество сложных слов, широко употребительных в высоком слоге, таких как: *благовременно*, *благословение*, *благоденствие*, *благодетель*, *благодетельный*, *благозрачен*, *благообразие*, *благорастворенный*, *благоугождение*, *бранноносный*, *велегласно*, *велелепно*, *веломудрствовать*, *вертоград*, *вертоградарь*, *водохранилище*, *градожитель*, *досточтенный*, *звероправный*, *златовидный*, *злочестивый*, *коловратный*, *красноглаголевый*, *легковерие*, *любостяжателен*, *медоточивый*, *мздовоздаяние*, *мздолюбец*, *молниевидный*, *оживотворити*, *победоносный*, *противоборник*, *противоборствовать*, *ратоборство*, *светозарный*, *умоначертание*.

Создаются в кругу славено-русского языка и свои сложные слова, например:

Долговласый и редкобрадый: Сей из Питфея, ежели вспомнишь ты Мелита Питфеянина, долговласаго, редкобрадаго и горбоносаго (Платон, I, 98).

Достолюбительный: Потом поносит мнящих себя достолюбительными быти ради единаго токмо телесного благообразия (там же, 2).

Ликоучитель: Аки лик некий восприявший знак от ликоучителя, пришли все во смятение (там же, 43).

Малопреходный: Не теряя времени воссела она на коня и малопреходным путем доехала она до градских врат (Осв. Иерус., I, 248).

Мздовосприятие: Всякому человеку не токмо без мздовосприятия все открываю, но с охотою готов и самого себя отдати, лишь бы только пожелал кто меня слушать (Платон, I, 99).

Олтареслужебник: Потом положено было во гроб из кипариснаго древа, для него приуготовленнаго, при воссылании богу от олтареслужебников молитв унывающими пениями (Осв. Иерус., I, 125).

Пустынножитель: Ты словеса сии вложил в уста сего пустынножителя (там же, 17).

Русовласый: Германцы были последуемы сим русовласым племенем, которое обитает между Франциею, Германиею и морем (там же, 22).

Самоизвольник: Была то дружина самоизвольников, составленная из толикаго ж числа ироев, коликих воинов (там же, 27).

Сеннолиственный: Под сенью дерев сеннолиственных восседят старцы (Хрс. Тв., XI, 23).

Славожаждущий: Сия славожаждущая девица довольствовалася вперяти ужас (Осв. Иерус., I, 65).

Из других лексических материалов, составляющих славянизмы в памятниках славено-российского языка, наиболее распространенными по нашим наблюдениям были слова *вещати*, *речи* и *узрети* в их различных формах; на втором месте стоит следующая группа слов: *агнец*, *зрети*, *муж* (в значении ‘мужчина’), *обитать*, *очи*, *отверстый*, *отревать*, *риза*, *соделати*, *сонм*, *стезя*, *узы*, *уста*, *чело*, *шествовать*; на третьем месте — слова *брачный*, *вертеп* (в значении ‘пещера’), *вина* (в значении ‘причина’), *вития*, *внимать*, *вопрошати*, *вящий*, *глагол* (в значении ‘слово’), *довлеет*, *косный*, *кошница*, *лик*, *мзда*, *обрести—обретать*, *огнь*, *одр*, *отверзать*, *отверзаться*, *отрок*, *отроковица*, *пастырь* (в значении ‘пастух’), *перст*, *повергаться*, *позорище* (в значении ‘зрелище’), *потечи* (в значении ‘пойти’), *присный*, *притекать* (в значении ‘приходить’), *проистекать*, *разглагольствовать*, *разметать*, *совлечь*, *совлекаться*, *сокрыть*, *сокрыться*, *сретать*, *сретаться*, *стопы*, *стяжание*, *уврачевать*, *уязвить* (в значении ‘поранить’), *чадо*.

Менее часто находим следующие славянизмы: *алкать*, *алчность*, *бедра*, *бедствие*, *безгласен*, *благо*, *благой*, *блаженство*,

брак, *брань* (в значении ‘битва’), *былие*, *весь* (в значении ‘село’), *взирать*, *винный* (в значении ‘виноватый’), *водрузить*, *возатай*, *вопль*, *вперять*, *врачевание*, *вретище*, *вспомоществовать*, *вшествие*, *глаголательный*, *граждане* (в значении ‘горожане’), *датель*, *дерзновенный*, *десная*, *длань*, *добльственный*, *досягать*, *железа* (в значении ‘оковы’), *жена* (в значении ‘женщина’), *живот* (в значении ‘жизнь’), *зиждать*, *зиять*, *зрение* (в значении глагольного действия), *зыблеть*, *иго*, *исторгнуть*, *иторгнуться*, *коликий*, *купина*, *куща*, *ладия*, *ланита*, *лобызать*, *лютый*, *мышца*, *напечатлеть*, *нарицать*, *недуг*, *неизреченный*, *непорочный*, *обитание*, *обтечи* (в значении ‘обойти’), *отъять*, *одесную*, *озретися*, *опочинуть*, *осенение*, *отверсти*, *отверстие* (в значении глагольного действия), *отверстый*, *отвращаться* (в значении ‘отворачиваться’), *отженять* (в значении ‘отгонять’), *отметать*, *отягчить*, *перст*, *перси*, *пес*, *пленение*, *плескания*, *повергнути*, *помрачитися*, *постыжение*, *потщитися*, *пошествовать*, *превозмочь*, *предаватися* (в значении ‘передаваться’), *предвозвестить*, *предзнаменитый*, *предложати*, *преклонять*, *преобороть*, *преобратить*, *претворить* (в значении ‘превратить’), *претить*, *пригвождати*, *приметивый*, *приосенитися*, *пристанище* (в значении ‘пристань’), *приуготовленный*, *провозвестник*, *прорекатель*, *протечь* (в значении ‘пройти’), *разверзать*, *разженить* (в значении ‘разогнать’), *распещренный*, *расторгати*, *рамена*, *ристалище*, *ристание*, *седмь*, *секира*, *сень*, *сетовати*, *сир*, *служебник*, *совращатися*, *созидать*, *сонмище*, *стяжати*, *супруг*, *сущий*, *тать*, *толикий*, *трапеза*, *убелить*, *усретати*, *устна*, *утекать* (в значении ‘уходить’), *уязвление*, *уязвлятися*, *храмина*, *чаять*, *четыренадесять*, *чтить*, *шествие*, *шуйца*, *язва*.

Единично употребляются: *виталище* ‘убежище’, *ѵринути* ‘вбросить’, *наготует* ‘нуждается в одежде’, *помавати* ‘сделать знак рукой, помахать’,[5] *проразумети* ‘предузнать, предвидеть’, *угобзить* ‘умножить, изобиловать’, *усменный* ‘кожанный’, *утрие* ‘утро следующего дня’, *чван* ‘кувшин’. Эти слова и в произведениях высокого слога употребляются крайне редко. Остановимся на словах, спорадически встречающихся в славяно-русском языке, но не употребительных в произведениях высокого слога середины XVIII в.

Хотя слово *водомет* не отмечено в САР никакой пометой, но оно не являлось стилистически нейтральным в XVIII в. Словарь Академии Российской в силу своих пуристических тенденций заменяет иноязычное слово *фонтан* старым *водомет* («Фонтан, франц. Водомет»). Слово *фонтан* часто встречается уже с самого начала XVIII в. в памятниках, пользующихся русским типом литературного языка: в «Путешествии П. А. Толстого», «Походном журнале» (1716), «Архиве кн. Куракина», «Должности архитектурной экспедиции» и др.

---

[5] В САР *помовати* не имеет пометы сл., *помаать* имеет эту помету.

В середине XVIII в. встречаем его в памятниках среднего слога: у Ломоносова в «Вольфианской физике», в его же документах, у Крашенинникова в «Описаниях земли Камчатки», в переводе повести Вольтера «Свет каков есть» (1765) и др., в конце же века оно часто встречается у представителей нового слога — у Карамзина, Дмитриева, Богдановича, в журналах — «Московском журнале» и «Пантеоне иностранной словесности».

Старое же слово *водомет* в середине века вовсе выходит из употребления, и лишь в конце XVIII в. его иногда используют представители славяно-русского языка, например: Инде зримы разновидные водометы, кои при огненном сиянии казались кипящим золотом (Хрс. Тв., XI, 168); или в поэтическом языке Державина, который часто использует архаическую лексику: Склонились башни, рощи, горы, Ревущий водомет утих (Држ. Соч., I, 69); Где встречу водомет шумит лучей дождем, Звучит музыка духовая (там же, II, 308).

Слово *петел* 'петух' вовсе не включено в САР,[6] хотя в первой трети XVIII в. оно употреблялось в церковно-книжном типе языка, причем имеется указание на книжный характер этого слова: «*тати* и *петел* (попросту *петух*)» (Притчи 1712, 43). Писатели-классицисты его не используют, и возрождается оно единично в произведениях представителей славяно-русского языка: Я бы желал обрести и имети благаго друга паче, нежели драгоценнейшую переполку и петела (Платон, I, 15); Всех ранний петел возбуждает, От сна всяк к делу поспешает (Држ. Соч., II, 34); Свое ложе оставляет, Прежде нежель петел громкой Запинательным напевом Не воспел нам час полночный (Рдщв, ПСС, I, 53).

Глагол *лиховствовать* не отмечен ни словарями XVIII в., ни другими историческими словарями. В «Материалах» Срезневского есть глагол *лиховать*, в котором выделено два значения: 1) 'мешать', 2) 'обидеть'; этот же глагол имеется в САР, он отмечен как старинный, имеющий одно значение, близкое и второму значению у Срезневского: «Лиховать, старин: При обыске умышленно на кого показывать, оговаривать в каком преступлении». В славяно-русском языке с данной основой *лих-* и книжным суффиксом *-ство-* образован новый глагол, близкий по значению, но семантика его была более отвлеченная — 'строить козни': Таким же образом и сии мужи теперь окрест тебя лиховствуют (Платон, I, 46).

Отсутствует в САР и другой глагол, встретившийся в славяно-русском языке, — *отгласитися* в значении 'отозваться, откликнуться (о звуках)': Звуки ударов, чинимых ими, понудили вдалеке отгласиться эхом (Осв. Иерус., I, 227); Сверкнул, взревел, ударил гром; И своды потряслися звездны, Стократно отгласились

---

[6] Слово *петел* отсутствует в «Материалах» Срезневского, хотя там есть *Петелоглашение* 'пение петуха'; в Вейсмановом лексиконе находим Han, galina 'петел, петух'.

бездны (Држ. Соч., II, 261); Ключи с ключами сожурчатся, По рощам песни отгласятся (там же, V, 139).[7]

Слово *сторгнуть* также устарелое, не употреблявшееся и в высоком слоге середины века. Нет его и в САР, в нем наличествует бесприставочное *торгать* без определения и без пометы с цитатами из церковных книг. В славяно-русском языке оно встретилось в значении 'снять, сорвать': Уже сторгли со главы ея покров, и совлекли с нее непорочную одежду, ее покрывавшую (Осв. Иерус., I, 58).

Очень характерным для славяно-русского языка является употребление первообразных наречий. Степень употребительности разных наречий в нем не одинакова. Такие наречия, как *вспять*, *купно*, *ныне*, *окрест*, *паки*, *паче*, *тако*, *тамо*, *токмо*, *толико*, *всуе*, *днесь*, *долу*, *како* встречаются достаточно часто у всех привлеченных нами для анализа авторов.

Употребление же других наречий единично, причем у каждого автора свой круг подобных слов; так, в «Иосифе» встречаем такие слова: *внезапу*, *едва*, *коль*, *тщетно*; в «Освобожденном Иерусалиме» свой набор наречий: *вкупе*, *вотще*, *воутрие*, *вполы*, *доныне*, *инде*, *инуда*, *наутрие*, *овогда*, *отднесь*, *семо*, *яве*; в «Полидоре» находим отсутствующие у других авторов наречия: *втуне* и *горѣ*.

Как можно заметить из приведенного материала, первая группа наречий повторяет набор наречий высокого слога; вторая же группа наречий в большинстве представляет индивидуальный выбор автора из фонда устаревшей славенской лексики, не использовавшейся в высоком слоге, встречающейся лишь в церковно-книжном типе языка первой трети XVIII в.

Из славенских частиц в славено-русском языке находим такие, как *ниже да*, *се*, все они очень широко представлены и в произведениях высокого слога.

Союзы славено-русского языка также повторяют союзы высокого слога, но в жанрах художественной литературы они встречаются редко. Из выбранных нами памятников только в «Освобожденном Иерусалиме» имеются союзы *зане* и *убо*. В основном же славенские союзы имеют место в философской прозе, — так, в «Творениях велемудрого Платона» весьма распространены союзы *аки*, *акибы*, *аще*, *дабы*, *поелику*, *яко*.

Рассмотрев состав славянизмов в так называемом славяно-русском языке конца XVIII в., можно заметить, что их арсенал принципиально ничем не отличается от арсенала высокой лексики высокого слога середины XVIII в. Правда, можно отметить некоторый количественный рост славенских устаревших слов, не употреблявшихся в высоком слоге середины века и встречающихся лишь в церковно-книжном типе языка первой его трети.

---

[7] В «Материалах» Срезневского находим глагол *отглашать* 'исключать, не принимать в расчет', не имеющий никакой семантической связи с глаголом *отгласиться*.

Но и у некоторых представителей классицизма проявляются попытки активизации такого рода устарелой лексики (например, у Тредиаковского, Петрова).

Дело вовсе не в том, привлекает ли тот или иной представитель славяно-русского языка то или иное устаревшее слово, а дело в общем характере употребления славянизмов у представителей этого слога.

В произведениях представителей русского классицизма все его жанры полностью соответствовали отраженному в них содержанию, что нашло выражение в торжественно-приподнятом высоком слоге. В нем славянизмы сочетались с нейтральными общекнижными словами, выражали обобщенно-отвлеченные идеи (Сумароков и его школа), или обобщенные метафорические образы (Ломоносов, Петров), или обобщенно-риторические построения (ораторская проза). Такой способ выражения и познания мира полностью соответствовал эстетическим критериям классицизма. Следовательно, в литературе классицизма форма и содержание находились в полном соответствии друг с другом.

Но идейное содержание литературы непрерывно расширялось. Классицистическое познание мира не отражало всей сложности и противоречивости его бытия. Классицизм с его отвлеченной дидактикой не отражал внутреннего мира человека, его чувств и переживаний. Новое направление в литературе, зародившееся в недрах классицизма, ставило своей задачей показать внутреннюю, духовную и частную жизнь и сущность человека. Так появляется русский сентиментализм, противопоставивший себя классицизму.

Новое направление не укладывалось в рамки отграниченных классицизмом литературных жанров, а создавало свои, отличные от него; таковыми являлись чувствительный роман и повесть, сентиментальное путешествие и сентиментальная лирика. Новые жанры требовали и своего художественного и языкового выражения. Таким создателем нового слога был Н. М. Карамзин и его школа.

В противовес новому слогу возникла попытка выразить новое содержание старыми средствами. Такой реакцией на новый слог и стал славяно-русский язык. Но с самого своего зарождения он был обречен на неудачу, так как, возникнув на почве высокого слога классицизма, он с самого начала не соотвествовал новому содержанию. Сентиментальное повествование не соответствовало возвышенно-торжественной риторике славянизмов. Поэтому стилистическая их маркированность становилась немотивированной и или вовсе утрачивалась, или вызывала эффект, противоположный тому, которого добивался автор. Не удивительно поэтому, что славяно-русский язык вызывал насмешки со стороны своих современников, сторонников нового слога.

Славяно-россиийский язык с его немотивированным употреблением славянизмов не имел никаких перспектив для своего раз-

вития и поэтому не оставил следа ни в развитии языка художественной литературы, ни в развитии русского литературного языка в целом. Эта линия в использовании славянизмов в русском литературном языке не была плодотворной и не получила дальнейшего развития. Однако существовали другие пути для использования славянизмов в стилистических целях в русском литературном языке последней трети XVIII в. Эти пути в указанный период только намечаются, дальнейшее их развитие падает на XIX в. и тесно связано с творчеством Пушкина и других великих русских реалистов.

§ 2. Сложение национального русского литературного языка поставило на очередь еще один важный вопрос: вопрос о языке литературы, которая с середины XVIII в. приобретает все большее значение и влияние в русском обществе, и об ее выразительных средствах. Литература классицизма нашла опору для своего выражения в двух языковых стилистических категориях — славянизме (для высокого слога) и просторечии (для низкого слога). Но бурный рост литературы не укладывался в тесные рамки трех стилей. Все это привело к тому, что и славянизм как стилистическая категория перестал удовлетворять новым требованиям, и под влиянием новых литературных тенденций эта категория разлагается. Однако славянизм не исчезает бесследно, а дает начало новым стилистическим категориям, которые к концу XVIII в. только наметились и дальнейшее развитие которых выходит за пределы XVIII в.

Такими новыми, не связанными со славянизмом стилистическими категориями в языке литературы конца XVIII в. следует считать поэтизмы, историзмы, иронизмы, пиитизмы и канцеляризмы. Все они зарождаются еще в недрах классицизма, но, лишь порвав с ним, получают возможность дальнейшего и самостоятельного развития. При этом были использованы и развиты различные стороны славянизма, различные его реальные и потенциальные возможности. Возвышенная экспрессия славянизма, не прикрепленная более к определенному жанру, давала возможность использовать известную часть славянизмов как слова высокие (пиитизмы) по отношению к тем объектам, которые сам автор считал важными, существенными. Эта линия развития пиитизмов, зародившаяся в произведениях А. И. Радищева, была продолжена в гражданской поэзии поэтов «Вольного Общества любителей словесности, наук и художеств», поэтов-декабристов, революционных демократов, затем поэтами «Искры» и, наконец, в гражданской поэзии наших дней.

Состав пиитизмов на всем протяжении развития этой стилистической категории не оставался неизменным. Постепенно в состав высокой лексики втягивались новые слова, носители высокого содержания, причем менялось и само содержание того понятия, которое они выражали. Проиллюстрируем это положение на примере гражданской поэзии поэтов «Вольного общества». Славя-

низм *гражданин* в высоком слоге означал 'житель города' и лишь в данном значении в этом слоге был высоким. У поэтов-радищевцев оно наполнено другим общественным содержанием, это 'человек, который верно служит своему отечеству': Кто в сердце огнь возжег священный, Сей пламень чистый, драгоценный, Которым гражданин живет; Его что душу составляет. Любовь к Отечеству питает И твердость духа подает (П.-р., 184, Пнин). Не случайно назван гражданином А. И. Радищев: Кто был отечеству сын верный, Был гражданин, отец примерный, И смело правду говорил, Кто ни пред кем не изгибался, До гроба лестию гнушался, Я чаю, — тот довольно жил (П.-р., 176, Пнин).

Слово *зиждитель* в высоком слоге применяется только по отношению к богу, в гражданской же поэзии начала XIXв. это 'человек-созидатель': Прими мое благословенье, Зиждитель — человек! Прими (П.-р., 189, Пнин).

Слово *муж* в высоком слоге приложимо только к какому-либо выдающемуся деятелю; в поэзии же начала XIX в. его возможно употребить по отношению к любому достойному, доброму человеку, при этом слово *муж*, не теряет своей высокости, например: Нет! нет! — тот муж не умирает, Кто ближнему добро творит (П.-р., 186, Пнин). Высоким словом *муж* автор называет врача, спасшего ему жизнь: О! муж искусный, добрый, честный, Друг человечества нелестный, Прими от сердца дань сию! Прими сей знак чувств непритворный. Ты есть мой Гений благотворный. Ты возвратил мне жизнь мою! (П-р, 191, Пнин).

В состав высоких слов у поэтов-радищевцев попадают не только славянизмы церковнославянского происхождения, но и получившие высокую тональность слова иного происхождения; ср. одинаковую высокую экспрессию и почти синонимичность слов *гражданин* и *патриот, сын отечества*: Тот Патриот, достойный, редкий, Отечества то истый сын; То Минин — славный муж, который, От гибели Россию спас; Незнатный родом, нечиновный, Простой, усердный Гражданин (П.-р., 750, Аристов). Высоким словом является и слово *бард* в следующем стихотворении: Наперсники правдивой славы, Распределители венков, О Барды Росския державы! (П.-р., 460, Кованько). Следовательно, круг высоких слов, имея своей базой славянизмы, расширяется и пополняется.

Часть славянизмов высокого слога, утрачивая свою высокую экспрессию, превращалась в архаические слова, которые не годились для создания художественных образов. Эти слова задержались в деловом языке. В художественной речи они могли быть использованы лишь как штампы канцелярского языка. Это относится в особенности к незнаменательным и полузнаменательным словам — союзам, частицам, первообразным наречиям (например, *яко, се, паче, понеже*,[8] *точно* и др.), сюда попадают и некоторые

[8] По поводу слова *понеже* написано Богдановичем следующее стихотворение, характеризующее его стилистическую принадлежность: Понеже го-

знаменательные слова: *реченный*, *соизволение* и др. В литературе классицизма эти слова использовались в данной функции только в низких жанрах (в басне, комедии, ирои-комической поэме). За пределами классицизма эта категория слов образует новую стилистическую категорию — канцеляризмы, которая включает в свой состав и новые слова, особенно пополняется она за счет иноязычной лексики.

В силу древности своего происхождения славянизм получил возможность выражать колорит исторического прошлого, это свойство славянизма послужило базой для формирования новой стилистической категории — историзма. В этот термин следует вкладывать очень широкое содержание, сюда относятся не только термины, означающие реалии и учреждения исторического прошлого, но и слова, передающие колорит эпохи. У писателей-классицистов такого рода использование славянизмов находим для изображения античности (например, в «Тилемахиде» Тредиаковского) или исторического прошлого России (например, в «Россиаде» Хераскова). В творчестве писателей нового слога круг историзмов значительно расширяется. Так, в повести Карамзина «Марфа Посадница» наряду со славянизмами *стогны*, *трапеза*, *секира*, *прапор*, *хоругвь* появляются слова *вече*, *конец* (часть Новгорода), *посадник* и др.

Соотнесенность славянизма с высоким объектом являлась основным признаком функционирования его в высоком слоге. Нарушение этого принципа приводило к изменению стилистической окраски славянизма. В литературе классицизма такое смещение функции славянизма допускалось лишь в пределах низкого слога. В басне, комедии, ирои-комической поэме низкие предметы могли наделяться нарочито возвышенной экспрессией или, наоборот, высокие — нарочито снижаться. И тот, и другой подход к изображаемому предполагал своеобразное словесное выражение, при котором высокие славянизмы сочетались с разговорными и даже грубыми просторечными словами. При таком столкновении содержания с формой выражения славянизмы приобретали иную стилистическую функцию, нежели в высоком слоге. Они становились носителями иронического, шутливого, насмешливого и тому подобного отношения к изображаемому. Так, у В. Майкова в ирои-комической поэме в иронически-пародийном обращении к Музе, вдохновляющей его к воспеванию кабацкого героя ямщика Елисея, находим сочетание традиционно высоких слов с низкими: О Муза! ты сего отнюдь не умолчи, Повеждь, или хотя с похмелья проворчи, Коль попросту тебе сказати невозможно, Повеждь: ты ведаешь вину сего неложно, За что пиянства

ворят подьячие в приказе: Понеже без него не можно им прожить, Понеже слово то показано в указе, Понеже в выписке оно имелось быть. Понеже секретарь им сделался в заразе, Понеже следует везде его гласить, Понеже состоит вся сила в их понеже, Затем и не живет у них понеже реже (Поэты XVIII, II, 115).

бог на всех откупщиков, Устроя таковой прехитростнейший лов, Наслал богатыря сего не очень кстати Любимую свою столицу разоряти (Поэты XVIII, II, 34—35). Такой же принцип сочетания славянизмов с низкими словами находим и в басне Фонвизина «Лисица-казнодей»: «В Ливийской стороне правдивый слух промчался, что Лев, звериный царь, в большом лесу скончался. Стекалися туда скоты со всех сторон Свидетелями быть огромных похорон. Лисица-казнодей, при мрачном сем обряде, С смиренной харею в монашеском наряде, Взмостясь на кафедру с восторгом вопиет (Поэты XVIII, I, 392).

Жанровые рамки классицизма сковывали и эту стилистическую возможность славянизма, не позволяли развиваться иронизму в самостоятельную стилистическую категорию. Лишь нарушение установленных канонов, связанное с творчеством Державина, Радищева, Карамзина и его школы, позволило этой стилистической категории найти новые пути и формы своего выражения и подготовило разнообразие выразительных оттенков и функций в использовании иронизмов в творчестве Пушкина, Гоголя, Щедрина и других писателей-реалистов.

Велико значение славянизма и в области становления в конце XVIII в. новой стилистической категории — поэтизмов. Поэзия классицизма и практически, и теоретически выработала свою поэтическую систему. Один из исследователей стиля Ломоносова пишет: «К середине XVIII в. завершился процесс выработки понятия о границе между художественным и не художественным, между поэзией и наукой, между творчеством и стихотворством».[9] Поэты классицизма, руководствуясь своими идейными и эстетическими принципами, ориентировались главным образом на высокое содержание, выражаемое такими же высокими языковыми средствами. Поэтому поэтическое для них и есть высокое, и средством выражения поэтического являлся для них высокий слог. Высокий слог отобрал из старого книжного языка определенный круг выразительных средств, наделенных высокой стилистической тональностью, делавших их пригодными для использования в высоких жанрах. Однако в пределах классицизма допускалось существование и других «малых» жанров, которые по своему содержанию и экспрессивности не могли полностью использовать выразительные средства высокого слога. Это относится к лирической поэзии классицизма, послужившей источником для формирования новой функциональной разновидности языка, языка поэтического, в рамках которого возникает новая стилистическая категория — поэтизмы. Одним из основных источников поэтизмов были славянизмы высокого слога.

Первые образцы лирической поэзии классицизма представлены

---

[9] И. З. Серман. Поэтический стиль Ломоносова. М.—Л., 1966, с. 140. — См. там же обстоятельный анализ теоретических положений Тредиаковского, Сумарокова и Ломоносова о поэтическом творчестве.

произведениями Кантемира и Тредиаковского. Но подлинный расцвет лирической поэзии начинается с творчества Ломоносова и особенно Сумарокова, который разрабатывает различные жанры лирической поэзии: эклогу, элегию, сонет, песню, анакреонтическую оду, послание, стансы и др. Эту линию продолжали поэты сумароковской школы — Херасков, Ржевский, позднее Майков, Княжнин и др. Малые жанры классицизма рассматривали человека в его частной жизни, в его отношении к дружбе, любви, счастью, смерти. Но для выражения этих сторон человеческого бытия высокий слог, согласно канонам классицизма, не годился; здесь следовало применять средний слог. Понятие же среднего слога было в середине XVIII в. достаточно расплывчато и неопределенно. Ясно было лишь то, что в нем не следует злоупотреблять высокими словами, чтобы не впасть в «пухлость», а также не следует употреблять «низких» простонародных слов. Поэтический язык среднего слога был очень близок по своей структуре и по своим лексическим средствам к общекнижному языку других жанров среднего стиля — повести, путешествию, философскому сочинению. Это объясняется тем, что в поэзии классицизма отсутствует позиция автора, в этой поэзии нет лирического героя; любовь, дружба, разлука, встреча не являются уделом какого-либо конкретного человека, но человека вообще. Этим и объясняется очень сглаженная и в достаточной степени безликая манера лириков-классицистов. Трудно различить, кому из поэтов этого направления принадлежит то или иное стихотворение. Общность взглядов на мир, одинаковое эстетическое восприятие его придает большое сходство лирике таких поэтов, как Сумароков, Херасков, Княжнин. Одинаковый подход у этих поэтов и к используемому ими языковому материалу, в частности к использованию славянизма. В своих лирических произведениях они пользуются славенской лексикой, но подбор ее иной, нежели в их же произведениях, относящихся к высоким жанрам. В их лирической поэзии отсутствуют архаизмы — как в лексике, так и в формах слов. Показательно в этом отношении, что из числа первообразных наречий, употребляемых ими в высоком слоге, в своей лирике они выбирают очень немногие, например *ныне*, *паче*, *тако*, *толико*, *тамо*, *оттоле*, *доныне*, *днесь* и некоторые другие, причем частота их употребления по сравнению с высоким слогом значительно снижается. Так, в анакреонтической «Оде на суету мира» Сумароков на 60 стихотворных строках употребляет только одно наречие — *отсель*; в трех его сонетах встретилось только одно наречие — *доколь* (Не трать своих ты дней, доколь ты не стара — Трд. Лом. Сум., 197). У Княжнина в «Послании к российским питомцам свободных художеств» только одно наречие — *доныне*. В семи анакреонтических одах Хераскова находим только 6 наречий, в двух одах их нет вовсе, в V оде — *толико* и *тако*; в I оде — *ныне* и *паче*, в IX оде — *тамо* и *паче*, в XV — *паче*, в XXV — *оттоле* и *паче*.

Славенские союзы и частицы в лирике этих поэтов не встречаются совсем, их постоянно заменяют русские союзы и частицы; например, у Сумарокова в «Элегиях» постоянно в модальном значении употребляются частицы *пусть* и *пускай*, а не славенская *да*: Пусть буду только я крушиться в сей любви (Трд. Лом. Сум., 202); Пускай, Расин, твоя Монима жалко стонет: Уж нежная любовь ее меня не тронет (там же, 204).

Большое место в лирике классицизма занимают варианты стилистически нейтральных слов, а также полные синонимы церковнославянского происхождения. Эта лексика легла в основу поэтического языка конца XVIII в. Славянизмы, таким образом, являлись важнейшей составной частью поэтического языка конца века. Однако в новом слоге это уже принципиально иная стилистическая категория,[10] отражающая иное отношение как к изображаемому, так и к самому слову. «Поэтический словарь начинает сужаться, стремясь ориентироваться на особые поэтические слова „сладостного" эмоционального характера, нужные в контексте не для уточнения смысла, а для создания настроения прекрасного самозабвения в искусстве».[11] На первый план у поэтов-сентименталистов выступает субъективное отношение к слову, критерий вкуса выдвигается на первое место. Если для Карамзина и его последователей невозможно было употребить в поэзии простонародное слово *парень*, то также невозможно было воспользоваться такими сугубыми славянизмами, как *угобзаю* или *облый*. С другой стороны, поэтический язык должен был отличаться от обычного, повседневного, прозаического; он должен был обладать особой живописностью. Поэтому поэты-сентименталисты широко пользовались лишь той частью славенской лексики, которая отвечала данным требованиям, а также привлекали в эту стилистическую категорию слова иного происхождения и употребления, но обладающие соответствующей экспрессией.

Поэтизмы поэтов-сентименталистов и весь их поэтический язык так же условен, как и высокий слог классицизма, но он обладает бóльшими возможностями, чем его предшественник, так как сфера его действия шире, чем сфера высокого слога. Поэтический язык карамзинистов нашел свое выражение и в области прозы.[12]

§ 3. Разрыв славянизма с высоким слогом, осуществлявшийся в пределах нового слога конца XVIII в., проявлялся еще и в том, что, преодолев жанровые условности классицизма, славянизм приобретает новые возможности образного примене-

---

[10] См. об этом в кн.: Г. О. Винокур. Наследство XVIII в. в стихотворном языке Пушкина. — Избр. работы по русск. языку. М., 1959; В. Д. Левин. Очерк стилистики русского литературного языка. . .

[11] Гр. Гуковский. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в. Л., 1939, с. 278.

[12] Все эти вопросы нуждаются в дальнейшем специальном исследовании и не могут быть рассмотрены во всей широте в данной работе.

ния, — иначе говоря, меняется вся система образности слов, ранее функционировавших как славянизмы. Приведем некоторые примеры.

В высоком слоге середины XVIII в. и в славяно-русском языке конца века слова *венец* и *венок* противопоставляются друг другу по своей стилистической принадлежности. В САР оба эти слова не имели никакой пометы и различались по значению. Слово *венец* многозначно, оно определяется следующим образом: 1) 'Корона', 2) Относительно к иконам: 'очертание круга краскою или золотом около главы святаго вместо венца', 3) 'бракосочетание', 4) *'честь, слава, украшение', 5) *'мздовоздаяние, награда, почесть', 6) в зодчестве: 'украшение, объемлющее верх какого-л. сооружения', 7) в деревянном строении: 'каждый ряд бревен вокруг составляющих высоту стен или сруба'. Слово *венок* имеет лишь одно значение: 'обручик, сплетенный из ветвей или цветков, надеваемый на голову в знак какой-либо радости или удовольствия'. Однако материалы показывают, что оба эти слова могли выступать как синонимы в том же значении, что и *венок*.[13] В начале XVIII в. *венец* в этом значении встречается в традиционно-церковном употреблении *терновый венец* как символ страдания: Написан тот Спаситель образ в терновом венце и в багряной одежде (Пут. Тлст., II, 130); [14] также в церковно-книжном типе языка встречаем: Цветами масличными венцами главу его венчают (Притчи 1700, предисл.); Кий венец соплетем? Кая победительная пения сочиним? (Пркп. СР, II, 60). В том же значении в высоком слоге середины XVIII в.: Играя, Нимфы вьют в руках, Монархиня, венцы лавровы (Лом. СС, I, 51); Лавровы вьются там венцы, Там слух спешит во все концы (там же, 142); Венцы твои лавровы Покой твоей души (Птрв, 82). Как видно из материалов, *венец* здесь употреблен в значении *венок*, но как символ победы, могущества, славы. Такова же традиция в употреблении этого слова у Радищева: Глава моя украшается венцом лавровым (Рдщв Пут., 61); Прииди, да соплетем венец насадителю Российскаго слова (там же, 421). Только представители нового слога, включив слово *венец* в арсенал поэтического языка, придают ему иное образное и эмоциональное звучание, например: Древа шумят в венцах зеленых (Крм. Соч., I, 58); здесь слово *венец* уже не символ, а эмоционально-зрительный образ.[15]

---

[13] Данное значение в слове *венец* отмечено лишь в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847).

[14] Ср. иной художественный образ тернового венца у Маяковского: Где глаз людей обрывается куцый главою голодных орд, в терновом венце революций грядет шестнадцатый год (Маяковский, Облако в штанах). — Приведенные далее примеры из произведений писателей XIX—XX вв. взяты нами из Картотеки Словаря современного русского языка (Ленинград).

[15] Ср. богатство использования этого образа в позднейшей поэзии: Как незаметно потухают Лучи и гаснут под конец! С какою негой в них ку-

Слово *светильник* в середине XVIII в. имело весьма широкое значение, оно могло обозначать 'свеча, подсвечник, лампа, факел', вообще 'осветительный прибор'. В этом прямом значении оно часто употреблялось в высоком слоге: Уж к браку олтари цветами украшены, И брачныя свещи в светильники возженны (Сум. СС, III, 123). При создании поэтического образа поэты-классицисты также исходили из этого предметного значения слова, отсюда олицетворение солнца как источника света реализуется в слове *светильник*: Великий исполин семидесять лактей Светильник чрез всю ночь держал поверх зыбей (Лом. СС, I, 168). Этот образ классицизма можно встретить и в позднейшей поэзии, например: Светильник ясный дня, во огненном паренье Весь пламень истощив, прервет свое теченье (Н. Рдщв, 13).

В конце же XVIII—начале XIX в. в новом слоге появляется иное образное применение этого слова, в основе которого лежит образ света, откровения, озаряющего различные стороны бытия. Этот образ слово *светильник* реализует в конструкции с родительным падежом абстрактного существительного: Гений Истории теряет дорогу в земле чудес, и не смея взять светильника философии, не может лететь без откровения (ММ, IV, 176, П. Макаров); Светильник чистоты блаженной, Тобой в душе моей возженной, Погас, свой пламень потребя (Мур. Оды, 17); Так проходит слава мира сего! так увядает роза юности! так угасает светильник жизни! (Крм. ПРП, III, 100). Этот образ часто использует Радищев: Советы мои будут всегда светильниками ваших начинаний (Рдщв Пут., 175); Водимые светильником опытности (Рдщв СС, II, 7); светильник наук (Рдщв ПСС, III, 146).

В поэзии XIX в. этот образ применяется в различных сферах интеллектуальной и эмоциональной жизни: Пускай ума светильник Погаснет ныне в нас (Пушкин, К И. И. Пущину); О, просвети мне мысли — Не радостны они, — И мудрости светильник Зажги в моей душе (Кольцов, Уныние, вариант); Да не утратишь ты, в борьбе со злом упорной, Всего, что ныне так душа твоя полна, И веры и любви светильник животворный Да не зальет в тебе житейская волна (Плещеев, С. У.); ср. более усложненный образ: Запуган мраком ночи я, И в ней я ощупью блуждаю; Ищу в светильник свой огня, Но где обресть его не знаю (Плещеев, Молитва).

Образ церковно-книжной литературы *светильник церкви* по отношению к выдающемуся церковному деятелю, человеку пра-

---

пают Деревья пышный свой венец! (Фет, Заря прощается с землею); Повсюду ярких тубероз Венцы огнистые алели, И винограда кисти рдели На бархате террас (Надсон, Три ночи Будды); еще более усложняется образ в следующих строках: Мечты, мечты, где ваша сладость? Где вечная к ней рифма радость? Ужель и вправду наконец Увял, увял ее венец? (Пушкин, Евгений Онегин); наконец, чисто эмоциональный образ в поэзии Блока: Я — звезда мечтаний нежных, И в венце метелей снежных Я плыву, скользя (Блок, Я в дольний мир вошла, как в ложу).

ведной жизни в литературе XIX в. заменяется образом человека, наделенного какими-либо выдающимися качествами: Вальтер Скотт яркий светильник положительности (Вяземский, Поживки франц. журналов в 1827 г.); Но слишком рано твой ударил час И вещее перо из рук упало. Какой светильник разума угас! Какое сердце биться перестало! (Некрасов, Памяти Добролюбова).

Близкое по значению слову *светильник* слово *пламенник* 'факел' также часто употребляется в литературе классицизма в своем прямом значении: Берет он (Юпитер) пламенник или Перун в десницу, Возводит на Парнас суровую зеницу (Члкв ПП, 14). В этом же значении в образном применении: Боллону вижу я в полках: Берет копье и шлем взлагает; Имея пламенник в руках Сердца Россиян возжигает! (Хрс. Тв. VII, 134). Иное развитие образа в слове *пламенник* встречаем в гражданской поэзии начала XIX в., где оно реализуется как эмоционально высокое слово, характеризующее свойство великого ума: Уста, что истину вещали, Увы, навеки замолчали, И пламенник ума погас (П.-р., 91, Пнин); в том же направлении у поэтов-декабристов: Утешьтесь! За павших ваш меч отомстит, И где б ни потухнул наш пламенник жизни, Пусть доблестный дух до могилы кипит, Как чаша заздравная в память отчизне (А. Одоевский, Тризна).

Употребление образа *пламенник* как знак высокого интеллекта, дарования характерно для литературы XIX в., ср.: Образ Державина, сей образ, озаренный пламенником гения, сохранен нам знаменитым живописцем Тончи (Вяземский, О Державине); После Жуковского, Батюшков первый заговорил о разочаровании, о несбывшихся надеждах, о печальном опыте, о потухающем пламеннике своего таланта (Белинский, Статьи о Пушкине); также в поэзии: Я чувствую, мой дар в поэзии погас, И муза пламенник небесный потушила (Батюшков, Воспоминания). Таким образом, новое эмоциональное и эстетическое отношение к слову в поэзии конца XVIII в. дает возможность использования всех его образных возможностей, чего не могла сделать поэзия классицизма с его рационалистическим отношением к слову.

* * *

Подводя итог всему изложенному выше, следует еще раз подчеркнуть, что славянизм как стилистическая категория сложился в высоком слоге классицизма в середине XVIII в. Благодаря творчеству выдающихся писателей-классицистов были отобраны и использованы как выразительные средства все наиболее жизнеспособные элементы старого книжного языка, которым было придано новое стилистическое содержание. В пределах высокого слога всякий славянизм (в стилистическом смысле) являлся носителем приподнятой торжественной экспрессии, что гармонировало с высоким содержанием произведений этого слога.

Высокий слог взаимодействовал с другими стилями литературного языка середины XVIII в., причем, попадая в другие функ-

циональные стили, славянизм или изменял свою стилистическую окраску, или воспринимался как элемент высокого слога, придавая изложению торжественный характер.

С расширением функции литературы с усилением ее общественной значимости классицизм как литературное направление утрачивает свое ведущее место к концу XVIII в. Каноны классицизма становятся тормозом в развитии литературы и ее языка. В связи с этим к концу века наблюдается кризис высокого слога, который оказался не в состоянии обслуживать нужды новых литературных направлений и их жанров. Однако, продолжая существовать в конце XVIII—начале XIX в. как традиционная форма выражения, высокий слог сыграл значительную роль и в формировании новых стилистико-языковых средств. Его основной, стилеобразующий языковый пласт — славянизм, освобожденный от традиционно-условной схемы классицизма и получивший развитие в новых литературных формах, — послужил основой для формирования новых стилистических категорий, каждая из которых может и должна явиться предметом дальнейших исследований.

Славянизм является исторической стилистической категорией языка новой национальной русской литературы периода ее национального формирования и сложения.

Список славянизмов высокого слога середины XVIII века

абие 48, 138
агнец 125
аз 54, 141
аки 55, 140
алкать 38, 134
алчба 134
алчный 134
алчь 134
аможе 140
архипастырь 132
аще 54, 140

багряновидный 171
баснослов 157
биет 145
благо 35, 133
благодарственный 159
благоденство 159
благодеяние 159
благожелательный 171
благозрачность 171
благоизбыточный 171
благой 33
благолепотный 171
благомудрый 171
благонравность 171
благоощадность 171
благоплодность 171
благопоспешествовать 171
благоприменяться 171
благосердечный 171
благоспешный 171
благостроительность 171
благостройность 172
благотворить 159
благочестивец 172
блато 60, 140
бо 55, 140
боговдохновенный 160
богодосадительный 172
боголепный 160
богомерзкий 160
богоневедение 172
богонеистовствовать 172
богонеистовый 172
богородный 172
богочтитель 172
брада 127, 142
брак 130
брачный 121
брашно 121
брег 142
буде 140
былие 121

вап 121
ваятель 131
вдовица 139
вежды 127
велевратно 172
велегласно 172
велелепие 172
велелепность 172
велелепный 172
велеродие 172
велеславный 172
велий 134
великоважный 172
великолепствовать 172
венценосец 132
вервь 121
вертеп 122
вертоград 122
ветрило 121
вещать 37, 136
взирать 136
вижду 144
виждь 144
вина 133
винопийца 131
вития 133
вия 145
вкупе 138
владетель 132
владыка 132
властитель 132
власы 127, 142
внити 146

водоплывный 172
водопресный 172
вождь 45, 132
возалкать 165
возблестеть 165
возблистать 165
возбудить 150
возбунтовать 165
возволновать 165
возвевать 147
возвергнуть 148
возвести (возводить) 148
возвращаться 146
возвысить (возвышать) 148
возглаголать 146
возгнездиться 148
возгнушаться 165
возгорать 146
возгореться 146
возгреметь 146
воздремать 165
воздрузиться 166
воздымать 148
воздыматься 146
возжечь (возжигать) 147
возлететь (возлетать) 149
возлечь 148
возликовать 166
возликовствовать 166
возметать 148
возмечтать 146
вознести (возносить) 148
возопить 147
возответствовать 166
возринуть 166
возукреплять 166
возъяти 166
возыграть 166
возыметь 166
воитель 131
воскатиться 166
восколебать 166
восколебаться 166
воскуриться 146
восплескать 166
воспоможение 166
воспоразить 166
воспрекословить 167
воспрозябнуть 167
воспрославить 167
воссветиться 167
воссвирепеть 146
воссесть 148
воссиять 147
воссмятение 167
воспеть (воспевать) 147
восстать 148
восстенать 167
востревожить 167
вострепетать 167
восходить 149
восшуметь 146
вотще 138
вран 142
врата 142
вреск 143
всевечно 173
вседаровитый 173
всезимный 173
всезритель 173
всепокорство 173
всепоспешно 173
всепрегорький 173
всепремощный 173
всесердечный 173
всеудобный 173
всечтимый 173
всеядущь 173
вспять 49, 138
всуе 46, 138
второздатель 173
высокопокровительствуемый 173
выя 127

глава 63, 127, 142
глаголати 36, 136
глад 60, 142
гладный 60, 142
глас 142
гласить 136
гневовоспаление 173
гнездилище 122, 124
гобзовать 134
гонзать 138
горний 134
град 142
градской 142
гроздие 126
грядущий 134
грясти 137

да 57, 142
дабы 140
даждь 144
даровательница 133
делатель 133
дерзать 134
дерние 127
десница 127
длань 127
днесь 138
доблий 134
доброзлачный 173
добролепность 173
доброличность 174
добросердство 174

добротворство 174
доброчастный 174
доколе 49, 138
долголетствовать 174
долгопротяженный 174
дондеже 56, 140
драгой 61, 142
древо 142
дщерь 82

егда 56, 140
едали 138
едва 138
единовластвовать 174
единый 145
еже 56, 140
елей 121
елень 74
есень 74

жатель 131
жестокотворить 174
живодышущий 174
живот 133
живочувствительный 174

заглаждает 144
зане 138
зде 138
здравие 64
здравый 64
зело 50, 138
зеница 127
зерцало 121
зиждитель 132
злато 142
златожаждущий 174
златой 142
златолазоревый 174
златошвенный 174
злоключиться 174
зломышленник 175
злопроисшествие 175
злотворство 175
зрак 127
зреть 37, 136
зреться 136

ибо 140
иго 133
игралище 122
идеже 138
иже 140
изблевать 150
извести (изводить) 150
извлечь (извлекать) 150
извлещи 144
издоить 167
издревле 138
изженить 150
изити (исходить) 151
излететь (излетать) 151
излиять 145
излияться 145
израстать 150
изречь 150
изринуть 150
инако 138
ископать 150
исскользать 167
иссунуть 150
иссчитать 167
истекать 150
исторгнуть (исторгать) 150
исчерпать 150

како 138
квас 121
клас 142
класный 143
ков 133
коликий 52, 141
колико 52, 138
коль 138
кольми 138
кормило 121
кормчий 131
косношагий 175
кошница 121
краснозрачный 175
кратить 143
крин 126
купно 138

ладия 121
ланита 127
лестница 121
лжесвятость 175
лиет 145
лик 127
лобзание 134
лобзать 135
лоно 127
любозвонность 175
любомирный 175
любообещание 175
любопальный 175

мещет 143
мзда 133
мздовоздаятель 133
мздоприимство 175
младой 142

младость 142
млат 142
млеко 142
многажды 139
многоливный 175
многомочный 175
многопенисто 175
многотрудившийся 176
мравий 142
мраз 142
мышца 127

наипаче 138
нарещи 144
нещевать 134
неу 142
ниже 56, 142
низвергнуть (низвергать) 151
низвести (низводить) 152
низзреть 167
низлетать 167
низломить 168
низломиться 168
низринуть (низревать) 152
низтекать 168
ниспустить (ниспускать) 152
новорождшийся 176
нощной 143
нощь 67, 143
ныне 138

обаче 140
обитатель 131
обитать 131, 134
облый 134
овен 125
огнедышный 176
огнелунный 176
одождить 134
одр 121
окрест 138
осенить 134
осияние 134
отвемли 145
отверзнуть (отверзать) 135
отверзнуться 135
отвещать 144
отвне 138
отревать 134
отрок 130
отроковица 130
отселе 138
отсюду 138
оттуду 51, 138
отцеубийца 131
отъемлешь 145
отъидет 146
очи 127

паки 138
пастырь 131
паче 138
перси 127
перст 128—129
персть 127
пес 125
пещись 144
пещь 143
плещи 143
плоть 127
побиенный 145
поборник 133
поборница 133
подвигоположник 133
поелику 140
позлащенный 142
поиди 146
поколику 138
полунощь 143
помаать 134
понеже 140
поныне 138
попрание 134
попрать 135
поразитель 133
потечь 138
потолику 138
пребезмерный 153
пребезумный 168
пребесчастный 168
преблаговидный 153
преблаговонный 168
пребогатый 153
пребодрый 153
пребольший 168
пребудущий 168
пребыстрый 168
превелий 153
превеликий 168
превечный 154
превысокий 154
преглубокий 168
прегорький 168
прегромкий 168
пред 142
предать (предавать) 154, 155
предний 143
предстательница 133
прежаркий 154
прежестокий 168
преизобильный 154
преизящный 154
преискренний 168
преиспещренный 154
преиспытанный 168
прекрайний 169
прелагатай 131
прелетать 154
премастиый 169

премена 142
премилосердный 154
премноголюдный 169
премрачнейший 169
премудрый 154
премутный 169
пренаглый 169
пренаполнить 169
пренаслаждаться 169
пренеисчетный 169
прененавистный 169
пренепреступный 169
пренесказанный 169
пренести (преносить) 154
пренеутешный 169
преобогрить 169
преобразитель 133
преострый 169
препечальный 169
препоглащать 169
препоглощенный 154
преподлый 169
преполезный 154
препотребный 154
препохваляться 154
препрославить 154
препустой 154
прерадостный 154
прераздражить 154
прередко 154
преселение 154
преселить (преселять) 154
преселиться (преселяться) 154
пресечь (пресекать) 154
пресильный 154
прескакивать 154
преслабый 153
преславный 154
пресладкий 153
пресладостный 154
пресмелый 159
пресмертоносный 159
престать 147
пресчастливый 154
претеплый 170
преужасный 170
преутверждать 170
преутеснить (преутеснять) 170
прехвальный 154
преходить 154
пречастый 154
пречудный 145
приемлет 145
приемлют 145
приидет 146
присно 49, 138
пристанище 122
притекать 138
прихожду 144
причастник 133
провождать 144
проглаголати 136
произрещи 136
протечь (протекать) 138
протещи 144
пруги 125
пря 133

рабичищ 131
рамо 127
рачение 134
рачитель 133
резкогласный 176
рещи 136
риза 121
ристать 138
руб 121
рясны 121

самовещественно 176
самодержец 132
самодержица 132
самомненный 176
самоумство 176
светильник 121
светожизненный 176
свеща 67
свещник 121
свещница 121
святилище 122
священнодействие 33
священноначалие 93
священноначальник 93
священносвятой 176
се 57, 142
седмь 139
секира 121
сердцевидец 133
сирый 134
сицевый 52, 141
сладкозвенящий 176
слячен 134
смертоубийца 131
смиренномудрствие 176
соблистать 170
собречь 143
совводить 157
совосклицание 170
совосплескать 170
согнивать 157
сограждании 131, 158
согрубить 157
содействснник 158
соделать 157
соделаться 157
содетель 157
содеять 133, 157
созидать 157

сокрыть 157
сокрыться 157
солежать 170
соправить 170
сопрягать 157
сопрягаться 157
сопутница 170
сорадоваться 170
сосражаться 170
сострадать 157
сотворить 157
соторжествовать 170
сотреть 157
содаряться 170
соусладиться 157
соцарствовать 170
сребро 142
средина 142
сретание 134
сретать 136
становище 122
стогна 122
стократ 139
стократно 139
столп 121
стопа 127
страстотерпец 133
стяжать 136
стязание 134

тайнозритель 176
тако 138
такожде 138
тамо 138
тать 131
телец 121
телица 126
течение 134
течь 157
тещи 144
токмо 138
толикий 52, 141
толико 52, 138
толь 138
точию 138
труждайся 144
тук 121
тысяща 68, 143
тя 141

убо 56, 140
увижду 144
уд 127
узреть 136
умащать 134
умонепостижный 176
уста 127
устие 127
устрабление 134

хлад 142
хладный 142
хощет (хощу, хощеши) 143
храмина 121

цветобледный 176

чадо 130
чело 127
человекояд 177
четыредесятый 61
чрево 127, 129
чреда 142
чрезъестественный 177
чресла 127
чуждый 72

шествовать 137

щипок 126

юже 140

яко 56, 140
якобы 140
ярем 133

Список сокращений

Абл. Мельн.	— Аблесимов А. Комическая опера Мельник, колдун, обманщик и сват. СПб., 1792.
АГ	— Азбука гражданская с нравоучениями. Изд. ОЛДП, № 115, VIII, СПб., 1877.
АК	— Архив Куракина, I. СПб., 1890.
Александр	— История об Александре российском дворянине. — В кн.: Русские повести XVII—XVIII вв. Под ред. и с предисловием В. И. Сиповского, т. I. СПб., 1905.
Алксв 1759	— Алексеев П. А. Речь о достоинстве и пользе катехизиса. М., 1759.
Алксв 1768	— Алексеев П. А. Слово при погребении супруги действительного статского советника Никиты Артемоновича Муравьева, Сарры Петровны. М., 1768.
Алксв 1772	— Алексеев П. А. Слово благодарственное е. и. в. Екатерине Второй. . . при освящении Московского Архангельского собора. М., 1772.
Амвр. 1741	— Амвросий [Юшкевич А.]. Слово в высочайший день рождения. . . имп. Елисаветы Петровны. СПб., 1741.
Амвр. 1764	— Амвросий [Подобедов А. И.]. Слово, в высокоторжественный день рождения. . . имп. Елисаветы Петровны. М., 1764.
Амвр. 1771	— Амвросий [Подобедов А. И.]. Слово, сказанное при погребении преосвященного Амвросия, архиепископа Московского и Калужского. М., 1771.
Амвр. 1777	— Амвросий [Подобедов А. И.]. Слово в день . . . рождения . . . Александра Павловича и . . . Елены Павловны. М., 1777.
Амвр. 1791	— Амвросий [Серебренников или Серебряков А.]. В бозе почившему светлейшему князю Григорию Александровичу Потемкину Таврическому. Яссы, 1791.
Амвр. ПС	— Амвросий [Серебренников или Серебряков А.]. Собрание поучительных слов, в разные времена проповеданных, ч. 1—3. М., 1810.

Анат. Г — Гейстер Л. Сокращенная анатомия все дело анатомическое кратко в себе заключающая. Переведена с латинского на российский... Мартином Шеиным, т. 1—2. СПб. (при Имп. Акад. наук), 1757.

Анекд. пошех. — Березайский В. С. Анекдоты древних пошехонцев. СПб. (тип. Гос. мед. коллегии), 1798.

Анчкв 1762 — Аничков Д. С. Слово на высокоторжественный день тезоименитства... великия государыни Екатерины Алексеевны... М., 1762.

Анчкв 1769 — Аничков Д. С. Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания. М., 1769.

Анчкв 1770 — Аничков Д. С. Слово о свойствах познания человеческого и о средствах предохраняющих ум... от заблуждений. М., 1770.

Анчкв 1783 — Аничков Д. С. Слово о разных способах, теснейший союз души с телом изъясняющих. М., 1783.

Апулей — Апулей. Превращение, или Золотой осел. Перевел с латинского Имп. Московского университета баккалавр Ермил Костров, ч. 1—2. М. (Унив. тип. у Н. Новикова), 1780—1781.

Арифм. Магн. — Магницкий Л. Арифметика сиречь наука числительная... М., 1703.

Артикул — Артикул воинский купно с процессом надлежащий судящим. СПб., 1715.

Безбожн. — Браве И. В. Безбожный, трагедия в пяти действиях. Пер. с нем. [И. П. Елагиным]. СПб., 1771.

Богд. — Богданович И. Ф. Душенька, древняя повесть в вольных стихах. 3-е изд. М., 1799.

Бок — Бок И. Г. День во веки прославный коронования... имп. Елисаветы Петровны... Пер. с нем. [М. В. Ломоносова]. М. (при Имп. Моск. ун-те), 1758.

Борн — Борн И. М. (стих.) — Свиток муз, I, 1802; II, 1803.

Боровск. — Константин [Боровский]. Его сиятельству... князю Леонтию (именовавшемуся в жизни Борисом) Александровичу Куракину, 1764 года ноября 22 дня в бозе почившему... [М.], 1764.

Бр. — Брянцев А. М. Слово о связи вещей во вселенной. На... день восшествия на... престол... Екатерины Алексеевны..., говоренное в публичном собрании Имп. Моск. ун-та. М., 1790.

Брсв Посл. — Барсов. Собрание российских пословиц, 1770.

Булгар. — Евгений [Булгарис]. На щастливое бракосочетание их имп. высочеств... Павла Петровича и... Наталии Алексеевны Брачное дароприношение. [Перевел Лука Сичкаров]. СПб., 1773.

Вас. В. — Василий Кесарийский (Basilius Magnus). Беседа или Слово нравоучительное святаго отца нашего Василия Великаго Кесарии Каппадокийския архиепископа и вселенскаго учителя, о пиянствующих. Переведенное с еллиногреческаго языка С. Писаревым. СПб. (при Имп. Акад. наук), 1774.

Вас. Кор. — История о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии. — В кн.: Русские повести XVII—XVIII вв., т. I. Под ред. и с предисл. Сиповского. СПб., 1905.

Вед. 1702 — Ведомости Московского государства. М., 1702.

Вед. 1703 — Ведомости времени Петра Великого. Вып. 1—2. М., изд. Моск. синод. типогр., 1903—1906.

Вед. 1721 — Ведомости. Печатано в Санктпетербурге, 1721.

ВЕ — Вестник Европы, 1802, ч. I, II, IV, V.

Вениамин — Речь приветственная на пришествие в Казань... Екатерины Алексеевны, сказанная Вениамином Архиепископом Казанским. Казань, 1767.

ВЗ — Вечерняя заря, 1782, ч. 1—2.

Вирши — Вирши. Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков. Ред. П. Беркова. Л., 1935, Библиотека поэта. Малая серия.

Витр. — Витрувий. Об архитектуре, кн. 1—2. СПб. (при Имп. Акад. наук), 1790.

Влф. физ. — Ломоносов М. В. Вольфианская экспериментальная физика. СПб., 1746.

Вим. — Вениаминов П. Д. Слово о свойствах и пользе растений. [М.] (при Имп. Моск. ун-те), 1767.

Вствк СМ, Лир., ПИ — Востоков А. Х. (стих.) — Свиток муз, I, 1802; II, 1803; Опыты лирические, I, 1805; II, 1806; Периодическое издание, I, 1804.

Вствк Ст. — Востоков А. Х. Стихотворения Александра Востокова. СПб., 1821.

Геогр. Тат. — Татищев В. Н. Географическое описание Сибири. — Избранные труды по географии, М., 1950.

Геом. 1703 — Геометрия 1703 г. (Бобынин, т. IX).

Гергард — Гергард К. А. Опыт повести о царстве ископаемых, ч. I. Пер. с нем. Е. В. Д. М. СПб. (при Имп. Акад. наук), 1790.

Гребн. — Гребневский Петр. Слово в высокоторжественный день Коронации... Елисаветы Первыя. СПб. (при Имп. Акад. наук), 1742.

Грчкв — Горчаков Д. П. Теперешняя моя жизнь.— В кн.: Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в. Л., «Советский писатель», 1959.

Д. Тв. — [Магницкий Л. Ф.] Записка Леонтия Магницкого по делу Тверитинова. — Памятники древней письменности, ОЛДП. СПб., 1882.

Дамаск. 1792 — Дамаскин [Семенов-Руднев Д. Е.]. Слово в высокоторжественный день восшествия на всероссийский престол... имп. Екатерины Алексеевны. СПб., 1792.

Дамаск. 1796	— Дамаскин [Семенов-Руднев Д. Е.]. Слово в высокоторжественный день восшествия на всероссийский престол . . . имп. Екатерины Алексеевны. СПб., (тип. св. правит. синода), 1796.
ДАЭ	— Должность Архитектурной экспедиции (1737 г.). — В кн.: Архитектурный архив, ч. I. М., 1946.
ДМТ	— Московский театр при царях Алексее и Петре I. — В кн.: Чтения в императорском Обществе истории и древностей росссийских, кн. 2. М., 1914.
Дмтр.	— Дмитриев И. И., Сочинения и переводы, ч. I, М., 1803; ч. II, 1803; ч. III, 1805.
Дон Ян	— Отрывок из комедии о Доне Яне и Доне Педро.— В кн.: Н. Тихонравов. Русские драматические произведения. 1672—1725 гг., т. III. СПб., 1874.
ДР	— Духовный регламент. СПб., 1721.
Држ. Соч.	— Державин Г. Р., Сочинения, ч. I—IV, 1808; ч. V, 1816.
Дсн. 1768	— Десницкий С. Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции. М., 1768.
Дсн. 1770	— Десницкий С. Е. Слово о причинах смертных казней по делам криминальным. М., 1770.
Дсн. 1772	— Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими оныя у разных народов защищаются. М. (при Имп. Моск. ун-те), 1772.
Дсн. 1781	— Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности мнения в различных состояниях общежительства. М., 1781.
ДЧ	— Детское чтение для сердца и разума, ч. IX—XII. М., 1787.
ЕОЛ	— Тредиаковский В. К. Езда в остров любви, 1730.
ЕС 1755, 1756, 1763	— Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755, 1756, 1763.
Ж. Анненк.	— Анненков И. П. Журнал курского помещика. . . — В кн.: Материалы по истории СССР, т. V. М., 1957.
Ж. Рычк.	— [Рычков П. П.] Журнал или Дневник записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб., 1770.
Жив.	— Живописец, еженедельное на 1772 год сочинение, ч. I. СПб., 1772.
ЖКФ	— Походные журналы Петра I, т. II (1711—1716). СПб., 1854.
Зап. Ж.	— Записки Желябушского с 1682 по 2 июля 1709. СПб., 1840.

Зап. Н. Длг. — Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой дочери фельдмаршала графа Б. П. Шереметьева. [СПб.], 1913.

Зерц. безб. — Зерцало Безбожия. — Звенья, VIII.

Зрелище — Зрелище жития человеческого, различных животных притчами и старожитных людей примерами, всякому добрых нравов в поучение предпоставлено. Напечатано же повелением его ц. в. в Москве, лета г. дня 1712 в декабре. Рукопись ГПБ АН УССР, собр. Киево-Печерской лавры, № 373 (126).

Зуев Опис. Кубани — [З у е в В. Ф.] Описание Кубани. Месяцеслов исторический и географический на 1791 год. СПб., [1791].

Зуев Сиб. — З у е в В. Ф. Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов Остяков и Самоедов. — Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Нов. серия, т. V, М.—Л., 1947.

Зыб. 1766 — З ы б е л и н С. Г. Слово о действии воздуха в человеке и путях, которыми в него входит. М. (при Имп. Моск. ун-те), 1766.

Зыб. 1768 — З ы б е л и н С. Г. Слово о пользе прививной оспы и о преимуществе оной перед естественною. . . М., 1768.

Зыб. 1773 — З ы б е л и н С. Г. Слово о вреде, проистекающем от содержания себя в теплоте излишней. . . М., 1773.

Иерон. — История о княжне Иерониме дочери Димитрия Палеолога брата греческому царю Константину Мануйловичу. СПб. (при Имп. Акад. наук), 1752.

Изобрет. вещей — [У р б и н с к и й Н. В.] Полидора Виргилиа Урбинского осмь книг о изобретателях вещей. Пер. с латин. на славено-российский язык в Москве, 1720.

Интерл. — Т и х о н р а в о в Н. С. Русские интерлюдии в XVIII в. — Летописи русской литературы и древностей, т. II. М., 1859.

Иоанн — История о российском купце Иоанне и о прекрасной девице Елеоноре. — В кн.: Русские повести XVII—XVIII вв., т. I. СПб., 1905.

Иосаф — И о с а ф [З а б о л о т с к и й И.]. Слово о действии мужества, в день Александра Невского. М. (при Имп. Моск. ун-те), 1775.

Иосиф — Б и т о б е П. Ж. Иосиф, т. 1—2. [Перевел Д. И. Фонвизин]. М. (при Имп. Моск. ун-те), 1769.

Кам. — К а м е н е в Г. П. Стихотворения. Периодическое издание Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, ч. I. СПб., 1804.

КАН — Краткое описание Комментариев Академии наук. СПб., 1728.

Капн. Яб. — К а п н и с т В. В. Ябеда, комедия в пяти действиях. СПб., 1798.

Капн. ЛС — Каппист. Лирические сочинения. СПб., 1806.

Карита — Бартелеми Ж. Ж. Любовь Кариты и Полидора. Перев. с фр. [Д. И. Фонвизиным]. СПб., 1763.

Кирилл — Кирилл, иеромонах. Слово, сказанное при погребении преосвященного Амвросия, Архиепископа Московского и Калужского. СПб., 1771.

Кирша Д. — Данилов Кирша. Сборник. СПб., 1901.

Кн. мир. — Книга мирозрения, или Мнение о небесноземных глобусах. СПб., 1717.

Кн. навиг. — Мордвинов С. И. Книги полнаго собрания о навигации, ч. 1—4. СПб. (Морск. Акад. тип.), 1748—1753.

Кн. экс. — Книга о эксерциции церемониях и должностях воинским людям надлежащих. СПб., 1715.

Кнт. Соч. — Кантемир А. Д., Сочинения, письма, избранные переводы, т. I—II, СПб., 1867—1868.

Кнт. Сат. — Кантемир А. Д. Сатиры. Сочинения, письма, избранные переводы, т. I, СПб., 1867.

Кнт. Париж — Кантемир А. Д. Описание Парижа и французов. — Сочинения, письма, переводы, т. II. СПб., 1868.

Княж. Грациям — Княжнин Я. Б. Послание трем грациям. — НЕС, ч. 49, 1790.

Княж. Соч. — [Княжнин Я. Б.] Собрание сочинений Якова Княжнина, т. I—III, СПб., 1787.

Княж. Флор — Княжнин Я. Б. Флор и Лиза. — Санкт-Петербургский вестник, ч. I, 1778.

Коз. ФП — Козельский Я. П. Философическия предложения. СПб. (при Сенате), 1768.

Коран — Книга Аль-Коран, ч. 1—2. СПб. (тип. Горного училища), 1790.

Крафт — Крафт. О изобретении клавикорда. СПб., 1742.

Краш. ОЗК — Крашенинников. Описание Камчатки, т. I—III. СПб. (при Имп. Акад. наук), 1755.

Крм. ДВ — [Карамзин Н. М.]. Деревенские вечера. Перевод из Жанлис. Детское чтение для сердца и разума, ч. IX—XII. М., 1787.

Крм. ПРП — Карамзин Н. М. Письма русского путешественника, ч. I—VI. М., 1797—1801.

Крм. Соч. — Карамзин Н. М., Сочинения, т. I, М., 1820.

Крыл. Соч. — Крылов И. А., Полное собрание сочинений, под ред. В. В. Каллаша, т. I, СПб., 1918.

Ларошфуко — [Ларошфуко Ф.] Нравоучительные мысли герцога де ла Рошфоко. М., 1798.

Леонт. — Н. Леонтьев. Басни. СПб. (при Шляхетн. сухопутн. кад. корпусе), 1766.

Лжец — Лжец. — Российский Феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений, ч. XII, СПб., 1786.

ЛК — Савари де Брюлон. Экстракт Савариева лексикона о комерции. . . СПб., 1747.

Лом. СС — Ломоносов М. В., Собрание разных сочинений в стихах и в прозе, кн. 1—2, М. (при Имп. Моск. ун-те), 1757—1759.

Лом. ПСС — Ломоносов М. В., Полн. собр. соч., I—X, М.—Л., Изд. АН СССР, 1954—1957.

Лук. Мот — Лукин В. И. Мот любовию исправленный. — Сочинения и переводы, ч. I, СПб., 1765.

Лук. Пуст. — Лукин В. И. Пустомеля. — Сочинения и переводы, ч. I, СПб., 1765.

Майк. Басни — Майков В. И. Нравоучительные басни, ч. 1—2. М. (при Имп. Моск. ун-те), 1766—1767.

Майк. Ода — Майков В. И. Ода всепросветлейшей . . . государыне имп. Екатерине Алексеевне. . . на всерадостный день коронования ея величества. . . [М., 1767].

Макарий 1779 — Макарий [Сусальников М. И.]. Слово в неделю мытаря и фарисея. М. (при Имп. Моск. ун-те), 1779.

Макарий 1782 — Макарий [Сусальников М. И.]. Слово при погребении. . . князя Василья Михайловича Долгорукова-Крымского. М., 1782.

МАН — Материалы для истории Академии наук, т. 1—10. СПб., 1885—1900.

Маркелл — Маркелл [Родышевский Н. Р.]. Слово при присутствии ея имп. величества в домовой церькве. СПб. (при Имп. Акад. наук), 1742.

Маркиз — [Елагин И. П.] Приключения маркиза Г*, или Жизнь благородного человека, оставившего свет, переведено на российский язык Иваном Елагиным, ч. I—V. СПб., 1757—1764.

МЖ — Московский журнал, М., 1791, ч. I, II, III, IV; 1792, ч. V, VII.

МЗК XIV — Материалы Екатерининской законодательной комиссии, ч. XIV. — Сборник имп. Российского исторического общества, т. 147, Пгр., 1915.

МИГ 1790 — Общее описание Вологодского наместничества. — Месяцеслов исторический и географический на 1790 год. СПб., [1790].

МИГ 1791 — Озерецковский Н. Я. Обозрение Онежского озера. — Месяцеслов исторический и географический на 1791 год. СПб., [1791].

МИГ 1793 — И[ноходцев] П. Описание городов Устюжствия области с их округами. — Месяцеслов исторический и географический на 1793 год. СПб., [1793].

ММ — Московский Меркурий, М., 1803, ч. I, II, IV.

Мн. мир. — Кантемир А. Д. Перевод: Фонтенель. Разговоры о множестве миров. СПб., 1740.

Мог. — Могилианский А. Слово в неделю четвертую великаго поста в высочайшем присутствии е. и. в. Елисаветы Петровны. . . 1743.

МРФ — Материалы для истории русского флота, ч. I. СПб., 1865.

Мтн. — Матинский М. Опера комическая. Санктпетербургский гостиный двор. В 3-х действиях. М., 1791.

Муза — Муза, ч. I, II. СПб., 1796.

Мур. Оды — Муравьев М. Н. Оды лейб-гвардии Измаиловского полку сержанта Мих. Муравьева, 1775.

Н. Рдщв — Радищев Н. А. Время. — Периодическое издание, I, 1804.

Наст. хир. — Платнер И. Ц. Основательные наставления хирургическия медическия и рукопроизводныя в пользу учащихся. . . СПб. (при Имп. Акад. наук), 1761.

Нел.-Мел. — Нелединский-Мелецкий Ю. А. Стихотворения. СПб., 1876.

Нклв — Николев Н. П. Розана и Любим. М. (Унив. тип. у Н. Новикова), 1781.

Нртв — Нартов А. А. Ода на всерадостное восшествие на престол. . . имп. Екатерины Алексеевны. . . СПб. (при Имп. Акад. наук), 1762.

Ода 1755 — Ода «Екатерине II на заключение с оттоманскою Портою мира», 1755.

Ода 1777 — Ода на рождение. . . Александра Невского, 1777.

Озрв — Озеров В. А. Стихотворения. — В кн.: Озеров В. А. Трагедии. Стихотворения. Л., 1960, Библиотека поэта. Большая серия.

Опис. путей — Описание 3-х путешествий в Швецию архиепископа А. Холмогорского, 1701. — В кн.: Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды. СПб., 1908.

Осв. Иерус. — Тасс. Освобожденный Иерусалим. Прозаическая поэма, ч. 1—2. Пер. с фр. М. Попова. СПб., 1772.

Отпись кр. — Отпись крестьян В. И. Суворову, 27 апр. 1788 г. — Кузнецов. Из переписки помещиков с крестьянами. СПб., 1904.

ПБП — Письма и бумаги Петра Великого, т. I. СПб., 1887; т. II, 1889.

ПД — Крылов И. А. Почта духов, ч. I—II. СПб., 1789.

Перем. нр. — Перемена в нравах. — Российский Феатр, ч. XXXVIII, 1791.

Петр зл. кл. — Действие о Петре Златые Ключи. — В кн.: Георгиевский Г. П. Две драмы Петровского времени. Изв. ОРЯС, 1905, т. X, кн. 1.

ПК — Курганов Н. Г. Книга письмовник. . . СПб., 1777. Присовокупление I. Собр. разных пословиц и поговорок.

Платон — Творения велемудрого Платона, ч. I. Пер. с греч. И. Сидоровского и М. Пахомова. СПб., 1780.

Платон 1764 — Платон [Лешин П. Е.]. Поучительныя слова при высочайшем дворе е. и. в. . . . государыни Екатерины Алексеевны. . . СПб., 1764.

Пнин Соч. — Пнин И. П., Сочинения. — В серии: Классики революционной мысли домарксистского периода, т. III. М., 1934.

Подраж. — Подражатель. — Российский Феатр, ч. XXVII, 1788.

Попуг. — Попугаев В. В. Минуты Муз. Книжка первая. СПб., 1801.

Поэты XVIII — Поэты XVIII века, кн. I: А. Кантемир, В. Тредиаковский, М. Херасков, А. Ржевский, В. Петров, Д. Фонвизин, М. Чулков, М. Попов; кн. II: В. Майков, И. Богданович, Я. Княжнин, И. Хемницер, Н. Львов, Ю. Нелединский-Мелецкий, Е. Костров, М. Муравьев, В. Капнист. Л., 1953, Библиотека поэта. Малая серия.

Ппв Анюта — Попов М. И. Анюта. — Досуги, или Собр. сочинений и переводов, ч. I. СПб., 1772.

Ппвск. — Поповский. Речь, говоренная в начатии философических лекций. 1755. — В кн.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в., т. I. 1952.

ППЗ — Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XIX вв. (сборники: Пословицы Петровской галереи, Пословицы Пауса, Пословицы Богданова, Пословицы Татищева). Л., 1961.

П.-р. — Поэты-радищевцы. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. Л., «Советский писатель», 1935, Библиотека поэта.

Приб. МВ 1783, 1784 — Прибавление к Московским Ведомостям, 1783, 1784.

Прим. вед. 1728—1741 — Исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях. СПб., 1728—1741.

Притчи 1699 — Притчи, 1699 г. — В кн.: Краткое и полное руководство во арифметику. . . Амстердам, 1699.

Притчи 1700 — Притчи Эсоповы на латинском и русском языке. . . в Амстердаме напечатанные. . ., 1700.

Притчи 1712 — Житие по Природе остроумного Есопа. — В кн.: Эсоповы притчи. М., 1712.

Пркп. СР — Прокопович Ф. Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные, ч. 1—4. СПб., 1760—1774.

Пркп. Ст. — Прокопович Ф. Стихотворные переложения псалмов и стихи на разные случаи. — В кн.: И. Чистович. Феофан Прокопович и его время. — Сборник ОРЯС, АН, т. IV, СПб., 1868.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи с 1649 г., т. III—XXIX. СПб., 1830.

ПСИ — Памятники Сибирской истории XVIII в., т. I. СПб., 1882.

Псм. Б.-Б. — [Белосельский-Белозерский А. М.] Сардиния в эпоху первой Французской

революции. Письма кн. А. М. Белосельского-Белозерского. — Русский архив, 1877.

Псм. Ек. II — Переписка Екатерины II с кн. Г. А. Потемкиным. — Русская старина, т. XVI—XVII, 1876.

Псм. Спрд. — Письмо адмирала Г. А. Спиридова Екатерине II. — Русский архив, 1864.

Псш. Зерк. — Посошков И. Т. Зеркало очевидное, вып. I. Казань, 1895.

Псш. КСБ — Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1937.

Псш. РП — Посошков И. Т. Россиянин прошедшего века. М. [тип. С. Селивановского], 1793.

ПТ — Покоящийся трудолюбец, М., 1784, ч. I—II; 1785, ч. III—IV.

Птрв — [Петров В. П.] Сочинения В. Петрова, ч. I. Оды. СПб., 1782.

Пут. Биб. — Путешествие... А. И. Бибикова, для порученного ему дела, с составляющими свиту его... — В кн.: Памятники новой русской истории, т. III. СПб., 1873.

Пут. Зуева — [Зуев В. Ф.] Путешественныя записки Василья Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб. (при Имп. Акад. наук), 1787.

Пут. Леп. — Лепехин И. И. Дневные записки путешествия... по разным провинциям Российского государства..., ч. 1—4. СПб. (при Имп. Акад. наук), 1771—1805.

Пут. Тлст. — [Толстой П. А.] Путешествие стольника П. А. Толстого. — Русский архив, 1888, ч. I.

Пут. Члщ. — [Челищев П. И.] Путешествие по северу России в 1791 году. Дневник П. И. Челищева. СПб., 1886.

Пуф. Ист. — Пуффендорф С. Введение в историю европейскую. СПб., 1718.

Рдщв ПСС — Радищев А. И., Полное собрание сочинений, тт. I—III, 1938—1952.

Рдщв Пут. — Радищев А. И. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1790.

Рдщв СС — [Радищев А. И.] Собрание оставшихся сочинений А. Н. Радищева, ч. I—VI, М., 1806—1811.

Рейхель 1762 — Рейхель И. Г. Слово, говоренное по совершении высочайшего коронования... Екатерины Вторыя... в публичном собрании Имп. Московского университета... М., [1762].

Рейхель 1770 — Рейхель И. Г. Слово о художествах древних, в которых замысел и искусство художников похвалу заслуживают. М., [1770].

Ржевск. СЧ — Ржевский А. Стихотворения. Свободные часы. М., 1763.

Рихман — Рихман Г. В. Рассуждение о свойстве исхождения воды парами, Г. В. Рихмана. [Перевод с латинского С. П. Крашенинникова]. СПб., 1749.

Розана	— Л [а з а р е в и ч] В. Добродетельная Розана. СПб., 1782.
Рост	— Р о с т И. А. Слово о вредном воздухе в жилищах особливо простаго народа примечаемом: и о средствах удобных к поправлению онаго. М., 1772.
Рум. Обращ.	— Р у м о в с к и й С. Я. Содержание сочинений о суточном земли обращении. СПб., 1783.
Савицк.	— С а в и ц к и й С. В. Слово в неделю восьмуюнадесять по сошествии святаго духа. . . СПб., 1743.
Самуил	— С а м у и л [М и с л а в с к и й С. Г.]. Слово в торжественный день высочайшаго тезоименитства е. и. в. . . . Екатерины Вторыя. . . М., [1775].
Сев. Ам.	— Описание земель Северной Америки и тамошних природных жителей. СПб., 1765.
Сев. М.	— С е в е р г и н В. М. Первые основания минералогии или естественной истории ископаемых тел, в двух книгах. СПб., 1798.
Сеч.	— Д и м и т р и й [С е ч е н о в Д. А.]. Слово в день благовещания пресвятыя богородицы в придворной церкви. . . Елисаветы Первыя имп. всея России проповеданное. . . СПб., 1742.
Сидней	— Ф о н в и з и н Д. И. Сидней и Силли, или Благодеяние и благодарность. Аглинская повесть. М., 1769.
Слт.	— С а л т ы к о в А. М. Речь которою Академия художеств при своей инавгурации е. в. Екатерине Второй. . . приносит благодарение. СПб., 1765.
Сойм. Касп. м.	— С о й м о н о в. Описание Каспийскаго моря. — Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах, 1763.
СПб. в. 1741, 1760, 1761	— Санкт-Петербургские Ведомости, 1741, 1760, 1761.
Стелл.	— [Г у р б и й о н Ж. А.] Стеллино, или Новый Вертер. Пер. с фр. М., 1794.
Стеф.	— С т е ф а н. Слово на Новый год при высочайшем присутствии. . . Елисаветы Петровны, проповеданное Стефаном Епископом Псковским. СПб., 1742.
Сум. СС	— А. П. С у м а р о к о в, Полное собрание всех сочинений, ч. I—X, М., 1787.
Сум. ДС	— А. П. С у м а р о к о в. Димитрий Самозванец. — СС, III.
Сум. Притчи	— А. П. С у м а р о к о в. Притчи. — СС, VII.
Тат. Ист.	— Т а т и щ е в В. Н. История Российская с самых древних времен, кн. I. М., 1768—1769.
Тат. Разг.	— Т а т и щ е в В. Н. Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ, кн. I. М., 1887.
Тат. Эк. зап.	— Т а т и щ е в В. Н. Краткие экономические записки по деревни следующие. — Временник Моск. об-ва ист. и древн. рос., кн. 12, М., 1852.

Трд. Лом. Сум. — В. Тредиаковский, М. Ломоносов, А. Сумароков. Стихотворения. Л., «Советский писатель», 1935, Библиотека поэта. Малая серия.

Трд. СП — Тредиаковский В. К., Сочинения и переводы как стихами, так и прозою, т. I—II, СПб., 1752.

Трд. Тилемах. — Тредиаковский В. К. Тилемахида, т. I, кн. 1—12. СПб., 1766; т. II, кн. 13—15. СПб., 1766.

Трд. Феопт. — Тредиаковский В. К. Феоптия. — В кн.: В. К. Тредиаковский, Избранные произведения. Л., «Советский писатель», 1963, Библиотека поэта. Большая серия.

Трт. — Третьяков И. Слово о происшествии и учреждении Университетов в Европе на Государственных иждивениях. . . [М.], 1768.

Трут. 1769, 1770 — Трутень, еженедельное издание на 1769 г. [изд. Н. И. Новикова]; то же на 1770 г.

Тург. — Тургенев А. И. Стихотворения 1797—1803 гг. — В кн.: Поэты начала XIX в. Л., «Советский писатель», 1961, Библиотека поэта. Малая серия.

УМ — Книга устав морской. СПб., 1720.

УС — Утренний свет, ч. I, 1770; ч. II, 1778.

Феоф. — Феофилакт. Слово в день. . . праздника ордена. . . Александра Невского. . . СПб., 1774.

Филос. ест. — Философия естественная. СПб., 1718.

Флешье — Флешье Е. Господина Флешиера, бывшего епископа Нимесского, слово похвальное королевскому французскому генералу фельдмаршалу графу Тюренну. . . Перевод Андрея Нартова. — Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах, СПб., 1763.

Флор. — Флоринский К. Слово. . . в день рождения. . . Елисаветы I. . . СПб., 1741.

Фнв. Бриг. — Фонвизин Д. И. Бригадир. — Российский Феатр, ч. 33, СПб., 1790.

Фнв. Корион — Фонвизин Д. И. Корион. СПб., 1894.

Фнв. Недор. — Фонвизин Д. И. Недоросль. СПб., 1783.

Фнв. Призн. — Фонвизин Д. И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях. — В кн.: Полное собрание сочинений Д. И. Фонвизина, ч. III, М., 1830.

Фнв. СС — Фонвизин Д. И. Полное собрание сочинений Д. И. Фонвизина, М., 1830.

Хмн. СС — Хемницер И. И., Полное собрание стихотворений, Л., «Советский писатель», 1963, Большая серия. Библиотека поэта.

Хрп. — Храповицкий М. В. Ода о свободных хлебопашцах, 1803. — Библ. записки. 1858, № 12.

Хрс. Росс. — Херасков М. М. Россияда. Поэма эпическая. М., 1786.

Хрс. Тв. — [Херасков М. М.] Творения М. Хераскова, вновь исправленныя и дополненныя, ч. I—XII, М., 1796—1803.

Чарн. — Чарнысский П. Слово в высочайшем присутствии. . . Елисаветы Петровны и. . . Петра Федоровича о делах мздовоздаятельных от бога. СПб., 1744.

Члкв Пересм. — Чулков М. Д. Повесть о Силославе «Пересмешник», 1789.

Члкв Повариха — Чулков М. Д. Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины, ч. I. СПб., 1770.

Члкв ПП — Чулков М. Д. Плачевное падение стихотворцев. Сатирическая поэма. СПб., 1775.

Шл. сын. — Гистория о шляхетском сыне. — ГОДРЛ, XIII.

Шфрв — [Шафиров] Рассуждение, какие законные причины е. ц. в. Петр Первый к начатию войны против короля Карола XII шведского 1700 году имел. СПб., 1717.

Эйлер ПП — [Эйлер Л.] Письма о разных физических и филозофических материях, писанные к некоторой немецкой принцессе. . ., ч. I—III, СПб., 1768—1774.

ЭМ — Экономический магазин. . . в пользу российских домостроителей и других любопытных людей образа журнала издаваемой, ч. I, М., 1780; ч. IX, 1782; ч. XVI, 1783.

Эмн Фемист. — Эмин Ф. А. Приключения Фемистокла и разные политические, гражданские, философические, физические и военные его с сыном своим разговоры; постоянная жизнь и жестокость фортуны его гонящей. СПб., 1763.

Юнг — [Юнг] Торжество веры над любовью. Поэма, сочиненная г. Юнгом с французского г. ле Турнером перевода, на российский язык перевел И. Л. М., 1780.

ЮЧЗ — Юности честное зерцало. СПб., 1719.

Словари

[Вейсман.] Вейсманов Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731.

Книга лексикон, или Собрание речей по Алфавиту с Российского на Голландский язык. Напечатался повелением царского величества в Санктпитербурхе лета господня 1717 году, апрель в 1 день.

Кондратович К. Словарь общего польского языка и библейский. 1775.

Копиевский И. Номенклятор, на русском и немецком языке. Амстердам, типография Яна Тесина, 1700, первая половина года.

Лексикон вокабулам новым по алфавиту. — Сборник ОРЯС АН, т. 88, СПб., 1910.

Лексикон сиречь словесник славенский имеющий в себе словеса перве славенския, Азбучные, посемже Польския. Благоприобретенный к выразумению словесы славенских, обретающихся в книгах церковных, изображен в Типографии Монастыря общежительнаго супрасльского Року Божия (1772), месяца генваря дня (18).

Материалы для словаря древнерусского языка. А. Дювернуа, М., 1894.

Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам И. И. Срезневского, т. I—III. СПб., 1893—1903.

Материалы для терминологического словаря древней Руси Г. Е. Кочина. М., 1937.

Поликарпов Ф. П. Лексикон Треязычный. М., 1704.

Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914, 1949.

Рукописный лексикон первой половины XVIII в. Изд. ЛГУ, 1964.

Словарь Академии Российской, т. I—VI. СПб., 1789—1794.

Словарь Академии Российской, т. I—VI. СПб., 1806—1822.

Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Академии наук, т. I—IV. СПб., 1847.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. I—II. М., 1964—1967.

Иванов В. В., Шанская Т. В., Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.

Этимологический словарь русского языка, вып. I—II. Изд. МГУ.

Vasmer M. Russische etimologisches Wörterbuch, Bd. I—II. Heidelberg, 1953—1958.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУС ОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Оглавление

Стр.

Введение 3

Глава I. Славянизм в системе русского литературного языка середины XVIII в. 17

Глава II. Славянизм в составе высокого слога литературы классицизма в середине XVIII в. 104

Глава III. Кризис высокого слога и разложение славянизма как стилистической категории в конце XVIII в. 182

Список славянизмов высокого слога середины XVIII в. 203

Список сокращений 209

Словари 222

ИРЯ
www.ruslang.ru

Вера Викторовна
З а м к о в а

СЛАВЯНИЗМ КАК СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVIII в.

Утверждено к печати
Научным советом по лексикологии и лексикографии при Отделении литературы и языка
АН СССР

Редактор издательства *Н. Г. Герасимова*
Художник *И. Н. Кошеровский*
Технический редактор *Р. А. Кондратьева*
Корректоры *Н. И. Журавлева, Л. Я. Комм* и *Т. Г. Эдельман*

Сдано в набор 27/XII 1974 г. Подписано к печати 23/VI 1975 г. Формат бумаги $60\times90^1/_{16}$. Бумага № 2. Печ. л. 14=14 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 15.87. Изд. № 5851. Тип. зак. № 1741. М-26755. Тираж 2700.
Цена 1 руб.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д.1

1-я тип. издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

1 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ